

ISSN 2307-2539

№3 (27) • 2019

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
Л.С. Марсадоллов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.,
с 2016 г. выходит 4 раза в год .

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет.

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя.

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2019.

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ
№ФС 77-65056. Дата регистрации
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№3 (27) • 2019

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2019

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshapkin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);
M.D. Frchetti, Ph.D., Professor (USA);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publish-
ing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University.

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of “The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research”
© Altai State University, 2005–2019.

Registered by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Commu-
nication, Information Technologies and
Mass Communications.
Registration certificate PI №FS 77-
65056. Registration date 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Аношко О.М., Клименко А.И.</i> Тобольский посадский острог XVII в.	7
<i>Байбердина (Тальягина) М.А.</i> Изображения тесинского времени в Минусинской котловине в контексте археологического материала	20
<i>Бычков Д.А., Ненахов Д.А., Давыдов Р.В.</i> Бронзовый боевой чекан скифского времени – случайная находка из Усть-Коксинского района Республики Алтай	35
<i>Головченко Н.Н.</i> Реконструкция прически по материалам кургана №1 могильника Карбан-2	44
<i>Загваздин Е.П.</i> Новые материалы по археологии Тобольского кремля	52
<i>Ковтун И.В.</i> Луна в мифологии культур эпохи бронзы Северо-Западной Азии (III – нач. II тыс. до н.э.)	66

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И.</i> 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета	102
---	-----

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Ломан В.Г.</i> Керамика саргаринско-алексеевского могильника Каратугай	113
<i>Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Хаценович А.М.</i> Опыт применения кластерного анализа для изучения планиграфии верхнепалеолитических горизонтов стоянки Толбор-21 (Северная Монголия)	124
<i>Сеитов А.М.</i> Каменные «алтарики» Тургая	139
<i>Табарев А.В., Иванова Д.А.</i> Структура, символика и атрибутика ритуальных комплексов периода дзёмон на Японском архипелаге	155

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Елихина Ю.И.</i> Некоторые находки из монастыря Сарьдаг, хранящиеся в Государственном Эрмитаже	169
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Панарин С.А.</i> Виктор Сарияниди: поиск как жизнь (статья-воспоминание о великом археологе)	174
<i>Список сокращений</i>	194
<i>Сведения об авторах</i>	195

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Anoshko O.M., Klimenko S.I.</i> Tobolsk Fortifications in the 17 th Century	7
<i>Baiberdina (Talyagina) M.A.</i> Images of the Tes Time in the Minusinsk Hollow in the Context of Archaeological Material	20
<i>Bychkov D.A., Nenakhov D.A., Davydov R.V.</i> Bronze Sagaris of the Scythian Time Warriors – a Random Find from the Ust-Koksinsky District, Altai Republic	35
<i>Golovchenko N.N.</i> Reconstruction of Hair Stule According to the Materials of Mound No.1 of the Karban-2 Burial	44
<i>Zagvazdin E.P.</i> New Materials on Archaeology of the Tobolsk Kremlin	52
<i>Kovtun I.V.</i> The Moon in the Mythology of Cultures of the Epoche of Bronze in North-Western Asia (the 3 rd – beginning of the 2 nd)	66

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Chistyakov P.V., Kovalev V.S., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I.</i> 3D Modeling of Archaeological Artifacts by Structured Light Scanner	102
---	-----

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Loman V.G.</i> The Pottery from the Sargarinsko-Alekseevsky Burial Ground of Karatugay ...	113
<i>Marchenko D.V., Rybin E.P., Khatsenovich A.M.</i> The Experience of Cluster Analysis for Studying the Planigraphy of Upper Paleolithic Horizons of Tolbor-21 Site (Northern Mongolia)	124
<i>Seitov A.M.</i> Stone “Altars” of Turgay	139
<i>Tabarev A.V., Ivanova D.A.</i> Structure, Symbolism, and Attributions of the Ritual Complexes During the Jōmon Period on the Japanese Archipelago	155

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Elikhina Yuliya I.</i> Some Finds from the Monastery of Sardag Stored in the State Hermitage	169
--	-----

PERSONNEL

<i>Panarin Sergei A.</i> Viktor Sarianidi: Life as a Search (article-memoirs about the great archaeologist)	174
<i>Abbreviations</i>	194
<i>Authors</i>	195

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902(571.12)

О.М. Аношко¹, А.И. Клименко²

¹Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия;

²Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

ТОБОЛЬСКИЙ ПОСАДСКИЙ ОСТРОГ XVII В.*

В статье представлена характеристика посадских укреплений Тобольска XVII в. на основе сравнительного исследования исторических, картографических и археологических источников, анализа архитектурных приемов. По имеющимся данным установлено, что этапы и характер застройки первой российской столицы Сибири на ранних этапах ее истории зависели от локализации и особенностей строительства оборонительных линий. Сеть улиц и расположение кварталов исторически сложились под влиянием конфигурации деревянных острожных укреплений. Реконструировать размеры, устройство и внешний вид посадских оборонительных сооружений удалось по материалам археологических исследований, проведенных на мысу Чукман, который являлся частью верхнепосадской территории города, обжитой практически с момента его основания. Обнаруженные на площади раскопа остатки частоколов, представленных узкими канавками с древесным тленом от столбов, были частью посадского острога в разные периоды его функционирования в XVII в. Тыновая стена с помостом и башней соотнесена с восточной оборонительной линией, возведенной в 1688 г., когда в Тобольске началось строительство самых грандиозных в его истории укреплений.

Ключевые слова: Тобольск, посадский острог XVII в., археолого-исторические реконструкции, архитектурная модель.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-01

Введение

Сибирские летописи XVII в., поздние исторические источники, картографические материалы показывают историческую роль Тобольска как организующего центра колонизации Сибири. Динамика его застройки реконструируется по данным исторических документов, в которых содержатся сведения о строительстве оборонительных, посадских и кремлевских сооружений, времени их ремонта и гибели в результате пожаров. Картографическое наследие С.У. Ремезова XVII – начала XVIII в. и более поздние планы города дают информацию о локализации и взаиморасположении архитектурных объектов в тот или иной хронологический отрезок, при этом узлами градостроительной композиции Тобольска выступают кремль, гостинный двор, храмы, монастыри, которые являются стабильными во времени элементами застройки, независимо от поздних перестроек [Аношко, 2014, с. 138]. Широкомасштабные археологические исследования позволяют уточнить особенности планировочной структуры в разные периоды функционирования Тобольска, выявить истинные размеры и устройство построек. На основе данных археологии появляется возможность воссоздания архитектурных моделей несохранившихся старинных объектов.

Археолого-исторические реконструкции и архитектурная модель

На раннем этапе российской колонизации Сибири военно-оборонительная функция Тобольска была наиважнейшей. При определении хронологической локализации острожных укреплений предпринят анализ исторических сведений и планов города

* Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол №2 от 08.12.2017. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект №0371-2018-0033.

[Матвеев и др., 2008, с. 138–143; Матвеев, Аношко, Клименко, 2012]. К 1627 г., по сообщению воеводы Михаила Трубецкого, тобольские острожные стены, опоясывавшие посад в виде частокола с Пермской и Казачьей башнями на взвозах, почти полностью сгнили [Кочедамов, 1963, с. 10–12; 1977, с. 77]. При первом общетобольском пожаре в 1643 г. эти укрепления сгорели, поэтому в следующем году вокруг посада был возведен новый острог, перестроенный в 1661 г. [Кочедамов, 1963, с. 13–14]. Так, в описании Тобольска неизвестным иностранцем, приехавшим в город в 1666 г., отмечено, что «город на горе представляет собой крепость, укрепленную против набегов только стaketой из еловых деревьев, без травы и земляного вала; но на вершукке горы, прямо над рекою, ... он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы...» [Алексеев, 1941; Кочедамов, 1963, с. 14].

На первом из известных планов Тобольска, обнаруженном в сибирской летописи Ивана Черепанова и датированном, по мнению В.И. Кочедамова [1963, с. 16], началом 70-х гг. XVII в., деревянная оборонительная линия из вертикально вкопанных в землю и заостренных наверху бревен проходила как по иртышскому берегу, так и по берегу р. Курдюмки. В 1677 г. эта острожная стена сгорела при втором пожаре, который охватил практически весь Тобольск. Посадские укрепления сразу же были восстановлены, но просуществовали недолго, так как погибли при третьем общетобольском пожаре в 1680 г. [Сибирский летописный свод, 1987, с. 212]. Острог начала 80-х гг. XVII в. простоял всего несколько лет, так как в 1688 г. в Тобольске началось строительство новых, более мощных укреплений [Кочедамов, 1963, с. 21]. Они были отнесены в напольную сторону примерно на 300 м, что значительно увеличило площадь верхнего посада. На участке, наиболее удобном для штурма, – от крутого иртышского яра до высокого берега р. Курдюмки был возведен не частокол, а земляной вал со рвом и четырьмя башнями. Со стороны иртышской кручи высотой около 50 м ни посад, ни город не были защищены, а со стороны р. Курдюмки, срез которой был не таким глубоким, поставлен бревенчатый частокол, который не представлял собой идеально прямой линии, а изгибался вдоль неровного края террасы, то опускаясь, то поднимаясь вверх, пересекал несколько глубоких логов, которые в Тобольске с тех пор именуют взвозами: Большой, Малый, Казачий и Никольский. В конце концов этот тын соединялся с ограждениями Софийского двора. Описанные фортификационные сооружения отражены на двух известных планах города 1701 и 1714 гг., составленных С.У. Ремезовым, первый из которых вошел в состав его Чертежной книги Сибири [Т. 1, 2003, с. 8–9; Т. 2, 2003, с. 44–47], а второй – в Служебную Чертежную книгу [Т. 1, 2006, с. 36–37; Т. 2, 2006, с. 33–37].

Следовательно, местоположение оборонительных линий, возведенных в разные периоды XVII в., указывало, в каком направлении шло развитие города и как менялись его границы на протяжении этого времени [Градостроительство..., 1994]. На современном ландшафте города фиксируются контуры земляного вала 1688 г., значительные фрагменты которого сохранились до наших дней. Острожные стены, построенные на территории верхнего посада в 1621, 1644, 1661 гг., визуально не фиксируются и, видимо, скрыты современной застройкой, которая является следствием регулярных преобразований планировочной структуры исторической части Тобольска в конце XVIII – начале XIX в. [Матвеев, Аношко, Клименко, 2012, с. 77]. Для выявления границ прохождения оборонительных линий рассмотрен дорегулярный геодезический план города 1763 г., демонстрирующий особенности его застройки до кардинальных

планировочных изменений (рис. 1). На этом плане видно, что сеть улиц и расположение кварталов исторически сложились под влиянием локализации и конфигурации деревянных острожных укреплений, возведенных в разные периоды XVII в. На основе этого предположения нами определены по начертанию поперечных улиц между кромкой оврагов р. Курдюмки и крутым берегом Иртыша основные этапы роста города в сторону «поля» и соответственно границы сменявших друг друга линий обороны, при пересечении которых с главными улицами четко фиксируются места расположения проезжих башен острога. План 1763 г. был адаптирован к топографии города, ландшафтные особенности нагорной части которого являются достаточно стабильным элементом городской подосновы. В результате на современную топографическую съемку города нами нанесена наиболее вероятная схема развития укреплений Тобольска, уточнено местонахождение его острожных стен и башен XVII в., а также установлено, что некоторые фрагменты современной застройки, особенно на участках вблизи оврагов поймы р. Курдюмки, сохранили начертание улиц XVII в. (рис. 2).

Рис. 1. Фрагмент дорегулярного геодезического плана Тобольска 1763 г.

Местом рекогносцировочного археологического изучения остатков посадского острога XVII в. нами определен мыс Чукман, образованный глубокими логами – Никольским и Казачьим взвозами, с юго-восточной стороны которого протекает р. Курдюмка. Он являлся частью верхнепосадской территории и, судя по историческим данным, был обжит тоболяками практически с момента основания города. По данным исторических источников, по южному и восточному краю мыса проходила острожная стена, там же располагались посадские постройки, а в его северной части – Никольская церковь с кладбищем. В 1805 г. часть домов снесена с целью строительства каменного здания семинарии, которое так и не построили. Впоследствии территория мыса была полностью очищена от посадских строений, а в 1837 г. здесь установили мраморный памятник Ермаку [Кочедамов, 1963, с. 106, 131]. С того момента и по сей день мыс Чукман является местом отдыха жителей Тобольска.

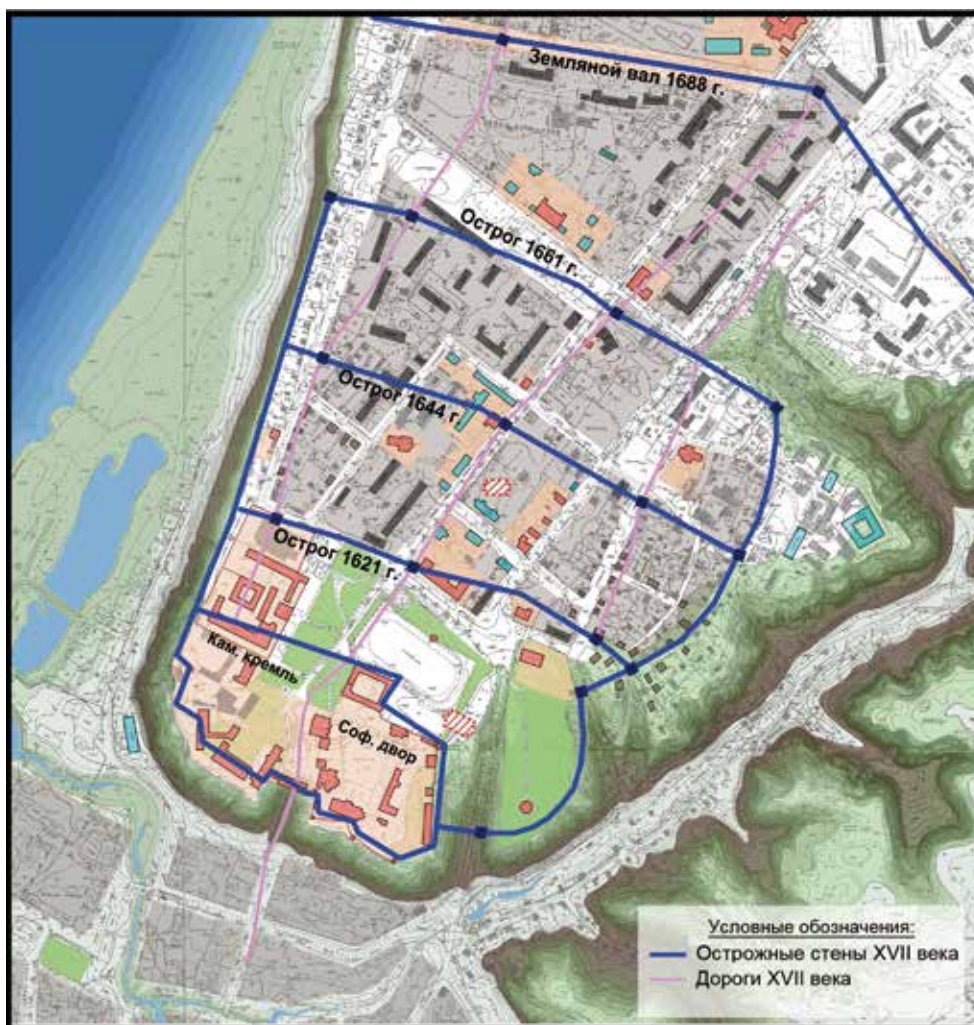

Рис. 2. Схема оборонительных укреплений Тобольска XVII в. на историко-архитектурном опорном плане нагорной части (Топографическая съемка 2006 г. М 1:2000)

В юго-восточной части мыса, у самой его бровки и прямо над р. Курдюмкой был исследован участок площадью 352 кв. м. В раскопе обнаружены остатки частоколов, являвшихся частью острога в разные периоды его существования. Общая мощность отложений, вскрытых на изученном участке, варьировала от 1,1 до 2,3 м. Из раскопа происходили многочисленные обломки глиняной, фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды, а также изразцов; разнообразный хозяйственный инвентарь и предметы личного обихода; несколько медных монет XVII–XVIII вв. и серебряных «чешуек» [Матвеев, Аношко, 2011, с. 50].

Остатки укреплений отчетливо фиксировались на уровне погребенной темно-серой почвы. Именно на фоне этого слоя проступили очертания нескольких канав, ориентированных вдоль края мыса и идущих в общем направлении с юга на север. Большинство канав углублялось не только в погребенную почву, но и в материк, хотя зафиксированы и такие, которые на уровне материка уже не прослеживались (канавы 1). В общей сложности удалось насчитать восемь таких углублений разной сохранности (рис. 3, 4). Лучше всего прослеживалась самая большая канава 7, которая проходила фактически по самой бровке мыса. Остальные, находившиеся в нескольких метрах от уступа, оказались значительно более узкими. Некоторые из них сохранились лишь в виде пунктирных линий, а всю раскопанную площадку длиной более 30 м пересекали только канавы 2 и 3, которые шли примерно параллельно одна другой на расстоянии 5–9 м от края мыса. При этом на отдельных участках и та и другая разделялась на отдельные «рукава», которые могли расходиться, сходиться и, похоже, даже пересекаться. Из этих планиграфических наблюдений следует, что все канавы отнюдь не одновременны.

Выборка заполнения узких канав показала, что их ширина составляла около 0,4 м, а глубина – около 0,3 м от уровня материка и соответственно примерно 0,5–0,6 м от уровня погребенной почвы. В каждой из них обнаружены остатки вертикально стоявших столбов, которые почти истлели, но неплохо фиксировались, причем обычно не поодиночке, а в виде цепочек разной длины. В некоторых случаях отмечены сдвоенные ряды сгнивших бревен. На отдельных участках раскопа остатки вертикальных столбов выявлены и за пределами канав. Диаметр сохранившихся столбиков древесного тлена варьировал от 5 до 10 см, а друг от друга в рядах они находились на расстоянии 5–20 см. На этом основании можно предполагать, что диаметр основной части бревен изначально не превышал 20–25 см. По историческим данным, начиная с XVII в. существовал особый стандарт острожных бревен: в длину 2,5 сажени – около 5 м, диаметром 5 вершков – 22,5 см [Бородовский, Бородовская, 2003].

В общем, даже самые узкие канавки, обнаруженные при раскопках, несомненно, служили для установки в них частокола, который некогда проходил по краю Чукманского мыса. Поскольку таких канавок здесь было выявлено несколько, а некоторые из них разделялись на отдельные «рукава» и вдобавок имели на дне как одинарные или двойные ряды полусгнивших столбов, так и неглубокие ямки, нетрудно догадаться, что острожная стена пережила несколько серьезных перестроек и более мелких ремонтов. При перестройках пусть не очень существенно, но все же менялось само местоположение стены; при ремонтах производилась замена отдельных бревен или участков тына. Бревна, скорее всего, соединялись при помощи паза, вырезанного у каждой тыновины с внутренней стороны, что позволяло вплотную состыковывать

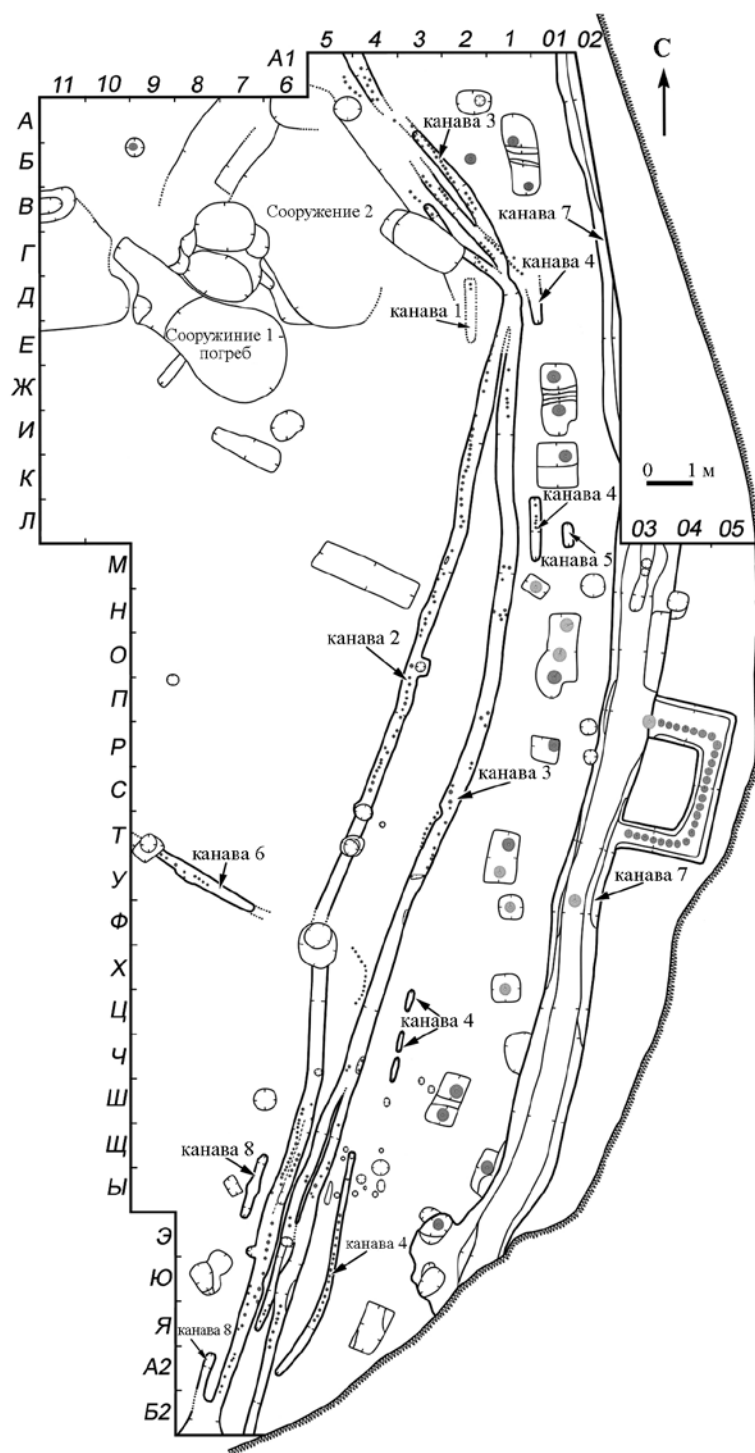

Рис. 3. План раскопа на мысу Чукман

Рис. 4. Раскоп (2009 г.) на мысу Чукман, выведенный на уровень материка столбы частокола, делая его прочным. Кроме того, в ходе исследований на мысу Чукман в большом количестве обнаружены железные кованые гвозди и скобы, которые также могли скреплять элементы тынового укрепления.

По самому краю мыса, на расстоянии 1–3 м от него, проходила еще одна канава, которая отличалась от описанных выше объектов не только размерами и глубиной котлована, но и структурой и цветом его заполнения. Несмотря на то, что в ходе исследования этого углубления лишь местами фиксировались фрагменты бревен и их отпечатки на его дне в виде ямок диаметром 0,2–0,3 м, оно, несомненно, является остатками тына, сооруженного для защиты города и впоследствии разобранного либо сторевшего, так как в верхней части заполнения котлована было насыщено вкраплениями угля. На стратиграфических разрезах канавы видно, что скважины, образованные некогда стоявшими столбами, были заполнены темно-коричневой мешаной супесью, а зазоры между ними и стенками котлована – грязно-желтым суглинком. После того как этот частокол перестал функционировать, в его канаву был скинут мусор, перемешанный с грунтом: кухонные отбросы – кости животных, битая гончарная посуда, фрагменты кожаной обуви и обломки железных изделий. Раскопки показали, что для котлована характерны ступенчатые стенки, его ширина варьировала от 1 до 1,7 м, глубина от уровня материка – от 0,7 до 1 м, а с учетом мощности погребенной почвы – до 1,5 м. Важно отметить одно стратиграфическое наблюдение, касающееся хронологического соотношения канавы 7 и узких тыновых канавок, о которых говорилось выше. Последние были перекрыты горизонтом серо-коричневой супеси без углистых включений, а канава 7 перерезала его и поэтому должна рассматриваться как более поздняя.

Позднейшая фортификационная линия на Чукманском мысу состояла не только из частокола. С внутренней стороны канавы 7 на расстоянии 0,8–1,2 м от нее зафиксирована четко выраженная цепочка подпрямоугольных и подквадратных ям глубиной

преимущественно 0,55–0,65 м от материковой поверхности и 0,7–0,85 м от уровня материка с остатками вертикально установленных столбов диаметром 0,25–0,3 м (рис. 3, 4). В некоторые из этих углублений было установлено по одному бревну, в другие – по два, а в некоторые даже по три. Надо полагать, что они являлись опорами пристроенного к тыну помоста, с которого в случае необходимости было удобно и наблюдать за неприятелем, и обстреливать его. Обнаружение в цепочке углублений сдвоенных столбовых ям с материковыми перемычками посередине позволяет предполагать, что стоявшие в них пары бревен могли поддерживать срубные стенки, которые, возможно, имелись под «боевым ходом» и одним концом примыкали к тыну. Заключение о наличии помоста у тобольской острожной стены дает возможность предполагать, что в ней могли быть проделаны бойницы, существенно расширявшие возможности для обстрела противника из пушек и пищалей. Косвенно на это указывают и материалы раскопок, среди которых присутствует около десятка свинцовых пуль, а также железное ядро диаметром 3,5 см. Из Осадного списка Тобольска XVII в. следует, что горожане знали о своих обязанностях на случай возникновения опасности и что некоторые из них несли службу у артиллерийских орудий [Словцов, 1995, с. 136].

Еще одной особенностью исследованной линии укреплений являлось наличие у канавы 7 прямоугольного наружного выступа размерами 3,4×2,3 м (рис. 3). Он представлял собой П-образную канавку шириной 0,6–0,95 м, глубиной от уровня материка 0,5–0,75 м, в которую вплотную друг к другу были установлены отрезки бревен диаметром от 0,15 до 0,25 м и высотой около 0,8 м. Пространство между столбиками и стенками канавки было заполнено грязно-желтым (материковым по происхождению) суглинком. Данный объект интерпретирован как остатки фундамента совсем небольшой башенки, пристроенной к наружной части острожной стены уже после ее возведения. Этот столбчатый фундамент, судя по всему, поддерживал срубную конструкцию башни, а потребность в нем была связана с необходимостью усилить и выровнять основание данного сооружения, возводившегося фактически на самом краю мыса. Остатки такого же фундамента башни обнаружены А.П. Бородовским при исследовании Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009, с. 45, 49–50; рис. 25; 26]. Наземная деревянная конструкция этой башенки не сохранилась, как и на других русских памятниках Сибири, кроме Казымского острога XVIII в. [Молодин, Добжанский, 1978; Бородовский, Горохов, 2008].

Для идентификации исследованных в пределах раскопа остатков башни с одной из тех, что упоминаются в летописных и иных источниках, мы обратились к плану Тобольска 70-х гг. XVII в., включенному в летопись Ивана Черепанова [Кочедамов, 1963, с. 16], а также к чертежам, составленным С.У. Ремезовым в 1687 и 1701 гг. и вошедшим в его «Хорографическую чертежную книгу» [The Atlas of Siberia..., 1958, л. 161] и «Чертежную книгу Сибири» [2003а, с. 8; 2003б, с. 44–47]. Однако на этих планах обозначены лишь проезжие башни с въездными воротами на взвозах и в северной оборонительной линии, а также угловые башни, располагавшиеся на углу острожных укреплений, а интересующий нас объект не показан, хотя проведенные археологические исследования свидетельствуют о его наличии. Из всего этого можно сделать, по крайней мере, два вывода. Во-первых, о том, что ремезовские и иные чертежи не в полной мере отражают некогда существовавшую реальность, особенности застройки и планировочной структуры города представлены на них в упрощенной и схематизированной форме. Во-вторых, о том,

что обнаруженный нами объект не относился к числу наиболее значимых среди оборонительных построек города. Небольшие размеры данного сооружения следует объяснять как его размещением в непосредственной близости от края мыса, в центральной части восточного склона, так и его назначением. Башня выступала от линии обороны на 2 м, что было удобно для наблюдения и продольного обстрела острожных стен и подступов к ним. Высказанные соображения позволяют атрибутировать ее как караульную постройку [Матвеев, Аношко, Селиверстова, 2011, с. 245].

Заключение

Проведенные на мысу Чукман исследования в очередной раз продемонстрировали, что археологические материалы не только подтверждают и уточняют, но и существенно дополняют информацию письменных и картографических источников. Обнаруженные на площади раскопа остатки частоколов, представленных узкими канавками с древесным тленом от столбов, являлись частью посадского острога в разные периоды его функционирования в XVII в. Характер, местоположение и конструкция тыновой стены с помостом и башней допускают соотнесение с ней восточной оборонительной линии, возведенной в 1688 г., когда в Тобольске началось строительство самых грандиозных в его истории укреплений. Она могла просуществовать примерно до 1714 г., хотя не исключено, что и дольше, скажем до 1757 г., когда Тобольск еще раз основательно выгорел. Приведенные соображения легли в основу трехмерной компьютерной модели поздних укреплений Чукманского мыса (рис. 5). Подобная тыновая конструкция фортификационных сооружений по археологическим материалам была характерна для Албазинского [Артемьев, 1999], Братского [Никитин, 1961], Верхотурского [Корчагин, 2001], Умревинского [Бородовский, Горохов, 2008] острогов и Тарской крепости [Татауров, 2018]

Рис. 5. Трехмерная компьютерная модель поздних укреплений Чукманского мыса

сибирского региона. Ярким примером реконструкции срубных укреплений в ходе археологических исследований являются раскопки Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1980], Томска [Черная, 2002], Саянского [Скобелев, 2013] и Чаусского [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 45, 46] острогов.

Таким образом, сравнение тобольских оборонительных линий с материалами других опорных пунктов Сибири в данный исторический период свидетельствует об использовании разных строительных приемов при сооружении русских крепостей. Острог мог иметь срубные укрепления, а город (в том числе Тобольск – столица сибирского края) был обнесен тыном. Выбор тыновой или тарасной конструкции стен, видимо, зависел от разных обстоятельств: топографических особенностей места локализации, трудозатрат, количества рабочих рук, времени сооружения укреплений и т.п. В целом для определения особенностей их конструкции очень ценным является обнаружение упоминаемых в письменных источниках фортификаций на изображениях и картах XVII–XVIII вв. [Крадин, 1988]. К сожалению, в основном они документированы недостаточно детально. Данные археологических исследований восполняют имеющиеся пробелы и позволяют на основе перекрестной критики разного вида источников определить точную локализацию исторических объектов и воссоздать объемно-планировочные модели археологизированных построек [Черная, 2013, с. 81–83; Черная, 2016, с. 114–122]. Комплексный анализ археологических, письменных и картографических материалов с применением архитектурных моделей позволяет воссоздать планировку не только отдельных объектов, но и в целом русских крепостей Сибири, а также по-новому взглянуть на многие исторические реконструкции, созданные историками для периода российской колонизации этого региона.

Библиографический список

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVIII вв. Иркутск : Иркутское областное издательство, 1941. 609 с.

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам Первого и Второго Гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. I. С. 138–143.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1999. 335 с.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 164 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области : учебное пособие. Новосибирск : Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003. 42 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №4. С. 70–82.

Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. М. : Стройиздат, 1994. 316 с.

Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. 177 с.

Кочедамов В. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень : Тюменское книжное издательство, 1963. 156 с.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1977. 190 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 190 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень : Тюменский издательский дом, 2011. С. 49–55.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // *Ab origine* : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 76–91.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Верхний посад Тобольска и материальная культура его жителей в XVII–XVIII вв. по археологическим данным // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 244–245.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского государственного университета в Тобольске // *Ab origine*: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2008. Вып. 1. С. 114–149.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск : Наука, 1996. Вып. 2. 191 с.

Молодин В.И., Добжанский В.Н. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 191–202.

Никитин А.В. Братский острог // Советская археология. 1961. №2. С. 213–226.

Сибирский летописный свод. Гольвинская редакция, 1987.

Скобелев С.Г. Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 13 : Археология и этнография. С. 224–235.

Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 512 с.

Служебная чертежная книга. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006.

Служебная чертежная книга. Т. 2. Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006.

Татауров С.Ф. Город Тара как исторический и археологический феномен среди русских городов Сибири // Вагановские чтения. Материалы IX региональной научно-практической конференции, посвященной 425-летию города Тары. Омск : Амфора, 2018. С. 142–148.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. М., 2003. Т. 1, 2.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. 187 с.

Чёрная М.П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. Серия : История. 2013. №3 (23). С. 81–90.

Чёрная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. №1. С. 114–122.

References

Alekseev M.P. *Sibir' v izvestijah zapadno-evropejskih puteshestvennikov i pisatelej XIII–XVIII vv. [Siberia in the News of Western European Travelers and Writers of the 13th – 18th Centuries]*. Irkutsk, 1941. 609 p.

Anoshko O.M. *Posadskie postrojki Tobol'ska XVII–XIX vv.: opisanie, datirovka, naznachenie (po materialam Pervogo i Vtorogo Gostinyh raskopov) [Posadsky Buildings of Tobolsk in the 17th – 19th Centuries: Description, Dating, Purpose (based on Materials of the First and Second Excavations)]*. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah [Russian Culture in Archaeological Research]*. Omsk, Tjumen'; Ekaterinburg : Magellan, 2014. Т. I. Pp. 138–143.

Artem'ev A.R. *Goroda i ostrogi Zabajkal'ja i Priamur'ja vo vtoroj polovine XVII – XVIII vv. [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th – 18th centuries]*. Vladivostok: In-t istorii, arheologii i jetnografii narodov Dal'nego Vostoka, 1999. 335 p.

Belov M.I., Ovsjannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeja. Mangazejskij morskij hod. Ch. 1 [Mangazeja. Mangazeja Sea Passage. Part 1]. L., 1980. 164 p.

Borodovskij A.P., Borodovskaja E.L. Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoj oblasti : uchebnoe posobie [The 18th Century Russian Forts on the Territory of the Novosibirsk Region: Study Guide]. Novosibirsk : Nauchno-proizvodstvennyj centr po sohraneniu istoriko-kul'turnogo nasledija, 2003. 42 p.

Borodovskij A.P., Gorohov S.V. Oboronitel'nye sooruzhenija Umrevinskogo ostroga (arheologicheskie issledovanija 2002–2004 gg.) [Defensive Installations of Umrevinsky Jail (archaeological research 2002–2004)]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2008. №4. Pp. 70–82.

Gradostroitel'stvo Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Town Planning of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries]. M.: Strojizdat, 1994. 316 p.

Korchagin P.A. Istorija Verhotur'ja (1598–1926). Zakonomernosti social'no-jekonomicheskogo razvitiya i skladyvanija arhitekturno-istoricheskoj sredy goroda [The History of Verhoturye (1598–1926). Patterns of Socio-Economic Development and Forming of the Architectural and Historical Environment of the City]. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii, 2001. 177 p.

Kochedamov V. Tobol'sk (kak ros i stroilsja gorod) [Tobolsk (as the city grew and was built)]. Tjumen' : Tjumenskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 156 p.

Kochedamov V.I. Pervye russkie goroda Sibiri [The First Russian Cities of Siberia]. M. : Strojizdat, 1977. 190 p.

Kradin N.P. Russkoe derevjannoe oboronnoe zodchestvo [Russian Wooden Defense Architecture]. M. : Iskusstvo, 1988. 190 p.

Matveev A.V., Anoshko O.M. Arheologicheskie otkrytija v Tobol'ske [Archaeological Discoveries in Tobolsk]. Nasledie Tjumenskoj oblasti [Heritage of the Tyumen Region]. Tjumen' : Tjumenskij izdatel'skij dom, 2011. Pp. 49–55.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Klimenko A.I. Ostatki starinnyh tobol'skih ukreplenij na mysu Chukman [The Remains of the Ancient Tobolsk Fortifications on Cape Chukman]. Ab origine : arheologo-etnograficheskij sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Ab origine: an Archaeological and Ethnographic Collection of Tyumen State University]. Tjumen', 2012. Issue 4. Pp. 76–91.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Seliverstova T.V. Verhnij posad Tobol'ska i material'naja kul'tura ego zhitelej v XVII–XVIII vv. po arheologicheskim dannym [Upper Posad of Tobolsk and the Material Culture of its Inhabitants in the 17th – 18th Centuries according to Archaeological Data]. Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. SPb. : M. ; Velikij Novgorod, 2011. Vol. 2 Pp. 244–245.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Somova M.A., Seliverstova T.V., Bormotina Ju.V. Predvaritel'nye rezul'taty pervogo goda raskopok arheologicheskoj jekspedicii Tjumenskogo universiteta v Tobol'ske [Preliminary Results of the First Year of the Excavations of the Archaeological Expedition of the Tyumen University in Tobolsk]. Ab origine : arheologo-etnograficheskij sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Ab origine: an Archaeological and Ethnographic Collection of Tyumen State University]. Tjumen', 2008. Issue 1. Pp. 114–149.

Molodin V.I., Borodovskij A.P., Troickaja T.N. Arheologicheskie pamjatniki Kolyvanskogo rajona Novosibirskoj oblasti. Materialy «Svoda pamjatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii». Vyp. 2 [Archaeological Sites in the Kolyvansky District of the Novosibirsk region. Materials of the “Set of Monuments of History and Culture of the Peoples of Russia”. Issue 2]. Novosibirsk : Nauka, 1996. 191 p.

Molodin V.I., Dobzhanskij V.N. Arheologicheskoe issledovanie Kazymskogo ostroga [Archaeological Study of the Kazym Fortress]. Drevnie kul'tury Altaja i Zapadnoj Sibiri [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 191–202.

Nikitin A.V. Bratskij ostrog [Bratsk Jail]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1961. №2. Pp. 213–226.

Sibirskij letopisnyj svod. Gol'vinskaja redakcija, 1987 [Siberian Chronicle Code. Golvinsky Edition, 1987].

Skobelev S.G. Bashni Sajanskogo ostroga (po dannym arheologii) [The Towers of the Sayan Plain (according to archaeology)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija,

filologija. 2013. Tom 12, vypusk 13: Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2013. Issue 12, no. 13: Archaeology and Ethnography]. Pp. 224–235.

Slovcev P.A. Istorija Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II [History of Siberia. From Yermak to Catherine II]. M.: Veche, 2006. 512 p.

Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. T. 1. Faksimil'noe izdanie rukopisi Rossijskoj nacional'noj biblioteki (Sankt-Peterburg) [Office Drawing Book. Vol. 1. Facsimile Edition of the Manuscript of the Russian National Library (St. Petersburg)]. Tobol'sk, 2006.

Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. T. 2. Tekst rukopisi Rossijskoj nacional'noj biblioteki (Sankt-Peterburg) [Office Drawing Book. Volume 2. The Text of the Manuscript of the Russian National Library (St. Petersburg)]. Tobol'sk, 2006.

Tataurov S.F. Gorod Tara kak istoricheskij i arheologicheskij fenomen sredi russkikh gorodov Sibiri [The City of Tara as a Historical and Archaeological Phenomenon among the Russian Cities of Siberia]. Vaganovskie chtenija. Materialy IX regional'noj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 425-letiju goroda Tary [Vaganovskie Readings. Materials of the IX Regional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 425th Anniversary of the City of Tara]. Omsk : Amfora, 2018. Pp. 142–148.

Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennaja tobol'skim synom bojarskim Semenom Remezovym v 1701 g. T. 1, 2 [The Drawing Book of Siberia, Compiled by the Boyar's Son Semen Remezov from Tobolsk in 1701]. M., 2003. Vol. 1, 2.

Chjornaja M.P. Tomskij kremľ serediny XVII – XVIII v.: Problemy rekonstrukcii i istoricheskoi interpretacii [Tomsk Kremlin in the Middle of the 17th – 18th Centuries: Problems of Reconstruction and Historical Interpretation. Tomsk : Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 187 p.

Chjornaja M.P. Metodiko-istochnikovedcheskie podhody k resheniju problemy lokalizacii istoricheskikh ob'ektov [Methodological Source-Study Approaches to Solving the Problem of Localization of Historical Objects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Istorija [Tomsk State University Bulletin. Series : History]. 2013. №3 (23). Pp. 81–90.

Chjornaja M.P. O chem «rasskazyvaet» istorija i chto «pokazyvaet» arheologija: istochniki i metody izuchenija russkoj kul'tury Sibiri [What History “Tells” and What Archaeology “Shows”: Sources and Methods of Studying Russian Culture of Siberia]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2016. Vol. 44. №1. Pp. 114–122.

O.M. Anoshko¹, S.I. Klimenko²

¹*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russia;*

²*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Industrial University of Tyumen”, Tyumen, Russia*

TOBOLSK FORTIFICATIONS IN THE 17TH CENTURY

The article presents a characteristic of the Posad fortifications of Tobolsk of the 17th century on the basis of a comparative study of historical, cartographic and archaeological sources and analysis of architectural techniques. According to available data, it was established that the stages and the nature of the building of the first Russian capital of Siberia at the early stages of its history depended on the localization and features of the construction of defensive lines. The network of streets and the location of the quarters have historically been influenced by the configuration of wooden guarded fortifications. It was possible to reconstruct the size, structure and image of the town's fortifications on the basis of archaeological research carried out at Cape Chukman, which was part of the Verhneposadsky region of the city, inhabited almost since its foundation. Discovered on the excavation area, the remains of the wooden fence, represented by narrow grooves with wood rot from the pillars, were part of the city during different periods of its operation in the 17th century. The new wall with the platform and the tower is correlated with the eastern defensive line, erected in 1688, when the construction of the most grandiose fortifications in Tobolsk began.

Key words: Tobolsk, fortification of the 17th century, archaeological and historical reconstructions, architectural model.

УДК 903.27(571.1/.5)

М.А. Байбердина (Талягина)

*Техникум информационных технологий, экономики и права
Кемеровского института (филиала) Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова, Кемерово, Россия*

ИЗОБРАЖЕНИЯ ТЕСИНСКОГО ВРЕМЕНИ В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Статья посвящена анализу наскальных изображений тесинского времени Минусинской котловины в контексте археологических материалов. В ходе работы проанализированы наиболее яркие сюжеты и отдельные персонажи, получившие широкое распространение на памятниках наскального искусства этого времени, а также в большинстве случаев имеющих перекличку с вещественными материалами тесинского периода, полученными в ходе раскопок. Эти предметы составляют цельный и своеобразный предметный комплекс, имеющий отличительные черты от собственно тагарского. В его формировании большое значение имело влияние хуннских и сяньбийских культурных традиций. Проведение аналогий между предметами, найденными в закрытых археологических комплексах, и рисунками на скалах и курганных камнях позволяет устанавливать время создания последних. К ним относятся изображения котлов; своеобразных животных с нарушенными пропорциями тел и вполне реалистичных баранов с подогнутыми под живот ногами; сложных луков; противостоящих животных (олений, единорогов, медведей); геометрических фигур и др. В результате анализа были выделены четыре стилистических группы изображений тесинского периода, создание которых, скорее всего, связано с разными группами населения, обитавшего в то время на Среднем Енисее. Изобразительный материал позволяет проследить трансформацию тагарского стиля, выявить группы рисунков, созданных под влиянием пришлого населения, а в совокупности с памятниками материальной культуры дает возможность проследить происходящие перемены не только в быту, но и в мировоззрении населения, проживавшего на стыке двух ключевых эпох.

Ключевые слова: Минусинская котловина, археологический материал, тесинское время, петроглифы, хунну, сяньби.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-02

Введение

Одной из сложнейших задач при работе с петроглифами является определение времени их создания. В вопросах хронологической атрибуции петроглифов используются такие традиционные методы, как стилистический анализ сюжетов, анализ палимпсестов, проведение аналогий между рисунками и предметными сериями, обнаруженными в закрытых комплексах, изучение техники нанесения рисунков и др. Предметы, найденные в закрытых археологических комплексах, имеют надежные датировки, по аналогии с которыми можно установить время нанесения стилистически близких рисунков на скалах и курганных камнях. О возможностях таких сопоставлений уже достаточно аргументированно высказывались Е.А. Миклашевич [2004; 2010] и другие исследователи.

Тесинский период – один из наиболее загадочных в истории Южной Сибири. К настоящему времени в науке уже накоплена определенная база знаний об этой сложной эпохе, которая продолжает пополняться [Пшеницына, 1975, с. 2–7; 1992, с. 224–235; Вадецкая, 1986, с. 77–79; Савинов, 1995, с. 22–32; 2009; Кузьмин, 1995; 2008; 2011]. Этап получил свое название по кургану, раскопанному в 1889 г. финской археологической экспедицией под руководством И.-Р. Аспелина. Он характеризуется как тагаро-таштыкский переходный этап в работах Л.Р. Кызласова [1960] и М.Н. Пше-

нищной [1975, 1992]. Часть исследователей определяют его как «последний этап тагарской культуры» [Теплоухов, 1929; Киселев, 1949; Грязнов, 1968]. Другие соотносят его с таштыкской культурой [Членова, 1964], а Н.Ю. Кузьминым [2008] даже была выделена самостоятельная тесинская культура.

Многие исследователи связывают происхождение тесинской культуры с влиянием хунну, которое распространилось на территорию Южной Сибири, когда она входила в состав государства Хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Савинов, 1995, с. 28]. Н.Ю. Кузьмин отмечает, что в 203–201 гг. до н.э. хунну совершили нашествие на север и северо-запад Монголии и примыкающие к ней регионы Южной Сибири и Восточного Притяньшанья. Они разгромили «тагарцев» на Енисее и «пазырыкцев» на Алтае и распространили свою власть на Алтай-Саянское нагорье. Под их влиянием оказались степи Южной Сибири и Средняя Азия. Таким образом, эти события изменили течение и характер этнокультурного развития кочевников и полукочевников, занимавших данную территорию в скифо-сакское время [Кузьмин, 2008, с. 187]. А Д.Г. Савинов [2009, с. 102] полагает, что эта территория была одной из провинций государства Хунну, и называет ее «минусинской провинцией».

Сегодня наука уже располагает относительно многочисленными и разнообразными источниками по тесинскому времени – это материалы раскопок [Вадецкая, 1986, с. 176–179; Пшеницына, 1972, с. 246–247; 1979, с. 70–89, и др.], клады [Бородовский, Ларичев, 2011; Нащёкин, 1967, и др.], наскальные изображения. Среди них особенно многочисленны петроглифы, долгое время атрибутировавшиеся с большим трудом: первоначально исследователи, как правило, интуитивно определяли, что есть рисунки «уже не тагарские, но еще и не таштыкские», и только по мере накопления источниковой базы становилось все более очевидным, что это совершенно особый пласт изображений, имеющих свои характерные черты и отражающих сложные исторические процессы, происходившие в Минусинской котловине на рубеже эр. После находок Д.Г. Савиновым [1995] серии плит с рисунками в закрытых комплексах стало возможным обоснованно атрибутировать целую серию изображений тесинского времени, что дало основание для датировки подобных рисунков на скалах [Русакова, 1997, с. 102; Советова, 2005, с. 15] и камнях тагарских курганов [Савинов, 1995, с. 28]. Неоценимую роль в обосновании времени создания петроглифов оказывает также анализ предметных серий, имеющих «переключку» с наскальными изображениями, что тоже способствует атрибуции последних.

Материалы тесинского периода составляют цельный и своеобразный предметный комплекс, который имеет отличительные черты от собственно тагарского. В комплексе предметов сопроводительного инвентаря вещи в основном железные, не характерные для тагарской культуры (пряжки, наконечники стрел). Бронзовые предметы представляют собой уже не тагарские формы и имеют непосредственные аналогии в хуннских погребениях Монголии и Забайкалья [Савинов, 2004, с. 125]. Сопроводительный инвентарь включает в себя керамику, роговые, костяные и металлические изделия, такие как застёжки, кольца, пряжки, пуговицы, нашивные бляшки и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Среди археологических материалов выделяются целые серии разнообразных находок, которые возможно сопоставить с наскальными изображениями.

Сопоставление петроглифов, изобразительных материалов из закрытых комплексов и археологических материалов тесинского времени

Изображения тесинского времени	Археологический и изобразительный материал из закрытых комплексов

Изображения тесинского времени:

1 – Большая Боярская писаница (по: [Дэвлет, 19766]); 2 – Сундуки (по: [Ларичев, 2005]); 3, 4 – Хызыл-Хая (по: [Боковенко, 1987]); 5 – Большая Боярская писаница (по: [Дэвлет, 19766]); 6 – Куныя (по: [Советова, 2005]); 7 – Сундуки (по: [Ларичев, 2005]); 8 – Суханиха (прорисовка Е.А. Миклашевич); 9 – Большая Боярская писаница (по: [Дэвлет, 19766]); 10 – Куныя (по: [Советова, 2005]); 11 – Бычиха (по: [Советова, 2005]); 12, 13 – Суханиха (по: [Советова, 2005]); 14 – Абакано-Перевоз (по: [Русакова, 2016]); 15 – Нижняя Копёнская писаница (по: [Миклашевич, 2018]); 16 – Тепсей-II; 17 – Тепсей, поле; 18 – Абакано-Перевоз (по: [Русакова, 1997]); 19 – мог. Сафроново (по: [Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо и др., 2007]); 20 – Куныя (по: [Советова, 2005]); 21 – Тепсей-V; 22–25 – Куныя (по: [Советова, 2005]); 26 – Льнищенская писаница (по: [Миклашевич, 2012]); 27 – Тепсей-II; 28 – Потрошиловская писаница (по: [Советова, 2005]); 29 – Тепсей-XVI, поле; 30 – Оглахты (по: [Есин, 2017]); 31 – Улазы (по: [Мухарева, 2012]); 32 – Шишка (по: [Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо и др., 2007]); 33–35 – Куныя (по: [Советова, 2005])

Археологический материал и изобразительный материал из закрытых комплексов:

36–38 – Большой Тесинский курган (по: [Дэвлет, 19766]); 39 – Шабаново-6 (по: [Бобров, Боброва, Савельева, 2017]); 40 – оз. Шумилка (по: [Бобров, Боброва, Савельева, 2017]); 41 – случайная находка (по: [Дэвлет, 1966]); 42 – Ордос, бронза (по: [Никоноров, Худяков, 2004]); 43 – наконечники стрел тесинского этапа (по: [Степная полоса..., 1992]); 44, 45 – Ордос, бронза (по: [Дэвлет, 19766]); 46 – Кызылган, бронза (по: [Степная полоса..., 1992]); 47 – северо-западный Китай и юго-запад Внутренней Монголии (по: [Bunker, 2002]); 48 – Северный Китай (по: [Bunker, 2002]); 49, 50 – Китай (по: [Ordos bronze]); 51 – Кобяковский курган (по: [Гугуев, 1992]); 52 – Соколова могила (по: [Ковпаненко, 1986]); 53 – Тилля-тепе (по: [Сарианиди, 1989]); 54 – Сибирская коллекция Петра I (фрагмент) (по: [Грязнов, 1961]); 55–57 – Есино-III (по: [Савинов, 1995]); 58 – Тепсей-VIII (по: [Пшеницына, 1975]); 59 – Шестаковский курган (по: [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971]); 60 – случайная находка (по: [Степная полоса..., 1992]); 61 – Косогольский клад (по: [Нащёкин, 1967]); 62 – Ордос (по: [Руденко, 1962]); 63 – Северный Китай (по: [Bunker, 2002]); 64 – Разлив-III, Средний Енисей (по: [Степная полоса..., 1992]); 65 – мог. Дархан, Монголия (по: [Миклашевич, 2004]); 66, 67 – мог. Ала-Тей-1, Тува (по: [Килуновская, Леус, 2018]); 68 – Тепсей-III (по: [Боковенко, 1987]); 69 – Ордос, бронза (по: [Грязнов, 1961]); 70 – мог. Есино-III (по: [Савинов, 1995]); 71 – дисковидные булавки (по: [International newsletter..., 2019]); 72 – курганная группа Капуловка-I (по: [Скіфські кургани. Могили предків]); 73 – северная провинция Хэбэй, Китай (по: [Bunker, 2002]); 74 – Ордос (по: [Culture de L'Ordos, période Nan]); 75, 76 – кулайская культура (по: [Некоторые аспекты...]); 77 – Кобяковский курган (по: [Гугуев, 1992])

Это котлы скифского типа, сложносоставные луки, «летающие»/«лежащие» бараны, по которым М.А. Дэвлет [19766, с. 9] датировала Большую Боярскую писаницу «тагарско-таштыкским переходным этапом» (II в. до н.э. – I-й половиной I в. до н.э.); ажурные бронзовые бляхи из погребений, кладов и случайных находок, а также отлитые в бронзе поясные пряжки и пластины с изображением единорогов и других персонажей; антропоморфные персонажи в «шароварах» на бронзовой пряжке; пятипалые персонажи с изображением зеркала (?); а также бронзовые фигурки матери с детенышем под животом и фигурки птиц.

Бронзовые котлы, будучи, видимо, ритуальными сосудами, не помещались в могилы, что затрудняет хронологическое определение периода их распространения. Исключениями могут служить некоторые маленькие и миниатюрные подвески, которые

происходят из случайных находок. Поэтому особое значение приобретают медно-бронзовые котлы скифской эпохи Южной Сибири (табл.-36–40). При раскопках в урочище Салбык таштыкской грунтовой могилы впервые был найден настоящий маленький бронзовый котелок с тремя шишечками на ручках и рельефными тягами на тулове [Вадцкая, 1999, с. 234]. Изучая материалы тесинского времени Минусинской котловины, Н.Ю. Кузьмин [2011, с. 203] сделал следующий вывод: бронзовые миниатюрные котелки происходят из позднейших курганов раннетесинского этапа, который датируется исследователем рубежом III–II – 1-й половиной I в. до н.э. Можно с уверенностью сказать, что в первых веках до н.э. котлы были известны тагарским племенам, о чем свидетельствуют глиняные копии котлов в погребальном инвентаре. Доказано, что изменения форм бронзовых сосудов оказывали влияние на производство глиняных горшков. Их сосуществование подтверждается находками в погребениях Тувы хуннуского времени. Там обнаружены точные керамические копии бронзовых котлов гуннского типа. Также керамические и сделанные из металла котлы из Средней Азии имеют тождественные формы и являются одновременными [Дэвлет, 1976б, с. 8]. Хуннуские бронзовые котлы имеют ряд особенных признаков, среди которых – П-образные ручки, небольшой пере хват у горловины и прорези на поддоне [Давыдова, Миняев, 2008, с. 23, рис. 14]. Отличительными признаками котлов сибирского типа служат полукруглые ручки, вертикально поставленные на верхнем обресе края, с одним или тремя гвоздевидными отростками в верхней части, а также орнаментом на стенках в виде двойного или тройного выпуклого горизонтального шнура [Дэвлет, 1965, с. 7]. Уже высказывалось мнение, что наибольшее сходство рисунки Большой и Малой Боярской писаниц, Хызыл-Хаи и Сундуков (табл.-1–4) имеют с котловидными сосудами, найденными при раскопках Большого Тесинского кургана, который датируется II – 1-й половиной I в. до н.э. [Дэвлет, 1976б, с. 8]. К памятникам наскального искусства, на которых выявлены изображения подобных котлов, можно отнести также и Оглахты [Миклашевич, 2015, рис. 16].

На скалах бассейна Среднего Енисея чрезвычайно популярными были изображения лучников с *луками* (табл.-5–8) со вскинутой стрелой или без нее (возможно, стрелы могли быть выполнены гравировкой и до нашего времени не сохранились, такие случаи фиксировались нами). С луками изображали и всадников, и пеших воинов в батальных сценах или в сценах охоты на Тепсее, Хызыл-Хае, Боярских писаницах, Сундуках, Куне, Суханихе и др., где ранее уже были выявлены тесинские изображения. Достоверно сложный лук скифского типа известен с VI в. до н.э. У тагарских племен он получил широкое распространение, о чем свидетельствуют находки бронзовых наконечников стрел близких к скифским форм и размеров (табл.-44), однако никаких остатков сложного лука при раскопках пока найдено не было (в Минусинской котловине известны несколько экземпляров миниатюрных сложных луков (табл.-41), которые, по мнению М.А. Дэвлет [1966, с. 70, рис. 21], воспроизводят короткие луки скифского времени). Высказано мнение, что в большинстве случаев рисунки тесинского времени отображают лук не скифского типа, а другой, большой лук, который сменяет малый в конце I тыс. до н.э. [Дэвлет, 1976б, с. 7–8]. Но, судя по некоторым изобразительным материалам этого периода, лук скифского типа продолжает сосуществовать с большим (Тепсей, Оглахты, Куня и другие памятники).

Фигуры «*летающих*»/«*лежащих*» *баранов* (табл.-9), изображенные на Большой Боярской писанице и отнесенные М.А. Дэвлет к переходному тагаро-таштыкскому пе-

риоду, найдены только на этом местонахождении. Они удивительным образом напоминают бронзовые бляхи и статуэтки из района Ордоса (табл. 44–45), где были широко распространены во II–I вв. до н.э. Подобные бронзовые фигурки лежащих баранов известны по материалам из северо-западного Китая и юго-западной Внутренней Монголии, но датируются V–IV вв. до н.э. (табл.-47) [Bunker, 2002, p. 64–65, fig. 31] (видимо, традиция изображения таких персонажей была длительной). Известны и фигурки лошадей с подогнутыми ногами III–I вв. до н.э. из Северного Китая [Bunker, 2002, p. 64–65, fig. 101]. Но если изображения баранов в так называемой летящей позе (с подогнутыми под живот ногами) пока известны лишь на Боярской писанице, то животные других видов (олени и другие животные) в аналогичной позе распространены достаточно широко (табл.-10–13). О.С. Советова [2005, с. 112, табл. 6.-3–4; цв. вкладка: фото 5] отмечала, что часто это уже не классические, мастерски выполненные на камне «копии» тагарской пластики, а довольно схематичные, как бы «трансформированные» изображения, представленные в такой же позе, нередко с аморфными завитками на корпусах или с характерным высоким «султаном» на голове. Именно такие фигуры характерны для Бычихи, Куни, Суханихи, Тепсея, Абакано-Перевоза, встречаются и на других памятниках Минусинской котловины.

На местонахождении Абакано-Перевоз-III И.Д. Русаковой [2016] было зафиксировано очень интересное антропоморфное изображение – один из редких персонажей, представленных в наскальном искусстве региона – в позе «лотоса» (табл.-14). Голова его подквадратной формы с перьевым головным убором или прической (?), с руками, согнутыми в локтях, с короткими растопыренными пальцами (?). Заметим, что манера показа рук с раскрытой пятерней характерна для многих персонажей наскального искусства Минусинской котловины: с Оглахты, Тепсея, Есино-III (табл.-29, 30, 70). На территории Минусинской котловины фигур в подобной позе нами больше не встречено, и, хотя можно упомянуть изображение антропоморфного персонажа с писаницы Нижняя Копёнская [Миклашевич, 2018, рис. 6], но положение ног у него несколько иное (табл.-15). Персонажи, представленные в позе со скрещенными ногами, «по-турецки», нередки в искусстве около рубежа нашей эры: например на гривне из Кобяковского кургана (I в. н.э. – начала II в. н.э.) [Гугуев, 1992, с. 116, рис. 4.-13] (табл.-51); бактрийском зеркале из Соколовой могилы из сарматского погребения (I в. н.э.), на котором ручка сделана в виде мужской фигуры [Ковпаненко, 1986, рис. 70–72] (табл.-52); на пластине из Сибирской коллекции Петра I [Грязнов, 1961, рис. 10-а–б] (табл.-54). В качестве аналогии можно назвать также фигурки музыкантов из Тилля-тепе середины I в. н.э. [Сарианиди, 1989, с. 63, рис. 23; Горбунова, 1995, с. 164] (табл.-53). В.К. Гугуев [1992, с. 122–123] относительно такой позы писал, что она имеет, скорее всего, восточное происхождение, во всяком случае, по-видимому, наиболее раннее изображение персонажа со скрещенными «по-турецки» ногами, относится к IV–III тыс. до н.э. и происходит из Ирана. Известна эта поза и в изобразительных памятниках Центральной Азии 2-й половины I тыс. до н.э. и в галло-римской пластике, но как иконографический канон укореняется в передне- и среднеазиатском регионах около рубежа н.э. Поэтому не исключено, что персонаж с писаницы Абакано-Перевоз был создан также на рубеже эр.

Д.Г. Савиновым [1995] во время раскопок в Есино-III были открыты плитки с рисунками, выполненными в так называемом «идеограмматическом стиле». Благодаря этому появилась возможность выделить и среди петроглифов серию подобных изо-

бражений и датировать их тесинским временем (табл.-16–21). Д.Г. Савинов соотнес их с геометрическим характером ажурных бронзовых пластин (табл.-58, 60–62), которые получили распространение на Среднем Енисее в конце III – I в. до н.э., о чем свидетельствует наличие датирующих вещей в составе Косогольского [Нащёкин, 1967] и Июсского кладов [Бородовский, Ларичев, 2011], а также находки обломков пластин в погребальных комплексах – Дэрестуйском и Иволгинском могильниках [Давыдова, 1971]. М.А. Дэвлет [1975, с. 150] разделяет их на две группы: 1) с решеткой из волнистых линий; 2) с решеткой из ломаных линий. Датировка минусинских пластин последними веками I тыс. до н.э. согласуется с хронологическим определением забайкальских и северокайтских пряжек [Давыдова, 1971, с. 94]. Аналогии были найдены в районе Ордоса, но изображение змеи на пластинах из Ордоса, по мнению зоологов, свидетельствует об обитании таких змей в Юго-Восточной Азии, не встречающихся в пределах Минусинской котловины. Из этого делается вывод, что в результате многократного воспроизведения многие черты ордосских образцов на минусинских пластинах оказались видоизмененными либо вовсе утраченными [Дэвлет, 1975, с. 150–153]. По мнению Д.Г. Савинова [2004, с. 124–126], бронзовые поясные ажурные пластины отражают политическое влияние хунну. Более того, в памятниках ранних этапов тагарской культуры не встречается прообразов решетчатых блях [Дэвлет, 1975, с. 155]. Кроме Есино-III (табл.-55–57) плитки с подобными рисунками были обнаружены при раскопках соседнего кургана-склепа Есино-IV (раскопки Е.Д. Паульса в 1989 г.) [Савинов, 2009, с. 94]. Что касается изображений в «идеограмматическом стиле», то в последние годы их находок становится больше: здесь можно назвать рисунки из Оргинёка (междуречье Июсов) [Рыбаков, 2006], на каменной стеле могильника Арбан-IV из окрестностей с. Нижняя Тёя (Аскизский район республики Хакасия). Подобные рисунки обнаружены и на скальном выходе склона горы, у подножия которой располагалось это погребение [Миклашевич, 2009, с. 328]. Схожие изображения (табл.-16–21) встречены и на одной из плоскостей Боярского комплекса, а также на Тепсее, Абакано-Перевозе, Куне [Советова, 2005, с. 122, табл. 16.-8], Сундуках и на других памятниках. Такие рисунки были фиксированы и в палимпсестах, и в многофигурных разновременных сценах (Тепсей, Оглахты и др.). Некоторые рисунки местонахождения Абакано-Перевоз И.Д. Русакова [1997, с. 101–102] сравнивает с тесинскими лабиринтами, выделенными Д.Г. Савиновым. Появление и распространение «идеограмматического» стиля Д.Г. Савинов [2009, с. 101] связывает с изображениями геометрического характера на различных предметах материальной культуры хунну и отмечает, что подобная орнаментация не характерна для более ранних культур Южной Сибири.

Анализ *сяньбийской торевтики*, дающей яркие образцы изображений единорогов, крылатых коней и бегущих размашистой иноходью лошадей, применительно к материалам петроглифов Куни позволил Е.А. Миклашевич [2004, 2010] определить принадлежность серии противостоящих животных, нанесенных на скалы, к тесинскому времени. На Куне представлены противостоящие друг другу единороги, олени, медведи (табл.-22–25). Исследовательница отмечает, что бронзовые пластины с изображениями животных (табл.-63–67), в частности единорогов, так же как и другие пластины той эпохи, совершенно очевидно, носились на поясе парными, представляя сюжет противостояния или противоборства, который мы видим и в наскальной композиции Куни. Одна из пластин с изображением крылатого коня найдена также в Минусинской

котловине [Дэвлет, 1980], что позволяет отнести к этой серии и подобное изображение крылатого коня Оглахты [Миклашевич, 2004, с. 323].

На памятниках Минусинской котловины также представлена большая серия *всадников*, выполненных с использованием общего изобразительного стандарта. Среди них, очевидно, есть серии тагарских изображений, но не исключены и, скорее всего, многочисленны тесинские рисунки. Некоторые из них вполне определенно относятся к тесинскому периоду, например всадники с одного из могильных камней на Тепсее [Советова, 2014, с. 97]. Но есть и такие, хронологическая принадлежность которых вызывает среди исследователей дискуссии. Это касается прежде всего датировки группы аналогичных всадников, зафиксированных на нескольких памятниках Енисея – Потрошиловская, Льнищенская писаницы, Усть-Туба, Оглахты, Тепсей [Шер, 1980; Боковенко, 1987; Советова, 2005; Миклашевич, 2012]. Эти всадники выполнены реалистично и достаточно профессионально: все они изображены в головных уборах с «султанами» или развевающимися «лентами» (перьями), с ниспадающей косицей на задней части головы и т.д. Судя по посадке всадников, может сложиться впечатление, что ноги их упираются в стремена (ступня направлена вперед и вверх; натянуты поводья лошади). Правда, не у всех показана прямая ступня, у некоторых пятка как бы «провисает». Такая посадка и породила дискуссию о том, не средневековые ли это изображения. Практически у всех всадников прорисованы луки, торчащие из горитов, кроме этого вооружения некоторые из них держат в руках длинную палку вроде рогатины, раздвоенную на конце (табл.-26). Что касается коней, то все они показаны в позе внезапной остановки, с длинным дугообразным хвостом, с двумя торчащими ушами. У холки лошади выбит небольшой «отросток», можно предположить, что это лука седла либо невыстриженные пряди гривы, за которые хватались всадники, садясь на коня [Миклашевич, 2012, с. 43]. Чаще всего подобные всадники встречаются одиночными, редко – в сюжетных композициях (едущие друг за другом всадники, сцена охоты). Часть из них показана с элементами одежды, в частности в широких штанах (заправленных в сапоги?) (табл.-26–28). Нам представляется, что некоторую услугу в конкретизации датировки этих персонажей могут дать аналогии с ордосскими бронзами, среди которых есть несколько пластин, иллюстрирующих борьбу двух спешившихся людей, одетых в *шаровары* [Грязнов, 1961, рис. 3] (табл.-69). Бляхи датированы III–I вв. до н.э. [Грязнов, 1961, с. 10]. Известно, что у скифов были популярны штаны типа шаровар, а судя по ордосским бляхам, они оставались популярными и в рассматриваемое нами время. Ступня, показанная прямо (по мнению некоторых исследователей, «в стремени»), встречается у многих тагарских всадников, причем нередко их ноги при этом свисают чуть ли не до земли [Советова, 2005, табл. 20.-9, 12].

Еще один сюжет можно сопоставить с материалами, полученными из закрытого комплекса Есино-III [Савинов, 1995], где на плитке изображен *персонаж с растопыренными пальцами рук* (табл.-70). Такие персонажи были весьма популярными в наскальном искусстве. Но любопытно, что можно определить и некоторые распространенные сюжеты с ними и соотнести с тесинским периодом. Один из таких сюжетов связан с антропоморфом с открытой пятерней в сочетании с более мелкими фигурками и предметом типа зеркала (Тепсей-XVI, Оглахты) (табл.-29, 30). Возможно, этот сюжет отображал какие-то важные представления, связанные с загробным миром, поскольку известно, что зеркала тесно связаны с погребальной практикой.

В последнее время отмечен еще один сюжет, часто встречающийся среди наскальных рисунков тесинского времени на Среднем Енисее, в котором представлена самка с детенышем под ее животом [Ладыгина, 2014] (табл.-23–24). Заметим, что, хотя этот сюжет является универсальным и встречается у многих народов в разные эпохи, всплеск интереса к этой теме очень заметен в тесинский период (Тепсей, Шишка, Улазы, Куня и др.) (табл.-31, 32). Отображен он и в ордосской бронзе (провинции Хэбэй в Китае [Bunker, 2002, fig. 151] и Ордосе [Ordos bronze]) (табл.-74, 75).

Заключение

Таким образом, метод сопоставления наскальных рисунков с предметными сериями остается весьма продуктивным и лишней раз подтверждает тезис о том, что художественная манера создателей наскальных изображений во многом формировалась под воздействием стиля, в котором были изготовлены вещи, их окружавшие [Миклашевич, 2010, с. 136]. Использование метода сопоставлений рисунков и предметов позволило выявить достаточно разнородный, но хронологически единый пласт изображений тесинского времени. Н.Ю. Кузьмин, проведя анализ материалов раскопок погребальных памятников, сооружавшихся в степях Среднего Енисея в хуннуско-сяньбийское время и привлекая данные письменных и этнографических источников, пришел к выводу о трех волнах миграции. Первая волна пришла, скорее всего, с Алтая, но культура аборигенного населения скифского времени (тагарская) не прекратила своего существования с наступлением хуннуского периода. Вторую волну составляли инोकультурные племена из Тувы и, возможно, Алтая, которые смешались с ранними «тесинцами». С того времени характерной особенностью тесинской культуры стало наличие двух типов погребальных памятников – грунтовых могильников и склепов. Третья миграционная волна образовалась в результате давления сяньбийских племен, которые захватили земли, подконтрольные хунну, хотя эти события не привели к исчезновению тесинской культуры, которая продолжала сосуществовать с таштыкской [Кузьмин, 2011, с. 238–239]. На наш взгляд, эти сложные историко-культурные изменения отображались и в наскальном искусстве региона. Изобразительный материал позволяет вполне обоснованно выделить, по меньшей мере, несколько стилистических групп изображений, сложившихся в рассматриваемый период: фигуры, представляющие как бы «вырождение скифо-сибирского стиля» (искажение пропорций, отход от изобразительного канона); рисунки в «идеограмматическом» стиле («путаницы», «лабиринты, спирали и т.д.); рисунки, сочетающие признаки «тагарского» и «таштыкского» стилей; и, возможно, группа сяньбийских рисунков со специфическими темами (Куня). И что очень важно – их принадлежность к этому времени основывается на аналогиях с разнообразными археологическими материалами. Конечно, поиск аналогий необходимо расширять, поскольку изобразительный материал способен восполнить многие недостающие звенья в представлениях о тех исторических процессах, которые происходили в бассейне Среднего Енисея – Минусинской провинции хунну, – в эту сложную эпоху перемен.

Библиографический список

Бобров В.В., Боброва Л.Ю., Савельева А.С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 104–122.

Боковенко Н.А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск : Наука, 1987. С. 75–80.

- Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Предметный комплекс Июсского клада // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7. Археология и этнография. С. 196–208.
- Вадецкая Э.Б. Тесинский этап // Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. С. 124–129.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Горбунова Н.Г. Юэджи. Письменные источники и археология (постановка вопроса) // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В.Г. Луконина. СПб. : Государственный Эрмитаж, 1995. С. 162–167.
- Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во ГЭ, 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 1. С. 187–196.
- Гугуев В.К. Кобыяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // Вопросы древней истории. 1992. №4. С. 116–129.
- Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // Советская археология. 1971. №1. С. 93–105.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб. : Гамас, 2008. 120 с.
- Дэвлет М.А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 70–74.
- Дэвлет М.А. Сибирские решетчатые [бронзовые] пластины // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1975. С. 150–155.
- Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М. : Наука, 1976б. 36 с.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. 1980. Вып. Д4-7. 66 с. + 29 табл.
- Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев : Наукова думка, 1986. 152 с.
- Килуновская М.Е., Леус П.М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // Археологические вести. СПб. : ИИМК РАН, 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Боковенко Н.А., Килуновская М.Е. Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул, 2007. 335 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Наука, 1949. 364 с. (МИА. №9).
- Кузьмин Н.Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1995. Вып. 24. С. 151–162.
- Кузьмин Н.Ю. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциологические процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана : Издательская группа ПЦК РК, 2008. С. 187–204.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М. : Изд-во МГУ, 1960. 198 с.
- Ладыгина Ю.М. Тема материнства в наскальном искусстве Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. IV. С. 63–64.
- Ларичев В.Е. Вооружение и защитное снаряжение персонажей героического эпоса тагарской эпохи (по материалам наскальных изображений Северной Хакасии) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 133–140.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово : КГПИ, 1971. 250 с.
- Миклашевич Е.А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 320–325.
- Миклашевич Е.А. Документирование и мониторинг памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 323–328.

Миклашевич Е.А. Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Азбука, 2010. С. 135–144 (Труды САИПИ. Вып. VI).

Миклашевич Е.А. Лънищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская, Лънищенская, Улазы-III, Сосниха. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. С. 28–56 (Труды САИПИ. Вып. X).

Миклашевич Е.А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. №1 (9). Вып. 2. С. 54–76.

Миклашевич Е.А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 7. С. 5–22.

Мухарева А.Н. Петроглифы местонахождения Улазы-III // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская, Лънищенская, Улазы-III, Сосниха. Кемерово : КемГУ, 2012. Вып. X. С. 57–71 (Труды САИПИ. Вып. X).

Наскальные изображения Оглахты : Альбом / сост., авт. текста Ю.Н. Есин. Абакан : ГПЗ «Хакасский», 2017. 160 с.

Нащёкин Н.В. Косогольский клад // Археологические открытия 1966 года. М. : Наука, 1967. С. 163–165.

Никонов В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. 320 с.

Пшеницына М.Н. Работы Позднетагарского отряда // Археологические открытия 1971 года. М. : Наука, 1972. С. 246–247.

Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 150–162.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 70–89.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 224–235.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Русакова И.Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 2. С. 101–112.

Русакова И.Д. Предварительные результаты обследования петроглифов Боярского хребта в 2011–2014 годах // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 2016. Вып. 27. С. 101–114.

Рыбаков Н.И. Новый памятник тесинской культуры (святилище Оргинёк в междуречье Июсов) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 260–272.

Савинов Д.Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино-III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово : КемГУ, 1995. С. 22–32.

Савинов Д.Г. Население Среднего Енисея в эпоху сложения скотоводческих обществ (III тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) // Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek, 2004. №1. P. 107–134.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК РАН, 2009. 226 с.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М. : Наука, 1989. 240 с.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

Советова О.С. Тесинские рисунки на Тепсее // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации : мат. Всероссийской (с международным участием) науч. конф. (Новосибирск, 12–14 ноября 2014 г.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 95–97.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М. : Наука, 1992. Т. 10. 494 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ : АН СССР, 1964. С. 280–308.

Шер А.Я. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Bunker E.C. Nomadic art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. Metropolitan Museum of Art. New York : Yale University Press, 2002. 233 p.

International Newsletter On Rock Art (INORA). Editor: Dr. Jean Clottes. 2019. №83.

Скіфські кургани. Могили предків // Библиотечно-інформаційний центр «Слово». URL: <http://bizslovo.org/content/index.php/istoriya-nikopolya/134-davnya-istoriya/316-skifski-kurgany.html> (дата обращения 26.05.2019).

Ordos bronze // Alamy URL: <https://www.alamy.com/stock-photo/ordos-bronze.html> (дата обращения 26.05.2019).

CULTURE DE L'ORDOS, PÉRIODE HAN, IIIÈ-IÈR... // Baron Ribeyre and Associates URL: <https://www.baronribeyre.com/lot/79284/6587656> (дата обращения 26.05.2019).

Некоторые аспекты орнитоморфного образа в культовой металлопластике народов Сибири и Урала // Культурология URL: <https://kulturologia.ru/blogs/120713/18542/> (дата обращения 26.05.2019).

References

Bobrov V.V., Bobrova L. Yu., Savel'eva A.S. Medno-bronzovye kotly skifskogo vremeni iz Kuzneckoï kotloviny i Mariïnskoï lesostepi [Copper-Bronze Boilers of the Scythian Time from the Kuznetsk Depression and the Mariïnsky Forest-Steppe]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №1 (17). Pp. 104–122.

Bokovenko N.A. K voprosu o datirovke nekotorykh enisejskikh izobrazhenij vsadnikov [On the Question of the Dating of some Yenisei Images of Horseriders]. *Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologiya* [Skifo-Siberian World. Art and Ideology]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 75–80.

Borodovskij A.P., Larichev V.E. Predmetnyj kompleks Iyusskogo klada [The Subject Complex of the Iyusky Treasure]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*. 2011. T. 10, vyp. 7. *Arheologiya i etnografiya*. [Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2011. Vol. 10, no.7. Archaeology and Ethnography]. Pp. 196–208.

Vadeckaya E.B. Tesinskij etap [Tesinsky Stage]. *Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya* [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. Pp. 124–129.

Vadeckaya E.B. Tashtyckaya epoha v drevnej istorii Sibiri [Tashtyk Era in the Ancient History of Siberia]. Spb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 440 p.

Gorbunova N.G. Yuechzhi. Pis'mennye istochniki i arheologiya (postanovka voprosa) [Yuezh. Written Sources and Archaeology (posing the question)]. *Ermitazhnye chteniya 1986–1994 gg. pamyati V.G. Lukonina* [Hermitage Readings 1986–1994. in Memory of V.G. Lukonin]. Spb. : Gosudarstvennyj Ermitazh, 1995. Pp. 162–167.

Gryaznov M.P. Drevnejšie pamyatniki geroïcheskogo eposa narodov Yuzhnoj Sibiri [Ancient Sites of the Heroic Epos of the Peoples of Southern Siberia]. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum]. L. : Izd-vo GE, 1961. Issue 3. Pp. 7–31.

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura [Tagarskaya Culture]. *Istorija Sibiri* [History of Siberia]. L. : Nauka, 1968. Vol. 1. Pp. 187–196.

Guguev V.K. Kobyakovskij kurgan (K voprosu o vostochnykh vliyaniyah na kul'turu sarmatov I v. n.e. – nachala II v. n.e.) [Kobyakovsky Kurgan (On the question of Eastern Influences on the Culture of Sarmatians the 1st century. AD – beginning of the 2nd century AD)]. *Voprosy drevnej istorii* [Questions of Ancient History]. 1992. №4. Pp. 116–129.

Davydova A.V. K voprosu o hunnskikh hudozhestvennykh bronzakh [On the Issue of the Huns' Artistic Bronzes]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1971. №1. Pp. 93–105.

Davydova A.V., Minyaev S.S. Hudozhestvennaya bronza syunnu. Novye otkrytiya v Rossii [Art Bronze of the Huns. New Discoveries in Russia. SPb. : Gamas, 2008. 120 s.

Devlet M.A. Bronzovye blyashki v forme slozhnogo luka iz Hakasii [Bronze Plaques in the Form of Complex Bows from Khakassia]. *KSIA*. 1966. Issue 107. Pp. 70–74.

Devlet M.A. Sibirskie reshchatyie [bronzovye] plastiny [Siberian Lattice [bronze] Plates]. *Arheologiya Severnoj i Central'noj Azii* [Archaeology of Northern and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1975. Pp. 150–155.

Devlet M.A. Bol'shaya Boyarskaya pisanica [Big Boyar Pisanitsa]. M. : Nauka, 1976b. 36 p.

Devlet M.A. Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. [Siberian Belt Openwork Plates the 2nd Century BC – the 1st Century AD]. *AIS*. 1980. Vol. D4-7. 66 p. + 29 tabl.

Kovpanenko G.T. Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge [Sarmatian Burial of the 1st c. AD on the Southern Bug]. Kiev : Naukova dumka, 1986. 152 p.

Kilunovskaya M.E., Leus P.M. Novye materialy ulug-hemskoj kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News]. SPb. : IIMK RAN, 2018. Issue 24. Pp. 125–152.

Kim Chzhong Be, Chzhan So Ho, Bokovenko N.A., Kilunovskaya M.E. Naskal'nye izobrazheniya Central'noj Azii [Rock Paintings of Central Asia]. Seoul, 2007. 335 s.

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of Southern Siberia]. M. : Nauka, 1949. 364 p. (MIA. №9).

Kuz'min N.Yu. Nekotorye itogi i problemy izucheniya tesinskih pogrebal'nyh pamyatnikov Hakasii [Some Results and Problems of the Study of the Tes Burial Sites Khakassia]. *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti. Arheologicheskie izyskaniya* [Southern Siberia in Ancient Times. Archaeological Survey]. SPb. : IIMK RAN, 1995. Issue 24. Pp. 151–162.

Kuz'min N.Yu. Etapy slozheniya i razvitiya tesinskoj kul'tury (po pogrebal'nyh pamyatnikam stepej Minusinskoj kotloviny) [Stages of the Formation and Development of the Tesinskaya Culture (on the funerary sites of the steppes of the Minusinsk depression)]. *Nomady kazahskih stepej: etnosociokul'turnye processy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoj epohi* [Nomads of the Kazakh Steppes: Ethnosocial and Cultural Processes and Contacts in Eurasia of the Scythian-Saka Era]. Astana : Izdatel'skaya gruppa PCK RK, 2008. Pp. 187–204.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki hunno-syan'bijskogo vremeni v stepyah Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura [The Funerary Sites of the Xiongnu-Xianbei Time in the Steppes of the Middle Yenisei: Tessinskaya Culture]. SPb. : Ajsing, 2011. 456 p.

Kyzlasov L.R. Tashtykская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.е. – V в. н.е.) [Tashtyk Era in the History of the Khakass-Minusinsk Depression (the 1st century BC – the 5th century AD)]. M. : Izd-vo MGU, 1960. 198 p.

Ladygina Yu.M. Tema materinstva v naskal'nom iskusstve Sibiri [The Theme of Motherhood in the Rock Art of Siberia]. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan' : Otechestvo, 2014. Vol. IV. Pp. 63–64.

Larichev V.E. Vooruzhenie i zashchitnoe snaryazhenie personazhej geroicheskogo eposa tagarskoj epohi (po materialam naskal'nyh izobrazhenij Severnoj Hakasii) [Armament and Protective Equipment of the Characters of the Heroic Epos of the Tagar Epoch (based on the rock paintings of Northern Khakassia)]. *Teoriya i praktika arheologicheskij issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Issue 1. Pp. 133–140.

Martynov A.I., Martynova G.S., Kulemzin A.M. Shestakovskie kurgany [Shestakov Barrows]. Kemerovo : KGPI, 1971. 250 p.

Miklashevich E.A. «Plemya edinoroga» na Enisee (syan'bejskie motivy v naskal'nom iskusstve Minusinskoj kotloviny) [“The Unicorn Tribe” on the Yenisei (Syanbey Motifs in the Rock Art of the Minusinsk Basin)]. *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epoha, kompozicii : Materialy tematicheskoi nauchnoj konferencii* [Pictorial Monuments: Style, Epoch, Compositions. Materials of Thematic Scientific Conference]. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2004. Pp. 320–325.

Miklashevich E.A. Dokumentirovanie i monitoring pamyatnikov naskal'nogo iskusstva v Hakasii i na yuge Krasnoyarskogo kraja v 2009 godu [Documentation and Monitoring of Rock Art Monuments in Khakassia and in the South of the Krasnoyarsk Territory in 2009]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2009. Vol. XV. Pp. 323–328.

Miklashevich E.A. Vliyanie torevтики na formirovanie stilej naskal'nogo iskusstva Yuzhnoj Sibiri, Srednej i Central'noj Azii [The Influence of Toreutics on the Formation of Styles of Rock Art in Southern Siberia, Central and Central Asia]. *Torevtika v drevnih i srednevekovykh kul'turah Evrazii* [Torevtika in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 135–144 (Trudy SAIPI. Vyp. VI).

Miklashevich E.A. L'nishenskaya pisanica [Lnishchenskaya Pisanitsa]. *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny. Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy-III, Sosniha* [Monuments of Rock Art of the Minusinsk Depression, Georgievskaya, Lnishchenskaya, Uladi-III, Sosnikha]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 28–56 (Trudy SAIPI. Vyp. X).

Miklashevich E.A. Kompleks pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Oglakhty: informacionnyj potencial i perspektivy issledovaniya [The Complex of Rock Art Monuments of Oglakhty: Informational Potential and Research Prospects]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayano-Altai Scientific Review]. 2015. №1 (9). Issue 2. Pp. 54–76.

Miklashevich E.A. O pamyatnikah naskal'nogo iskusstva v urochishche Kamenka na Srednem Enisee [On the Monuments of Rock Art in the Kamenka Tract on the Middle Yenisei]. Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanica» [Scientific Notes of the “Tomsk Pisanitsa” Museum-Reserve]. 2018. Issue 7. Pp. 5–22.

Muhareva A.N. Petroglify mestonahozhdeniya Ulazy-III [Petroglyphs of the Location of Ulazy-III]. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny. Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy-III, Sosniha [Monuments of the Rock Art of the Minusinsk Basin. Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy-III, Sosnikha]. Kemerovo : KemGU, 2012. Issue X. Pp. 57–71 (Trudy SAIPI. Vyp. X).

Naskal'nye izobrazheniya Oglahty : Al'bom [Rock Paintings of Oglahty: Album]. Composed by Yu.N. Esin. Abakan : GPZ «Hakasskij», 2017. 160 p.

Nashchyokin N.V. Kosogol'skij klad [Kosogol Treasure]. Arheologicheskie otkrytiya 1966 goda [Archaeological Discoveries in 1966]. M. : Nauka, 1967. Pp. 163–165.

Nekotorye aspekty ornitomorfno go obraza v kul'tovoj metalloplastike narodov Sibiri i Urala [Some Aspects of the Ornithomorphic Image in the Cult Metal-Plastic of the Peoples of Siberia and the Urals]. Culturology. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/120713/18542/> (date of address 26.05.2019).

Nikonorov V.P., Hudyakov Yu.S. «Svistyashchie strely» Maodunya i «Marsov mech» Attily. Voennoe delo aziatskih hunnu i evropejskih gunnov [“Whistling arrows” Maodun and “Marsov Sword” of Attila. Warfare of Asian and European Huns]. SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 320 p.

Pshenitsina M.N. Raboty Pozdnetagarskogo otryada [Works of the Late Tatars Detachment]. Arheologicheskie otkrytiya 1971 goda [Archaeological Discoveries of 1971]. M. : Nauka, 1972. Pp. 246–247.

Pshenitsina M.N. Tretij tip pamyatnikov tesinskogo etapa [The Third Type of the Sites of the Tesian Stage]. Pervobytnaya arheologiya Sibiri [Primitive Archeology of Siberia]. L. : Nauka, 1975. Pp. 150–162.

Pshenitsina M.N. Tesinskij etap [The Tes Period]. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsej na Enisee [The Complex of Archaeological Sites at the Tepsei Mountain on the Enisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 70–89.

Pshenitsina M.N. Tesinskij etap [The Tes Period]. Arheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Archaeology of the USSR. The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1992. Pp. 224–235.

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i Noinulinskie kurgany [The Hun Culture and Noynuli Barrows]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 206 p.

Rusakova I.D. Novyj pamyatnik naskal'nogo iskusstva na Enisee (pisanica u d. Abakano-Perevoz v Haka-sii) [A New Monument of Rock Art on the Yenisei (pisanitsa near the Village of Abakano-Perevoz in Khakassia)]. Naskal'noe iskusstvo Azii [The Rock Art of Asia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. Issue 2. Pp. 101–112.

Rusakova I.D. Predvaritel'nye rezul'taty obsledovaniya petroglifov Boyarskogo hrebta v 2011–2014 godah [Preliminary Results of a Survey of the Petroglyphs of the Boyarsky Ridge in 2011–2014]. Arheologiya Yuzhnoj Sibiri [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo : KemGU, 2016. Issue 27. Pp. 101–114.

Rybakov N.I. Novyj pamyatnik tesinskoj kul'tury (svyatilishche Orginyok v mezhdurech'e Iyusov) [A New Monument of the Tesian Culture (the Orgynek Sanctuary in the Iusov Interfluve)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Issue 2. Pp. 260–272.

Savinov D.G. Tesinskie labirinty (po materialam mogil'nika Esino-III) [Tesinsky Labyrinths (on the materials of the Esino-III burial ground)]. Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify [Ancient Art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo : KemGU, 1995. Pp. 22–32.

Savinov D.G. Naselenie Srednego Eniseya v epohu slozheniya skotovodcheskikh obshchestv (III tys. do n.e. – seredina I tys. n.e.) [The Population of the Middle Yenisei in the Era of the Formation of Cattle-breeding Societies (the 3rd millennium BC – mid 1st millennium AD)]. Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek, 2004. №1. Pp. 107–134.

Savinov D.G. Minusinskaya provinciya Hunnu (po materialam arheologicheskikh issledovanij 1984–1989 gg.) [Minusinsk Province of Xiongnu (According to the materials of archaeological research 1984–1989)]. SPb. : IIMK RAN, 2009. 226 p.

Sarianidi V.I. Hram i nekropol' Tillyatepe [Temple and Necropolis of Tillapepe]. M. : Nauka, 1989. 240 p.

Sovetova O.S. Petroglify tagarskoj epohi na Enisee (syuzhety i obrazy) [Petroglyphs of the Tagar Epoch on the Yenisei (plots and images)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 140 p.

Sovetova O.S. Tesinskie risunki na Tepsee [Tesinsky Drawings on Tepsey]. Arhaicheskoe i tradicionnoe iskusstvo: problemy nauchnoj i hudozhestvennoj interpretacii : mat. Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauch. konf. (Novosibirsk, 12–14 noyabrya 2014 g.) [Archaic and Traditional Art: Problems of Scientific and Artistic Interpretation: Materials of All-Russian (with international participation) Scientific Conference (Novosibirsk, November 12–14, 2014)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014. Pp. 95–97.

Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Arheologiya SSSR [Archeology of the USSR]. M. : Nauka, 1992. Vol. 10. 494 p.

Teplouhov S.A. Opyt klassifikacii drevnih metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraya [Classification Experience of Ancient Metal Cultures of the Minusinsk Region]. ME. 1929. Vol. IV, Issue 2. Pp. 41–62.

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura na Enisee [Tagar Culture on the Yenisei]. Materialy po drevnej istorii Sibiri [Materials on the Ancient History of Siberia]. Ulan-Ude : AN SSSR, 1964. Pp. 280–308.

Sher A.Ya. Petroglify Srednej i Central'noj Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. M. : Nauka, 1980. 328 p.

Bunker E.C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. Metropolitan Museum of Art. New York : Yale University Press, 2002. 233 p.

International Newsletter On Rock Art (INORA). Editor: Dr. Jean Clottes. 2019. №83.

Skifs'ki kurgani. Mogili predkiv [Scythian Burial Mounds. Tombs of Ancestors]. Bibliotechno-informacionnyj centr «Slovo» [Library and Information Center “Slovo”]. URL: <http://bizslovo.org/content/index.php/istoriya-nikopolya/134-davnaya-istoriya/316-skifski-kurgany.html> (date of address 26.05.2019).

Ordos bronze // Alamy URL: <https://www.alamy.com/stock-photo/ordos-bronze.html> (дата обращения 26.05.2019).

CULTURE DE L'ORDOS, PÉRIODE HAN, IIIÉ-IER... // Baron Ribeyre and Associates URL: <https://www.baronribeyre.com/lot/79284/6587656> (date of address 26.05.2019).

M.A. Baiberdina (Talyagina)

Technical College of Information Technology, Economics and Law of the Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Kemerovo, Russia

IMAGES OF THE TES TIME IN THE MINUSINSK HOLLOW IN THE CONTEXT OF ARCHAEOLOGICAL MATERIAL

The article is devoted to the analysis of the rock paintings of the Tes time in the Minusinsk Hollow in the context of archaeological materials. In the course of the work, the analysis is given to the most vivid scenes and individual characters that were widely spread on the monuments of the rock art of that time, and in most cases are related to the materials of the Tes period, obtained during the excavations. These objects constitute an integral and peculiar object complex having distinctive features from the Tagar period. In its formation, the influence of Xiongnu and Xianbei cultural traditions was of great importance. Conducting analogies between the objects found in closed archaeological complexes, and drawings on rocks and burial stones allows one to attribute them to the specific time. These include images of boilers; peculiar animals with disturbed body proportions and quite realistic rams with their legs tucked under the belly; complex bows; opposing animals (deer, unicorns, bears); geometric figures, etc. As a result of the analysis, four stylistic groups of images of the Tes period were identified, the creation of which is most likely associated with different groups of the population that lived at that time on the Middle Yenisei. The pictorial material allows us to trace the transformation of the Tagar style, to identify groups of drawings created under the influence of the foreign population, and together with the monuments of material culture makes it possible to trace the changes not only in everyday life, but also in the worldview of the population that lived at the junction of two key eras.

Key words: Minusinsk Basin, archaeological material, Tes time, petroglyphs, Xiongnu, Xianbei.

УДК 903.22«638»(571.151)

Д.А. Бычков¹, Д.А. Ненахов¹, Р.В. Давыдов²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

БРОНЗОВЫЙ БОЕВОЙ ЧЕКАН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ – СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ИЗ УСТЬ-КОКСИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ*

Статья посвящена анализу бронзового чекана, обнаруженного в 2016 г. на левом берегу р. Катунь, около с. Катанда. Чекан относится к так называемому полноразмерному боевому оружию скифского времени. Подобный предмет – редкая находка на территории Горного Алтая. Это массивное изделие, длина которого составляет 20 см, оно имеет овальную, слегка приплюснутую втулку. Длинный прямой боек, овальный в сечении, короткий массивный обух – шестигранной формы. Аналогии предмету можно найти в материалах пазырыкской культуры. Датировать предмет следует V–III вв. до н.э.

Чекан найден вне археологического контекста. Но следует отметить, что вблизи от места обнаружения расположено несколько могильников и поселенческих комплексов, известных со 2-й половины XIX в. Часть одного из курганных комплексов, раскопанного В.В. Радловым в 1865 г., отнесена к пазырыкской археологической культуре. Не исключено, что бронзовый чекан возможно соотнести с пазырыкским культурным пластом.

Ключевые слова: чекан, Горный Алтай, ранний железный век, скифская общность, пазырыкская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-03

Введение

Группой туристов летом 2016 г. на первой левобережной террасе р. Катунь (в 600 м к юго-востоку от места впадения в нее рек Большая и Малая Катанда), возле с. Катанда, был обнаружен бронзовый чекан. Предмет залегал в экспонированном состоянии на поверхности современного почвенного покрова (рис. 1).

На территории современного Алтайского региона в скифское время чекан являлся весьма распространенным оружием [Киришин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 75]. Также они встречаются в Минусинской котловине, Западной Сибири, Казахстане, за Уралом в Прикамье. Изделия подобного типа происходят не только из могильников и курганов, но и часто представлены в коллекциях случайных сборов.

Чекан, обнаруженный на берегу Катунь, является редким и весьма важным в культурно-типологическом аспекте экземпляром. Настоящая работа подготовлена по результатам проведения комплекса научно-исследовательских мероприятий, направленных на получение информации об исследуемом предмете для определения его места в материальной культуре древнего населения Горного Алтая. Для этого были проведены анализ морфологических черт, особенностей литья, определение химического состава, что позволило представить предмет в качестве полноценного источника.

Материалы и методы

В первую очередь следует уделить внимание двум понятиям: чекан и клевец. Последний применим к предметам, подобным чеканам, но с четко оформленным закругленным бойком (буквально, как клюв птицы) [Грязнов, 1956, с. 39]. Определение

* Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН №0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

понятию «чекан» дается следующее: это оружие ближнего боя, ударно-колющего действия, со втулкой (или проушиной) для насаживания рукояти, суживающимся заостренным лезвием (прямым) и бойком [Членова, 1967, с. 25; Мартынов, 2005, с. 441].

Найденный бронзовый чекан после отливки не был обработан дополнительно. При этом на нем отмечаются не только следы современного антропогенного воздействия, но и те, которые остались от производства – от изъятия сердечника, брака при литье, разлома литейной формы и пр. Выявлено три типа следов на предмете, появившихся в процессе археологизации:

- продольные, поперечные и наклонные неглубокие короткие царапины, перекрывающие патину и фиксирующиеся в виде групп параллельных линий;
- вмятины и выбоины различной глубины и формы;
- глубокие одиночные и пересекающиеся царапины с выступами металла по краям, а также параллельные внутри втулки по всей глубине.

Четко определимы его метрические показатели (изначальные), морфологические особенности. Чекан массивен (782 г), общая длина его составляет 20 см. Втулка имеет

овальную форму и слегка приплюснута. Высота ее – 3,2 см, длина – 5,6 см. Края втулки слегка замяты, но диаметр установим – 3,2 см. Длина бойка 10,6 см, а его форма в сечении овальная, немного сужающаяся к острию (с 2 до 1,5 см). Тело бойка слегка отклонено вправо. Само острие четырехгранное, ромбовидной формы в сечении. Верхняя и нижняя грани имеют литейные швы. Боковые грани были созданы целенаправленно. Обух чекана – шестигранный в сечении, длина его 6,1 см. Тело обуха к торцу расширяется с 2 до 2,3 см. Торцев скругленной формы, однако литейные швы образуют несколько заостренный край, и сечение в этой части линзовидное.

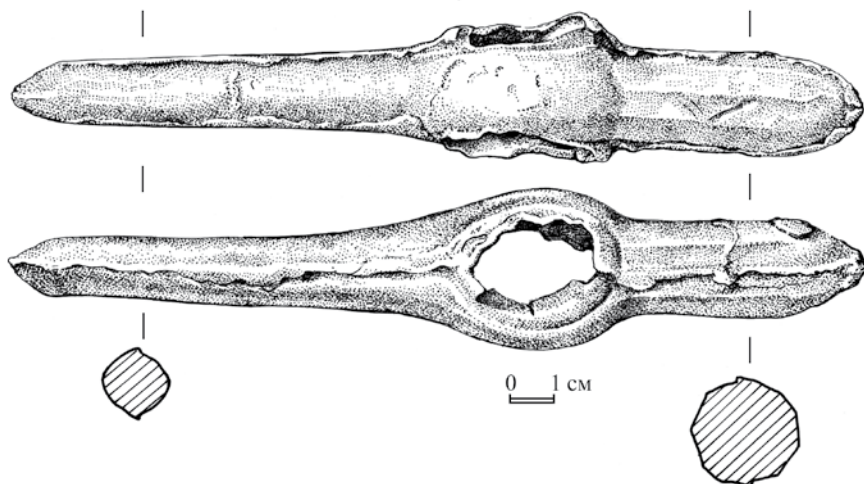

Рис. 2. Рисунок бронзового чекана

Рис. 3. Фото бронзового чекана

Состояние предмета в целом отличное, однако некоторые особенности технологии изготовления выяснить весьма затруднительно. Так, например, сложно определить, лежала ли в основе формовки модель или полумодель отливаемого предмета, применялась ли дополнительная ручная формовка. По всей видимости, чекан был отлит в двустворчатой глиняной литейной форме. Сама же рабочая камера создана с помощью оттиска по формовочной модели. Об этом свидетельствуют одинаковые плавные переходы от обуха к втулке, от втулки к острию, ровная поверхность отливки, врезной рельеф верхней части втулки и отсутствие колебаний стенки литейного уклона.

На правой части створки в области обуха при заливке металла пошла трещина, и расплавленный металл успел заполнить небольшое пространство. Аналогичная ситуация отмечается и для левой створки. В средней части бойка также фиксируется затек металла в месте трещины на форме. К тому же створки формы при заливке металла неплотно прилегали друг к другу, отсюда сильный наплыв металла по литейному шву. Грани на обухе потеряли четкость. Чаще всего эти признаки свидетельствуют о том, что форма была использована уже не раз (рис. 4.-1).

При осмотре чекана посредством бинокулярного микроскопа на некоторых его частях зафиксированы следы различного характера, оставленные на предмете уже после его отливки. В нескольких случаях вмятины перекрыты современными поврежде-

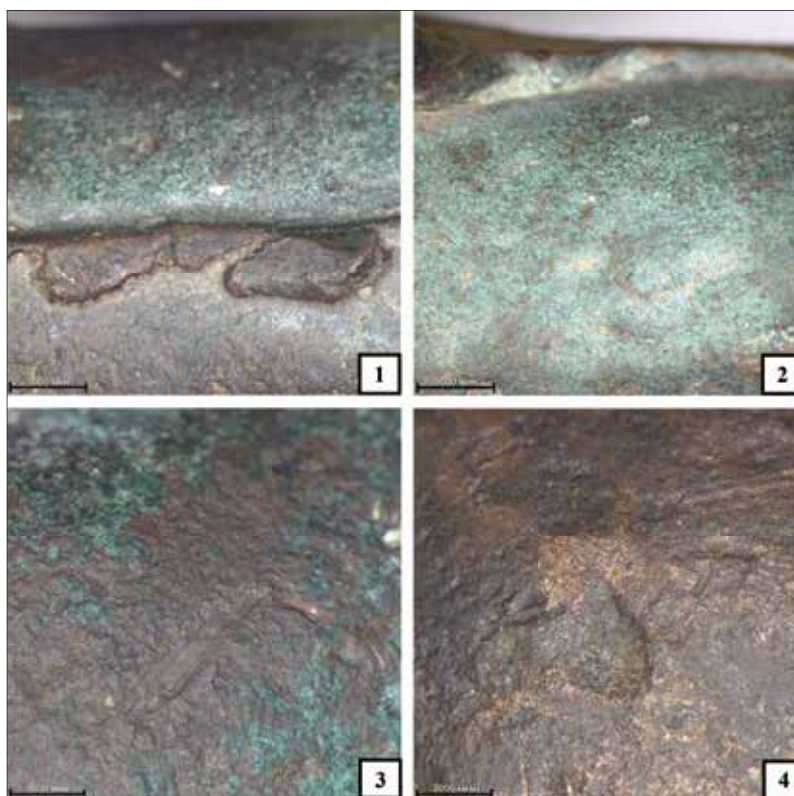

Рис. 4. Фотофиксация результатов бинокулярной микроскопии поверхности чекана:
1 – литейный шов; 2 – следы ковки; 3 – царапина на внутренней части втулки;
4 – выбоина. Масштаб для изображений верхнего ряда – 3000 мкм, нижнего – 2000 мкм

ниями. Литейные швы не сбиты, но имеют следы замытия. По всей видимости, были сплющены при извлечении чекана из формы. На торце и острие следов сработанности не обнаружено (рис. 4.-2).

Выявлены отдельные следы применения каменного ударного инструмента: с верхней стороны втулки (проуха) и на узком бойке. Они представляют собой скопления углублений с неровным микрорельефом (негативами от поверхности камня). Появление таких следов в области втулки может свидетельствовать о выбивании сердечника. Когда металл остывает, он крепко зажимает глиняный сердечник, и выбить его иногда непростая задача. Следов применения абразивного инструмента не обнаружено (рис. 4.-3).

На внутренней поверхности втулки присутствуют неглубокие, слегка заглаженные, не пересекающиеся длинные параллельные полосы. На замытой ее части также присутствуют подобные полосы. Вероятно, они были сформированы во время изготовления сердечника и при отливке отпечатались на втулке изделия (рис. 4.-4).

Можно с уверенностью констатировать, что после отливки изделие не подвергалось дополнительной подработке. Все фиксируемые следы относятся к литейному производству и нанесены во время размыкания литейных створок и выбивания керамического сердечника.

С целью определения элементного состава исследуемого чекана был проведен рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) на очищенных от окисления внутренних поверхностях втулки*. В него входят следующие химические элементы: Cu (медь) – 90,54%; Sn (олово) – 8,24%; Fe (железо) – 0,18%; Pb (свинец) – 0,14%; As (мышьяк) – 0,9%. Полученный результат позволяет определить, что описываемый чекан изготовлен из оловянистой бронзы. Незначительное содержание свинца, мышьяка и железа свидетельствует о том, что данные элементы не являются намеренными легирующими элементами и попали в сплав как исходные рудные примеси [Барцева, 1981, с. 9–10, 17; Тишкин и др., 2014]. Наибольшее сходство по элементному составу среди предметов вооружения, обнаруженных в регионе, для данного чекана имеется с материалами аржано-майэмирского времени [Tishkin, 2017] и с коллекцией шильев с поселения Колыванское-I [Грушин и др., 2016]. Результаты РФА не столько отражают культурно-хронологические особенности данного изделия, сколько демонстрируют сходство в рецептуре сплава в эпоху бронзы на обширной территории Алтая.

Результаты атрибуции и их обсуждение

Такой предмет, как чекан, нередко становится предметом для самостоятельного исследования. Он служил основой для разработки вопросов, связанных с военным делом скифских племен [Членова, 1967, с. 25–28; Кубарев, 1987, 1991, 1992], культовой практикой и пр. [Кубарев, 1979, с. 63; Членова, 1984]. Ставились отдельные вопросы типологии чеканов [Кочеев, 1988, с. 145–162; Лихачева, 2013, с. 56–72].

В.Д. Кубарев [1979, с. 63] разделил втульчатые чеканы эпохи раннего железного века с территории Горного Алтая на три группы: 1 – маленькие «вотивные» изделия размером до 10 см; 2 – чеканы средних размеров, до 15 см (могли не только отливать из бронзы, но и вырезать из кости или дерева); 3 – железные чеканы крупных размеров (от 20 см) на длинной рукояти с железным или бронзовым втоком. Несколько

* Анализ проведен И.А. Блиновым, сотрудником лаборатории минералогии и рудогенеза Института минералогии УрО РАН, на портативном приборе Innov-X a 400.

позднее исследователь определил и несколько их типов, выделив круглообушковые, плоскообушковые и фигурнообушковые чеканы [Кубарев, 1987, с. 65]. Овальная плоская втулка, длинный боек (20 см), округлый в сечении, и утолщенный короткий обух позволяют отнести исследуемый алтайский чекан к третьей – массивной группе. Однако наше изделие изготовлено из бронзы и имеет восьмигранный в сечении обух.

В 1988 г. В.А. Кочеев, обобщив накопленный опыт по истории исследования чеканов, предложил свою типологию. В рамках этой схемы наш предмет следует отнести к проушным бронзовым чеканам (раздел 1) с округлым в сечении бойком (отдел 1) и шестигранным обухом (тип 4) [Кочеев, 1988, с. 156, рис. 4]. Ближайшей аналогией в рамках данной типологии будет являться чекан из могильника Кызыл-Джар-III, курган №5 [Могильников, 1983, с. 62, рис 1.1]. Анализ погребального комплекса и сопровождающего материала могильника Кызыл-Джар-III позволил В.А. Могильникову [1983, с. 61] отметить в составе местного пазырыкского населения элементы пришлых из Восточного Казахстана сако-усуньских этнических групп. Сам же чекан из этого комплекса датирован V–III вв. до н.э. Единственной отличительной чертой является его размер, длина чекана из Кызыл-Джар-III не более 11 см. Основным схожим признаком являются грани на обушке.

Следует выделить еще один предмет, на обушке которого прослеживаются грани, если судить по фотографии. Речь идет об изделии из могильника Кок-су-1, курган №31 [Сорокин, 1974, с. 85, рис. 13.-3]. В описании указывается только то, что в сечении обух овальный. Вероятно, грани на нем не воспринимались в качестве отличительного признака и поэтому не были описаны. Не исключено, правда, что это литейные швы. Чекан этот массивный, тяжелый, в длину порядка 15 см; боек длинный, округлый в сечении; обух относительно короткий. На фотографии, на стенке обуха видна линия. Очень похоже на грани как у описываемого чекана. Могильник соотнесен с культурой ранних кочевников I-го тыс. до н.э. Основной массив его аналогий датирован V–IV вв. до н.э. Но автор датирует чекан с Кок-су-1 V–III вв. до н.э., так как конструкция его напоминает тувинские экземпляры [Сорокин, 1974, с. 89]. Похожие чеканы, только меньших размеров, обнаружены практически по всей территории Горного Алтая [Степанова, 1987, с. 174] и Тувы [Грач, 1980, с. 170], на памятниках пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, 1991, 1992].

Полноразмерных чеканов в Горно-Алтайском регионе насчитываются единицы. Нам известно два экземпляра. Чекан из могильника Кок-Эдиган, курган №7. Изделие проушное, боек и обух округлые в сечении, длина изделия – 17 см. С одной стороны основания чекана барельефно изображено дикое животное (кабан, волк, рысь?). Второй чекан – из Кайду. Он более массивный, датируется 2-й половиной VI – V в. до н.э. Втулка его каплевидной формы, сквозная. Длинный боек овальной формы в сечении. Обух массивный, несколько короче бойка [Неверов, Степанова, 1990, с. 255, 267]. На рисунке на боковых и верхних гранях художник отразил вертикальные полосы [Неверов, Степанова, 1990, с. 255] – точно такие же полосы, как на обушке чекана из села Катанда. На сегодняшний день это самая близкая аналогия по морфологическим и метрическим признакам. Таким образом, бытование полноразмерных чеканов в Горно-Алтайском регионе фиксируется со 2-й половины VI и встречаются вплоть до III в. до н.э. Вероятнее всего, таким же диапазоном (V–III вв. до н.э.) следует датировать и чекан из села Катанда.

Заключение

Подводя итоги, можно с определенной степенью уверенности констатировать, что на левом берегу р. Катунь в 2016 г. обнаружен полноразмерный «боевой» чекан. Несмотря на все литейные изъяны, после обыкновенной подработки (сбивание и заглаживание литейных швов, проковка) чекан вполне мог приобрести рабочее состояние. После проведенных научно-исследовательских мероприятий чекан был передан на хранение в Национальный музей им. А.В. Анохина Республики Алтай.

В Горном Алтае выделено несколько археологических культур скифо-сибирского круга эпохи раннего железа: майэмирская, пазырыкская, каракобинская. Ближайшие морфологические особенности фиксируются у чеканов пазырыкской культуры. В 400 м к северо-западу от места обнаружения чекана располагается комплекс памятников Катанда-I–VI [Археологические памятники..., 2014, с. 30, 94, рис. 16]. Часть курганов этого комплекса соотносится с тюркским временем, а часть – с пазырыкской культурой. Первые курганы пазырыкского времени у с. Катанда были раскопаны В.В. Радловым еще в 1865 г. Не исключено, что найденный в 2016 г. чекан следует соотносить именно с материалами курганного могильника Катанда, его пазырыкского пласта. Но этот чекан не отливался для приклада в погребальной камере. Это чекан воина.

Благодарности

Авторы выражают благодарность руководителю туристической группы Евгению Анатольевичу Назарову за активную гражданскую позицию и ответственное отношение к культурному наследию нашей страны.

Библиографический список

- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.
- Грушин С.П., Тишкин А.А., Чжан Л. Результаты изучения металлических находок с поселения Кольванское-I (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3. С. 90–101. DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-07.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. №48. 228 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
- Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 145–162.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.
- Лихачева О.С. Системный анализ чеканов VI–I веков до н.э. (по материалам памятников Лесостепного Алтая) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. 3. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. С. 56–72.
- Мартынов А.И. Археология : учебник. М. : Высшая школа, 2005. 447 с.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во 2-й половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 40–71.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 242–269.
- Ойношев В.П., Телеков Г.С. Археологические памятники и объекты Усть-Коксинского района. Горно-Алтайск : АУ РА «АКИН РА», 2014. 112 с.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (южный Алтай) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1974. №16. С. 62–91.

Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 168–183.

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Лихачева О.С. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2. С. 96–111. DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-07.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 300 с.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск : Наука, 1984. 99 с.

Tishkin A. Metallic Artifacts of Arjan-Mayemir Period from the Altai Territory: X-ray Fluorescence Analysis, Cultural and Chronological Attribution // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1. Pp. 123–144. DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-09.

References

Barzeva T.A. Zvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni: Lesostepnoe dneprovskoe levoberezhie [Ancient Metal Working of Skythian Time: the Forest-Steppe Dnepr Left-Bank]. M.: Nauka, 1981. 125 p.

Grach A.D. Drevnie kochevniki v centre Azii [Ancient Nomads in the Center of Asia]. M. : Nauka, 1980. 256 p.

Grushin S.P., Tishkin A.A., Chzhal L. Rezultaty izuchenija metallicheskih nahodok s poselenija Kolyvanskoe-I (severo-zapadnye predgor'ja Altaja) [The Results of the Study of Metal Finds from the Settlement Kolyvanskoe-I (northwestern Foothills of the Altai)]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №3. Pp. 90–101. DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-07.

Grjaznov M.P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob. Materials and Research on the Archaeology of the USSR]. M.; L. : AN SSSR Publ., 1956. №48. 228 p.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Ch. II: Pogrebal'nominal'nye komplekсы pazыrykской kul'tury [Scythian Period of the Altai Mountains. Part II: Funeral and Memorial Complexes of the Pazyryk Culture]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 234 p.

Kocheev V.A. Chekany Gornogo Altaja [Hatchet Hammers of the Altai Mountains]. Problemy izuchenija kul'tury naselenija Gornogo Altaja [Problems of Studying the Culture of the Population of Altai Mountains]. Gorno-Altajsk : GANIIIJaL, 1988. Pp. 145–162.

Kubarev V.D. Drevnie izvyanija Altaya (olennye kamni). [Ancient Statues of Altai (deer stones)]. Novosibirsk, 1979. 120 p.

Kubarev V.D. Kurgany Sajljugema [Mounds of Sajljugem]. Novosibirsk : Nauka, 1992. 220 p.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 302 p.

Kubarev V.D. Kurgany Justyda [Mounds of Justyd]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p.

Lihacheva O.S. Sistemnyj analiz chekanov VI–I vekov do n.je. (po materialam pamjatnikov Lesostepnogo Altaja) [System Analysis of Hatchet Hammers of the 6th – 1st centuries BC (Based on the Sites of the Forest-Steppe Altai)]. Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy [War and Weapons. New Research and Materials]. Vol. 3. SPb. : VIMAIViVS, 2013. Pp. 56–72.

Martynov A.I. Arheologija: Uchebnik [Archaeology: Textbook]. M. : Vysshaja shkola, 2005. 447 p.

Mogilnikov V.A. Kurgany Kyzyl-Dzhar-II–V i nekotorye voprosy sostava naselenija Altaja vo 2-j polovine I tysjacheletija do n.je. [Kyzyl-Dzhar-II-V Mounds and Some Questions of the Composition of the Population of Altai in the 2nd Half of the 1st Millennium BC]. Voprosy arheologii i jetnografii Gornogo Altaja [Questions of Archaeology and Ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altajsk : GANIIIJaL, 1983. Pp. 40–71.

Neverov S.V., Stepanova N.F. Mogilnik skifskogo vremeni Kajndu [A Scythian Tomb of Kindoo]. Arheologicheskie issledovanija na Katuni [Archaeological Research on the Katun]. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 242–269.

Ojnoshev V.P., Telekov G.S. Arheologicheskie pamjatniki i obekty Ust'-Koksinskogo rajona [Archaeological Sites and Objects of the Ust-Koksinsky District]. Gorno-Altajsk : AU RA «AKIN RA», 2014. 112 p.

Sorokin S.S. Cepochka kurganov vremeni rannih kochevnikov na pravom beregu Kok-Su (juzhnyj Altaj) [Chain of Mounds of the Time of the Early Nomads on the Right Bank of the Kok-Su (Southern Altai)]. ASGJe. 1974. №16. Pp.62–91.

Stepanova N.F. Mogilnik skifskogo vremeni Kastahta [The Burial Ground of the Scythian Time of Kastahta]. Arheologicheskie issledovaniya na Altae [Archaeological Research in Altai]. Barnaul : AGU, 1987. Pp. 168–183.

Tishkin A.A., Kungurov A.L., Lihacheva O.S. Rentgenofluorescentnyj analiz metallicheskih nakonechnikov strel arzhano-majjemirskogo vremeni s poselenija Borovoe-III (Verhnee Priob'e) [X-ray Fluorescence Analysis of Metal Arrowheads of the Argean-Mayemir Time from the Settlement of Borovoe-III (Upper Priobye)]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2014. №2. Pp. 96–111. DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-07.

Chlenova N.L. Proishozhdenie i rannaja istorija plemen tagarskoj kultury [The Origin and Early History of the Tribes of the Tagar Culture]. M. : Nauka, 1967. 300 p.

Chlenova N.L. Olennye kamni kak istoricheskij istochnik [Deer Stones as a Historical Source]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 99 p.

Tishkin A. Metallic Artifacts of Arjan-Mayemir Period from the Altai Territory: X-ray Fluorescence Analysis, Cultural and Chronological Attribution. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №1. Pp. 123–144. DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-09.

D.A. Bychkov¹, D.A. Nenakhov¹, R.V. Davydov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

²Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

BRONZE SAGARIS OF THE SCYTHIAN TIME WARRIORS – A RANDOM FIND FROM THE UST-KOKSINSKY DISTRICT, ALTAI REPUBLIC

The article analyzes the bronze sagaris discovered in 2016 on the left bank of the Katun river, near the Katanda village. The sagaris refers to the so-called full-size military weapons of the Scythian time. This item is a rare find in the territory of the Altai Mountains. This massive item, 20 cm long, has an oval, slightly flattened sleeve. A long straight hammer head is oval in cross section; a short massive butt is of a hexagonal shape. Analogies with the object can be found in the materials of the Pazyrykskaya culture. The object should be attributed to the 5th – 3rd centuries. BC.

The Sagaris was found outside the archaeological context. However, it should be noted that near the finding location there are several burial grounds and settlement complexes known since the 2nd half of the 20th century. V.V. Radlov unearthed a part of one of the barrow complexes in 1865. Later it was assigned to the Pazyrykskaya archaeological culture. It is not excluded that it is possible to correlate the bronze sagaris with the Pazyrykskaya cultural stratum.

Key words: sagaris, Altai Mountains, Early Iron Age, Scythian community, Pazyrykskaya culture.

УДК 903.5«638»(571.151)

Н.Н. Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИЧЕСКИ ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА №1 МОГИЛЬНИКА КАРБАН-2

В научный оборот вводится предметный комплекс из кургана №1 пазырыкской культуры могильника Карбан-2 (Республика Алтай), исследованного в 1989–1990 гг. экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (руководители – М.А. Демин, А.П. Уманский, В.Б. Бородаев). Представлены результаты изучения и варианты реконструкции женской прически (коса и заколка) по материалам из указанного некрополя, хранящимся в фондах Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул, Россия). Рассматриваются перспективы использования фрагментарных (практически лишенных контекстуального сопровождения) археологических остатков для создания серии гипотетических реконструкций. Комплект косы с одной-двумя заколками можно отнести к широко распространенным элементам причесок у древних кочевников.

Ключевые слова: Алтай, пазырыкская культура, Карбан-2, древняя прическа, приемы реконструкции.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-04

Введение

Костюм и прическа представляют собой ценный исторический источник, несущий информацию о многих сторонах жизни человека. Зачастую исследователями в понятие «костюм» укладывается широкий комплекс элементов, включающий в себя одежду, различные аксессуары, прическу, косметику и т.п. Важной частью костюма в традиционных обществах была прическа, под которой традиционно понимается форма, придаваемая волосам переплетением, стрижкой, расчесыванием, завивкой и иными манипуляциями. К сожалению, в материалах археологических памятников юга Западной Сибири вследствие сложившихся природно-климатических условий подобные детали облика умерших, как правило, не сохраняются (за исключением мерзлотных погребений пазырыкской культуры и отдельных объектов, в которых органика сохранилась на металлических изделиях). Одной из таких находок посвящена настоящая работа, целью которой является попытка реконструкции прически с использованием бронзовой заколки по материалам единственного погребения кургана №1 могильника Карбан-2. Имеющаяся практика работы с подобным специфическим фрагментарным источником подразумевает гипотетический и поливариативный характер создаваемых реконструкций.

Характеристика археологического комплекса

Могильник Карбан-2 пазырыкской культуры находился примерно в 400 м южнее устья реки Карбан, на левой надпойменной террасе Катуня, и представлял собой цепочку курганов, вытянутую по линии ЮЗ–СВ. Он исследовался в 1989–1990 гг. археологической экспедицией Барнаульского государственного педагогического института под руководством М.А. Демина, А.П. Уманского и В.Б. Бородаева. Несмотря на то что большая часть погребений исследованного комплекса оказалась разграбленной в древности, среди выявленных материалов оказались важные в историко-культурном плане находки [Демин, Гельмел, 1992, с. 28–34; Демин, Головченко, 2018, с. 7].

Курган №1 располагался на юго-западном конце цепи, близ подножия горной гряды. Насыпь его на момент раскопок была округлой формы, диаметром около 7,5 м, сложена из галечных валунов и скальных плит (рис. 1.-а). Под насыпью в центре кур-

гана располагалась овальная в плане яма размерами 2,6×1,9 м, глубиной 2,75 м, ориентированная по оси ЮЮВ–ССЗ. Курган ограблен в древности. В заполнении могилы встречались бревна перекрытия, позвонки овцы, отдельные кости человеческого скелета. На дне могилы располагалась дощатая подтрапецевидная рама в два венца размерами 1,9×0,8 м и высотой 0,5 м; над срубом зафиксированы обломки бревен продольного перекрытия, под которыми находилась плаха поперечной перекладины. На дне найдены череп, часть косы с бронзовой заколкой в юго-восточной части, полуистлевший кожаный мешочек с зеркалом у восточной стенки [Головченко, 2016, с. 44–49] и сосуд в южном углу (рис. 1.-б, в, г). Исходя из наличествующего в погребении предметного комплекса, А.П. Уманский предположил, что в нем захоронена женщина 20–25 лет.

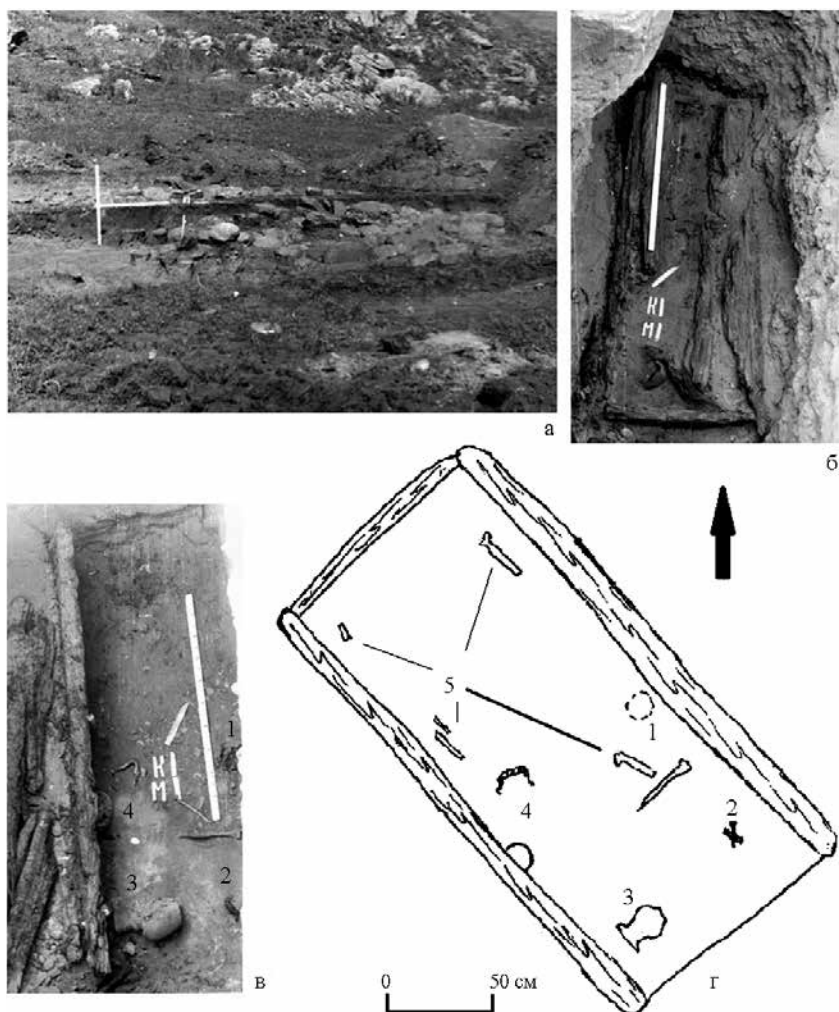

Рис. 1. Курган №1 могильника Карбан-2: а – общий вид на курган; б – деревянная конструкция; в – фото погребения (фотоснимки А.П. Уманского); г – план погребения: 1 – конгломерат ткани и кожи на бронзовом зеркале; 2 – фрагмент косички на бронзовой заколке; 3 – керамический сосуд; 4 – разрозненные кости черепа; 5 – отдельные кости скелета

Выявленный элемент прически представляет собой остатки трех или четырех слабо переплетенных прядей, стянутых шерстяным шнурком в пучок, в центральную часть которого продета бронзовая «гвоздевидная» заколка. Органические остатки сохранились благодаря плотности созданного «узла» прически и заколки. Пряди на небольшом (2,5×1 см) фрагменте несколько раз переплетены между собой (рис. 2).

Рис. 2. Фрагмент косички на бронзовой заколке:

1 – общий вид, прорисовка и фото; 2 – пучок волос. Фотоснимки Н.Н. Головченко

Постановка задач

Обращение к описанным материалам может быть важным не столько из-за их прежней фрагментарной публикации, сколько из-за возможности небольшого археолого-этнографического и музейно-архивного исследования, оценки перспектив использования археологических отчетов и музеефицированных артефактов в условиях скудного погребального и культурного контекста для создания визуальных и натурных реконструкций.

Возможности реконструкции, проблемы консервации и хранения

Косы – одна из древнейших известных форм прически, имеющая чрезвычайно широкое распространение у различных народов, населявших Евразию на протяжении всей ее истории. Представительны находки косичек в различных вариациях и на памятниках рассматриваемого региона эпохи железа.

Особого внимания в данном контексте заслуживают находки в пазырыкских памятниках. По материалам Второго Пазырыкского кургана известна прическа-парик, состоящая из двух перевязанных кос, обмотанных вокруг искусственной косы из конского волоса, и завязанная двумя войлочными полосками [Руденко, 1953, с. 130], в которую были вдеты две заколки с зооморфными навершиями [Кубарев, 1987, с. 96]. К концу искусственной косы была добавлена еще одна прядь с вплетенными в нее шерстяными шнурками. Все волосы были пропущены через отверстия на оголовье сложного деревянного убора и располагались вертикально. Аналогичный убор обнаружен в кургане №1 могильника Ак-Алаха-3 [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 74, рис. 2.46].

С.А. Яценко [2006, прим. 86] отмечает в отношении пары заколок из более ранней аристократической могилы в Туве (могила-5, курган Аржан-2): «В публикации (первоначальной германской 2003 г. – Н.Г.) утверждается, что они были элементом головного убора и лежали остриями друг к другу; на полевом же фото видно, что их острия были воткнуты практически в одну точку на макушке». В дальнейшем публикаторы Аржана-2 предполагали, что, раз заколки были смещены влево от черепа, то они не смогли бы удержаться на сложной прическе и потому являлись отдельным погребальным даром [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, рис. 57–58]. Однако, по мнению С.А. Яценко, они вполне могли быть частью обычной прически с косами, сдвинутыми влево от умершей, так как их навершия находились у шеи женщины (любезное сообщение, май 2019 г.).

Схемы расположения заколок в результате дрейфа предметного комплекса головного убора-парика по материалам пазырыкской культуры рассмотрены А.П. Бородовским [Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 107]. На представленных приложениях заметно, что в подобных случаях заколки оказываются смещенными вправо или лежащими непосредственно над теменными костями черепа.

Косы без сохранившихся заколок (они, однако, могли быть и деревянными) отмечены в материалах различных культур бронзового века и эпохи ранних кочевников. Можно указать на прически мумий Такла-Макана и Укока [Binghua, Mair, 2001; Полосьмак, Баркова, 2005], на изображения причесок на стелах Горного Алтая, Северного Кавказа и Причерноморья [Кубарев, 1979, с. 25; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 30–40], бляхах Сибирской коллекции Петра I [Артамонов, 1973, рис. 192], находках из Айдашенской пещеры [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. VI]. Прически в виде кос из трех прядей и без заколок отмечены у женщины из Пятого Пазырыкского кургана и девушки из кургана №1/2 Ак-Алахи [Полосьмак, 2001, с. 57].

Традиция ношения прически в виде кос с заколками известна и по материалам большереченской культуры Верхнего Приобья. Но ввиду плохой сохранности органики в ее памятниках чаще фиксируются только заколки, лежащие вертикально или под углом относительно черепа погребенных. Обнаруженный пучок волос русого цвета из могилы-9 раскопа 8 памятника Новотроицкое-1 представляет собой элемент прически – косички без заколки [Головченко, 2015, с. 30–37]. Судя по фото Я.В. Фролова [2008, рис. 124], схожие по топографии находки заколок послужили основой для схематической реконструкции прически в могильнике Клепиково-1.

В плане реконструкции женских украшений с косами наиболее ценными можно считать разработки по культурам бронзового века (андроновской, синташтинской и др.) Э.Р. Усмановой [2010] и Е.В. Курпияновой [2008], а по культурам эпохи раннего железа юга Западной Сибири – А.П. Бородовского [1987, 2013].

Для анализируемой здесь находки из кургана №1 могильника Карбан-2 можно предположить различные реконструкции ее внешнего вида. Исходно на прическе умершей этот фрагмент мог размещаться как в нижней, так и в верхней части косы. Функциональное значение заколки в данной прическе достоверно не определимо, и можно предположить несколько его вариантов. Первый – заколка была средством закрепления нескольких косичек, возможно, в различных индивидуально избираемых конфигурациях. Второй – она была украшением единственной косы. Кроме того, косичка с заколкой могла носиться как с головным убором, так и без него (рис. 3, 4). Представленными вариантами, думается, не исчерпываются возможные реконструкции внешнего

Рис. 3. Варианты гипотетической реконструкции прически с заколкой:
1 – в верхней части косы; 2 – в нижней части косы

Рис. 4. Гипотетическая реконструкция прически с двумя косичками (1) и заколкой (2)

вида прически, неизбежно носящие, при скудной сохранности материалов в могиле из Карбана-2, субъективный характер. Логично думать, что в рамках жизненного цикла женщинами употреблялись различные типы причесок, наделяемые определенным социальным и символическим статусом [Бородовский, 1987, с. 117–121].

Заключение

Учитывая очень широкий круг параллелей простой прическе с косой (косами) и заколкой, можно уверенно предположить, что традиция оформления такой прически была общераспространенным компонентом костюма евразийских кочевников, к числу которых принадлежало и население Нижней Катунь периода раннего железа. Принимая во внимание протяженную преемственность в некоторых сферах культуры у различных народов Саяно-Алтая [Яценко, 2006, с. 85], можно допустить для реконструкций и корректное привлечение некоторых этнографических материалов (см., например [Сат, 1984; Дьяконова, 2001]). Для решения подобных задач полезно будет и составление общей базы данных по находкам фрагментов волос с памятников Центральной Азии и юга Сибири рассматриваемой эпохи. К сожалению, подобные фрагментированные источники плохой сохранности зачастую не упоминаются в отчетных публикациях, и находчики не стремятся их качественно консервировать и сохранить.

Библиографический список

- Артамонов М.И. Сокровища саков. М. : Искусство, 1973. 269 с.
- Бородовский А.П. Интерпретация и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск : Наука, 1987. С. 117–121.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 220 с.
- Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, №7. С. 30–37.
- Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа мешочка для зеркала из некрополя Карбан-2 (Горный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, №5. С. 44–49.
- Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла : межвузовский сборник научных трудов. Барнаул : БГПУ, 1992. С. 28–34.
- Демин М.А., Головченко Н.Н. Раскопки могильника Карбан-2 на Средней Катунь // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2018. С. 3–7.
- Дьяконова В.П. Алтайцы. Горно-Алтайск : Юч Сюмер, 2001. 223 с.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 99 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 300 с.
- Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст». Челябинск : Автограф, 2008. 244 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1980. 208 с.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М. : МТО МЕТЕО, 1994. 184 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Наука, 1953. 354 с.
- Сат Л.Ш. Прически и традиционные украшения тувинских женщин (XIX – начало XX в.) // Проблемы истории Тувы. Кызыл : Госкомиздат Тув. АССР, 1984. С. 186–194.
- Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда ; Лисаковск : КГУ, 2010. 176 с.
- Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.
- Чугунов К.В., Парцингер Ш., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 498 с.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М. : Восточная литература, 2006. 664 с.
- Wang Binghua, Victor H. Mair. Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua (The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture). Xinjiang, 2001. 245 p.

References

- Artamonov M.I. Sokrovishha sakov [The Saks' Treasures]. М. : Iskusstvo, 1973. 269 p.
- Borodovskij A.P. Interpretacija i nekotorye voprosy ritual'nogo znachenija volos v rannem zheleznom veke (po materialam Novosibirskogo Priob'ja) [Interpretation and Some Questions of the Ritual Meaning of Hair in the Early Iron Age (based on materials from the Novosibirsk Priobye)]. Skifo-sibirskij mir: Iskusstvo i ideologija [Skifo-Siberian World: Art and Ideology]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 117–121.
- Borodovskij A.P., Borodovskaja E.L. Arheologicheskie pamjatniki doliny Nizhnej Katuni v jepohu paleometalla [Archaeological Sites of the the Lower Katun Valley of in the Time of Paleometal]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2013. 220 p.
- Golovchenko N.N. Rezul'taty predvaritel'nogo tehniko-tehnologicheskogo analiza obrazcov tkani iz nekropolja Novotroickoe-1 (Verhnee Priob'e) [Results of Preliminary Technical and Technological Analysis of Tissue Samples from the Novotroitskoe-1 Necropolis (Upper Priobye)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2015. Vol. 14, №7. Pp. 30–37.
- Golovchenko N.N. Rezul'taty predvaritel'nogo tehniko-tehnologicheskogo analiza meshochka dlja zerkala iz nekropolja Karban-2 (Gornyj Altaj) [Results of Preliminary Technical and Technological Analysis of a Bag for a Mirror from the Necropolis of Karban-2 (the Altai Mountains)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2016. Vol. 15, №5. Pp. 44–49.
- Demin M.A., Gel'mel' Ju.I. Kurgannoe pogrebenie ranneskifskogo vremeni iz Gornogo Altaja [Kurgan Burial of the Early Scythian Time from the Altai Mountains]. Voprosy arheologii Altaja i Zapadnoj Sibiri jepohi metalla : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Questions of Archaeology of Altai and Western Siberia of the Metal Epoch: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Barnaul : BGPU, 1992. Pp. 28–34.
- Demin M.A., Golovchenko N.N. Raskopki mogil'nika Karban-2 na Srednej Katuni [Excavations of the Karban-2 Burial Site on the Middle Katun]. Polevye issledovanija na Altae, v Priirtysh'e i Verhnem Priob'e (arheologija, jetnografija, ustnaja istorija): 2017 [Field Studies in Altai, the Irtysh and Upper Ob (Archaeology, Ethnography, Oral History): 2017]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2018. Pp. 3–7.
- D'jakonova V.P. Altajcy [The Altai People]. Gorno-Altajsk : Juch Sjumer, 2001. 223 p.
- Kubarev V.D. Drevnie izvajanija Altaja (Olennye kamni) [Ancient Sculptures of Altai (Deer Stones). Novosibirsk : Nauka, 1979. 99 p.
- Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 300 p.
- Kuprijanova E.V. Ten' zhenshhiny: zhenskij kostjum jepohi bronzy kak «tekst» [Woman's Shadow: Bronze Age Women's Costume as the "Text"]. Cheljabinsk : Avto Graf, 2008. 244 p.
- Molodin V.I., Bobrov V.V., Ravnushkin V.N. Ajdashinskaja peshhera [Aydashinskaya Cave]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 1980. 208 p.
- Ol'hovskij V.S., Evdokimov G.L. Skifskie izvajanija VII–III vv. do n.e. [Scythian Statues of the 7th – 3rd Centuries BC]. М. : MTO METEO, 1994. 184 p.
- Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka [Ukok Raiders]. Novosibirsk : INFOLIO, 2001. 336 p.

Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostjum i tekstil' pazyrykcev Altaja (IV–III vv. do n.je.) [Costume and Textiles of the Altai Pazyryks (the 4th – 3rd Centuries BC)]. Novosibirsk : INFOLIO, 2005. 232 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naselenija Gornogo Altaja v skifskoe vremja [Culture of the Population of the Alyai Mountains in the Scythian Time]. M. ; L. : Nauka, 1953. 354 p.

Sat L.Sh. Pricheski i tradicionnye ukrashenija tuvinskih zhenshhin (XIX – nachalo XX v.) [Hairstyles and Traditional Decorations of the Tuvan Women (the 19th – Early 20th Centuries)]. Problemy istorii Tuvy [Issues of the History of Tuva]. Kyzyl : Goskomizdat Tuv. ASSR, 1984. Pp. 186–194.

Usmanova Je.R. Kostjum zhenshhiny jepohi bronzy Kazahstana. Opyt rekonstrukcij [Costume of Women of the Bronze Age of Kazakhstan. Reconstruction Experience]. Karaganda ; Lisakovsk : KGU, 2010. 176 p.

Frolov Ja.V. Pogrebal'nyj obrjad naselenija Barnaul'skogo Priob'ja v VI v. do n.je. – II v. n.je. (po dannym gruntovyh mogil'nikov) [The Funeral Ceremony of the Population of the Barnaul Priobyie in the 6th BC – 2nd AD (according to Soil Burial Grounds)]. Barnaul : Azbuka, 2008. 479 p.

Chugunov K.V., Parcinger Sh., Nagler A. Carskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Tsarsky Kurgan of the Scythian Period Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2017. 498 p.

Jacenko S.A. Kostjum drevnej Evrazii: iranojazychnye narody [Costume of Ancient Eurasia: Iranian-Speaking Peoples]. M. : Vostochnaja literatura, 2006. 664 p.

Wang Binghua, Victor H. Mair. Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua (The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture). Xinjiang, 2001. 245 p.

N.N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul

RECONSTRUCTION OF HAIR STYLE ACCORDING TO THE MATERIALS OF MOUND No.1 of the KARBAN-2 BURIAL

The article puts into scientific circulation the object complex of Pazyryk Culture burial mound No. 1 of Karban-2 (Altai Republic) investigated in 1989–1990 by the archaeological expedition of the Barnaul State Pedagogical Institute (M.A. Demin, A.P. Umansky and V.B. Borodaev) and presents the results of reconstruction of women's hair style (plait and hairpin) based on the materials of the necropolis in collection of the Museum of Local History of the Altai State Pedagogical University (coll. No 27). The prospects of using fragmentary, practically devoid of contextual support, archaeological remains for the creation of series of the hypothetical reconstructions are considered. The complete set of plaits with one or two pins was the widespread element for the early nomads of Eurasia.

Key words: Altai, Pazyryk culture, Karban-2, ancient hairstyle, reconstruction techniques.

УДК 902.2(517.12)

Е.П. Загваздин

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Россия, Тобольск

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТОБОЛЬСКОГО КРЕМЛЯ*

Представлены результаты спасательных археологических раскопок, проходивших в 2006 г. в юго-восточной части Тобольского кремля. Центральным объектом исследований стал хорошо сохранившийся фундамент здания, относящегося к 40-м гг. XVIII – 30-м гг. XIX в., несущий на себе следы перестройки. Несмотря на то что это здание отмечено на ряде рисунков и гравюр начала XIX в., его история в краеведческой литературе не прослеживается. С привлечением ряда картографических источников выяснено, что капитальная постройка имела сложную строительную историю, входила в комплекс Архиерейского дома и имела служебное назначение. В ходе исследований изучен и ряд объектов, относящихся к начальному периоду функционирования города – концу XVI – XVII в. Несмотря на то, что культурный слой XVIII–XIX вв. на участке исследований почти полностью уничтожен, более ранний слой сохранился. Это обстоятельство позволило собрать и изучить репрезентативную коллекцию предметов, относящихся как к «дорусскому», так и к раннему периоду существования Тобольска.

Ключевые слова: Тобольский кремль, Архиерейский дом, спасательные раскопки, археология, архитектура.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-05

Введение

Археологические работы, активно проходившие с 2000 по 2012 г. на территории Тобольского кремля, позволили ввести в научный оборот данные, касающиеся разнообразных аспектов материальной культуры горожан. Результаты исследований, проходивших на территории крепости, отражены в статьях А.А. Адамова [2000], И.В. Баюнова [2014], П.Г. Данилова [2016], Е.П. Загваздина [2018]. Несмотря на широкий фронт исследований, не все результаты раскопок получили освещение в научной литературе. Цель публикации – ввести в научный оборот материалы спасательных археологических исследований 2006 г., проходивших в юго-восточной части крепости, у южной крепостной стены (рис. 1). В этой части кремля на месте строительства пешеходной дорожки был заложен раскоп площадью 110 кв. м. При раскопках были обнаружены объекты, относящиеся к концу XVI – XIX в., а также следы обитания здесь людей в раннем железном веке.

Изучение капитальных построек и культурного слоя XVIII–XIX вв.

Археологические исследования вдоль южной кромки Тобольского кремля позволили прояснить вопросы, связанные со строительной историей крепости. Облик южной стороны кремля часто воспроизводился на многочисленных гравюрах и рисунках города XVIII–XIX вв., тогда как другие стороны крепости отражены в графике значительно меньше. Поэтому в совокупности с археологическими источниками изобразительные материалы позволяют уточнить детали становления и развития каменной крепости с начала XVIII и до XIX в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках темы №0408-2019-0008 Рег. №НИОКТР 116020510080 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».

Рис. 1. План археологических исследований в Тобольском кремле

Рис. 2. Гравюра города 1811 г. с указанием месторасположения изученной постройки

В начале раскопок у квадратной башни, с внутренней стороны южной крепостной стены, были обнаружены остатки крестообразного в плане кирпичного фундамента (рис. 3, 4). Фундамент с запада на восток протянулся на 11 м, а с юга на север – на 9,9 м, ширина кладки составила 1,42–1,6 м (объект 1). Оказалось, что его северный край в секторе 1 примыкал к фундаменту объекта 4, но не перерезал его. Тогда как западный край – наоборот, пересекал кладку объекта 4. Фундамент объекта 1 целиком сложен из кирпича. Заглублен в материк на 0,15–0,2 м. Сохранившаяся высота кладки 1,37 м.

В центральной части секторов 3 и 4 изучен объект 2. Его кладка была разрушена с северной стороны строительной техникой, поэтому по обнажению кладки удалось установить, что площадка надстроена позже и располагалась поверх объекта 1. Размер ее сохранившейся части составил 5,4×3 м.

В 4-м секторе раскопа изучена кладка подквадратной формы объекта 3 размерами 93×57 см, затронутая раскопом частично. Кирпич, из которого был сложен объект, имеет размеры 28–29×15×7 см. В этом же секторе, в юго-восточном углу, зафиксиро-

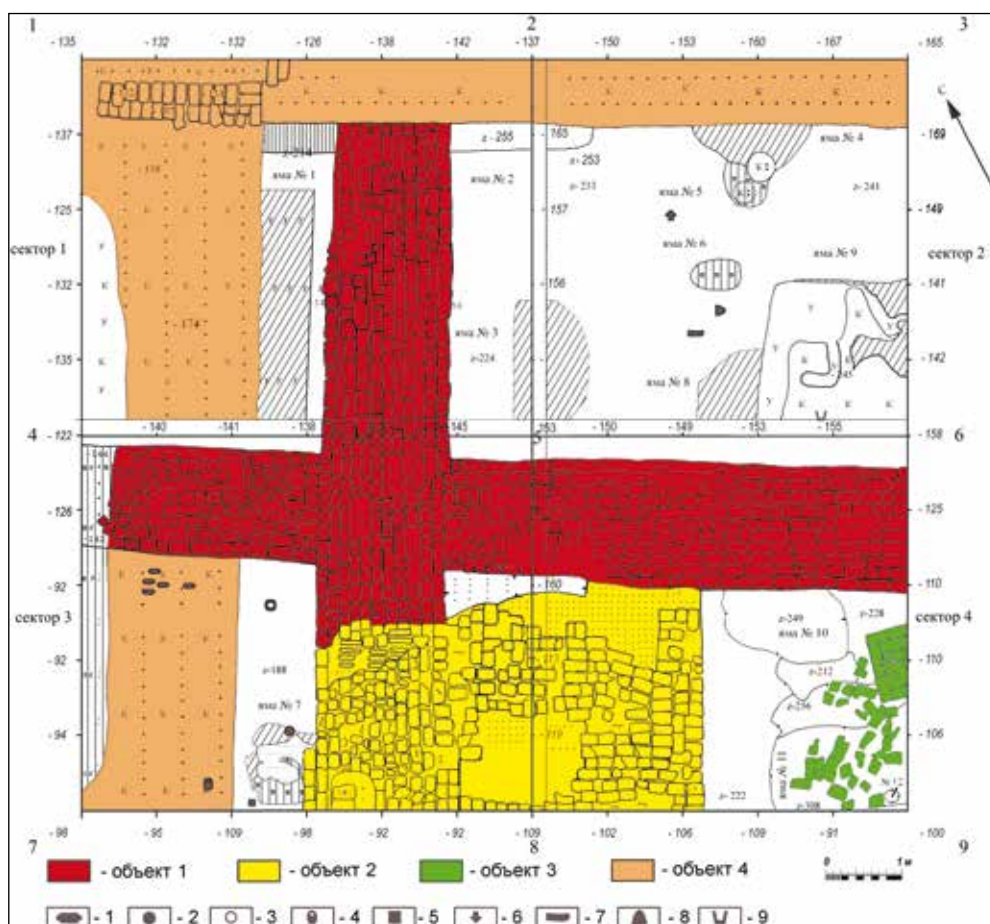

Рис. 3. План раскопа на уровне материка (1–9 – находки: 1 – фигурная бляшка; 2 – монета; 3 – пуговица; 4 – замок; 5 – трапециевидная бляшка; 6 – приостренная бляшка; 7 – накладка рукоятки ножа; 8 – пуля; 9 – вток)

Один из главных вопросов, возникших при раскопках, заключался в выяснении назначения возведенной здесь капитальной постройки. Облик и расположение здания легко определяются по ряду графических источников 1-й половины XIX в. Одно из ранних изображений этой постройки известно по рисунку из альбома планов и фасадов казенных строений города Тобольска Тобольской губернии 1800 г. губернского архитектора П. Лукина [РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 792]. Известный рисунок Тобольска, на котором эта постройка изображена, был выполнен С. Химли по рисунку Е.М. Корнеева 1802 г. [Гончарова, 1987, рис. 125]. Гравюра с этого рисунка, позже выполненная К.Х. Гессе, стала хрестоматийной и известна по многим публикациям. На гравюре Тобольска 1811 г. строение во фронтальном ракурсе изображено ровнее и поэтому дает более ясное представление о его расположении по линии южной стены кремля [Кириллов, 1984, с. 144–145, рис. 72] (рис. 2).

Анализ серии планов XVIII в. показал, что первоначально ближе к южной круглой башне располагалась постройка, отмеченная на плане 1748 г. как «прочее строение» [РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2181; ил. 5: 3]. На плане 1767 г. наблюдается расширение объема этой постройки, где она пристраивается к южной круглой башне [Кочедамов, 1963, с. 74, рис. 43; с. 76, рис. 44; с. 82, рис. 48].

Далее, на плане города начала 1780-х гг. архитектора А. Гучева [Рахимов, 2004, с. 179, рис. 2], отмечено, что постройка 1760-х гг. на самом деле не монолитна: обозначены два здания, пристроенных друг к другу, с различными по ориентации скатами крыш. Судя по пропорциям и расположению на планах 1767 г. и начала 1780-х гг., западная постройка пристроена позже, в конце 1740-х – 1760-х гг. Расположение и пропорции постройки 1748 г. свидетельствуют о том, что в последующем она органично вошла в расширенный объем здания.

После 1780-х гг. трансформация здания по линии южной крепостной стены продолжилась. Уже на плане 1804 г. [ТФ ГАТО. Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 5] видно, что ее западная часть меняется. Расширение корпуса, вероятнее всего, началось между 1826 г. [ТФ ГАТО. Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 2] и 1831 г. [ТФ ГАТО. Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 21]. На плане 1835 г. [ТФ ГАТО. Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 27] наблюдаем, что здание уже полностью занимает прясло стены между двумя южными круглыми башнями. Абрис здания при этом приобретает вычурную угловатую форму. Если судить по экспликациям к планам, то существенных изменений в назначении здания на протяжении XVIII–XIX вв., вероятно, не было. Даже на поздних планах 1831 г. и 1835 г., как и прежде, постройка фигурирует как служебная.

На плане 1835 г. корпус вместе с Архиерейским домом полностью вошел в состав закрытого двора. Край этого двора, вероятно, маркирует кирпичный столбик от ограды, обнаруженный при раскопках. Вхождение служебного корпуса в состав закрытого двора служит дополнительным доводом в пользу того, что она использовалась в хозяйственных надобностях ведомством тобольского архиерея. Более детальные обстоятельства постройки, а также демонтажа здания в литературе не известны. Относительно верхней даты ее существования предположим, что она эксплуатировалась до конца 1830-х гг. [Кочедамов, 1963, с. 124, рис. 84].

Несмотря на значительное уничтожение культурного слоя в секторах, близких к крепостной стене, напластования, относящиеся к XVIII–XIX вв., сохранились. На этих участках при изучении строительного горизонта, относящегося ко времени воз-

ведения и функционирования кирпичного здания, были обнаружены достаточно важные находки (рис. 5, 6). В секторе 3 найдено скопление небольших фигурных медных блях, как целых (рис. 5.-1-4, табл. 1.-1-4), так и пострадавших от огня изделий (рис. 3, 5.-5-7, табл. 1.-5-6). Аналогии таким бляхам не известны, однако следует отметить схожесть форм и пропорций изделий с розетками, изображенными на стенах кремля на иконе середины XVIII в. [Кириллов, 1984, с. 143, рис. 71], а также на чертеже «Перспект города Тобольска» Георга фон Аша (рубеж 1770–1780-х гг.) [Конев, 2017, с. 187, рис. 1]. В том же секторе обнаружена крупная медная трапециевидная бляха с тремя «ушками» (рис. 3, 5.-8, табл. 1.-7), медная пуговица с железным ушком (рис. 3, 5.-9, табл. 1.-8), деньга 1749 г. (рис. 3, 5.-10, табл. 1.-9).

Редкой находкой стал импортный железный навесной замок (рис. 3, 6, табл. 1.-10). Замок имеет подтреугольную форму с выпуклой лицевой стороной. Размер изделия 7–8,5 (макс.)×5,8–7,6 (макс.)×3,7 см. В центральной части и по плоскости задней стенки замка фиксируется вертикальная полоса усиления шириной 1,6 см (центральная) – 1,6–1,7 см (задняя). Замочная скважина расположена на торцевой (правой) стороне корпуса со смещением в сторону лицевой стороны замка. Высота скважины 1,6 см, ширина 0,15–0,2 см. В верхней

Рис. 5. Находки медных предметов из слоя XVIII–XIX вв.: 1–4 – фигурные бляшки; 5–6 – фигурные бляшки, деформированные огнем; 7 – обломок оплавленного изделия, 8 – трапециевидная бляшка; 9 – пуговица с железным ушком; 10 – деньга 1749 г.

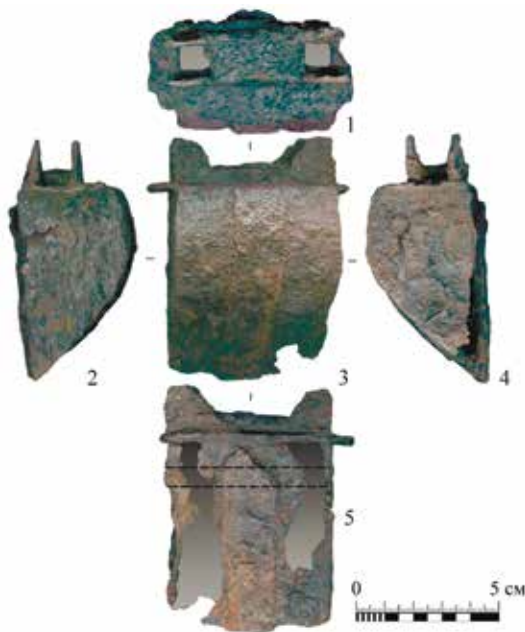

Рис. 6. Навесной замок из слоя XVIII–XIX вв. (железо)

части скважины прослеживается стержень диаметром 0,5 см, проходящий горизонтально внутри замка и крепящийся изнутри корпуса с другого края. На стержень крепился запорный механизм, от которого более ничего не сохранилось. В верхней части замка дужка не сохранилась. Судя по отверстиям, дужка была прямоугольной в сечении. Размер отверстий под дужку – 1×0,8 см. Для дополнительной защиты дужки в верхней части замка сделаны скошенные трапециевидные «ушки» высотой 1,2 см и максимальной шириной 1,5 см.

Таблица 1

Индивидуальные находки

Наименование	Размеры, см	Глубина, см, сектор	Примечание
Бляха	6,2×2,3×0,2	-128–132, С. 3	Медь, железо (шпеньки)
Бляха	6,2×2,3×0,2		Медь, железо (шпеньки)
Бляха	6,2×2,2×0,2		Медь, железо (шпеньки)
Бляха	4,2×2,3×0,3		Медь, железо (2 ушка)
Бляха	4,5×2,2×0,2		Медь, железо. Деформирована
Бляха	2,5×2,2×0,2		Медь, железо. Деформирована
Бляха	7,5×5×0,15	-167, С. 3	Медь, железо (3 ушка)
Пуговица	Д – 2,3	-143, С. 3	Медь, железо (ушко)
Монета	Д – 2,4	-143, С. 3	Деньга 1749 г.
Замок	8,5 (общ.) 7×5,8×3,7	-140, С. 3	Железо. Задняя стенка проржавела
Вток	Длина 6, макс. диаметр – 4, толщ. стенок – 0,6	-242, С. 2	Железо. Сильная коррозия
Бляха	2,5×2×0,2	-184, С. 2	Медь
Накладка рукоятки ножа	6,3×1,4×0,4	-190, С. 2	Кость. Обломана, трехшпильковая (железо)
Пуля	1,5×1,1×0,8	-236, С. 2	Свинец. Округлая, половинчатая, с литником
Удила	Л – 9,6 см, Дстерж. – 0, 8, Ддуг. – 2, 1; 2, 4	С. 4. Гор. 5	Железо. Коррозия
Пряслице	5,8×5,3×3,7	-210, С. 1, в заполнении ямы №3	Глина. По ребру пряслица – 10 отверстий приостренной палочкой, Дотв. – 1,4 см
Скоба	П-образная 8,3×5,4. Сеч. max 0,7×0,6	С. 4. Яма №10	Железо. Коррозия. Следы древесных волокон
Нож	15,5×2,2×0,2	-240, С. 4, в заполнении ямы №11	Железо, острие обломано. Сильная коррозия

Аналогичный по форме и размерам замок известен из перемешанных слоев Затверецкого посада г. Твери [Момбекова, Андреев, 2018, с. 152, рис. 5]. Этот тип замка воспроизведен в труде Д. Дидро «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (1751–1780 гг.) [18th Century 1771...]. И.Н. Хьюм на североамериканских материалах определял его дату 1730–1820 гг. [Hume, 1970, с. 250–252]. Тобольский экземпляр по комплексу признаков датируется 1740–1830-ми гг.

Изучение культурного горизонта конца XVI–XVII вв.

Общая площадь участков раскопа, не затронутых фундаментами, составила 43,3 кв. м. Часть горизонта конца XVI–XVII вв. подверглась разрушению и сохранилась на глубину 30–85 см. По структуре слой того времени в основном представляет собой однородный гумусированный грунт с маломощными прослойками угля, песка, кирпичной крошки. По мнению И.В. Балюнова [2016, с. 11–12], структура культурного

слоя Тобольского кремля с практически полным отсутствием следов каменного строительства характерна для конца XVI – рубежа XVII–XVIII вв.

Стратиграфические наблюдения при раскопках 2006 г. подтвердили эту точку зрения (рис. 4). Структура слоя достаточна гомогенная, содержала перегнившую органику. Из-за близкого расположения к крепостной стене этот грунт на большой площади дополнительно оказался перекрыт темно-серым суглинком с включением твердого строительного мусора (кирпич, известь), относящегося к рубежу XVII–XVIII вв. Подстилала ранний культурный слой суглинистая палеопочва однородного черного цвета мощностью до 60 см. Эта почва в верхней части, т.е. на уровне дневной поверхности XVI–XVII вв., содержит незначительные находки раннего железного века [Загваздин, 2012]. Ниже нее лежит материковый желтоватый суглинок четвертичных отложений Тобольского материка.

Насыщенность слоя, не разрушенного фундаментами, в среднем составила 24 ед. находок на 1 кв. м. Лучшее сохранился в секторе 2. Там плотность находок составила 41 ед. на 1 кв. м. Массовые находки того времени: неполированная русская керамика, кости животных, железные гвозди, небольшие фрагменты слюдяных окон (рис. 7).

Изделия из железа представлены коваными гвоздями двух типов: 1) с округлой шляпкой диаметром около 3,5 см и невысоким, около 5 см, стержнем (рис. 7.-1); 2) с подпрямоугольной шляпкой длиной около 2,5 см и длинным, более 10 см, стержнем (рис. 7.-2). Также к предметам из железа относится находка конской упряжи – удила (рис. 7.-3) (кольчатые удила с однодырчатым окончанием грызла, по А.А. Адамову). Такой тип удила стал широко распространяться на обширной территории Евразии с начала II тыс. н.э. [Адамов, 2000, с. 45–46]. Вероятно, бронзовая бляха (рис. 3; 7.-6) также является элементом украшения упряжи коня. Точные аналогии ей не известны.

Представляет интерес полуконический по форме железный вток, возможно, от трости (рис. 3; 7.-4; табл. 1.-15), ранее не известный по раскопкам в Тобольске. Из предметов вооружения в слое найден боезапас – половинчатая свинцовая пуля с литником (рис. 3; 7.-5; табл. 1.-14).

К изделиям из кости относится неширокая костяная накладка рукоятки ножа с тремя сохранившимися железными шпеньками для крепления (рис. 3; 7.-7; табл. 1.-13). Такие узкие накладки на рукоятку ножа с трехшпильковым креплением хорошо известны в материалах Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 118, табл. 40]. Также к изделиям из кости относится игрушка маховичного типа – брунчалка, изготовленная из задней плюсовой кости свиньи*, с одиночным отверстием в диафизе (рис. 7.-8). Брунчалки встречаются на славянских памятниках археологии Центральной России, по крайней мере, с XI в. и до этнографического времени. В Тобольске брунчалки обнаружены в слоях XVII в. [Турова, 2017].

Интересны два фрагмента от импортных стеклянных сосудов (рис. 7.-11–12). Узор на стекле соответствует венецианской технологии изготовления сосудов с филигранным декором [Качалов, 1959, с. 114–119]. Сосуды из филигранного стекла по сибирским материалам известны, в частности, из Мангазеи (XVII в.) [Визгалов, Пархимович, с. 251, рис. 135]. Русская керамика (рис. 7.-13–22) представлена в основном горшками, изготовленными на гончарном круге. Лепная русская керамика представлена всего лишь одним фрагментом (рис. 7.-13). Также в единственном экземпляре найден фрагмент стенки с темно-зеленой, муравленой, поливой (рис. 7.-22). Помимо русской керамики в слое в переотложенном состоянии встречена керамика раннего железного века (рис. 7.-23–24).

* Определение любезно выполнено кандидатом биологических наук П.А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург).

К концу XVI–XVII вв. относится ряд ям (рис. 3, 4, 8), впущенных в материк с уровня палеопочвы. К сожалению, целиком исследовать все ямы по всей площади раскопа не удалось – из-за отсутствия финансирования раскоп пришлось законсервировать. Частично было изучено заполнение ям №1 и 3, полностью – заполнение ям №10 и 11.

Яма №1 (рис. 3) прямоугольной формы располагается в секторе I, в межфундаментном пространстве, частично перерезана фундаментами объектов 1 и 4. Размер – 2,93×0,53 м.

Рис. 7. Находки из слоя конца XVI–XVII вв.: 1–2 – гвозди; 3 – удила; 4 – вток (1–4 – железо); 5 – пуля (свинец); 6 – бляшка (медь); 7 – накладка на рукоять ножа (кость, железо); 8 – брусчалка (кость); 9–10 – фрагменты слюдяных окон; 11–12 – фрагменты изделий из стекла; 13–20 – русская неполированная керамика (13 – лепной горшок) (глина); 21 – поливная керамика (глина, зеленая глазурь); 22 – поливная керамика (глина, зеленая глазурь); 23–24 – керамика РЖВ (глина)

Выбрана до 0,5 м. Заполнение ямы – коричневый гумус, мешанный с углем. Вдоль длинной, восточной стенки зафиксированы остатки древесного тлена. По всей видимости, присутствовала какая-то конструкция в виде сруба, впущенного в яму, либо обкладка из досок. Находки в заполнении: гвозди (рис. 9.-1-2), обломок железного предмета (рис. 9.-3), фрагменты кожаной обуви (рис. 9.-4-5), русская керамика (рис. 9.-6-9), в единственном экземпляре – керамика раннего железного века (рис. 9.-10), кости животных.

Яма №3 (рис. 3) подовальной формы располагается в секторах 1 и 2. Размер 1,58×1 м. Выбрана до 0,5 м. Заполнение ямы – коричневатый гумус. В заполнении об-

Рис. 8. Изученные ямы №10–11: 1 – вид на ямы №10–11 с юга; 2 – вид на яму №11 с востока

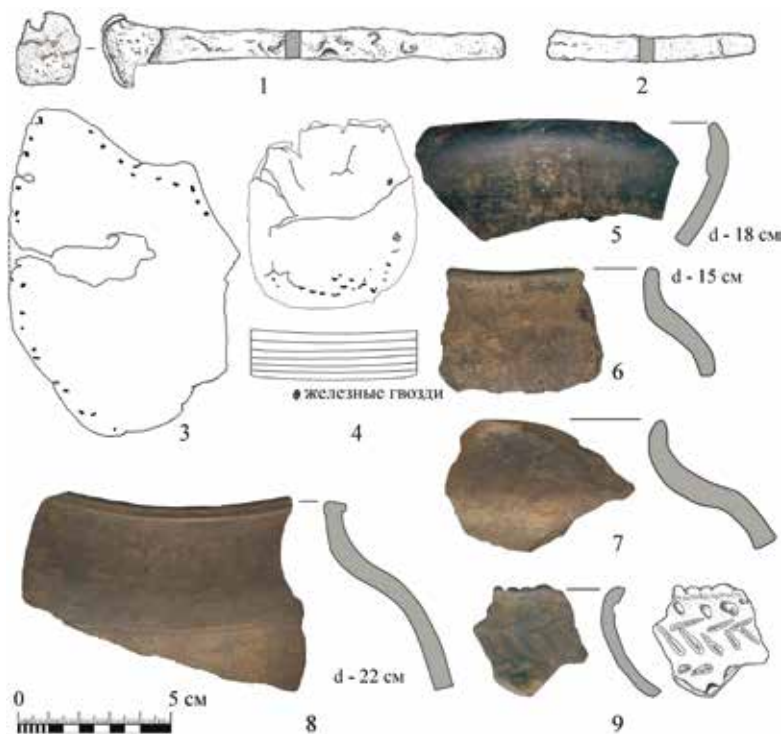

Рис. 9. Находки из ямы №1: 1-2 – гвозди; 3 – обломок инструмента (1-3 – железо); 4-5 – фрагменты кожаной обуви; 6-9 – русская керамика; 10 – керамика РЖВ (6-10 – глина)

Рис. 10. Пряслице из ямы №3 (глина)

наружено биконическое пряслице из грубого глиняного теста с линией наколов по ребру (рис. 10, табл. 1.-16). Отверстие пряслица из-за частого использования развальцовано с обеих сторон. Размер изделия – 5,8×5,3×3,7 см, вес – 108,5 г. Биконические пряслица известны на территории юго-восточной Европы с начала I тыс. н.э. [Баран и др.,

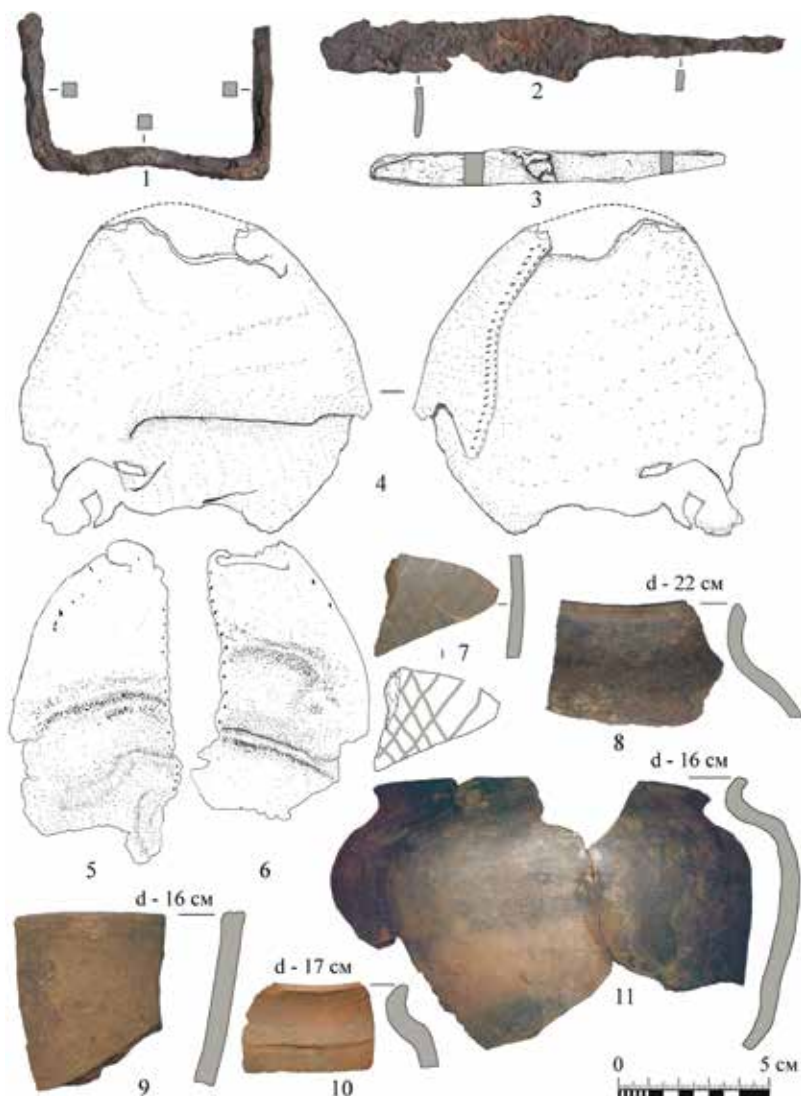

Рис. 11. Находки из ям №10–11: 1 – скоба из ямы №10; 2–11 – яма №11 (2 – нож, 3 – обломок неатрибутированного изделия (1–3 – железо), 4–6 – фрагменты кожаной обуви, 7–11 – русская керамика (глина))

1990, с. 164, 165, рис. 30.-18]. На памятниках, связанных с русским освоением Сибири, и в городских слоях XVI–XVII вв. пряслица, кроме Тобольска, не встречены.

Яма №10 (рис. 3; 4.-1, 3; 8.-1) овальной формы, размером 1,93×0,94 м, перерезана фундаментом объекта №1. Ее заполнение – жженный кирпич с линзой угля. Яма неглубокая – 5 см от уровня материка. В заполнении найдена железная скоба с квадратным сечением (рис. 11.-1).

Яма №11 (рис. 3, 4.-1, 3; рис. 8) подовальной формы, размером 1,9×1,7 м. Максимальная глубина ямы от уровня материка 80 см. Отделена от ямы №10 материковой «перемычкой». Заполнение ямы – коричневый гумус, мешанный серо-желтый суглинок. Яма с покатыми стенками. С севера у ямы две ступеньки. Первая – сверху, неширокая, подпрямоугольной формы. Вторая – ниже первой, широкая, выкопанная в материковом суглинке, с небольшим уклоном внутрь ямы. Дно ямы ровное, без следов прокала или угля. Конфигурация ямы характерна для погреба. В заполнении найдено: нож (рис. 11.-2), неатрибутированный железный предмет (рис. 11.-3), фрагменты кожаной обуви (рис. 11.-4–6), русская неполивная керамика (рис. 11.-7–11), кости животных. В юго-восточном углу ямы фиксируется округлая ямка (№12) диаметром 19 см с рыхлым заполнением – след от буровой разведочной колонны.

Заключение

Раскопки широкой площадью в юго-восточной части Тобольского кремля позволили исследовать разновременные объекты. Были изучены три хронологических горизонта (сверху вниз).

Первый относится к XVIII–XIX вв. На этом горизонте главным объектом исследований стали остатки капитального здания. Изучение разнотипных по устройству фундаментов, связанных между собой, показало сложную историю каменного кремля, начавшуюся с рубежа XVII–XVIII вв. Центральное кирпичное строение, находившееся в этой части кремля, прошло долгий путь от небольшого здания до протянувшегося вдоль крепостной стены корпуса служебного назначения, входившего в состав Архиерейского двора. Просуществовало строение, по всей видимости, с 1740-х и до конца 1830-х гг.

Второй хронологический горизонт относится к началу основания Тобольска и датируется концом XVI – XVII в. Исследованы закрытые комплексы – ямы, относящиеся к тому времени. Некоторые из них, например яма №11, представляется возможным соотнести с постройками, имевшими хозяйственные погреба.

Третий хронологический горизонт – «дорусский» представлен в незначительном количестве керамикой раннего железного века, встреченной в слое конца XVI – XVII в.

Библиографический список

Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. С. 450–451.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.

Балюнов И.В. Остатки жилой постройки XVIII в.: материалы археологических исследований 2007 г. на территории Тобольского кремля // Баландинские чтения. 2014. Т. IX, ч. 1. С. 52–55.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М. : Наука, 1981. 147 с.

Баран В.Д., Максимов Е.В., Магомедов Б.В., Вакуленко Л.В., Вознесенская Г.А., Козак Д.Н., Паньков С.В., Пачкова С.П., Приходнюк О.М., Смиленко А.Т., Терпиловский Р.В., Юренко С.П. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев : Наукова думка, 1990. 488 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.

Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М. : Искусство, 1987. 384 с.

Данилов П.Г. Святые ворота в Тобольском кремле (по данным письменных и археологических источников) // Баландинские чтения. 2016. Т. IX. С. 39–42.

Загваздин Е.П. Новые данные об устройстве фортификаций Тобольского кремля (по материалам исследований 2006 года) // Баландинские чтения. 2018. Т. XIII. С. 153–159.

Загваздин Е.П. К вопросу о раннем культурном слое Троицкого мыса г. Тобольска // Тобольск – врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX вв. Тобольск : ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012. С. 12–18.

Качалов Н.Н. Стекло. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 466 с.

Кириллов В.В. Тобольск. М. : Искусство, 1984. 240 с.

Конев А.Ю. «Перспект города Тобольска» из Геттингенской коллекции Георга фон Аша (к критике источника) // Тобольск научный – 2017. Тюмень : Аксиома, 2017. С. 185–188.

Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень : Тюм. кн. изд-во, 1963. 156 с.

Момбекова А.А., Андреев А.А. Средневековые ключи и навесные замки Затверецкого посада г. Твери (по материалам раскопа №74) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь : Парето-Принт, 2018. Вып. 11. С. 148–153.

Рахимов В.Г. Подпорные стены Прямого взвоза Тобольского кремля // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. 2004. №2(31). С. 176–201.

РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 21, 2181.

РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 792.

Турова Н.П. О музыкальной детской забаве сибиряков (по археологическим материалам XVII века из Тобольска) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 485–488.

ТФ ГАТО, Ф.И. 154. Оп. 21, Д. 2, 5, 21, 27.

Hume I.N. A Guide to Artifacts of Colonial America. New York, 1970. 342 p.

18th Century 1771 Large Engraving Print Padlocks&Combination Locks Diderot // https://picclick.com/18th-Century-1771-Large-Engraving-Print-Padlocks-264013791097.html#&gid=1&pid=2 (дата доступа 15.06.2019).

References

Adamov A.A. Arheologicheskie issledovaniya v Tobol'skom kremle [Archaeological Research in the Tobolsk Kremlin]. Russkie starozhily : materialy III Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri» [Russian Old-Timers: Materials of the IIIrd Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia”]. Tobol'sk ; Omsk : OmGPU, 2000. Pp. 450–451.

Adamov A.A. Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. [Novosibirsk Ob in the 10th – 14th Centuries]. Tobol'sk ; Omsk, 2000. 256 p.

Baljunov I.V. Ostaki zhiloy postrojki XVIII v.: materialy arheologicheskikh issledovanij 2007 g. na territorii Tobol'skogo kremlja [Remains of a Residential Building of the 18th Century: Materials of Archaeological Research of 2007 on the Territory of the Tobolsk Kremlin]. Balandinskie chtenija [Balandin Readings]. 2014. Т. IX. Part 1. Pp. 52–55.

Belov M.I. Ovsjannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeja. Material'naja kul'tura russkikh poljarnyh morehodov i zemleprohodcev XVI–XVII vv. [Mangazeja. Material Culture of Russian Polar Navigators and Explorers of the 16th–17th Centuries]. М. : Nauka, 1981. Part 2. 147 p.

Baran V.D., Maksimov E.V., Magomedov B.V., Vakulenko L.V., Voznesenskaja G.A., Kozak D.N., Pan'kov S.V., Pachkova S.P., Prihodnjuk O.M., Smilenko A.T., Terpilovskij R.V., Jurenko S.P. Slavjane Jugo-Vostochnoj Evropy v predgosudarstvennyj period [The Slavs of Southeast Europe in the Pre-state Period]. Kiev : Naukova dumka, 1990. 488 p.

Vizgalov G.P., Parhimovich S.G. Mangazeya: novye arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: New Archaeological Research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg ; Nefteyugansk : Magellan, 2008. 296 p.

Goncharova N.N. E.M. Korneev. Iz istorii russkoj grafiki nachala 19 veka [From the History of Russian Graphics of the Early 19th Century]. М. : Iskusstvo, 1987. 384 p.

Danilov P.G. Svjatye vorota v Tobol'skom kremle (po dannym pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov) [Holy Gates in the Tobolsk Kremlin (according to written and archaeological sources)]. Balandinskie chtenija [Balandin Readings]. 2016. Т. IX. Pp. 39–42.

Zagvazdin E.P. Novye dannye ob ustrojstve fortifikacij Tobol'skogo kremlja (po materialam issledovanij 2006 goda) [New Data on the Fortifications of the Tobolsk Kremlin (based on 2006 research)]. Balandinskie chtenija [Balandin Readings]. 2018. T. XIII. Pp. 153–159.

Zagvazdin E.P. K voprosu o rannem kul'turnom sloe Troickogo mysa g. Tobol'ska [On the Issue of the Early Cultural Layer of the Trinity Cape of the City of Tobolsk]. Tobol'sk – vrata Sibiri: Aktual'nye voprosy istorii goroda i regiona XVII–XX vv. [Tobolsk is the Gate of Siberia: Actual Questions of the History of the City and Region in the 17th – 20th Centuries]. Tobolsk : TGSPA named by D.I. Mendeleev, 2012. Pp. 12–18.

Kachalov N.N. Steklo [Glass]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1959. 466 p.

Kirillov V.V. Tobol'sk [Tobolsk]. M. : Isskustvo, 1984. 240 p.

Konev A.Ju. «Perspektiv goroda Tobol'ska» iz Gettingenskoj kollekcii Georga fon Asha (k kritike istochnika) [“The Perspective of the Tobolsk City” from the Gottingen Collection of Georg von Asch (to criticism of the source)]. Tobol'sk nauchnyj – 2017 [Scientific Tobolsk – 2017]. Tjumen' : Aksioma, 2017. Pp. 185–188.

Kochedamov V.I. Tobol'sk (kak ros i stroilsja gorod) [Tobolsk (as the city grew and was built)]. Tjumen' : Tjum. kn. Izd-vo, 1963. 156 p.

Mombekova A.A., Andreev A.A. Srednevekovye kljuchi i navesnye zamki Zatverecckogo posada g. Tveri (po materialam raskopa №74) [Medieval Keys and Padlocks of the Zverevsky Suburb of the Tver City (according to materials of excavation number 74)]. Tver', tverskaja zemlja i sopredel'nye territorii v jepohu srednevekov'ja [Tver, the Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages]. Tver' : Pareto-Print, 2018. Vol. 11. Pp.148–153.

Rahimov V.G. Podpornye steny Prjamskogo vzvoza Tobol'skogo kremlja [Retaining Walls of the Pryamskoy Rise Tobolsk Kremlin]. Ezhegodnik Tobol'skogo muzeja-zapovednika [Yearbook of the Tobolsk Museum-Reserve]. 2004. №2(31). Pp. 176–201.

RGVIA. F. 349. Op. 39. D. 21, 2181.

RGIA. F. 1399. Op. 1. D. 792.

Turova N.P. O muzykal'noj detskoj zabave sibirjakov (po arheologicheskim materialam XVII veka iz Tobol'ska) [On the Children's Musical Amusement of Siberians (on the Archaeological Material of the 17th Century from Tobolsk)]. Kul'tura russkih v arheologicheskih issledovanijah [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk : Nauka, 2017. Pp. 485–488.

TF GATO, F.I. 154, Op. 21, D. 2, 5, 21, 27.

Hume I. N. A Guide to Artifacts of Colonial America. New York, 1970. 342 p.

18th Century 1771 Large Engraving Print Padlocks&Combination Locks Diderot // https://picclick.com/18th-Century-1771-Large-Engraving-Print-Padlocks-264013791097.html#&gid=1&pid=2 (date: 15.06.2019).

E.P. Zagvazdin

*Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia*

NEW MATERIALS ON ARCHAEOLOGY OF THE TOBOLSK KREMLIN

The article presents the results of rescue archaeological excavations which took place in 2006 in the south-eastern part of the Tobolsk Kremlin. The central object of research was the well-preserved foundation of the building dating back to the 40s of the 18th century – 30s of the 19th century with the traces of re-erecting. Despite the fact that the building was marked on a number of drawings and engravings of the beginning of the 19th century, its history is not traced in the local lore literature. With the involvement of a number of cartographic sources, it was found out that the capital building had a complex history of construction, was part of the bishop's complex, and had an official purpose.

The research was done of a number of objects related to the initial period of the city functioning – the end of the 16th – 17th centuries. Despite the fact that the cultural layer of the 18th – 19th centuries at the research site was almost completely destroyed, the earlier layer was preserved. This circumstance allowed collecting and studying a representative collection of objects relating both to the “pre-Russian” and to the early period existence of Tobolsk.

Key words: Tobolsk Kremlin, Archbishop's house, rescue excavations, archaeology, architecture.

УДК 902«637»(571.1)

И.В. Ковтун

Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

ЛУНА В МИФОЛОГИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АЗИИ (III – нач. II тыс. до н.э.)

В статье выделена серия разнокультурных изображений периода развитой бронзы юга Западной Сибири, связанных общим смысловым значением. Обосновывается лунарная семантика окуневских, крохалевских и самусьских антропоморфных персонажей, передающих идею значимых лунных циклов, главным образом, новолуния, первой четверти и полнолуния. Реконструируются мировоззренческие представления населения данных культур, исследуются вероятные истоки лунарного культа и особенности подобных воззрений у каждого сообщества. Выявлены специфические иконографические способы передачи схожих идейных стереотипов, различными изобразительными средствами, присущими культурным группам Верхнего Приобья, Нижнего Притомья и Среднего Енисея во 2-й половине III – начале II тыс. до н.э. Рассмотрена серия луновидных подвесок, обнаруженных в памятниках культур сейминско-турбинской эпохи, и предложена их семантическая интерпретация. Представлены сведения об абсолютной хронологии крохалевских и самусьских комплексов по ¹⁴C и их корреляция с радиоуглеродными датировками окуневских древностей.

Ключевые слова: лунарные образы, юг Западной Сибири, окуневская культура, крохалевская культура, самусьская культура, мировоззрение, изобразительное искусство, орнаментальная графика.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-06

Введение

В 2017 г. в центральной части г. Новосибирска на правом берегу Оби, недалеко от устья р. Ини, на поселении Турист-2 был открыт и исследован грунтовый могильник периода развитой бронзы. В ряде захоронений этого уникального памятника найдена керамика крохалевского и кротовского облика. Там же обнаружили произведения изобразительного искусства [Басова и др., 2017, с. 509–512; Басова, 2018, с. 209–213; Заика, Басова, Постнов, 2019, с. 123–130], значение которых для мировоззренческой и культурно-исторической интерпретации ряда западносибирских изобразительных комплексов эпохи бронзы – раннего железного века трудно переоценить.

В настоящее время опубликованы только два предмета изобразительного искусства из числа обнаруженных в захоронениях Туриста-2. Но и эти находки позволяют провести ряд значимых параллелей с изображениями синстадиальных культур Горного Алтая, Нижнего Притомья и Среднего Енисея.

Пояс и шаман

Обнаруженная в погребении №1 Туриста-2 накладка из полимерных материалов, как называют ее авторы публикации, находилась над левой тазовой костью погребенного, поверх еще одной пока не опубликованной накладки. На этом изделии запечатлена полифигурная композиция, включающая трех антропоморфных персонажей, изображенных в полный рост, и две щучьи головы [Заика, Басова, Постнов, 2019, с. 124, рис.] (табл. 1). Верхняя часть левой фигурки утрачена, но посредством компьютерного «слепок» с сохранившегося симметричного образа удалось реконструировать облик всей композиции целиком (табл. 2).

Табл. 1. Полифигурная композиция. Погребение №1, Турист-2. Фото автора

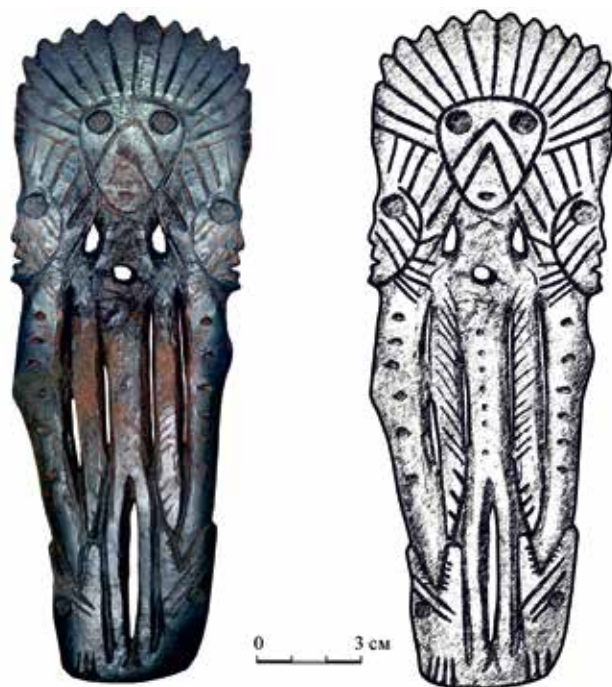

Табл. 2. Полифигурная композиция. Погребение №1, Турист-2. Реконструкция

Место обнаружения двух так называемых накладок с изображениями, лежавших над левой тазовой костью, удостоверяет их нахождение на поясе погребенного из могилы-1 Туриста-2. Такое сочетание напоминает функциональность пояса сибирского шамана, который наряду с бубном, колотушкой и головным убором являлся одним из важнейших аксессуаров кама. На поясе могли находиться изображения духов-помощников, другие атрибуты и инструментарий обрядовых действий. Поэтому находки из могилы-1 Туриста-2 допускают причастность похороненного там человека к магическим практикам и ритуальным церемониям в качестве «протошамана» крохалевского периода. Наконец, вряд ли космографическая композиция, отражающая фундаментальные принципы мироустройства и календарных циклов, оказалась бы в захоронении рядового погребенного.

При этом сам факт наличия пояса удостоверяет социальную значимость и особенный статус опоясанного им человека. Это подтверждается необыкновенными свойствами поясов богов сибирских аборигенов. В мифологической картине мира манси демиург Корс-Торум уронил свой пояс на землю, и из него образовался Уральский хребет [Гондатти, 1888, с. 47]. По другой версии, это сделал его сын Нуми-Торум, опоясавший середину земли своим тяжелым поясом – Уральским хребтом. Вследствие этого земля перестала вертеться и стала неподвижной, обретя стабильность [Источники по этнографии..., 1987, с. 153; Мифы, предания..., 1990, с. 297–298; Головнев, 1995, с. 540–541]. У индоариев пояс Индры также представляется метафорой невероятных габаритов и необычных качеств высшего божества [Ригведа, I. 173. 6; II. 17. 2].

Иной тип мифического пояса – «Пояс Силы». Он является одним из важнейших атрибутов Тора: «И другим бесценным сокровищем владеет Тор – Поясом Силы. Лишь только он им опоясается, вдвое прибудет божественной силы» [Младшая Эдда, 1994, с. 41–42]. В мифологии хантов также присутствует «пояс силы». Герой побеждает противника после опоясывания, а в смертельном состязании сила его пояса решает исход борьбы с лешими. По представлениям манси, покидая свой дворец, Нуми-Торум опоясывается, что помогает ему в охоте:

В лесу и горах приносящий счастье
Счастливый пояс свой
Отец надевает...
В охоте на красного зверя,
В охоте на черного зверя
Счастье дающим поясом
Мой отец подпоясался.

После опоясывания разорванным платком пояс добавляет силу и превращает в мужчину храбрую старуху-манси [Мифы, предания..., 1990, с. 301, 302, 322; Головнев, 1995, с. 285, 286].

У ненцев пояс считался знаком достоинства и силы человека [Головнев, 1995, с. 201], а пояс ненецкого Мандо-мянга – Нума служит ему приспособлением для буксировочного зацепа вожака зверей, за которым он едет на лыжах [Головнев, 1995, с. 389].

Значения поясов некоторых ведийских персонажей сочетают функциональность «пояса силы» с обозначением статуса его обладателя. Мотив подвластного Варуне «опоясывающего» человека прегрешения представлен в Ригведе:

Ослабь грех на мне, словно пояс!
Пусть будет нам удача (в том, чтобы достигнуть) источника
твоего закона, о Варуна!

[Ригведа, II. 28. 5].

В Шатапатха-Брахмане женский пояс уже непосредственно отождествляется с петлей Варуны [Эрман, 1980, с. 147]. Аналогичная петля или аркан, как известно, – это еще и один из атрибутов Ямы, служащий ему для связывания и увода умерших. Его совпадение с подобным атрибутом Варуны считается одним из признаков частичного совмещения функций этих божеств [Невелева, 1975, с. 80, 83; см. также: Macdonell, 1897, p. 172]. В свою очередь, петле-аркану Ямы, вероятно, уподобляется и магический пояс, которым он забирает умершего (?) человека:

Бог, который завязал этот пояс,
Который стянул (его) и который соединил его для нас,
Бог, по чьему приказу мы движемся, –
Пусть ищет он другой берег и освобождает нас!

Ты пожертвован, принят как жертва.
Ты – оружие риши.
Первым приобщаясь к обету,
Будь убийцей героев, о пояс!

Раз я ученик Смерти,
Добивающийся от бытия человека для Ямы,
Этим поясом я его обвязываю
С заклинанием, пылом, (жертвенным) усилием.

[Атхарваведа (Шаунака), VI. 133. 1, 2, 3].

К ведийской эпохе восходит и инициационный обряд, венчавший окончание ученичества, считавшегося вторым рождением и отмечавшегося повязыванием особого пояса и (или) священного тройного шнура. Его название – яджнопавита, т.е. «жертвенный шнур», – объясняет первоначальную природу данного атрибута, поскольку ученичество рассматривалось как длительное жертвоприношение [Пандей, 1990, с. 113, 115–116, 126–128].

Схожее смысловое значение у пояса и в другом ведийском инициационном ритуале. На время жертвоприношения в обряде дикша жертвователю завязывал жертвенный пояс и снимал его по окончании церемонии [Мосс, 2000, с. 58]. В ведийской традиции дикша – это индивидуальное посвящение жертвователя, способствующее достижению им «нового рождения» и в архаичной версии предполагавшее мотив его «временной смерти» [Васильков, 1996а, с. 178]. Согласно различным ведийским источникам по обряду дикша, «проходя посвящение, он (жертвующий) умирает во второй раз», «жертвователю на деле приносит в жертву самого себя», а «прошедший посвящение – это жертва, которую предлагают богам» [Элиаде, 2009, с. 275].

Олицетворением рубежа обретаемого инобытия представляется пояс библейского Иова, которым он опоясывается по велению Бога: «Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне» [Ветхий Завет. Иов. 38.3]. Вы-

державший все страдания, насланные Сатаной, Иов доказал свою искреннюю преданность Богу, получив кратно больше утраченного, а также новую долгую и счастливую жизнь. Этот ветхозаветный сюжет в инвариантном остатке сохраняет отголоски превратностей шаманской болезни мучимого духами молодого кама. С окончанием испытания начинающий шаман обретал новый личностно-социальный статус, символизируемый особыми принадлежностями, включая шаманский пояс.

Подобное смысловое содержание процедуры ведийского обряда и ветхозаветные реминисценции сопоставимы с шаманскими перерождениями неопита у многих народов Сибири [Ковтун, 2012, с. 67–70]. Поэтому наличие специального пояса у погребенного из могилы-1 Туриста-2 с закрепленной на нем ритуально-магической атрибутикой позволяет идентифицировать его как слугителя культа.

Полнолуние и Новый год

Центральный образ композиции из могилы-1 Туриста-2 передан анфас и увенчан головным убором из 15 символических лучей. Боковые персонажи запечатлены в профиль и видимая часть их головного убора состоит из шести лучей у каждой фланкирующей фигурки (табл. 2; 3.-1). Символизацией этих числовых значений подразумевались содержательные планы, связанные с полнолунием и другими значимыми фазами Луны. Число «15» соответствует середине лунного месяца по количеству суток, прошедших от новолуния до полнолуния. Такое число суток знаменует окончание первой половины лунного, синодического месяца, составляющего около 29,5 суток. Поскольку во время новолуния Луна не видна около 1,5 суток, продолжительность ее видимости составляет 28 суток, или четыре недели, соответствующие первой четверти, полнолунию, последней четверти и новолунию [Селешников, 1970, с. 166; Климишин, 1985, с. 34, 40]. При этом в различных мировоззренческих традициях индоевропейских и сибирских народов фаза полнолуния связывалась с 14-м, 15-м и гораздо реже с 16-м днями месяца.

Многие народы придавали полнолунию особенное значение [Элиаде, 1999, с. 162–163; Ковтун, 2014, с. 92–94]. Деификация фазы полнолуния восходит к архаичным мифокалендарным представлениям, сравнимым только с масштабами поклонения солнцу. Например, кеты считали: «Родившийся месяц начинал свой путь низко над землей, и каждый вечер поднимался все выше. За первые семь дней он достигал второго круга (мыса) неба, а на четырнадцатый оказывался на месте своего жительства – четвертом круге... На втором круге он выглядел уже в виде полукруга, а четвертого достигал круглым» [Алексеев, 1976, с. 83]. По представлениям манси: «В подземном мире луна бывает лишь вполнолуние, полнолуния там не бывает» [Источники по этнографии..., 1987, с. 152]. Связь растущей луны с плодородием зафиксирована в представлениях и индоевропейских, и неиндоевропейских народов [Элиаде, 1999, с. 162–163]. Согласно сведениям К.Ф. Карьялайнена, в вогульских песнях верховная богиня-мать Калтась (Калтащ-эква) изображается молодой красивой женщиной с косами: «они развеваются, как семикратная Обь вместе с устьем, как семикратное море вместе с устьем, из кос расходится дневной свет, и в них возникает лунный свет» (цит. по: [Кашлатова, 2017, с. 75]). В этом описании нетрудно заметить числовую метафору двух лунных фаз: «семикратная Обь» и «семикратное море». Они олицетворяют время полнолуния и ассоциируются с источающими солнечный и лунный свет косами дающего жизнь женского божества.

Поэтому с полнолунием ассоциировался апогей жизненного начала, противопоставляемого миру мертвых. Отсюда представление о жертве, приуроченной к указанному календарному периоду лунного цикла и призванной обеспечить изобилие и благополучие. Мансийские жертвенные покрывала – ялпын, с изображением Мир-сусне-хума (реже – его матери Калтащ-эквы или Калтась-ими у хантов, а также «невесты»), одновременно олицетворявшие «седло бога» и его «коня», начинали делать, «когда полмесяца», а заканчивали – «когда полная луна» [Гемуев, 1990, с. 35–37]. Такое соотношение времени изготовления жертвенных атрибутов с фазой полнолуния не случайно. В культурных традициях манси выявлены заимствованные индоарийские элементы [Ковтун, 2013, с. 59; и др.], а ночь полнолуния у ведийских ариев именовалась «первой достойной жертв» [Атхарваведа (Шаунака), VII. 85. 1, 2, 4]. Образ «полной луны» фигурирует в обряде конского жертвоприношения у алтайцев [Элиаде, 2000, с. 188].

Неявная отсылка к фазе полнолуния фигурирует в одном из сюжетов хантыйской мифологии, приводимом К.Ф. Карьялайненом и повествующем о начале времен. По представлениям хантов бассейна р. Демьянка, еще до появления людей населявшие землю духи делили ее на совете, длившемся полмесяца (цит. по: [Мифы, предания..., 1990, с. 42]). Таким образом, установление ареалов и распределение сфер влияния каждого из духов изначально приурочивалось ко времени полнолуния.

Фигуральный образ полнолуния в композиции из Туриста-2 соотносится и с представлениями хронологически синхронных сейминско-турбинских группировок. Идея новогоднего полнолуния и совершаемого в это время конского жертвоприношения олицетворяется ажурной решеткой сейминского ножа, правосторонним ракурсом омского ножа, увенчанного конской парой, орнаментацией ростовкинского кельта-лопатки с изображением козла и, вероятно, 12-частной псевдообмоткой шемонаихского кинжала [Ковтун, 2013, с. 143, 145–147, 218–219, 319–320, 343–344], орнаментальной композицией клинка омского кинжала с кольцевым навершием, выступами на рукоятках кинжалов из Второго Каракольского клада, из уезда Тяньшуй провинции Ганьсу, из с. Чарышского и из погребения №425 Сопки-2/4Б [Ковтун, 2017, с. 111–113].

Помимо центральной фигуры, олицетворявшей полнолуние, в композиции из Туриста-2 присутствуют два профильных боковых персонажа. Характерной чертой этих изображений представляются зеркальная симметрия и профильная передача образов. В данной композиции профильная проекция – это ровно половина целого, символизируемого центральным персонажем. Следовательно, если центральный образ анфас олицетворяет полнолуние, то боковые профильные изображения символизируют «половину луны», т.е. полумесяц. Такая «половинчатость», переданная профильной проекцией боковых изображений, соответствует характерным признакам двух лунных фаз: первой и последней четверти. В Северном полушарии видимая часть растущей и убывающей луны визуальнo прирастает и убывает справа налево. Поэтому первую лунную четверть означала правая, сохранившаяся фигурка, а последнюю – вероятно, утраченная, но гипотетически реконструированная левая (табл. 2).

Характерным признаком головы этих образов представляются профильные головные аксессуары из шести лучей (табл. 3.-1). Интерпретация их смыслового значения связана с месячным и годовым календарными циклами. В первом случае, возможно, это количественная символизация лунных фаз и времени до наступления полнолуния, означаемого центральным персонажем. Следовательно, правая фигурка символизиро-

вала первую четверть, наступавшую за шесть суток до полнолуния, а левая – последнюю четверть, наступавшую через шесть суток после него. Полная луна сохраняет такой вид приблизительно с 15-х по 18-е лунные сутки, включая период невидимой Луны. Отсюда возможные расхождения в подсчетах суток с хорошо видимым лимбом и без него. Соответственно отсчет лунных суток от момента неомении исключает не менее двух суток невидимой Луны. Даже на трети сутки видимость лимба весьма незначительна. Поэтому периоды видимых лунных фаз отличаются от астрономических. Очевидно, для бесписьменных культур Северо-Западной Азии эпохи бронзы ориентиром служили визуальные наблюдения, и время невидимой Луны могло учитываться только в календарных исчислениях.

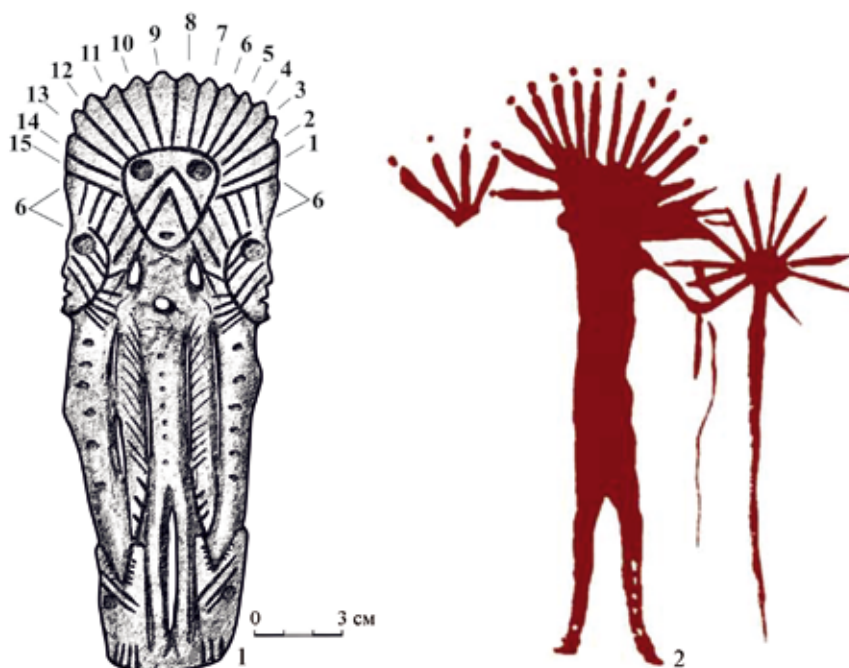

Табл. 3. Числовые символизации: 1 – полифигурная композиция. Погребение №1, Турист-2. Реконструкция; 2 – Каракол, плита 6, могила-5

Диагностирующим признаком фланкирующих образов представляются линии, отходящие от их левой и соответственно от правой «щеки», условно названные «бакенбардами». Местоположение, иная направленность и иконографические параллели данных элементов удостоверяют, что это не продолжение лучевидной «короны», а нечто иное (табл. 2). Аналогичные аксессуары фигурируют на ряде окуневских изображений, выполненных на стелах, керамике, а также из числа наскальных рисунков (табл. 4). В стилизованном, но узнаваемом виде типологически аналогичные элементы сопровождают и серию самусьских антропоморфов (табл. 7–9). Согласно нижеприведенной аргументации «бакенбарды» представляются исключительным атрибутом окуневских и самусьских лунных персонажей. Это удостоверяет реконструированный содержательный план двух боковых фигурок композиции из Туриста-2, означавших растущий и убывающий полумесяц, до и после полнолуния.

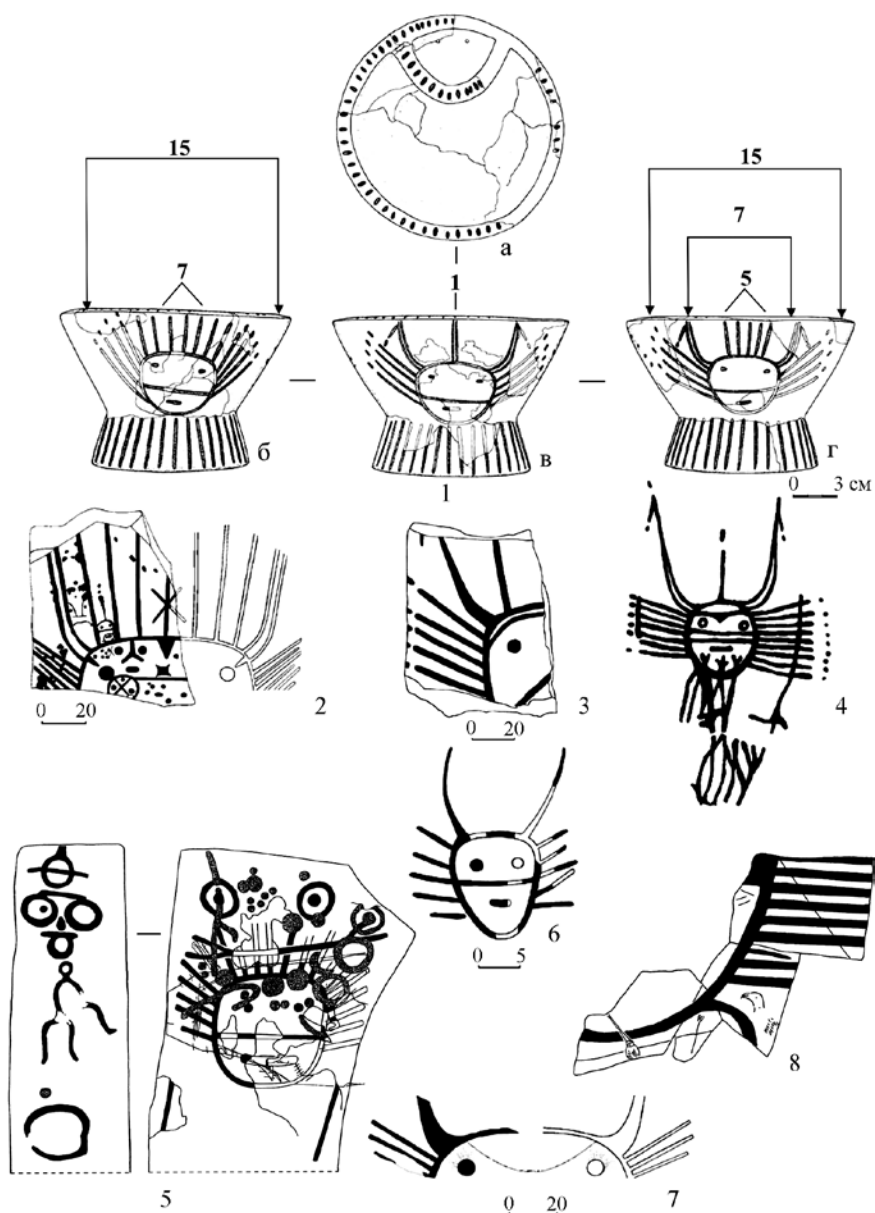

Табл. 4. Окуневские изображения и фрагменты с изображениями лунарных персонажей: 1 – Итколь-II, курган №12, могила-3; 2 – Ширинский район Хакасии; 3 – Итколь-II, курган №12, могила-10; 4 – Шалаболинская писаница; 5 – стела кургана р. Табат; 6 – Большое кольцо, могила-3-К; 7 – Тас-Хазаа; 8 – фрагмент стелы из кургана Тас-Хазаа

Вероятные смысловые значения профильных фигурок композиции не исчерпываются циклами лунного месяца. При мыслимой проекции в анфас число лучей у боковых персонажей пропорционально удвоится и составит 12. Именно так выполнена одна из каракольских композиций, структурно напоминающая рассматриваемую. При этом у бокового

каракольского персонажа именно 12 лучей (табл. 3.-2). Но создатели композиции из Туриста-2 не развернули боковые фигурки анфас. Следовательно, их символизация 12-месячного календарного года была обусловлена иными содержательными коннотациями. Такая трактовка удостоверяется сопутствующей числовой символикой в виде шести углублений на туловище правого и, вероятно, симметрично левого персонажа (табл. 2).

Пара шестичастных головных уборов и предполагаемая двусторонняя орнаментация фигурок шестью углублениями, по-видимому, олицетворяют еще и деление календарного года на два полугодия: год-зиму и год-лето. Такую двухсезонную календарную традицию сохранили и некоторые сибирские аборигены: эвенки, народы Нижнего Амура и Сахалина [Лушникова, 2004, с. 11; 2005, с. 12], ненцы, селькупы, северные и кондинские манси [Головнев, 1995, с. 297, 301, 329, 349; Лушникова, 2004, с. 11]. Структурное соответствие подобным календарным системам отражено в Ригведе и Атхарваведе, где 12 месяцев года уподобляются «шестерым близнецам» [Ригведа, I. 164. 15; Атхарваведа (Шаунака), X. 8. 5].

Согласно календарным традициям многих коренных сибирских и ряда индоиранских народов, ранневесенний стык зимнего и летнего полугодий, а равно начало Нового года, приходились на период весеннего равноденствия. При этом в архаичных солнечно-лунных системах времячисления наступление Нового года или нового календарного цикла нередко приурочивалось к фазе полнолуния. Например, индоарийское конское жертвоприношение ашвамедха проводилось в полнолуние месяца Чайтра [Махабхарата. XIV. Ашвамедхикапарва, или Книга о жертвоприношении коня. 71. 1–2, 3–6; 82. 16–32; 83. 24–32; и др.], соответствующего марту – апрелю [Невелева, 2003, с. 200; Лушникова, 2004, с. 142, табл. 1], т.е. в новогоднее время весеннего равноденствия.

Как точка отсчета ключевых календарных вех фаза полнолуния в сочетании с новогодним периодом весеннего равноденствия фигурирует даже в современных ритуальных практиках. Так, православная Пасха празднуется в первое воскресенье после первого полнолуния от дня весеннего равноденствия.

Таким образом, в триединой композиции из Туриста-2 запечатлен солнечно-лунный мифокалендарный образ новогоднего полнолуния в период весеннего равноденствия.

Щука и полнолуние

Образ полнолуния в композиции из Туриста-2 представляется центральным сюжетным мотивом многогранного космографического плана. В этом изобразительном повествовании раскрываются представления предполагаемых «крохалевцев» о структуре и движущих началах мироздания. Состав и месторасположение действующих персонажей напоминают композиционно-знаковую формулу этиологического мифа, лежащего в основании мировоззренческой доктрины крохалевского социума.

Примечательны симметричные изображения голов двух щук (или «змеещук»), схвативших или изрыгающих фланкирующих персонажей (табл. 2). Связь щуки с Нижним миром удостоверяется не только многочисленными этнографическими свидетельствами, но и самой композицией, в которой щукам отведен крайний нижний ярус. Щука представлялась хозяином водоемов или же хозяин воды и водоемов представал в облике щуки. Зачастую в щуку обращались и иные, чаще отрицательные, мифологические фигуры [Грысык, 1992, с. 57–59]. Например, в ненецком эпосе в облике Рогатой щуки ходит дух воды Ид Ерв, железная щука Есядавы Пыри [Харючи, 2008, с. 284], а на священном лабазе лесных ненцев на р. Пусым-то находился

сундучок с фигуркой Щучьего бога [Сподина, 2001, с. 83]. Негативное представление о щуке зафиксировано у селькупов. Ритуальная очистка шаманских вещей дымокурор осуществлялась сжиганием на сковороде шерсти дикого оленя с жиром «белой» рыбы, т.е. пеляди и сига. Недопустимым считалось употребление для этого жира щуки, так как «черная рыба духам не годится» [Пелих, 1980, с. 24].

Небезынтересно, что в обско-угорских этнических наименованиях, связанных с представлениями о тотемном предке-прародителе, выявлены два «щучьих» этнонима: «щука»-сойнах (хант.) – «щука (народ предка щуки)», сортын-ях (хант.) – «щучьи люди» [Кручинина, 2004, с. 14]. Род Щуки известен и у лесных ненцев [Сподина, 2001, с. 8]. При этом в космогонии многих народов, включая волго-уральские и сибирские этносы, рыбы представлялись фундаментальным основанием, на котором покоится мироздание. Согласно обновляющейся классификации Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина подобные представления были распространены у удмуртов, мордвы, чувашей, татар, башкир, шорцев, сибирских татар, ненцев, хантов, манси, северных селькупов, бурят, эвенков и др. Так, по воззрениям северных селькупов землю подпирают мамонты и «землю держащая на весу рыба», а самого мамонта представляли в образе огромной щуки с головой, поросшей зеленым мхом. Эвенки полагали, что за крайней землей Нижнего мира находится вода, в которой плавают два окуня и две щуки, и на их спины опирается вселенная – буга и т.д. [Березкин, Дувакин, 2018, <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>].

У эвенков щука выступала еще и в качестве психопомпа, вслед за птицей переноса по реке душу умершего в Нижний мир. Но опубликованный Г.М. Василевич текст обращения к духам о перевозке души умершего указывает на еще одно немаловажное обстоятельство:

В полночную сторону провожая душу
Ночная птица на границе переноса,
В полночную сторону провожая в длинную ночь,
Душу в самой середине (главной шаманской) реки во рту пронесите!
В волнах реки сбрасывайте рога, быки!
Потом дальше пусть *щука* понесет!
Дорогу его сузьте!
Потом дальше через *отверстие ночи* кочуйте!
На обратном пути как-нибудь проголодаетесь!
Все дороги на обратном пути
Две семерки (четырнацатью) крестами все закройте!

[Сборник материалов..., 1936, с. 140].

Примечательно, что уносимая щукой душа умершего направляется именно в Нижний мир. Препровождение души покойного в Верхний мир выглядело иначе, и в этом действии щука не фигурирует (см. по: [Сборник материалов..., 1936, с. 139]). Очевидно и внятное указание на символическую границу между мирами мертвых и живых, закрываемую «двумя семерками» или «четырнацатью крестами». Вероятно, такая числовая аллегория олицетворяла две лунные четверти и образ полнолуния как место входа в инобытие, а иногда и выхода в обратную сторону. Поэтому симптоматичен и инвариантный остаток сюжетной связи психопомпа-щуки (и птицы) с местонахождением перехода в Нижний мир. Осмысление полнолуния в качестве портала, открывающего доступ в иное пространственно-временное измерение, присуще

многим культурным традициям, деифицирующим данное явление. Это удостоверяется приуроченностью к фазе полной луны важных литургических действий и главных жертвоприношений, основных календарных празднеств и ключевых ритуальных практик определенных обрядов перехода.

Хтонические и рептилообразные фантастические персонажи нередко изображались стремящимися к поглощению солнца и луны. Этот архаичный и транскультурный мифологический мотив распространен по всему миру. Например, в древнеиндийской мифологии таким персонажем является драконоподобный демон Раху. Он выпил амриту, и его бессмертная голова вознеслась на небо, периодически заглатывая луну и солнце [Гринцер, 1994, с. 372; Темкин, Эрман, 2000, с. 115]. В композиции из Туриста-2 также фигурируют не щуки, а только щучьи головы. Разумеется, это не свидетельствует об ассоциации с древнеиндийским мифом, но указывает на функциональную и сюжетную обусловленность парциальных персонажей. Изображение только головы и пасти акцентирует способность щуки хватать, разрывать и поглощать свою добычу и означает именно эти действия.

Исходя из вышеизложенного, думается, что в композиции из Туриста-2 органично сочетаются не менее трех архаичных календарно-космогонических мотивов. Поддерживающая мироздание Щука Нижнего мира композиционно причастна к двум лунным фазам и к означаящим данные фазы боковым персонажам. Симметричные щучьи головы соприкасаются с профильными фигурками открытой пастью и потому непосредственно связаны с ними фабулой сюжета. Но содержание этих внешне схожих субкомпозиций различно. Фигурку несохранившегося левого (от наблюдателя), профильного воплощения последней лунной четверти щука поглощает, что соответствует скорому исчезновению видимой Луны. Изображение же правого персонажа, означавшего первую четверть и растущую луну, щука изрыгает. Этот смысловой план символизирует начало лунного месяца и демонстрирует возвращение видимости лимба спустя двое суток после новолуния (табл. 2).

Другое возможное развитие подобной сюжетной линии связано с традиционным представлением западно-сибирских аборигенов о разрыве месяца на две части. У хантов происхождение лунных фаз объясняется тем, что жена-солнце и преследовательница ее мужа-месяца вырывают его друг у друга и разрывают пополам [Мифы, предания..., 1990, с. 41, 65–66]. В селькупском мифе это сделали два солнца – две дочери «огненной», или «небесной», старухи. Они живут на разных берегах реки или одна из них солнце, а другая – дьявол нижнего мира. Месяц сватается к ним, и они разрывают его на две части. С тех пор солнце пытается вырастить месяц в полную луну, но это не удается, и он периодически умирает и возрождается вновь [Пелих, 1980, с. 14–15]. В схожем варианте этого селькупского мифа месяц разрывается пополам солнцем, решившим взять его в мужья, и старухой Нижнего мира Ылэнтэй-котой. В кетском мифе вредоносное женское божество Хоседем в борьбе с солнцем также разрывает месяц пополам [Иванов, 1994, с. 79].

Данная параллель особо примечательна – с учетом четырехпалости обеих кистей рук центральной фигурки композиции из Туриста-2 (табл. 1; 2). Аналогичное число пальцев отличает двух отрицательных женских персонажей кетской мифологии: Калбесэм и Хоседем. Сама же четырехпалость, по мнению В.Н. Топорова [2014, с. 16], свидетельствует о принадлежности к нечеловеческому миру злых, обычно женских,

существ. По селькупским поверьям главное отличие медведя от человека заключалось в отсутствии большого пальца, т.е. в четырехпалости. Считалось, что человек, потерявший большой палец, обращается в зверя. И именно в селькупской мифологии зафиксирована связь между луной (месяцем), человеческими душами и человеческими пальцами [Пелих, 1980, с. 18, 31–33].

Приведенные соответствия между обско-угорскими и кето-самодийскими лунными мотивами дополняются вариантом сюжета известной ссоры Нуми-Торума со своей супругой Калтащ-эквой, изменившей мужу с Месяцем и низвергнутой им за это на землю (см. напр.: [Головнев, 1995, с. 550; и др.]). Аналогичным образом жена верховного кетского божества Еся Хоседем ушла от него, став супругой Месяца, за что вместе со своими слугами была низринута Есем на землю [Анучин, 1914, с. 3]. Сходство дополняется одинаковым количеством сыновей, которых и у Хоседем, и у Калтащ-эквы насчитывается по семь.

Судя по остаткам инвариантных сочетаний перечисленных персонажей, рекомбинированных признаков и сюжетных мотивов, архаичные фрагменты вышеприведенного комплекса обско-угорских и кето-самодийских представлений восходят ко 2-й половине III тыс. до н.э.

Вероятно, с образом половины луны, соответствующим фазе первой четверти, этиологические мифы увязывали перечисленные драматические коллизии разделения месяца на две части, обусловившие динамику внешнего вида ночного светила. Поэтому в мифологии крохалевцев, персонаж(-и) олицетворяемый(-е) щукой (щуками), мог представляться ответственным за видимый ущерб месяца.

Таким образом, вся композиция из Туриста-2 передает календарный цикл лунного месяца и «читается» справа налево. Такие направление и последовательность повторяют реальное направление видимого увеличения растущей, а затем и уменьшения убывающей луны. Правая профильная фигурка и щука означали начало месяца и рост луны до фазы полумесяца – первой лунной четверти. Далее следует главный персонаж композиции, с полным контуром лица анфас и «пятнадцатилучевым» ореолом. Эта фигура занимала центральную позицию и олицетворяла полнолуние. Наконец, левый, реконструированный образ убывающей луны, пожираемой Щукой Нижнего мира, символизировал полумесяц в фазе третьей четверти, его последующее нисхождение и исчезновение до нового цикла.

Лунные фазы и лунарные ипостаси

Адекватная содержательная параллель «троице» из Туриста-2 найдена в могиле-3 кургана №12 окуневского могильника Итколь-II. Это курильница с изображениями трех личин в различных вариациях головных аксессуаров (табл. 4.-1). Личины полностью схожи в передаче лицевого контура, а также в его заполнении знаками двух глаз, рта и разделяющей их горизонтальной полосы. Одинаково оформлены и боковые атрибуты всех личин – в виде диагонально приподнятых восьми линий с точками, по четыре с каждой стороны. Типологически значимо, что эти «бакенбарды» отходят не от верхней головной части личин, а с двух боков, от правой и левой «щеки» (табл. 4.-1).

Авторы публикации интерпретируют личину с рогами быка и наименьшим количеством «лучей» как «центральный образ трехчастной композиции с асимметричными боковыми образами», отводя данному изображению связующую роль [Поляков, Есин, 2017, с. 343, рис. 4]. Личина с двумя бычьими рогами и одним «лучом» между ними действительно расположена на диаметрально противоположной стороне от отсека с двумя

отверстиями для привязывания (табл. 4.-1а, в). Но это делает данный образ не центром, а началом изобразительного повествования. Сюжетная линия развивается по кругу, по мере увеличения количества «лучей» в верхней части двух последующих личин.

Итак, в условно-исходной точке композиции первая личина имеет два бычьих рога и один «луч» (табл. 4.-1в). Оборот курильницы справа налево открывает с правой стороны новый ракурс изображенного персонажа, представляющего все так же с двумя рогами, но уже с пятью «лучами» (табл. 4.-1г). Дальнейший поворот курильницы в этом направлении приводит к появлению справа следующего образа, качественно отличного от двух предыдущих. Третья личина утратила бычьи рога, но наделена семью лучами, композиционно слитыми с «бакенбардами» в единый ореол (табл. 4.-1б). Суммарное количество «лучей» и «бакенбардов» третьей личины дает число «15», как количественную символизацию образа полнолуния. Это подтверждается и отсутствием у данной личины бычьих рогов, символизирующих полумесяц, который при полнолунии исчезает (табл. 4.-1б).

Ассоциативная связь бычьих рогов и полумесяца зафиксирована в мифологических традициях Передней Азии. Например, в шумеро-аккадской мифологии известно божество звездной ночи лунный бог Син, или Нанна/Наннар, плывущий в своей барке ночью по небу. С этим божеством ассоциировался бык, рога которого образуют полумесяц, и этот полумесяц являлся знаком бога Сина/Наннара [Афанасьева, 1994, с. 198]. В других случаях полумесяц Сина сравнивался с рогами «игривого небесного теленка» [Якобсен, 1995, с. 146].

Именно поэтому бычьи рога фигурируют на изображениях двух предыдущих личин, олицетворяющих лунные фазы с видимыми «рогами» полумесяца. Суммирование пяти лучей второй личины с двумя ее рогами дает значение «семь», соответствующее фазе первой лунной четверти – медиане между новолунием и полнолунием, когда Луна видима ровно наполовину (табл. 4.-1г). Наконец, исходная личина с двумя рогами и одним «лучом» отвечает символическим признакам фазы новолуния (табл. 4.-1в). Но поскольку Луна в новолуние не видна, эта личина символизирует первые сутки видимого полумесяца. Отсюда и один «луч» между рогами исходной личины – как образ первых суток нового календарного цикла и начала лунного месяца.

Принцип знакового изображения новолуния не совпадает со способом количественной символизации первой четверти и оба они отличаются от передачи ключевого числового признака полнолуния. Новолуние олицетворяют бычьи рога как аллегория молодого полумесяца и один луч, означающий первые видимые сутки растущей луны (табл. 4.-1в). Числовое значение первой четверти складывается суммированием пяти лучей и двух бычьих рогов, которые и символизировали сам образ полумесяца (табл. 4.-1г). В полнолуние «рогатость» полумесяца исчезает, сменяясь обликом полной луны. Поэтому и бычьи рога на этой личине исчезают вовсе, а «лучи», слившиеся с «бакенбардами» в единый ореол, означали 15-е сутки и середину лунного месяца (табл. 4.-1б).

Именно «бакенбарды», фигурирующие на трех иткольских личинах, и олицетворяли лунарность как общее качество всех изображений курильницы. Поэтому включенность «бакенбардов» в числовую символизацию периода лунного месяца связана только с его кульминационной фазой – полнолунием. Иконографически эта идея изящно передана слиянием восьми «бакенбардов» и семи «лучей» в общий округлый ореол, подобный облику полной луны (табл. 4.-1б).

Следовательно, на иткольской курильнице запечатлен единый лунарный образ, но в трех разных каденциях, олицетворяющих Луну в фазах новолуния, первой четверти и полнолуния. Хотя изображения, подобные полнолунной личине, а равно персонажу из Туриста-2, сейчас принято считать «солнцеголовыми». Но приведенные доводы обосновывают в определенном смысле диаметрально противоположную трактовку таких образов.

Показательно и аллегорическое увеличение видимой части полумесяца от новолуния до полной луны, образно переданное «триптихом» иткольской курильницы. При вращении курильницы справа налево с правой стороны последовательно возникает сначала символизация первой четверти, а следом за ней образ фазы полнолуния. Именно так, справа налево, в Северном полушарии визуально прирастает видимая часть растущей луны, и изображения на иткольской курильнице в точности воспроизводят эту закономерность.

Только эти фазы зафиксированы в различных именах шумеро-аккадского лунного бога Сина: «Нанна» – «Полная луна», «Зу-эн» – «Полумесяц» и «Аш-им-бавбар» – «Новый свет», т.е. молодой серп луны. В соответствии с лунными фазами «всехрамовые»/«общие» празднества устраивались на первый, седьмой и 15-й дни месяца при третьей династии Ура (конец XXII – финал XXI в. до н.э.), а в «день возлежания», т.е. в день невидимой («мертвой») луны, совершались особые приношения. В этот день новолуния лунный бог опускался в подземное царство вершить суд и принимать другие решения [Якобсен, 1995, с. 143–144].

Особое отношение ко дню отсутствия видимой луны присуще и традиции индоарийских жертвоприношений: «В тот же день, когда он (луна) не должен быть виден ни на востоке, ни на западе, да поторопится он (жертвователю. – И.К.), ибо именно тогда он (луна) приходит в этот мир, и именно в тот (день) он ожидает здесь (на жертвенной земле)» [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 1. 4]. В этот день адресатом жертвоприношения становился и творец всего сущего Праджапати: «Поистине, Праджапати, Жертва, есть Год: новолунная ночь есть врата его, а сама луна есть засов этих врат» [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 1. 1]. Это время первой жертвы, совпадающее с периодом невидимой перед новолунием луны, когда жертвователю «сможет войти в твердьню через врата, когда врата открыты, и так он достигнет небес, если сложит костры в новолуние» (см. по: [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 1. 2]).

Через 14 дней наступало время жертвоприношения в особо чтимую ночь полнолуния:

Ночь полнолуния была первой достойной жертв
Из дней и ночей во время (обрядов), что длиннее ночи.
Кто тебя услаждает жертвами, о достойная жертв,
Те творцы благих деяний отправились на твой небосвод.

[Атхарваведа (Шаунака), VII. 85. 3, 4].

Таким образом, усматриваются компаративно-семантические соответствия между иткольским «триптихом» и мифопоэтическим содержанием архаичных пластов переднеазиатских и ведийских литературных памятников. Локализация и хронология указанных источников удостоверяют юго-западные истоки и частичную преемственность окуневской мифологии от переднеазиатских мировоззренческих влияний. При этом не исключается и опосредованное влияние уже окуневского культурного массива на формирование протомифопоэтической традиции ранних индоариев сейминско-турбинской эпохи, спустя более чем тысячелетие воплотившейся в цитируемых ведийских текстах.

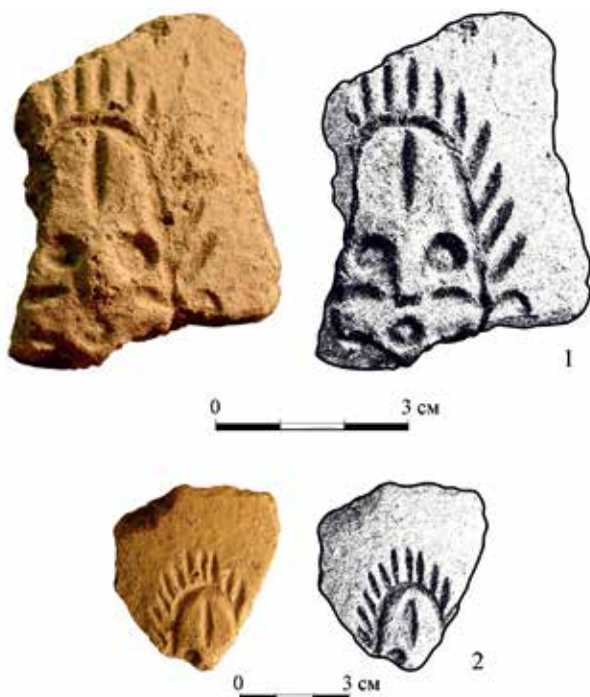

Табл. 5. Лунные личины: 1, 2 – Самусь-IV. Фото автора

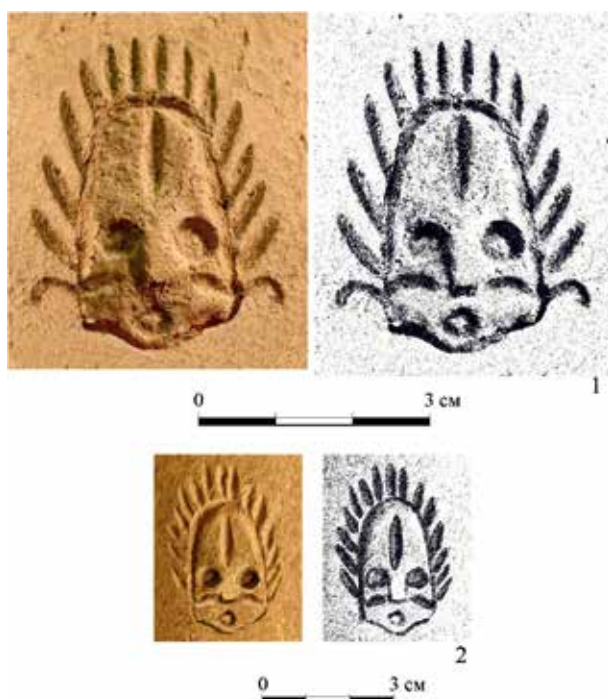

Табл. 6. Лунные личины: 1, 2 – Самусь-IV. Реконструкция

Образ мироздания и новогоднее жертвоприношение

На двух фрагментах самусьской керамики запечатлены монофигурные образы с предполагаемым лунарным смысловым значением (табл. 5). Реконструкция полнообъемных ракурсов этих изображений свидетельствует о вероятной количественной символизации ими идеи полнолуния. Число графически восстановленных «лучей» каждой личины составляет 15 (табл. 6), что и указывает именно на эту лунную фазу. Но поскольку данные образы уникальны и не имеют адекватных параллелей в синстадиальных культурах, об их природе и генерации судить сложно. При этом известны другие самусьские изображения, характерные детали которых напоминают аналогичные у лунарных персонажей окуневской культуры и из Туриста-2.

К пяти из шести параллелей, приведенных авторами находки иткольской курильницы из числа окуневских древностей [Поляков, Есин, 2017, с. 343, рис. 4], следует добавить еще две аналогии (табл. 4). Но перечень таких соответствий не ограничивается кругом однокультурных окуневских изображений. Среди идеограмм, представленных на самусьской керамике, выделяется серия антропоморфных образов с «бакенбардами» (табл. 7–9). В отличие от окуневских, а также от профильной фигурки из могилы-1 Туриста-2, самусьские

«бакенбарды» орнаментально стилизованы и заметно короче. Тем не менее, типологически это одни и те же аксессуары, приданные боковым частям лицевого контура изображений.

Подобно окуневским личинам с такими деталями и персонажу из Туриста-2, самусьские «бакенбарды» представляются аксессуаром, присущим исключительно

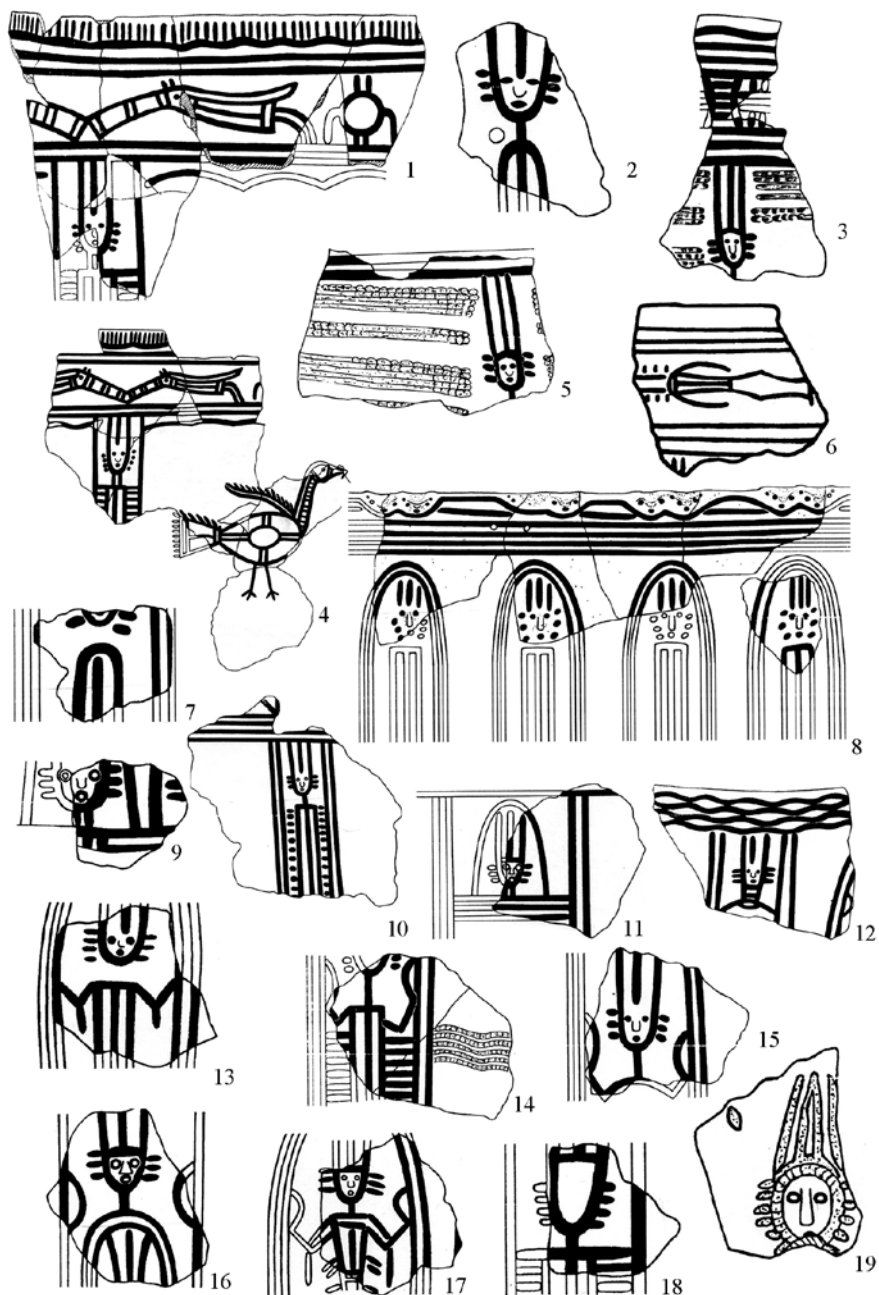

Табл. 7. Фрагменты с изображениями лунарных персонажей:
1–19 – Самусь-IV. Рисунки Ю.Н. Есина

лунарным образом. Это удостоверяется их сочетанием со стилизованным «полумесяцем», венчающим «корону» ряда самусьских антропоморфов с «бакенбардами» (табл. 9.-6-14). В более или менее стилизованном виде подобные «полумесяцы» встречаются в самой верхней точке окуневских изображений, относящихся к различным этапам культуры (табл. 9.-1-5). При этом очевидна постепенная стилизация окуневских «полумесяцев» до уровня самусьской орнаментальной графики (табл. 9.-5).

Аналогично, с лунным серпом над головой, а иногда и на полумесяце, изображался и упоминавшийся шумеро-аккадский лунный бог Син [Тураев, 1990, с. 54; Церен, 1976, с. 26].

Календарно-космогоническая семантика самусьских антропоморфно-лунарных персонажей с «бакенбардами» подтверждается их включенностью в иерархически

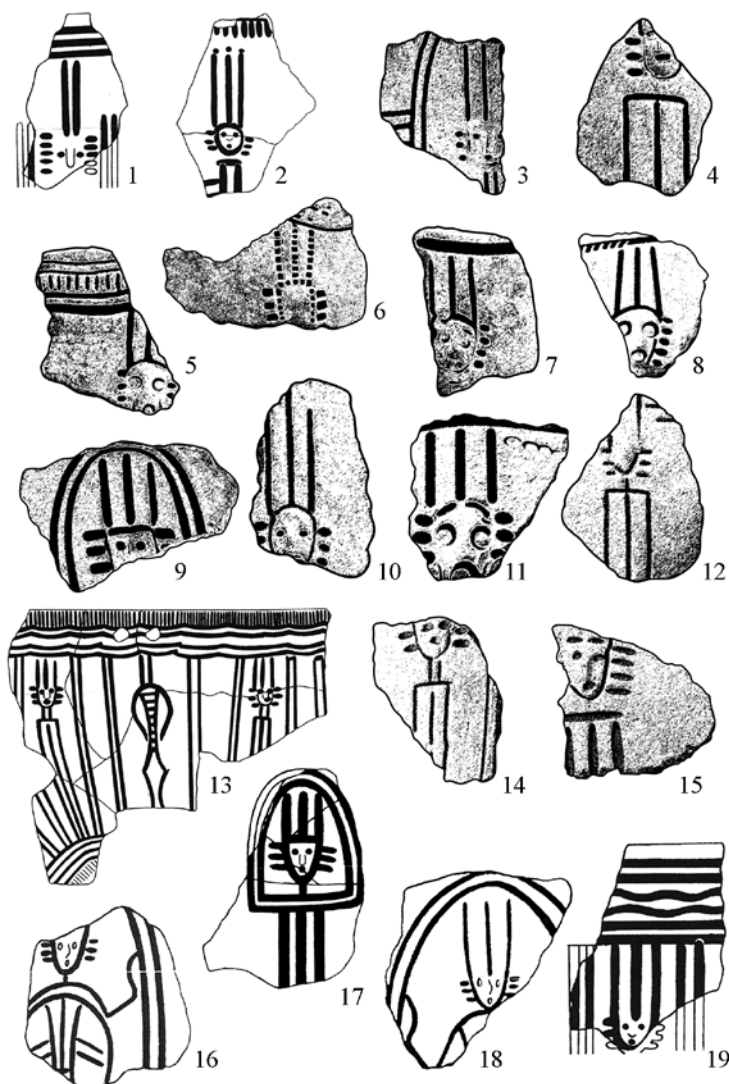

Табл. 8. Фрагменты с изображениями лунных персонажей:
1-19 – Самусь-IV (1, 2, 13, 16-19 – рис. Ю.Н. Есина)

структурированные композиции. Детальная реконструкция смыслового значения этой мировоззренчески доктринальной самусьской идеограммы изложена ранее [Ковтун, 2013, с. 285–295] (табл. 7.-I, 4).

В композиционном центре антропоморфный персонаж с «бакенбардами», представляющийся про-/праобразом ведийского изначального божества, демиурга, «господина творения», поддерживающего небо и землю, «единственного бога над богами» Праджapati [Ригведа, X. 121], или олицетворяющего вселенную первочеловека Пуру-

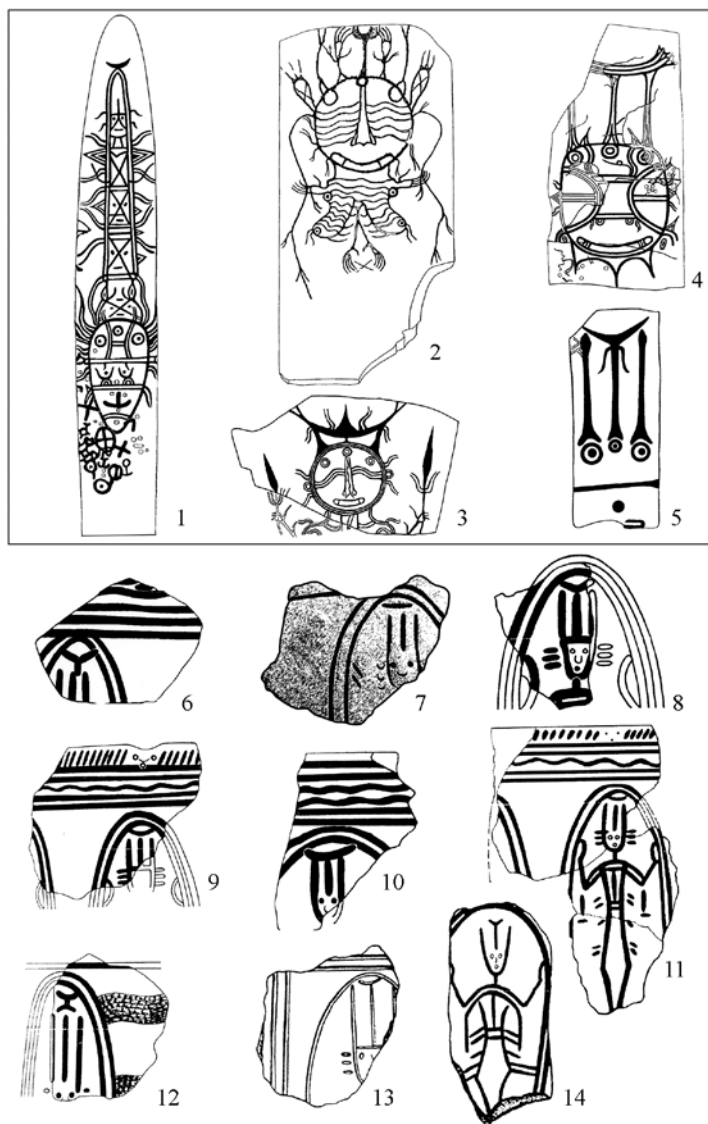

Табл. 9. Изображения и фрагменты с изображениями лунных персонажей с «полумесяцем»: 1 – изваяние «Киме тас» с оз. Черного; 2 – Разлив-Х; 3, 5 – Черновая-VIII; 4 – стела, оз. Черное; 6–14 – Самусь-IV (1–5 – по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько; 6, 8–14 – рис. Ю.Н. Есина)

ши, уподобляющегося Мировому дереву [Огибенин, 1968, с. 62; Иванов, 1974, с. 77–78]. «Головной убор» этого антропоморфного образа Мирового дерева – жертвенного столба венчают примыкающие пары конских протом. Каждая из двух смыкающихся конских морд украшена шестью поперечными полосами (табл. 7.-1, 4). Двенадцать полос на мордах двух коней означают идею жертвоприношения коня, уподоблявшегося году: «год – это тело жертвенного коня... Поистине, ашвамедха – это то, что излучает тепло; его тело – год» [Брихадараньяка Упанишада, I. 1. 1; I. 2. 7]. По шесть полос на соприкасающихся мордах конской пары символизировали время «соприкосновения» двух шестимесячных полугодий – «года-зимы» и «года-лета» (см. выше), т.е. новогодний ранневесенний период, к которому и приурочивалось праздничное конское жертвоприношение.

Эти поперечные полосы на мордах коней представляются не только календарной символикой, но и изобразительным отголоском деталей ритуального умерщвления животного. По описанию В.И. Вербицкого [2011, с. 85], алтайцы ставят жертвенного коня головой к востоку и «завязывают рыло веревкой». Сойоты при жертвоприношении перевязывали морду коня петлей и перерезали горло [Яковлев, 1900, с. 111]. Поэтому поперечные полосы на мордах не только на самусьских, но и на некоторых окуневских изображениях коней (даже с упряжью) [см.: Ковтун, 2013, табл. 100, 101] могут представлять подобную веревку или петлю, свидетельствуя о жертвенном статусе животного.

На верхнем фризе самусьского сосуда конные пары чередуются с разделяющей и связующей их схематичной личиной с косами (табл. 7.-1). На рассматриваемых сосудах личина двукосая, но на самусьской керамике большинство таких образов имеют четыре косы. В Ригведе описан персонаж, восходящий к сюжету, означаемому композициями с подобным самусьскими личинами:

Юная жена с четырьмя косами, замечательно украшенная,
С ликом, натертым жиром, облачается в установленные формы.
На нее уселись два мужественных орла
(Там,) где боги получили наделение долей.

[Ригведа, X. 114. 3. Пер. Т.Я. Елизаренковой].

Ф.Б.Я. Кёйпер полагает, что здесь подразумевается алтарь, символизирующий вершину горы – изначального холма, с которого стекают четыре реки – косы девицы. На образ Мирового (ведийского космического) дерева указывает и пара птиц [Кёйпер, 1986, с. 157–158, 185–186], соотнесенных с луной и солнцем [Огибенин, 1968, с. 86]. Но по археологическим данным Ближнего Востока и бассейна Эгейского моря В.В. Иванов [1974, с. 76] связывает их с «эквивалентностью символов птиц как наверхий колонн... и близнецов-диоскуров, изображаемых с двух сторон Богини-Матери». Диоскуров сопровождает мать или сестра. Ашвины же всегда изображались вместе с богиней зари Ушас либо с дочерью солнца Сурьей [Элиаде, 1999, с. 102]. Такое сочетание персонажа в облике юной женщины с причастными к лошадям близнецами Диоскурами и Ашвинами [Иванов, 1974, с. 131, 136] соответствует самусьской композиции, напоминающей упомянутую архитектурную конструкцию. Антропоморфную колонну венчают две конские протомы, соединяемые в непрерывный ряд личинами с косами. Это напоминает капитель, т.е. элемент между верхом колонны и перекрытием. В ближневосточной архитектуре роль капителей часто играли протомы животных [Власов, 2001, с. 502], и самусьская композиция структурно аналогична подобному построению (табл. 7.-1, 4).

Символически важные косы юницы находят параллели в автохтонном этнографическом материале. У мансийской Калташ-эквы, представляющей красивую молодой женщиной и ассоциирующей с сакральным верхом и утренней зарей, золотые косы спускаются с неба до земли, из них расходится дневной свет, в них возникает лунный свет и т.д. [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 36; Сагалаев, 1991, с. 97; 2001, с. 70]. Перечисленные символизации соотносятся с ведийскими солярными женскими божеествами на колеснице Ашвинов и с рассматриваемой самусьской мизансценой верхнего фриза (табл. 7.-1, 4).

Верхний фриз композиции «подпирается» горизонтальным рядом столпообразных антропоморфов с «бакенбардами». Они чередуются с орнитоморфными изображениями, напоминающими гусей или дроф, переосмысленными в ведийское время как гуси: «Словно гуси, выстроившиеся рядами, Прибыли к нам столбы, одетые в светлое» [Ригведа, I, 163. 10]. Эта инвариантная мифопоэтическая формула, уподобляющая ряд гусей/дроф, ряду жертвенных столбов, передается их чередованием на самусьском сосуде (табл. 7.-1, 4).

Туловище самусьских птиц имеет форму яйца и заключенное внутри него изображение – еще одного яйца в самой птице. Самусьское уподобление антропоморфных столбов птицам с яйцом соответствует мировоззренческой универсалии, когда «в мифах о мировом яйце или в связи с ними так или иначе возникает образ мирового дерева или его ближайшего аллоэлемента – столпа» [Топоров, 2010, с. 225]. Однако Мировое яйцо причастно не только к Мировому дереву, но и к божественным конно-близнечным парам Ашвинов и Диоскуров: «...те и другие связываются с мировым яйцом, которое (подобно мировому дереву) заключает в себе одновременно полярно противоположные ряды двоичных символических отношений. Дерево (и яйцо) как средоточие всех мировых противоположностей естественно связывается с близнецами» [Иванов, 1974, с. 136–37]. По одной из версий Диоскуры родились из яйца, снесенного Ледой после посещения ее Зевсом-лебедом. Ашвины же являются сыновьями Мартанды – «из мертвого яйца (происходящий)» [Топоров, 2010а, с. 390–391]. Поэтому парные конские протомы имеют смысловую причастность к яйцу внутри гусей/дроф на тулове самусьского сосуда.

Подобно жертвенному коню ашвамедхи образ гуся у ряда сибирских народов разделялся чертами календарного маркера переломных вех года. Такие смысловые значения «гуся» у «самусьцев» и сибирских народов сводятся к мотиву новогодней птицы, причастной к обыгрываемой в новогодних празднествах идее Творения мироздания [Ковтун, 2013, с. 293–294].

Эта параллель подтверждается символикой 12-месячного года, запечатленной в самусьской композиции на мордах конских протом. По Шатапатха-Брахмане именно год пребывает в первозданных водах Мировое яйцо: «Это золотое яйцо плавало столько времени, сколько длится год» [Топоров, 2010а, с. 398], или: «Хотя года тогда не существовало, это золотое яйцо парило по воздуху в течение года» [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 6. 1]. Шатапатха-Брахмана связывает мотив года и с золотым яйцом, и с творцом существа Праджапати, а Брихадараньяка Упанишада – еще и с жертвенным конем ашвамедхи. Все эти образы и представлены на самусьском сосуде (табл. 7.-1, 4).

Равнозначный самому акту Творения Праджапати уподобляется году и из золотого яйца он появляется также спустя год: «Через год человек, этот Праджапати, появился оттуда (из золотого яйца. – И.К.); а затем женщина, корова или кобыла, рождаются

в течение года; поскольку Праджапати был рожден через год. Он разбил это золотое яйцо. Тогда, конечно, не было пристанища: лишь это золотое яйцо, несущее его, парило по воздуху в течение года» [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 6. 2].

Продолжая такую линию смысловых соответствий Мирового яйца, В.Н. Топоров [2010а, с. 226] отметил, что «Мировое дерево также равно году, т.е. полному обороту вокруг своей оси или прохождению в горизонтальной плоскости через восток, юг, запад и север и соответственно через четыре времени года». Это соответствует четырехчастной разбивке туловища-яйца самусьской птицы (табл. 7.-4). Следовательно, и конские, и птичьи персонажи самусьской композиции, включая образ находящегося внутри птицы яйца, означают идею рождения мироздания, олицетворяемого Пуруши-Праджапати, воплощенную в обрядовых практиках встречи Нового года.

Таким образом, в столпообразном антропоморфе с «бакенбардами» угадывается персонаж, содержательно созвучный образу/образам Пуруши-Праджапати: «В конце (первого) года Праджапати поднялся на ноги, чтобы стоять на этих мирах, произведенных таким образом, как ребенок пытается встать к концу первого года жизни, так в конце года Праджапати встал» [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 6. 5]. Участвовавший в ашвамедхе жертвенный конь, символизировавший год, считался олицетворением Праджапати, предлагающего себя в жертву [Элиаде, 2009, с. 272]: «Он (Праджапати. – И.К.) пожелал: „Пусть это [тело] будет пригоден мне для жертвы и пусть я воплощусь с его помощью“. Тогда [оно] стало конем; возросши, оно сделалось пригодным для жертвы, поэтому жертвоприношение коня зовется *ашвамедха*» [Брихадараньяка Упанишада, I. 2. 7]. Подобно жертвенному коню, олицетворяющему Праджапати, он, как и конь, уподоблялся календарному году: «Праджапати размышлял: „Поистине, я создал своего двойника, а именно, год“; поэтому они говорят: „Праджапати – это год“; так как он создал его как своего двойника» [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 6. 13], или: «Праджапати – это и в самом деле год, и суставы его таковы: два промежутка между днем и ночью, дни новой и полной луны и начала времен года» [Шатапатха-Брахмана, I. 6. 3. 35]. Именно в такой парно-симметричной конфигурации и переданы два вертикальных ряда «суставов» этого самусьского персонажа (табл. 7.-1, 4).

Итак, в смысловом центре самусьской календарно-космогонической композиции представлено изначальное божество, типологически напоминающее ведийского Пуруши-Праджапати. Образ данного самусьского бога статуарен и символизирует Мировое дерево, т.е. центр мироздания. Это божество, давшее начало всему сущему, включая календарное время, рождено из яйца, находящегося в птице, близкой гусю или дрофе. Изначальный бог воплощает в себе календарный год и законы круговорота календарного цикла. Поэтому верхний фриз композиции увенчан конями, примыкающими к столпообразному божеству как к жертвенному столбу и олицетворяющими новогоднее жертвоприношение в «день рождения» мироздания. Одновременно эти парно-симметричные конские протомы символизировали близнецных божеств, функционально близких Ашвинам/Диоскурам. Расположение коней в верхнем фризе сосуда подобно месту Ашвинов у алтаря при вкушении жертвенного дара [Ригведа, IV, 45. 7]. Это подтверждается их композиционной связкой с кульминационным образом юницы с косами – женским солярным божеством, родственным конным воплощениям самусьских «Ашвинов». Она эквивалентна дочери солнца Суры или богине утренней зари Ушас, следующей на колеснице конских близнецов Ашвинов или вместе с ней [Ригведа, I. 118. 5; VIII. 9. 18].

Все изобразительное повествование отсылает к календарной дате рождения мира, состоявшегося благодаря космогоническому жертвоприношению Пуруши-Праджapati самого себя в конской ипостаси. При жертвоприношении конь воспроизводит акт Творения, олицетворяя Праджapati [Элиаде, 1999, с. 100–101; 2000, с. 191; 2009, с. 272; Маламуд, 2005, с. 119], совершающего ашвамедху и принесенного в жертву самому себе [Семенцов, 1981, с. 58]. Индоарийское конское жертвоприношение ашвамедхы проводилось в полнолуние месяца Чайтра [Махабхарата. XIV. Ашвамедхикапарва, или Книга о жертвоприношении коня. 71. 1–2, 3–6; 82. 16–32; 83. 24–32], соответствующего марту – апрелю [Невелева, 2003, с. 200; Лушникова, 2004, с. 142, табл. 1], т.е. в новогоднее время весеннего равноденствия.

Поэтому облик самусьского прото«Пуруши-Праджapati» и обрамлен «бакенбардами», символизирующими лунарную природу этого изначального божества. Другим важным признаком лунарности самусьского персонажа представляется «полумесяц», венчающий его «головной убор». Такие персонажи присутствуют в самусьской орнаментальной графике (табл. 9.-7–9, 11–13). Поэтому в данном случае усматриваются иконографические символизации двух лунных фаз, на которые могли приходиться ритуальные практики «самусьцев». Антропоморф с «бакенбардами» и «полумесяцем», вероятнее всего, олицетворяет начало жертвоприношений при наступлении новолуния. Мифологически последующий контекст композиции, включающий коней у фигурального жертвенного столба, указывает на фазу полнолуния, к которой приурочивалось подобное заклятие. Аналогичная последовательность зафиксирована и в цитированных ведийских источниках.

Таким образом, фабула сюжета отражает космогонические и мифокалендарные представления самусьского населения, допуская приуроченность главных жертвоприношений к новогодним празднествам в новолуние и полнолуние периода весеннего равноденствия.

Луновидные подвески и культ Луны

Проявлением эпохальных лунарных представлений, включая культ полнолуния, представляются и каменные луновидные подвески из одиновских, кротовских, самусьских и окуневских памятников. Решающий вклад в обобщение и интерпретацию этих изделий в качестве атрибутов лунарного культа внесен В.И. Молодиным, а также Е.П. Маточкиным и Ю.Н. Есиным. Совсем недавно В.И. Молодиным обнаружены и наиболее ранние образцы подобных изделий в захоронениях одиновской культуры [Молодин, Кобелева, Райнхольд и др., 2018, с. 297; Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2018, с. 313]. Этот культурный комплекс представляет открытый В.И. Молодиным [2013, с. 322 и др.] древнейший этап генерации сейминско-турбинского феномена.

Луновидные подвески обнаружены в Китае, в позднеглазковском погребении могильника Сараминский Мыс в Прибайкалье, в окуневских и кротовских захоронениях, на поселении Самусь-IV, в погребениях на Татарском увале у д. Окунево и в погребении №677 Сопки-2/3А, вместе с орнаментированной костью (жезлом? – И.К.) и антропоморфной личиной из кости с отверстиями для подвешивания или пришивания [Молодин, 1985, с. 43–44; 2001, с. 59, рис. 37.-1–3; 103; Горюнова, 2002, с. 28, 78, рис. 27.-10; Есин, 2009, с. 123–133, 470–473, табл. 6; Молодин, 2013, с. 138–151], а также в одиновских захоронениях [Молодин, Кобелева, Райнхольд и др., 2018, с. 297; Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2018, с. 313].

Погребение №677 Сопки-2/3А отнесено к усть-тартасской культуре эпохи раннего металла и датировано IV – 1-й половиной III тыс. до н.э. Аналогичным образом,

т.е. IV–III тыс. до н.э., датированы и погребения на Татарском увале [Молодин, 2001, с. 117–118]. В.И. Молодин [2001, с. 103] обоснованно усматривает в усть-тартасской находке свидетельство раннего появления подобных изделий, справедливо считая другие ритуальные предметы из данного захоронения доказательством использования луновидных подвесок в культовой практике.

В четырех случаях каменные луновидные подвески обнаружены В.И. Молодиным в могилах кротовской культуры. В могильнике Сопка-2/4Б луновидные подвески обнаружены в кротовских захоронениях №65 (к. 6, п. 13) и №160 (к. 22, п. 13), а в могильнике Тартас-1 – в кротовских погребениях №381 и 409 [Молодин, 1985, с. 43–44; 2013, с. 143–149; Молодин, Гришин, 2016, с. 298–299]. В могиле-65 Сопки-2/4Б найдены четыре подвески на голове (2), груди и в районе тазовых костей погребенной девушки 15–16 лет. В погребении №160 Сопки-2/4Б зафиксирована одна подвеска на груди погребенного взрослого мужчины. В погребении №381 могильника Тартас-1 луновидная подвеска найдена в области таза взрослого индивида, а в погребении №409 фрагменты двух подвесок находились у правой кисти погребенного. Одна из них была специально разломлена на семь частей [Молодин, 2013, с. 139–149].

В.И. Молодин и А.Е. Гришин [2016, с. 299] констатируют приуроченность луновидных подвесок к голове, одежде и к поясу кротовских и окуневских погребенных. Действительно, далеко не все луновидные подвески зафиксированы только на голове или у головы умерших. Так, «каменный полудиск» из могильника на Татарском увале у д. Окунево находился «в области таза» погребенного [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 22, 136, рис. 14.-3]. Почти аналогично на «тазовых костях скелета» располагался «лунообразный большой каменный предмет», происходящий из могилы-21 Черновой-VIII [Максименков, 1980, с. 10, 114, табл. XXIII.-3]. Помимо него в этом погребении найдены череп птицы, роговой жезл с головой хищного зверя, пожирающего другого зверя, роговой «ритон», а точнее навершие жезла или посоха, с резной композицией, красный камень, каменная пластина и каменный топор [Максименков, 1980, с. 10, 114, табл. XXIII].

Еще две луновидные подвески из окуневского захоронения №1 в ограде 5 памятника Усть-Бюрь, включенные в сводки Е.П. Маточкина и В.И. Молодина, были зафиксированы на костях правой ноги умершего мужчины 30–40 лет и рядом. Последняя подвеска находилась среди восьми подъязычных костей быков (две с просверленными отверстиями на концах) и медвежьего клыка, представлявших «детали какого-то (взаимосвязанного) снаряда или ... жреческого снаряжения» [Кызласов, 1986, с. 274; Маточкин, 2006, с. 109; Молодин, 2013, с. 150–151].

Находки луновидных подвесок сделаны и в двух погребениях одиновской культуры могильника Усть-Тартас-2. Сообщается, что в одиновском захоронении №29 обнаружены «набор крупных каменных луновидных подвесок и литые бронзовые бляхи, украшавшие головной убор человека» [Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2018, с. 313].

В могиле-38 того же могильника В.И. Молодиным обнаружено еще одно уникальное захоронение с луновидной подвеской: «На дне могилы №38, *in situ*, располагался скелет взрослого мужчины, лежащего на спине в вытянутом положении, головой на север–северо-запад. Верхняя часть туловища была приподнята, благодаря тому, что опиралась на стенку могильной ямы ... Между левой рукой погребенного и стенкой могильной ямы зафиксирован предмет, выполненный из костей и клювов крупных птиц (цапель или журавлей?), возможно, нагрудник или своеобразный головной убор. Рядом обнару-

жен небольшой по размерам глиняный плоскодонный горшочек, орнаментированный по всей поверхности, включая дно. Отсутствие горизонтальных ямочных наколов, характерных для посуды одиновской культуры, делает его более похожим на керамику крохалевской культуры. У восточной стенки захоронения найдена небольшая подвеска из низкопробного мрамора, напоминающая луновидную. На правой тазовой кости в районе пояса выявлено скопление зубов и костей животного, вероятно, остатки украшения, нашиваемого на одежду. В области тазовых костей и ног зафиксированы четыре створки раковин с отверстиями. У плечевой кости правой руки найден фрагмент проколки.

После снятия черепа в верхней части скелета под лопатками обнаружено два скопления клювов цапель или журавлей (?), являющихся частью костюма или головного убора» [Молодин, Кобелева, Райнхольд и др., 2018, с. 297].

В большинстве случаев контекст находок указывает на неординарность погребенных, олицетворяемую наборами своеобразных предметов, включая луновидные подвески. Это неоднократно отмечали авторы исследований, предполагавшие культовое предназначение лунниц и шаманские, жреческие, и т.п. прерогативы индивидов, захороненных с подобными изделиями. По мнению Э.Б. Вадецкой [1996, с. 48], «лунообразные подвески на груди нескольких «шаманов» в окуневских могилах» весьма «схожи с металлическими нашивками на древних костюмах нганасан и кетов».

В ряде случаев симптоматично и количество луновидных подвесок. Одинарные находки могли символизировать собственно Луну или полумесяц как объект поклонения. Наборы же подвесок на головных уборах либо одеяниях протошаманов напоминают числовые символизации лунных циклов. Две подвески или два полумесяца могли олицетворять две лунных четверти и наступающее по их истечении время полнолуния. Четыре луновидных подвески, или четыре лунных четверти, вероятно, соотносятся с календарным циклом полного лунного месяца. На мой взгляд, это подтверждается отсутствием случаев нечетного количества лунниц (кроме одинарных) в кротовских и окуневских погребениях. Возможно, прямая количественная символика луновидной подвески в определенных ритуальных контекстах соответствовала семи суткам лунной четверти. Это удостоверяется преднамеренным разломом на семь частей подвески из погребения №409 могильника Таргас-1 (см. по: [Молодин, 2013, с. 149]). Поэтому лунная четверть соотносилась с семидневкой, бинарные наборы луновидных подвесок – скорее всего, с полнолунием, а набором из четырех лунниц мог символизироваться календарный месячный цикл.

Е.П. Маточкин и В.И. Молодин провели параллель между рассматриваемыми лунницами и атрибутами, приданными антропоморфам Зеленого озера [Маточкин, 2004а, с. 14; 2005, с. 172; 2006, с. 109; Молодин, 2013, с. 151–152] (табл. 10). Эта анало-

Табл. 10. Петроглифы Зеленого озера (по Е.П. Маточкину)

гия несомненна, и примечательно, что на руках одиночного персонажа присутствуют две лунницы (табл. 10.-2), а в «хороводе» из четырех фигур количество луновидных подвесок составляет 15 (табл. 10.-1). Следовательно, обе композиции могут по-разному передавать идею полнолуния. В первом случае – количеством олицетворяемых лунницами лунных фаз, а во втором – числом символизируемых подвесками лунных суток.

Полагаю, что аналогичное соответствие усматривается между каменными луновидными подвесками и «полумесяцами», запечатленными в «коронах» самусьских (табл. 9.-6–14) и окуневских (табл. 9.-1–5) божественных образов. Из восьми изображений самусьских антропоморфов с определенным «полумесяцем» шесть экземпляров (табл. 9.-7–9, 11–13) сочетают этот аксессуар с «бакенбардами». Следовательно, подавляющему большинству подобных рисунков присущи сразу оба атрибута лунарных персонажей. Это дополнительно удостоверяет лунарный символизм самусьских, крохалевских и окуневских «бакенбардов», а равно лунарную семантику отмеченных ими образов.

Небезынтересен и оригинальный «лунный диск» с поселения Самусь-IV. У него четыре окружности, что соответствует четырем фазам Луны (табл. 11.-1). Количество реконструированных «лучей» диска составляет 15 (табл. 11.-1), что может указывать на число суток, необходимых для появления полной луны, т.е. наступления

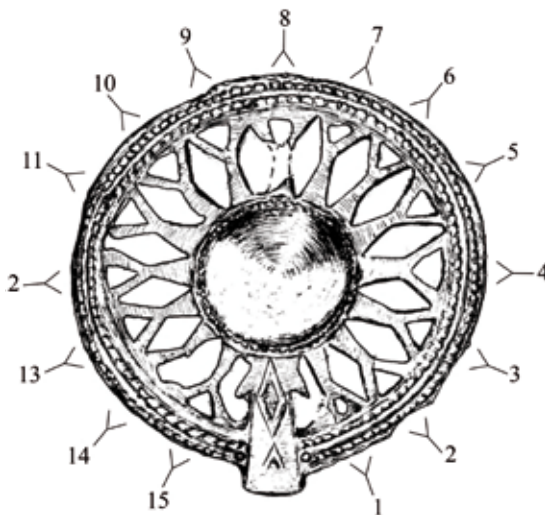
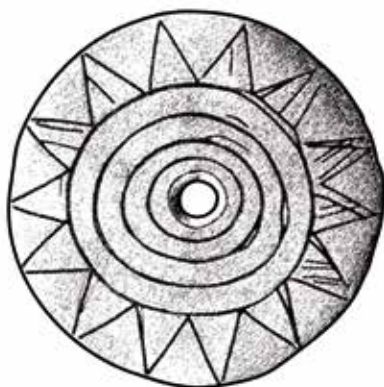

Табл. 11. Самусь-IV.
Фото и реконструкция И.В. Ковтуна

Табл. 12. Погребение №140 могильника Бестамак (по А.В. Логвину, И.В. Шевниной)

фазы полнолуния. Неожиданная содержательная параллель этому изделию обнаружена в могильнике аркаимо-синташтинского времени Бестамак. Бронзовая «бляшка» с 15 раздваивающимися на концах лучами символизирует и полнолуние, и полный лунный месяц одновременно (табл. 12.-3). В нижней части этого изделия усматриваются абстрактные черты антропоморфного образа: «руки», ромбовидное «туловище» и диагональные линии «ног». Возможно, это очень стилизованные, почти утраченные антропоморфные признаки луноголового божества. Зато содержательно и оригинально передан ключевой календарный символ данного персонажа в образе 15-дневной полной луны и 30-суточного лунного месяца. Примечательно, что авторы раскопок отмечают нетривиальный инвентарь захоронения (№140), давшего это изделие, предполагая в погребенном индивиде вождя [Логвин, Шевнина, 2008, с. 190–197].

Хронология и синхронизация

Хронологические рамки окуневских комплексов убедительно обоснованы сериями AMS-датировок, удостоверяющих формирование окуневской культуры в XXVI в. до н.э. Группировки дат окуневских древностей разделили этот культурный массив на три хронологических этапа: уйбатский – XXVI–XXIII вв. до н.э.; черновский – XXII–XX вв. до н.э.; разливский – начиная с XIX–XVIII вв. до н.э. Верхняя граница дат окуневской культуры связывается с периодом XVII–XV вв. до н.э., без конкретизации точного финального рубежа [Поляков, 2017, с. 65].

Иткольская могила с курильницей, украшенной «троицей» лунарных персонажей, согласно радиоуглеродной дате, полученной по остаткам деревянного перекрытия, с вероятностью 95,4% отнесена к 2573–2291 гг. до н.э. Следовательно, курильница и представленные на ней образы относятся к середине XXVI – началу XXIII в. до н.э., т.е. к раннему уйбатскому этапу окуневской культуры [Поляков, Есин, 2017, с. 341].

Абсолютная датировка погребений могильника Турист-2, включая захоронения с «ложнотекстильной» керамикой, пока не опубликована. Но абсолютная хронология крохалевских комплексов по ¹⁴C установлена в Нижнем Притомье. Радиоуглеродная дата нагара на крохалевском сосуде с Долгой-1, где была найдена литейная матрица кельта-лопатки, определена 2145–1637 гг. до н.э. (94,5%). Крохалевская керамика поселения Ивановка-1, на котором был обнаружен сердечник для отливки кельта, датирована 2058–1504 гг. до н.э. (92,8%), а поселения Ивановка-2 – 2296–1638 гг. до н.э. (95,4%). Таким образом, датировки образцов, так или иначе связанных непосредственно с крохалевской «ложнотекстильной» керамикой, в калиброванных значениях не выходят за пределы XXIII–XVI вв. до н.э. Более молодые даты получены в ИМКЭС СО РАН в 2017 г. по древесному углю из объектов поселения Ивановка-1: (ИМКЭС-14C1204) 3151±78 BP, или 1620–1210 гг. до н.э. (95%), (ИМКЭС14C1211) 3118±64 BP, или 1530–1210 гг. до н.э. (95%), (ИМКЭС-14C1210) 3247±65 BP, или 1690–1400 гг. до н.э. (95%). Хронология этой серии ограничена XVII–XIII вв. до н.э. Диапазоны калиброванных значений для дат по керамике и углю частично совпадают, но тенденция к «омоложению» последних очевидна. Во всех случаях уголь отобран из объектов, планиграфически и стратиграфически связанных с крохалевской посудой, и ощутимая разница их радиоуглеродного возраста требует корректного объяснения, в том числе на основе новых дат по ¹⁴C. Думается, коллизия, предопределившая разницу двух серий дат, полученных по керамике и углю, не связана с реальным хронологическим разрывом, а обусловлена особенностями датируемого материала. До разрешения этой проблемы предельную верхнюю границу крохалевских поселений Верхнего Приобья целесообразно ограни-

чить 2-й третью II тыс. до н.э. [Ковтун, Марочкин, Герман, 2017, с. 270]. Таким образом, хронология крохалевских древностей по разным данным ограничена XXIII–XVI вв. до н.э., а без крайних значений – XXII–XVII вв. до н.э. (по керамике). На основе приведенных показателей нижняя дата крохалевской культуры укладывается в последнюю четверть III тыс. до н.э. Верхний вероятностный хронологический предел предварительно ограничен 2-й третью II тыс. до н.э. Но его значение подлежит уточнению в связи с разницей дат, полученных по нагару с керамики и углю [Ковтун, Марочкин, Герман, 2017, с. 270].

В 2016 г. по костям ребенка из захоронения с сосудом самусьского облика на оз. Утинка в Ачинско-Мариинской лесостепи была получена первая радиоуглеродная дата для самусьского комплекса (ИМКЭС-14С983) – 3930 ± 92 ВР, или 2678–2139 гг. до н.э. (94,1%) [Ковтун, Марочкин, Герман, 2017, с. 273].

В 2017 г. эти данные были существенно уточнены пока не опубликованными результатами, полученными С.В. Святко в лаборатории $^{14}\text{ХРОНО}$ Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии (Университет королевы, Белфаст). Помощью AMS-метода была не только скорректирована дата для костей ребенка, но и получены более достоверные датировки по одному из бараньих альчиков, найденных в этом захоронении. Уточненный возраст костей человека составил 3896 ± 41 ВР, или 2464–2340 гг. до н.э. (68,2%), а при вероятности 95,4%: 2477–2278 гг. до н.э. (91,7%), 2251–2229 гг. до н.э. (2,7%), 2221–2211 гг. до н.э. (1%).

Для костей животного из Утинкинского захоронения исследованием С.В. Святко установлен более «молодой» возраст: 3753 ± 37 ВР. Калиброванные даты составили с вероятностью 68,2%: 2272–2258 гг. до н.э. (5,4%), 2207–2131 гг. до н.э. (50,7%), 2085–2056 гг. до н.э. (12,1%); с вероятностью 95,4%: 2287–2113 гг. до н.э. (74,5%), 2101–2037 гг. до н.э. (20,9%), наконец, с вероятностью 99,7%: 2346–2014 гг. до н.э. (99,5%), 1999–1979 гг. до н.э. (0,2%).

Если обобщить приведенные результаты, при отсечении крайних значений время бытования самусьской культуры на своей отдаленной восточной периферии охватывает XXIII–XXI вв. до н.э.

Еще одна дата самусьской культуры получена по костям человека из погребения 2 или 3 самусьского могильника Крохалевка-7а: (ИМКЭС-14С1310) 3779 ± 314 ВР. Плохая сохранность костного образца с крайне незначительным содержанием коллагена и не самый передовой метод радиоуглеродной датировки обусловили высокую величину хронологической погрешности. Как следствие, весьма широким оказался и хронологический диапазон, составивший 2623–1771 гг. до н.э. (68,2%). При калибровке в программе Calib Rev 7.0.4 были получены более узкие значения: 2578–1873 гг. до н.э. (95,2982%), или середина XXVI – начало XIX вв. до н.э.

Неоднократные попытки датировать самусьскую керамику, происходящую непосредственно из поселения Самусь-IV, не дали ожидаемого результата. Результаты датирования, полученные в лабораториях Томска и Санкт-Петербурга, оказались неадекватными и чрезмерно удревненными, в пределах VI тыс. до н.э. и еще древнее. Вероятно, это обусловлено особенностями формовочного теста сосудов Самусь-IV, сырье для которых включало компоненты, искажающие реальную дату. Поэтому для датировки была использована бесспорно самусьская керамика нижнетомской стоянки Долгая-1. Образец датирован в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Датировка самусьского фрагмента керамики из Долгой-1 (SPb-2580) дала результат 3580 ± 100 ВР. В калиброванных значениях при вероятно-

сти 68,2% это составило: 2117–2098 гг. до н.э. (3,6%), 2039–1861 гг. до н.э. (47,3%), 1853–1772 гг. до н.э. (17,3%); при 95,4% вероятности: 2204–1681 гг. до н.э. (95,0%), 1676–1665 гг. до н.э. (0,4%). При перечисленных данных самусьское время в Нижнем Притомье, скорее всего, определяется в пределах XXI–XIX (XVIII?) вв. до н.э.

Полученные результаты свидетельствуют о бытовании крохалевского населения, по крайней мере, в Нижнем Притомье, в XXII–XVII вв. до н.э., а возможно и еще позднее. Самусьское время, вероятно, охватывает значительную часть 2-й половины III тыс. до н.э. – первые века II тыс. до н.э. Но пока хронологические рамки самусьского периода наиболее обоснованно удостоверяются лишь с XXIII по XIX в. до н.э.

Таким образом, по имеющимся данным самусьская культура хронологически синхронна финалу уйбатского этапа (XXIII в. до н.э.), всему черновскому этапу (XXII–XX вв. до н.э.) и как минимум началу разлижского этапа (с XIX в. до н.э.) окуневской культуры. Возможно, сравнительно продолжительный хронологический период охватывает более молодая в целом крохалевская культура. Время существования крохалевского населения, судя по датировке керамики, и без отсечения крайних значений укладывается между XXIII и XVI вв. до н.э. Поэтому крохалевцы оставались современниками окуневцев начиная с исхода уйбатского этапа (XXIII в. до н.э.) и вплоть до финала окуневской культуры в XVII–XV вв. до н.э.

Заключение

В рассматриваемой свите культур наиболее ранние проявления лунарного культа, вероятно, связаны с одиновскими древностями. При этом вероятен и хронологический приоритет окуневских собственно лунарных персонажей. Это подтверждается иконографическими особенностями окуневских, крохалевских и самусьских изображений. Но «постокуневская» иконография крохалевских и самусьских образов развивалась в диаметрально противоположных направлениях. Предполагаемо крохалевский «триптих» из Туриста-2 сочетает трехмерность и глубину композиции с символизацией календарных циклов и ключевого момента года. Такой синтез пространства как формы и времени как содержания олицетворяет смысловое значение и одновременно определяет художественный стиль. Не случайно стилистические дериваты «триптиха» из Туриста-2 усматриваются в кулайском литье, архаичной праформой которого это произведение и является. Такая трактовка органично связана с причастностью крохалевского населения Нижнего Притомья к созданию одного из ранних пластов наскального искусства западных предгорий северо-западного Саяно-Алтая. Именно на нижнетомских писаницах представлен еще один характерный мотив, позднее ставший одним из иконографических маркеров кулайского искусства. Туловища серии наскальных изображений лосей на р. Томи переданы с орнаментальной символизацией аорты и пищевода. Спустя более тысячелетия это проявилось в кулайской металлопластике, а также в лосиных фигурах на сосудах с поселения Кижирово.

Иные формы изобразительного выражения мифологических представлений воплощены в самусьском искусстве. Создатели самусьских идеограмм отдавали предпочтение орнаментальной стилизации и унификации образов. Но и в этих абстракциях встречаются рафинированные изобразительные повествования со сложной композиционной структурой и аккумулярованным объемным содержанием.

Природа иконографических и содержательных сходжений между лунарными персонажами окуневской, крохалевской и самусьской культур обусловлена общим

корневым компонентом в составе данных образований. Поэтому выявленные сходства не относятся к механическим заимствованиям. Они обусловлены генерацией в рамках единой свиты культур, связанных вероятными взаимодействиями, но главное – общим юго-западным культурно-генетическим суперстратом.

Следствием вышеприведенных интерпретаций и обобщений, возможно, станет пересмотр смыслового значения ряда т.н. «солнцеголовых» изображений Центральной и Северо-Западной Азии и констатация лунарной семантики данных образов.

Библиографический список

- Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 67–105.
- Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1914. Т. II. 2. 90 с.
- Атхарваведа (Шаунака): I–VII. М.: Восточная литература, 2005. Т. I. 573 с.
- Атхарваведа (Шаунака): VIII–XII. М.: Восточная литература, 2007. Т. 2. 293 с.
- Афанасьева В.К. Нанна // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. 198 с.
- Басова Н.В., Постнов А.В., Нестеркина А.Л., Ахметов В.В., Морозов А.А. Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в городе Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 509–512.
- Басова Н.В. Керамика из могильника бронзового времени на поселении Турист-2 в Новосибирске // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 209–213.
- Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. 2018. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.
- Вадецкая Э.Б. Атрибуты служителей культа по древним погребениям Енисея // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. С. 46–49.
- Вербицкий В.И. Камлание верховному божеству Ульгено (Из статьи: Вербицкий В.И. Краткие сведения об Алтайской духовной миссии // Томские епархальные ведомости, 1882. №2. С. 1–12) // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. Т. 2. С. 83–92.
- Власов В.Г. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб.: ЛИТА, 2001. Т. 3. 848 с.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 83 с.
- Гринцер П.А. Раху. Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 372.
- Грыськ Н.Е. Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских. Из культурного наследия народов Восточной Европы // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб.: Наука, 1992. Т. XLV. С. 56–61.
- Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири. Самусьская культура // Труды Музея археологии и этнографии Сибири. Томск: ТГУ, 2009. Т. II. 526 с.
- Заика А.Л., Басова Н.В., Постнов А.В. Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М.; Кемерово, 2019. С. 123–130. (Труды САИПИ. XII).
- Иванов Вяч. Вс. Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* – конь (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974. С. 75–138.
- Иванов Вяч. Вс. Лунарные мифы // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 78–80.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1987. 284 с.

- Кашлатова Л.В. Женский пантеон обских угров. Тюмень : ФОРМАТ, 2017. 158 с.
- Кейпер Ф.Б.Я. Небесная бадня // Труды по ведийской мифологии. М. : Наука, 1986. С. 156–162, 183–188.
- Климишин И.А. Календарь и хронология. М. : Наука, 1985. 320 с.
- Ковтун И.В. Образы и символы конского жертвоприношения на кинжалах сейминско-турбинской эпохи // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 110–116.
- Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалевских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 262–267.
- Ковтун И.В. Шепот духов: Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц. Кемерово : Азия-Принт, 2014. 171 с.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово : Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Ковтун И.В. Конь и лыжник. Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск : ТГУ, 2012. Т. IV. 128 с.
- Кручинина А.В. Семантическое пространство обско-угорской и самодийской этнонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 26 с.
- Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М. : Изд-во МГУ, 1986. 295 с.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташино-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 2008. С. 190–197.
- Лушникова А.В. Модель универсума древних календарей (лингвистическая реконструкция). М. : Сов. писатель, 2004. 258 с.
- Лушникова А.В. Календари Северной Евразии и Сибири как источник для реконструкции древней картины мира // Вопросы языкознания. 2005. №5. С. 11–29.
- Максименков Г.А. Могильник Черновая-VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. С. 3–26.
- Маточкин Е.П. Лунно-солнечные календари святилища «Зеленое озеро» // Гуманитарные науки в Сибири. 2004а. №3. С. 11–15.
- Маточкин Е.П. Антропоморфные персонажи Зеленого озера // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004б. Вып. 2. С. 26–37.
- Маточкин Е.П. Древние персонажи святилища Зеленое озеро // Мир наскального искусства : сб. докл. междунар. конф. М. : ИА РАН, 2005. С. 172–176.
- Маточкин Е.П. Петроглифы Зеленого озера – памятник эпохи бронзы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №2 (26). С. 104–115.
- Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск : Наука, 1994. 223 с.
- Маламуд Ш. Деревня и лес в идеологии брахманистской Индии // Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М. : Восточная литература, 2005. С. 119–140.
- Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или Книга о жертвоприношении коня. СПб. : Наука, 2003. 308 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. : Наука, 1990. 568 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. I. 128 с.
- Молодин В.И. Каменные «луновидные» подвески в непо потревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // MONUMENTUM GREGORIANUM : сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. М. : Граница, 2013. С. 135–153.
- Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии : к 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 309–324.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 452 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 293–298.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Демахина М.С. Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 310–314.

Невелера С.Л. Эпическая ашвамедха // Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня. СПб. : Наука, 2003. С. 196–213.

Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). М. : Наука, 1968. 115 с.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 5–70.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск : Наука, 1991. 92 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб. : ИИМК РАН, 2017. №16. С. 52–74.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 340–345.

Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1989. 767 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. М. : Наука, 1999. 559 с.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск : Наука, 1991. 155 с. Сагалаев А.М. Калтась-эква // Мифология манси. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 70–71.

Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / сост. Г.М. Василевич. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1936. 290 с.

Селешников С.И. История календаря и хронология. М. : Наука, 1970. 224 с.

Семенов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М. : Наука, 1981. 181 с.

Сподина В.И. Представления о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск : Солярис, 2001. 124 с.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М. : Астрель, 2000. 560 с.

Топоров В.Н. «Мировое дерево». Опыт семиотической интерпретации // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010а. С. 210–262.

Топоров В.Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (по материалам русских сказок) // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010б. С. 390–407.

Топоров В.Н. Пальцы // Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. С. 7–18.

Тураев Б.А. Син // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : Семеновская Типо-литография (И.А. Ефрона), 1990. Т. XXX. 493 с.

Харючи Г.П. Защищающие природу табу // Материалы 2-й международной конференции по самодистике – посвящается 100-летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко (16–18 октября 2008 г.). СПб. : Нестор-История, 2008. С. 278–291.

Церен Э. Лунный бог. М. : Наука, 1976. 382 с.

Шапапатха-брахмана: книга I; книга X (фрагмент). М. : Восточная литература, 2009. 383 с.

- Упанишады : в 3-х кн. Брихадараньяка Упанишада. М. : Наука, 1992. 239 с.
- Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М. : Ладомир, 1999. 488 с.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев : София, 2000. 480 с.
- Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М. : Академический Проект, 2009. 622 с.
- Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М. : Восточная литература, 1995. 293 с.
- Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск : Типография В.И. Корнакова, 1900. Вып. IV. Описание Минусинского музея. 221 с.
- The Satapatha-Brāhmana. According to the text of the Mādhyandina school. Part V. Books XI, XII, XIII, and XIV. The sacred books of the east. Vol. XLIV. Oxford, At the clarendon press, 1900. 596 + 8 p.

References

- Alekseenko E.A. Predstavleniya ketov o mire [Representations of the Kets about the World]. Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Nature and Man in the Religious Ideas of the Peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – beginning of the 20th Century)]. L. : Nauka, 1976. Pp. 67–105.
- Anuchin V.I. Oчерk shamanstva u enisejskikh ostyakov [Essay on Shamanism in the Yenisei Ostyaks]. Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii pri Imperatorskoj Akademii Nauk [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences]. SPb. : Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1914. Vol. II. 2. 90 p.
- Atharvaveda (Shaunaka): I–VII [Atharvaveda (Saunaka): I – VII]. M. : Vostochnaya literatura, 2005. Vol. I. 573 p.
- Atharvaveda (Shaunaka): VIII–XII [Atharvaveda (Saunaka): VIII–XII]. M. : Vostochnaya literatura, 2007. Vol. 2. 293 p.
- Afanas'eva V.K. Nanna [Nanna]. Mify narodov mira [Myths of the Nations of the World]. M. : Rossijskaya enciklopediya, 1994. 198 p.
- Basova N.V., Postnov A.V., Nesterkina A.L., Ahmetov V.V., Morozov A.A. Rezul'taty ohranno-spatatel'nyh raskopok na poselenii Turist-2 v gorode Novosibirsk v 2017 godu [Results of the Rescue Excavations at the Tourist-2 Settlement in the City of Novosibirsk in 2017]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Vol. XXIII. Pp. 509–512.
- Basova N.V. Keramika iz mogil'nika bronzovogo vremeni na poselenii Turist-2 v Novosibirsk [Ceramics from the Burial Site of the Bronze Age at the Settlement Tourist-2 in Novosibirsk]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2018. Vol. XXIV. Pp. 209–213.
- Berezkin Yu.E., Duvakin E.N. Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam : Analiticheskij catalog [Thematic Classification and Distribution of Folk-Mythological Motifs by Areas: Analytical catalog. 2018. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.
- Vadeckaya E.B. Atributy sluzhitelej kul'ta po drevnim pogrebeniyam Eniseya [Attributes of Ministers of Worship on the Ancient Burials of the Yenisei]. Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epohu [Priesthood and Shamanism in the Scythian Era]. SPb. : Skifo-Sibirika, 1996. Pp. 46–49.
- Verbickij V.I. Kamlanie verhovnomu bozhestvu Ul'genyu (Iz stat'i: Verbickij V.I. Kratkie svedeniya ob Altajskoj duhovnoj missii. Tomskie eparhal'nye vedomosti, 1882. №2. S. 1–12) [Rule of the Supreme Deity Ul'genyu (From the article: Verbitsky VI. Brief Information about the Altai Spiritual Mission. Tomsk Eparchal Gazette, 1882. No. 2. P. 1–12)]. Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskie materialy XVIII–XX vv. : hrestomatiya v 2 t. 2-e izd., ispr. i dop [Shamanism of the Peoples of Siberia. Ethnographic Materials of the 18th – 20th Centuries : Anthology in 2 vol. 2 ed., Corr. and add]. SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2011. Vol. 2. Pp. 83–92.
- Vlasov V.G. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva [Great Encyclopedic Dictionary of Fine Arts]. SPb. : LITA, 2001. Vol. 3. 848 p.

Gemuev I.N. Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos [Worldview of the Mansis: Home and Space]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 232 p.

Golovnev A.V. Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov [Talking Cultures: the Samdits and Ugrian Traditions. Ekaterinburg : UrO RAN, 1995. 606 p.

Goryunova O.I. Drevnie mogil'niki Pribajkal'ya (neolit – bronzovyj vek) [Ancient Cemeteries of the Baikal Region (Neolithic – Bronze Age)]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 2002. 83 p.

Grincer P.A. Rahu. Mify narodov mira [Rahu. Myths of the Peoples of the World]. M. : Rossijskaya enciklopediya, 1994. Vol. 2. Pp. 372.

Grysyk N.E. Shchuka v verovaniyah, obryadah i fol'klore russkih. Iz kul'turnogo naslediya narodov Vostochnoj Evropy [Pike in Russian Beliefs, Rites and Folklore. From the Cultural Heritage of the Peoples of Eastern Europe]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. SPb. : Nauka, 1992. Vol. XLV. Pp. 56–61.

Esin YU.N. Drevnee iskusstvo Sibiri: Samus'skaya kul'tura [Ancient Art of Siberia: Samusskaya Culture]. Trudy Muzeya arheologii i etnografii Sibiri [Proceedings of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia]. Tomsk : TGU, 2009. Vol. II. 526 p.

Zaika A.L., Basova N.V., Postnov A.V. Antropomorfnyaya mnogofigurnaya kompoziciya iz pogrebeniya na poselenii Turist-2 v Novosibirskie [Anthropomorphic Multi-figure Composition from the Burial at Tourist-2 Settlement in Novosibirsk]. Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie tradicii rannih form iskusstva (2) [Visual and Technological Traditions of Early Art Forms (2)]. M. ; Kemerovo, 2019. Pp. 123–130. (Proceedings of SAIPI. XII).

Ivanov Vyach. Vc. Opyt istolkovaniya ritual'nyh i mifologicheskikh terminov, obrazovannyh ot asva – kon' (zhertvoprinoshenie konya i derevo asvattha v drevnej Indii) [Experience of Interpretation of Ritual and Mythological Terms Derived from Aśva – Horse (horse sacrifice and aśvattha tree in ancient India)]. Problemy istorii yazykov i kul'tury narodov Indii [Problems of the History of Languages and Cultures of Indian peoples]. M. : Nauka, 1974. Pp. 75–138.

Ivanov Vyach. Vs. Lunarnye mify [Lunar Myths]. Mify narodov mira [Myths of the Peoples of the World]. M. : Rossijskaya enciklopediya, 1994. Vol. 2. Pp. 78–80.

Istochniki po etnografii Zapadnoj Sibiri [Sources on the Ethnography of Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1987. 284 p.

Kashlatova L.V. Zhenskij panteon obskih ugrov [Female Pantheon of the Ob Ugrians]. Tyumen' : FORMAT, 2017. 158 p.

Kyojper F.B.Ya. Nebesnaya bad'ya [Heavenly Tub]. Trudy po vedijskoj mifologii [Works on Vedic Mythology]. M. : Nauka, 1986. Pp. 156–162, 183–188.

Klimishin I.A. Kalendar' i hronologiya [Calendar and Chronology]. M. : Nauka, 1985. 320 p.

Kovtun I.V. Obrazy i simvoly konskogo zhertvoprinosheniya na kinzhalah sejminsko-turbinskoj epohi [Images and Symbols of Horse Sacrifice on the Daggers of the Seima-Turbian Era]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikha [Works V (XXI) of the All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. III. Pp. 110–116.

Kovtun I.V., Marochkin A.G., German P.V. Radiouglerodnye daty i otnositel'naya hronologiya sejminsko-turbinskih, krohalevskih i samus'skih drevnostej [Radiocarbon Dates and Relative Chronology of Seimino-Turbinsky, Krokholevsky and Samus Antiquities]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikha [Works V (XXI) of the All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. I. Pp. 262–267.

Kovtun I.V. Shepot duhov: Etnolingvokul'turnye ocherki mifologii nizhnetomskih pisanic [Whisper of Spirits: Ethnolinguistic and Cultural Essays on the Mythology of Nizhny Tomsk Carvings]. Kemerovo : Aziya-Print, 2014. 171 p.

Kovtun I.V. Predystoriya indoarijskoj mifologii [Prehistory of Indo-Aryan Mythology]. Kemerovo : Aziya-Print, 2013. 702 p.

Kovtun I.V. Kon' i lyzhnik [The Horse and the Skier]. Trudy Muzeya arheologii i etnografii Sibiri TGU [Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, TSU]. Tomsk : TGU, 2012. T. IV. 128 p.

Kruchinina A.V. Semanticheskoe prostranstvo obsko-ugorskoj i samodijskoj etnonimii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tyumen' [The Semantic Space of Ob-Ugrian and Samoyed Ethnonymy: Synopsis of the Dis. ... Cand. Philological Sciences, 2004. 26 p.

Kyzlasov L.R. Drevnejshaya Hakasiya [The Most Ancient Khakassia]. M. : Izd-vo MGU, 1986. 295 p.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Elitnoe pogrebenie sintashtino-petrovskogo vremeni s mogil'nika Bestamak [Elite Burial of the Sintashtino-Petrovsky Time from the Bestamak Burial Ground]. VII istoricheskie chteniya pamyati Mihaila Petrovicha Gryaznova [VII Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk : Omsk. gos. un-t, 2008. Pp. 190–197.

Lushnikova A.V. Model' universuma drevnih kalendarej (lingvisticheskaya rekonstrukciya) [Model of the Universe of Ancient Calendars (linguistic reconstruction)]. M. : Sov. pisatel', 2004. 258 p.

Lushnikova A.V. Kalendari Severnoj Evrazii i Sibiri kak istochnik dlya rekonstrukcii drevnej kartiny mira [Calendars of Northern Eurasia and Siberia as a Source for the Reconstruction of the Ancient Picture of the World]. Voprosy yazykoznanija [Questions of Linguistics]. 2005. №5. Pp. 11–29.

Maksimenkov G.A. Mogil'nik Chernovaya-VIII – etalonnij pamyatnik okunevskoj kul'tury [Burial Ground Chernovaya-VIII – Reference Site of the Okunevskaya Culture]. Pamyatniki okunevskoj kul'tury [The Sites of the Okunevskaya Culture]. L. : Nauka, 1980. Pp. 3–26.

Matochkin E.P. Lunno-solnechnye kalendari svyatilishcha «Zelenoe ozero» [Lunar-solar Calendars of the “Green Lake” Sanctuary]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2004a. №3. Pp. 11–15.

Matochkin E.P. Antropomorfnye personazhi Zelenogo ozera [Anthropomorphic Characters of Green Lake]. Arheologiya i etnografiya Altaya [Archaeology and Ethnography of Altai]. Gorno-Altajsk : Institut altaistiki im. S.S. Surazakova, 2004b. Issue 2. Pp. 26–37.

Matochkin E.P. Drevnye personazhi svyatilishcha Zelenoe ozero [Ancient Characters of the Green Lake Sanctuary]. Mir naskal'nogo iskusstva : sb. dokl. mezhdunar. konf. [The World of Rock Art: Collection of the Report of the International conference]. M. : IA RAN, 2005. Pp. 172–176.

Matochkin E.P. Petroglify Zelenogo ozera – pamyatnik epohi bronzy Altaya [Petroglyphs of the Green Lake – a Site of the Bronze Age of Altai]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2006. №2 (26). Pp. 104–115.

Matyushchenko V.I., Polevodov A.V. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov na Tatarskom uvale u derevni Okunevo [The Complex of Archaeological Sites in the Tatarsky Region near the Village of Okunevo]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 223 p.

Malamud Sh. Derevnja i les v ideologii brahmanistskoj Indii [Village and Forest in the Ideology of Brahmanist India]. Ispech' mir: ritual i mysl' v drevnej Indii [Bake the World: Ritual and Thought in Ancient India]. M. : Vostochnaya literatura, 2005. Pp. 119–140.

Mahabharata. Kniga chetyrnadcataya. Ashvamedhikaparva, ili Kniga o zhertvoprinoshenii konya [Book Fourteenth. Ashvamedhikaparva, or the Book of the Horse Sacrifice]. SPb. : Nauka, 2003. 308 p.

Mify, predaniya, skazki hantov i mansi [Myths, Legends, Tales of the Khanty and Mansi]. M. : Nauka. 1990. 568 p.

Molodin V.I. Baraba v epohu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov epohi neolita i rannego metalla) [Sopka-2 Site on the Omi River (cultural and chronological analysis of the burial complexes of the Neolithic and Early Metal)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2001. Vol. 1. 128 p.

Molodin V.I. Kamennye «lunovidnye» podveski v nepotrevozhennyh pogrebal'nyh kompleksah krotovskoj kul'tury (Zapadnaya Sibir') [Stone “Moon-Shaped” Pendants in Undisturbed Burial Complexes of the Krotovskaya Culture (Western Siberia)]. MONUMENTUM GREGORIANUM : sbornik nauchnyh statej pamyati akademika Grigoriya Maksimovicha Bongard-Levina [MONUMENTUM GREGORIANUM: a Collection of Scientific Articles in Memory of Academician Gregory Maksimovich Bongard-Levin]. M. : Granica, 2013. Pp. 135–153.

Molodin V.I. Sejmsko-turbinskie bronzy v «zakrytyh» kompleksah odinovskoj kul'tury (Barabinskaya lesostep') [Seminsk-Turbinsky Bronzes in the “Closed” Complexes of the Odintsovskaya Culture (Barabinsk forest-steppe)]. Fundamental'nye problemy arheologii, antropologii i etnografii Evrazii : k 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko [Fundamental Problems of Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia: the 70th Anniversary of the Academician A.P. Derevianko]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 309–324.

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. T. 4: Kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov krotovskoj kul'tury [The Site of Sopka-2 on the Om River. Vol. 4: Cultural and Chronological Analysis of the Burial Complexes of the Krotovskaya Culture]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2016. 452 p.

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Rajnhol'd S., Nenahova Yu.N., Efremova N.S., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S. Stratigrafiya pogrebal'nyh kompleksov rannej – razvitoj bronzy na pamyatnike Ust'-Tartas-2 [Stratigraphy of the Early-Developed Bronze Burial Complexes on the Ust-Tartas-2 Site]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2018. Vol. XXIV. Pp. 293–298.

Molodin V.I., Hansen S., Myl'nikova L.N., Rajnhol'd S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenahov D.A., Efremova N.S., Nenahova Yu.N., Selin D.V., Demahina M.S. Osnovnye itogi polevyh issledovanij Zapadno-Sibirskogo otryada Instituta arheologii i etnografii SO RAN v Barabinskoj lesostepi v 2018 godu [The Main Results of the Field Research of the West Siberian Detachment of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS in the Barabinsk Forest-Steppe in 2018]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2018. Vol. XXIV. Pp. 310–314.

Neveleva S.L. Epicheskaya ashvamedha [Epic Ashvamedha]. Mahabharata. Kniga chetyrnadcataya. Ashvamedhikaparva, ili kniga o zhertvoprinoshenii konya [Mahabharata. Book Fourteenth. Ashvamedhikaparva, or a Book about Horse Sacrifice]. SPb. : Nauka, 2003. Pp. 196–213.

Ogibenin B.L. Struktura mifologicheskikh tekstov «Rigvedy» (Vedijskaya kosmogoniya) [The Structure of the Mythological Texts of the Rig Veda (Vedic Cosmogony)]. M. : Nauka, 1968. 115 p.

Pelih G.I. Materialy po sel'kupskomu shamanstvu [Materials on Selkup Shamanism]. Etnografiya Severnoj Azii [Ethnography of North Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1980. Pp. 5–70.

Polos'mak N.V., SHumakova E.V. Ocherki semantiki kulajskogo iskusstva [Essays on the Semantics of Kulai Art]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 92 p.

Polyakov A.V. Radiouglerodnye daty okunevskoj kul'tury [Radiocarbon Dates of the Okunevskaya Culture]. Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN [Notes of the Zapiski Institute of the History of Material Culture RAS]. SPb. : IIMK RAN, 2017. №16. Pp. 52–74.

Polyakov A.V., Esin Yu.N. Kuril'nica s antropomorfnyimi izobrazheniyami iz ranneokunevskogo pogrebeniya mogil'nika Itkol'-II [Incense Burner with Anthropomorphic Images from the Early Kuni Burial of the Itkol II Burial Ground]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. I. Pp. 340–345.

Rigveda. Mandaly I–IV [Rig Veda. Mandalas I–IV]. M. : Nauka, 1989. 767 p.

Rigveda. Mandaly IX–X [Rig Veda. Mandalas IX–X]. M. : Nauka, 1999. 559 p.

Sagalaev A.M. Uralo-altajskaya mifologiya: Simvol i arhetip [Ural-Altai Mythology: Symbol and Archetype]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 155 p.

Sagalaev A.M. Kaltas'-ekva [Kaltas Equa]. Mifologiya mansi [Mythology Mansi]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2001. Pp. 70–71.

Sbornik materialov po evenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru / sost. G.M. Vasilevich [Collection of the Materials on the Evenk (Tungus) Folklore / comp. G.M. Vasilevich]. L. : Izd-vo In-ta narodov Severa CIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. 290 p.

Seleshnikov S.I. Istoriya kalendarya i hronologiya [Calendar History and Chronology]. M. : Nauka, 1970. 224 p.

Semencov V.S. Problemy interpretacii brahmanicheskoy prozy. Ritual'nyj simbolizm [Problems of Interpretation of Brahminical Prose. Ritual Symbolism]. M. : Nauka, 1981. 181 p.

Spodina V.I. Predstavleniya o prostranstve v tradicionnom mirovozzrenii lesnyh nencev Nizhnevar-tovskogo rajona [Views on Space in the Traditional Worldview of the Forest Nenets in the Nizhnevartovsk District]. Novosibirsk : Solyaris, 2001. 124 p.

Temkin E.N., Erman V.G. Mify Drevnej Indii [Myths of Ancient India]. M. : Astrel', 2000. 560 p.

Toporov V.N. «Mirovoe derevo». Opyt semioticheskoy interpretacii [“World Tree”. The Experience of Semiotic Interpretation]. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы [World Tree: Universal Signed Complexes]. M. : Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2010a. Pp. 210–262.

Toporov V.N. K rekonstrukcii mifa o mirovom yajce (po materialam russkikh skazok) [To the Reconstruction of the Myth of the World Egg (based on Russian fairy tales)]. Mirovoe derevo: Universal'nye

znakovye komplekсы [World Tree: Universal Sign Complexes]. М. : Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2010b. Pp. 390–407.

Toporov V.N. Pal'cy [Fingers]. Mifologiya: Stat'i dlya mifologicheskikh enciklopedij. T. 2 [Mythology: Articles for Mythological Encyclopedias]. М. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014. Vol. 2. Pp. 7–18.

Turaev B.A. Sin [Shin]. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. SPb. : Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1990. T. XXX. 493 p.

Haryuchi G.P. Zashchishchayushchie prirodu tabu [Protecting the Nature of the Taboo]. Materialy 2-j mezhdunarodnoj konferencii po samodistike – posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya Natal'i Mitrofanovny Tereshchenko (16–18 oktyabrya 2008 g.) [Proceedings of the 2nd International Conference on Self-Publishing – dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Natalia Mitrofanovna Tereshchenko (October 16–18, 2008)]. SPb. : Nestor-Istoriya, 2008. Pp. 278–291.

Ceren E. Lunnyj bog [Moon God]. М. : Nauka, 1976. 382 p.

Shatapatha-brahmana: kniga I; kniga X (fragment) [Shatapatha Brahmin: Book I; Book X (fragment)]. М. : Vostochnaya literatura, 2009. 383 p.

Upanishady : v 3-h kn. Brihadaran'yaka Upanishada [Upanishads: in 3 kn. Brihadaranyaka Upanishad]. М. : Nauka, 1992. 239 p.

Eliade M. Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Selected Works. Essays on Comparative Religion]. М. : Ladimir, 1999. 488 p.

Eliade M. Shamanizm: arhaicheskie tekhniki ekstaza [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Kiev : Sofiya, 2000. 480 p.

Eliade M. Istoriya very i religioznych idej: Ot kamennogo veka do elevsinskih misterij [The History of Faith and Religious Ideas: From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. М. : Akademicheskij Proekt, 2009. 622 p.

Yakobsen T. Sokrovishcha t'my. Istoriya mesopotamskoj religii [Treasure of Darkness. History of the Mesopotamian Religion]. М. : Vostochnaya literatura, 1995. 293 p.

Yakovlev E.K. Etnograficheskij obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitel'nyj katalog etnograficheskogo otdela muzeya [Ethnographic Review of the Non-Native Population of the Southern Yenisei Valley and Explanatory Catalog of the Museum's Ethnographic Department. Minusinsk : Tipografiya V.I. Kornakova, 1900. Vyp. IV. Opisanie Minusinskago muzeya. 221 p.

The Satapatha-Brāhmana. According to the text of the Mādhyandina school. Part V. Books XI, XII, XIII, and XIV. The Sacred Books of the East. Vol. XLIV. Oxford, At the Clarendon Press, 1900. 596 + 8 p.

I.V. Kovtun

*Institute of Human Ecology of the Federal Research Center
for Coal and Coal Chemistry, SB RAS, Kemerovo, Russia*

THE MOON IN THE MYTHOLOGY OF CULTURES OF THE EPOCHE OF BRONZE IN NORTH-WESTERN ASIA (the 3rd – beginning of the 2nd)

The article highlights a series of multi-cultural images of the era of developed Bronze in the south of Western Siberia, connected by a common meaning. The lunar semantics of Okunev, Krokhalevsky and Samusky anthropomorphic characters, transmitting the idea of significant lunar cycles, mainly of the new moon, the first quarter and the full moon, is substantiated. The worldviews of the population of these cultures are reconstructed, probable sources of the lunar cult and features of similar views in each community are investigated. Special consideration is given to the specific iconographic methods of transferring similar ideological stereotypes, various graphic means inherent in the cultural groups of the Upper Priobye, Lower Pritomye and the Middle Yenisei in the 2nd half of the 3rd – beginning of the 2nd millennium BC. A series of moon-shaped pendants found in the sites of the cultures of the Seminsk-Turbin epoch is considered, and their semantic interpretation is proposed. The article presents the information on the absolute chronology of the 14-C Krokhalev and Samus complexes and their correlation with radiocarbon dating of Okunev antiquities.

Key words: lunar themes, south of Western Siberia, Okunevskaya culture, Krokhalevskaya culture, Samus culture, world view, representative art, ornamental graphic art.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902:004.352

П.В. Чистяков, В.С. Ковалев, К.А. Колобова, А.В. Шалагина, А.И. Кривошапкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

3D МОДЕЛИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ПРИ ПОМОЩИ СКАНЕРОВ СТРУКТУРИРОВАННОГО ПОДСВЕТА*

Трехмерное моделирование археологических артефактов в настоящее время является наиболее активно развивающимся направлением в археологии. Оно служит как для визуализации объектов археологического наследия, так и для верифицируемых научных исследований на недоступном ранее уровне детализации. В предлагаемой статье приводится универсальная методика сканирования археологических артефактов при помощи сканера структурированного подсвета. В результате применения сканирования можно получить масштабированную модель археологического артефакта, полностью соответствующую оригиналу. На примере трехмерных изображений каменных орудий даются основные рекомендации для сканирования археологических артефактов различных цветов и размеров. Приводятся примеры наиболее распространенных ошибок, появляющихся при сканировании в результате неправильных настроек оборудования либо из-за физических свойств сканируемых объектов. Алгоритмы исправления ошибок могут применяться для любых сканирующих устройств и сканирования любых типов артефактов. Предлагаемая статья может быть использована в качестве рекомендации для обучения сканированию археологических объектов сканерами структурированного подсвета.

Ключевые слова: трехмерное моделирование, 3D сканирование, сканеры структурированного подсвета, археологические объекты, масштабирование.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-07

Введение

В последние десятилетия развитие естественно-научных и технических методов позволило использовать их для достижения научных целей в гуманитарных дисциплинах. Это обстоятельство повлияло на развитие самих гуманитарных наук, поскольку привело к ускоренному росту их возможностей. Одним из наиболее перспективных и активно развивающихся сейчас направлений является применение методов 3D моделирования в археологии. 3D моделирование может использоваться как для документирования археологических объектов, тем самым заменяя графический рисунок и фотографию, так и для исследования самих моделируемых артефактов.

Создание масштабированных объемных моделей приносит не только научные, но и экономические преимущества, поскольку позволяет в короткие сроки создавать значительное количество двухмерных изображений, заменяющих графические рисунки. Кроме того, обучение работе на специализированном оборудовании не требует значительных временных затрат, поскольку пользователь должен уметь применять только стандартные компьютерные графические программы. Определенной трудностью являются материальные затраты, связанные с первоначальной покупкой оборудования, однако в настоящее время наблюдается общая тенденция постепенного удешевления

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта Института археологии и этнографии СО РАН №0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

сканеров структурированного подсвета, что, несомненно, приведет к их широкому использованию в археологических исследованиях [Вавулин и др., 2014].

В настоящее время в археологических и палеонтологических исследованиях наиболее распространено 3D моделирование методами фотограмметрии и сканирования (лазерные сканеры и сканеры структурированного подсвета) [Grosman et al., 2008; DeReu et al., 2013; Gajski et al., 2016; Зоткина и др., 2018]. В отечественных археологических исследованиях фотограмметрия применяется несколько чаще, чем 3D сканирование, в силу относительной доступности оборудования и программного обеспечения [Грушин, Сосновский, 2018; Павленок и др., 2016]. С другой стороны, в результате применения метода фотограмметрии получаются немасштабированные модели, более подходящие для реализации задач документирования и визуализации [Garstki et al., 2017]. Мы намеренно не затрагиваем вопросы создания 3D моделей при помощи компьютерной томографии, поскольку этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Моделирование каменных артефактов, особенно с помощью сканеров структурированного подсвета, на сегодняшний день является одним из самых быстроразвивающихся направлений в археологии. Масштабированные модели артефактов обеспечивают возможность получения верифицируемых морфологических и статистических данных, недоступных ранее, до распространения новых технологий [Morales et al., 2015; Herzlinger et al., 2017; Шалагина и др., 2017].

В настоящей статье мы предлагаем обзор методики сканирования археологических артефактов сканерами структурированного подсвета с детальным рассмотрением наиболее распространенных ошибок, возникающих у исследователей вследствие физических характеристик сканируемого объекта, неправильных настроек оборудования либо погрешностей в позиционировании сканируемых объектов. Поскольку практически все сканеры структурированного подсвета используют однотипный алгоритм сканирования, предлагаемая методика подойдет и для настройки сканеров других марок. Алгоритмы исправления ошибок сканирования также подойдут для любых сканеров структурированного подсвета.

Методика сканирования

Методика сканирования археологических объектов приводится на примере каменных артефактов, которые представляют собой разнообразный по своим морфометрическим свойствам класс археологических объектов, перспективный с точки зрения создания 3D моделей и их последующего исследования. Мы описываем процесс создания бестекстурных моделей каменных артефактов, поскольку они наиболее удобны для научных исследований, в то время как модели с текстурами более соответствуют целям документирования и визуализации.

В данной работе в качестве примера мы используем каменные артефакты, полученные в результате экспериментального моделирования: бифасиальное острие из обсидиана и бифасиальное скребло из засурынского яшмоида. Оба артефакта обладают средними размерами, требующими соответствующей калибровки сканера, они изготовлены из каменного сырья темного цвета, в случае обсидианового острия – блестящего. Данные обстоятельства при создании 3D моделей определяют некоторые трудности, преодоление которых будет описано ниже.

Методика сканирования представлена на примере использования сканера структурированного подсвета Range Vision Spectrum 3.1 отечественного производства.

Выбор данного сканера, с одной стороны, обусловлен высоким качеством моделей, которые возможно получить с его помощью, а с другой стороны – его относительно невысокой ценой. С нашей точки зрения, в настоящий момент он является оптимальной моделью на отечественном рынке, превосходящей по своим техническим характеристикам подобное оборудование из низкого ценового сегмента. Данный сканер позволяет создавать модели с высоким разрешением на поворотном столе и с маркерами, а также позволяет создавать текстурные и бестектурные модели.

Существует несколько способов сканирования каменных артефактов. Предпочтительный способ – сканирование с использованием поворотного стола без меток. Объект сканирования устанавливается на платформе стола и автоматически сканируется с нескольких ракурсов. Оптимальное количество снимков сканируемого объекта от 8 до 12. При увеличении числа положений возможно создание избыточного числа фрагментов изображений объекта, что приведет к долгой обработке и менее качественному результату, чем при оптимальном количестве снимков. Данный способ сканирования предполагает, что отдельные снимки объекта, объединенные в одну группу, автоматически совмещаются. Мы советуем применять данный способ сканирования, поскольку он оптимален по соотношению качества результата и затраченного на его получение времени.

При сканировании с маркерами (специальными метками), они наклеиваются как на сам объект, так и на вспомогательную подложку или вспомогательные крепежные приспособления. Маркеры должны наклеиваться на ровные участки объекта, без изгибов или деформации самих меток.

Процесс сканирования артефактов включает следующие этапы:

1. *Подготовка к работе, требования к освещенности, рабочему месту, объектам сканирования.* В первую очередь необходимо собрать сканер согласно прилагаемой инструкции (рис. 1.-1). Сканер, как и сканируемый объект, необходимо установить на ровную и стабильную поверхность. Следует избегать изменений условий сканирования. Во время оцифровки на поворотном столе объект не должен выходить за поле зрения сканера. При оцифровке полумрак обеспечит хороший результат сканирования, но при сканировании с текстурой желательно настроить освещение.

Для упрощения последующей обработки сканов (например, для удаления поверхности поворотного стола и других ненужных элементов, не относящихся к объекту) рекомендуется размещать объект либо на подставке, либо на многоразовой пластилиноподобной липкой массе, либо в специальном креплении. Это обеспечит простую возможность удаления ненужных элементов (рис. 1.-2).

2. *Калибровка сканера.* Калибровка необходима для настройки фокусного расстояния и расстояния между камерами. В зависимости от размера сканируемого объекта эти расстояния будут разными. При запуске сканера и программы ScanCenter NG на компьютере проводится проверка на наличие текущей версии программного обеспечения и проверка подключения всех устройств сканера (проектора и камер). В случае появления ошибки подключения одного или нескольких компонентов необходимо проверить подключение кабелей, питания и обновить подключение (рис. 2.-1). При успешном подключении всех компонентов сканера программа запустится, и начальное меню программы станет доступным для пользователя (рис. 2.-2).

3. *Выбор зоны сканирования.* Перед началом настройки необходимо выбрать соответствующую зону (область) сканирования в зависимости от размеров сканируемого

Рис. 1. Трехмерное моделирование при помощи сканера структурированного подсвета:
1 – сканер Range Vision Spectrum 3.1 в полной сборке;
2 – процесс сканирования каменного артефакта

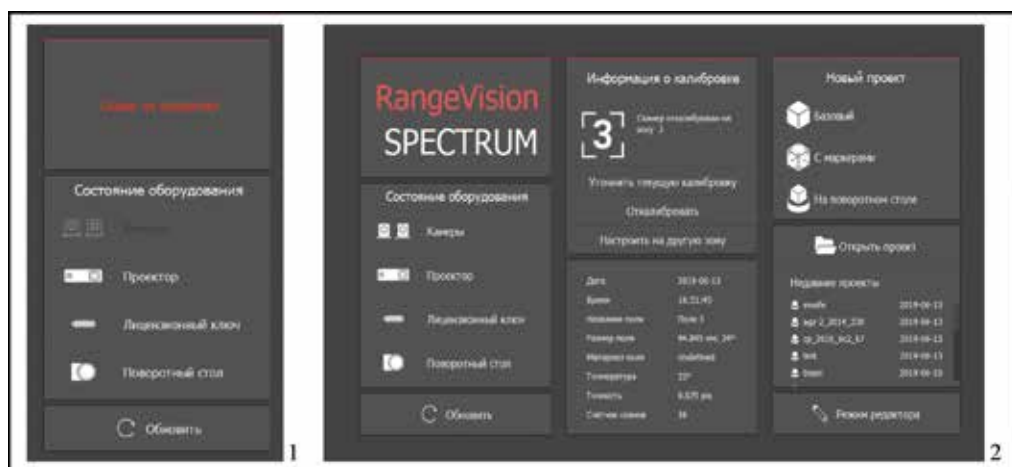

Рис. 2. Программное обеспечение ScanCenter NG: 1 – ошибка определения оборудования сканера; 2 – состояние программного обеспечения сканера, готового к работе

объекта. Зона сканирования – это набор калибровочного поля и подставки для поля, позволяющий настроить сканер на определенную область сканирования. В большинстве случаев зона сканирования правильно подобрана, если размер объекта примерно равен размеру калибровочного поля, входящего в набор оборудования 3D сканера. После выбора калибровочного поля нужного размера вводим его точный размер, указанный на обратной стороне в «Мастере настройки».

4. *Предварительная настройка камер.* При настройке камер сканера необходимо обратить внимание на то, что правая камера должна соответствовать правому снимку, а левая – левому. Если камеры перепутаны местами, необходимо изменить их состояние в программе. В диалоге «Настройка оборудования» на вкладке «Камеры» используем опцию «Поменять камеры местами». Изображение, передаваемое с камер на монитор, может быть слишком ярким или темным из-за различий в яркости внешнего

освещения. Вручную необходимо настроить диафрагму объективов так, чтобы изображение было приемлемой яркости, без красных зон, пересвета и не слишком темное. Настройка диафрагмы осуществляется кольцом на корпусе объектива.

5. *Определение рабочего расстояния.* В каждой зоне сканирования сканер определяет рабочее расстояние (расстояние до объекта). При настройке сканера это расстояние определяется с помощью калибровочного поля. Для определения рабочего расстояния нужно установить калибровочное поле перед сканером. Двигая поле ближе или дальше от камеры, совмещаем крайние метки калибровочного поля с синей сеткой на изображении, передаваемом с камеры.

6. *Настройка фокуса проектора.* Проектор при работе сканера проецирует на сканируемый объект структурированный подсвет – кодированные линии и полосы (рис. 1.-2). Фокус проектора нужно настроить таким образом, чтобы линии на калибровочном поле, расположенном на рабочем расстоянии, были максимально резкими. Настройка фокуса проектора осуществляется кольцом на корпусе объектива.

7. *Сведение камер.* Для работы сканера его камеры должны быть сведены в одну точку на найденном рабочем расстоянии. На этом этапе полное совмещение креста с метками на проецируемом изображении не обязательно. Сфокусированный проектор должен проецировать крест на любую часть калибровочного поля или любую другую поверхность, расположенную на рабочем расстоянии от сканера.

8. *Настройка выдержки камер.* После создания проекта объект устанавливается по центру платформы стола и в подсвете проектора включаются «Полосы». Регулировкой выдержки камер устанавливается максимальное значение экспозиции, при котором не появляются красные области на проецируемых линиях (рис. 3.-1).

При сканировании контрастно окрашенного объекта можно включить режим выдержки второго снимка. Применение данной функции позволяет получить два сканируемых изображения: один – с низкой экспозицией, а другой – с высокой. Для этого сначала устанавливается значение экспозиции, соответствующее съемке светлых областей, а после активизации «Выдержки второго снимка» устанавливается значение экспозиции для съемки темных областей.

В зонах пересвета, которые выделяются красным цветом на изображениях с камер, расчет модели не производится, и в результате сканирования получается пустая область. Регулировка экспозиции производится только программно. При попытке регулировки колец диафрагмы на объективах камер произойдет раскалибровка.

9. *Калибровка сканера.* После настройки камер необходимо выполнить калибровку с помощью калибровочного поля. Программа анализирует изображение поля, получаемое с камер, и сравнивает его с математической моделью, заложенной в алгоритме программы.

Существует три типа калибровки: полная калибровка, уточнение текущей калибровки (быстрая калибровка) и калибровка поворотного стола. Полная калибровка используется при перенастройке камер и смене зоны сканирования, при любых подозрениях на ухудшение точности сканирования, после транспортировки сканера. Уточнение текущей калибровки используется при подозрении, что камера сдвинулась вследствие ненадежного закрепления, для проверки точности выполненной калибровки, перед каждой новой сессией работы со сканером. Калибровка поворотного стола описывается в следующем пункте методики.

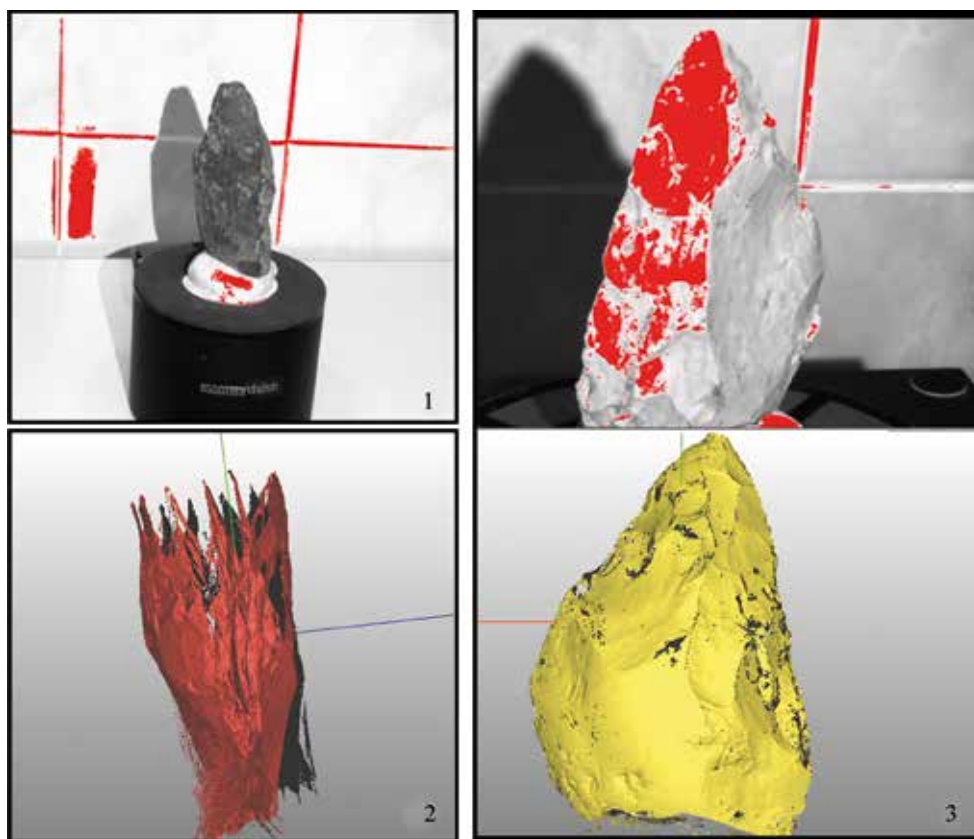

Рис. 3. Процесс создания трехмерной модели и возможные ошибки: 1 – установка выдержки; 2 – ошибка калибровки сканера; 3 – ошибка установки выдержки

Для установки камер в нужное положение, соответствующее выбранной зоне сканирования, откручиваются винты крепления, и камеры передвигаются. В процессе передвижения камер совмещается вертикальная линия креста и центральная синяя вертикальная линия на изображении, проецируемом с каждой из камер. Небольшое отклонение между правой и левой камерами по высоте не влияет на качество сканирования. После выставления положения камер проецируемый крест совмещается с центральной меткой на калибровочном поле.

Калибровка сканера проводится по 11 снимкам. Необходимо внимательно следить за положением поля при каждом снимке, поскольку в некоторых положениях программа будет запрашивать определенный поворот калибровочного поля.

После того как все необходимые снимки сделаны, автоматически запустится модуль калибровки и программа сообщит точность калибровки. Оптимальным значением можно считать точность, не превышающую 0.05. При получении более высоких значений калибровку необходимо повторить.

10. *Калибровка поворотного стола* (определение оси стола) проводится при любом изменении положения поворотного стола относительно сканера и рекомендуется перед каждой новой сессией сканирования.

Перед началом сканирования на поворотном столе сканируемый объект устанавливается по центру стола. В подсвете проектора включается «Крест» и проектор наводится так, чтобы объект при сканировании находился в полной видимости камер. Затем объект сканирования удаляется со стола и на его место устанавливается калибровочное поле на размер меньше используемого при калибровке сканера. Используется специальное поле «Для оценки оси». Нажимаем кнопку «Калибровка по полю» в меню «Столик», и экспозиция выставляется таким образом, чтобы на калибровочном поле не появлялись красные точки. После этого нажимается кнопка «Оценить ось». После проведения всех указанных действий сканер сообщает результат своей калибровки. Оптимальное значение результата оценки оси не должно превышать 0.006, иначе качество сканирования может сильно понизиться. При необходимости нужно повторить оценку оси.

Основные рекомендации по сканированию каменных артефактов

Сканируемые каменные артефакты различаются по размерам, форме, текстуре поверхности, наличию или отсутствию выемок, отверстий или трещин. Каждая из перечисленных характеристик может усложнить процесс сканирования.

При сканировании крупных объектов рекомендуется использовать самую крупную калибровочную панель. Сканировать крупные объекты на поворотном столе неудобно из-за размеров самого поворотного стола и размера объекта. Поэтому наиболее подходящим решением является использование специальной подложки из картона с наклеенными маркерами. При этом необходимо убедиться, что маркеры отчетливо видны и их расположение хаотично.

При сканировании каменных орудий среднего размера (от 4 до 15 см в наибольшем измерении) рекомендуется калибровать сканер на поле подходящего размера с использованием поворотного стола. Если на артефакте фиксируются мелкие детали, то используется поворотный стол и калибровка с самым маленьким калибровочным полем.

Сканирование артефактов производится в несколько этапов. Обычно сканируются верхняя и нижняя части артефакта, которые впоследствии программно совмещаются. При сканировании мелких объектов (до 3 см в наибольшем измерении) детализация полученной модели может быть недостаточной.

Алгоритмы исправления ошибок сканирования

Ошибки калибровки. Самой распространенной ошибкой, возникающей у неопытных пользователей при обучении трехмерному моделированию, является неверная, недостаточно точная калибровка сканера или потеря его калибровки. Безусловным индикатором возникновения такой ошибки являются получаемые трехмерные проекции следующего облика (рис. 3.-2). В случае возникновения такой ошибки рекомендуется повторить процесс полной калибровки сканера и убедиться в ее качестве.

Ошибка установки рабочего расстояния. Неопытный пользователь сканера может установить неправильное расстояние между сканером и поворотным столом: расположить их слишком близко или слишком далеко друг от друга, что приведет к созданию моделей крайне низкого качества, даже при качественной калибровке. Низкое качество моделей выражается в наличии многочисленных неотсканированных поверхностей, «дыр» на артефактах. Данная проблема решается перемещением поворотного стола относительно сканера.

Ошибки установки выдержки. Одной из наиболее частых ошибок, возникающих при сканировании, является неверный выбор выдержки камер сканера. Пример с неправильной выдержкой показан на рисунке (рис. 3.-3). В зависимости от цвета скани-

руемого артефакта пользователь каждый раз должен выбирать соответствующую выдержку, чтобы избежать засвечивания объекта. Индикатором засвечивания являются красные области на проецируемом камерой изображении.

Ошибки, возникающие вследствие физических свойств артефактов. Поверхность сканируемого объекта может быть темной, прозрачной, бликующей, с соседствующими светлыми и темными участками и т.д. На примере обсидианового бифаса (рис. 4.-1) показана трехмерная модель, которая получилась ненадлежащего качества из-за физических свойств сырья (рис. 4.-2). Темные и бликующие участки сканируются как пустая область. Для решения данного комплекса проблем необходимо покрыть сканируемые объекты специализированным матирующим спреем или легкосмываемой (акварель или гуашь) краской. Мы рекомендуем краску светлых оттенков (рис. 4.-3). После сканирования артефакта, покрытого краской, получаются трехмерные модели удовлетворительного качества.

Необходимо добавить, что даже темный цвет артефакта (темно-коричневый, темно-серый и др.) оказывает влияние на качество получаемой модели. Она может получиться излишне рельефной, или «шумной», покрытой многочисленными «пика-

Рис. 4. Трудности, возникающие при сканировании артефактов:
1 – блестящий артефакт черного цвета; 2 – трехмерная модель, полученная при сканировании блестящего артефакта черного цвета без дополнительной обработки;
3 – сканирование обработанного артефакта

ми». Данные изъяны будет невозможно исправить в процессе программной обработки трехмерной модели, поэтому даже в случае темного цвета сканируемого объекта рекомендуется покрытие светлой краской.

Рис. 5. Ошибка сканирования с маркерами

Ошибки, возникающие при сканировании с маркерами. Во время сканирования сканер находит маркеры и рассчитывает их координаты, наряду с координатами самого сканируемого объекта. Если на каждом сканируемом фрагменте достаточно маркеров, смежных с предыдущим, то новый фрагмент автоматически устанавливается в нужное положение. Таким образом, все фрагменты автоматически сливаются в трехмерную модель объекта, упрощая дальнейшую обработку данных сканирования. В некоторых случаях маркеры могут быть не видны, и модель будет собрана неверно (рис. 5). Произойти это может из-за ошибки калибровки самого сканера, неверно расположенных маркеров или их плохого качества (маркер поврежден, помят, испачкан и пр.). В этом случае рекомендуется заново провести калибровку сканера и переустановить новые маркеры таким образом, чтобы они не были деформированы. Возможен также вариант, при котором маркеры с предыдущего сканируемого фрагмента не определились на следующем. Минимальное количество смежных маркеров на сканируемых изображениях – 3,

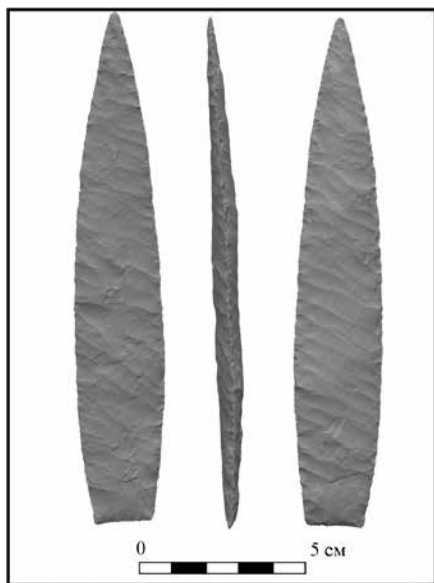

Рис. 6. Трехмерная модель отсканированного каменного артефакта

иначе сборка модели будет выполняться некорректно. В случае данной ошибки рекомендуется увеличить количество маркеров на сканируемой области.

При корректном сканировании и следовании перечисленным рекомендациям в результате должна получиться трехмерная модель, пример которой приведен на рисунке (рис. 6).

Заключение

Трехмерное моделирование с применением методов фотограмметрии или сканирования является крайне перспективным и активно развивающимся направлением в археологии. Трехмерные изображения, полученные с помощью сканеров структурированного подсвета, за счет отсутствия текстуры явно превосходят по информативности фотографии. За счет скорости создания моделей и качества визуализации трехмерное моделирование более предпочтительно, чем создание графических схем. Продемонстрированный алгоритм сканирования каменных артефактов подходит для любых археологических предметов. Приведенные примеры исправления ошибок призваны облегчить процедуру освоения сканирующих устройств и решения возникающих проблем.

Библиографический список

- Грушин С.П., Сосновский И.А. Фотограмметрия в археологии – методика и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 99–105.
- Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Методика и практика 3D сканирования разнотипных археологических артефактов // Сибирские исторические исследования. 2014. №4. С. 21–37.
- Зоткина Л.В., Ковалев В.С., Шалагина А.В. Возможности и перспективы применения трехмерной визуализации как инструмента анализа в археологии // Научная визуализация. 2018. Т. 10, №4. С. 172–190.
- Павленок Г.Д., Шалагина А.В., Шнайдер С.В., Ковалев В.С., Казаков В.В., Боманн М. Современная методика изучения археологических объектов во Франции: опыт участия в научных семинарах и полевых работах в провинции Дордонь (юго-запад Франции) // *Universum Humanitarium*. 2016. №2 (3). С. 23–37.
- Шалагина А.В., Шнайдер С.В., Колобова К.А. Возможности применения 3-D сканирования и анализа последовательности сколов (scar pattern analysis) при изучении двустороннеобработанных орудий // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Азбука, 2017. Т. 1. С. 120–124.
- DeReu J., Plets G., Verhoeven G., DeSmedt P., Bats M., Cherretté B., De Maeyer W., Deconynck J., Herremans D., Laloo P., Van Meirvenne M., De Clercq W. Towards a three-dimensional cost-effective registration of the archaeological heritage // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40, Iss. 2. P. 1108–1121.
- Gajski D., Solter A., Gašparović M. Applications of macro photogrammetry in archaeology // *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*. XXIII ISPRS Congress, 12–19 July 2016, Prague, Czech Republic, 2016. Vol. XLI-B5. P. 263–266. DOI:10.5194/isprsarchives-XLI-B5-263-2016.
- Garstki D. Virtual Representation: the Production of 3D Digital Artifacts // *Archaeological Method Theory*. 2017. №24. P. 726–750. DOI: 10.1007/s10816-016-9285-z.
- Grosman L., Smikt O., Smilansky U. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts // *Journal of Archaeological Science*. 2008. №35 (12). P. 3101–3110.
- Herzlinger G., Goren-Inbar N., Grosman L. A new method for 3D geometric morphometric shape analysis: The case study of handaxe knapping skill // *Journal of Archaeological Science Reports*. 2017. №14. P. 163–173. doi:10.1016/j.jasrep.2017.05.013.
- Morales J.I., Soto M., Lorenzo C., Vergès J.M. The evolution and stability of stone tools: The effects of different mobility scenarios in tool reduction and shape features // *Journal of Archaeological Science*. 2015. №3. P. 295–305.

References

- Grushin S.P., Sosnovskij I.A. Fotogrammetriya v arheologii – metodika i perspektivy [Photogrammetry in Archaeology – Methods and Prospects]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №1 (21). Pp. 99–105.

Vavulin M.V., Zajceva O.V., Pushkarev A.A. Metodika i praktika 3D skanirovaniya raznotipnyh arheologicheskikh artefaktov [Methods and Practice of 3D Scanning of Different Types of Archaeological Artifacts]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies]. 2014. №4. Pp. 21–37.

Zotkina L.V., Kovalev V.S., Shalagina A.V. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya trekhmernoj vizualizacii kak instrumenta analiza v arheologii [Opportunities and Prospects for the Use of Three-Dimensional Visualization as an Analysis Tool in Archaeology]. *Nauchnaya vizualizaciya* [Scientific Visualization]. 2018. Vol. 10, №4. Pp. 172–190.

Pavlenok G.D., Shalagina A.V., Shnajder S.V., Kovalev V.S., Kazakov V.V., Bomann M. Sovremennaya metodika izucheniya arheologicheskikh ob'ektov vo Francii: opyt uchastiya v nauchnyh seminarah i polevyh rabotah v provincii Dordon' (yugo-zapad Francii) [Modern Methods of Studying Archaeological Objects in France: the Experience of Participation in Scientific Seminars and Field Work in the Province of Dordogne (south-west France)]. *Universum Humanitarium*. 2016. №2 (3). Pp. 23–37.

Shalagina A.V., Shnajder S.V., Kolobova K.A. Vozmozhnosti primeneniya 3-D skanirovaniya i analiza posledovatel'nosti skolov (scar pattern analysis) pri izuchenii dvustoronneobrabotannyh orudij [Possibilities for the Use of 3-D Scanning and Analysis of the Sequence of Scars (scar pattern analysis) in the Study of Two-Sided Tools]. *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurikhe* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul : Azbuka, 2017. Vol. 1. Pp. 120–124.

DeReu J., Plets G., Verhoeven G., DeSmedt P., Bats M., Cherretté B., De Maeyer W., Deconynck J., Herremans D., Lalloo P., Van Meirvenne M., De Clercq W. Towards a Three-Dimensional Cost-Effective Registration of the Archaeological Heritage // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40, Issue 2. Pp. 1108–1121.

Gajski D., Solter A., Gašparović M. Applications of Macro Photogrammetry in Archaeology // *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. XXIII ISPRS Congress, 12–19 July 2016, Prague, Czech Republic, 2016*. Vol. XLI-B5. Pp. 263–266. DOI:10.5194/isprsarchives-XLI-B5-263-2016.

Garstki D. Virtual Representation: the Production of 3D Digital Artifacts // *Archaeological Method Theory*. 2017. №24. Pp. 726–750. DOI: 10.1007/s10816-016-9285-z.

Grosman L., Smikt O., Smilansky U. On the Application of 3-D Scanning Technology for the Documentation and Typology of Lithic Artifacts // *Journal of Archaeological Science*. 2008. №35 (12). P. 3101–3110.

Herzlinger G., Goren-Inbar N., Grosman L. A New Method for 3D Geometric Morphometric Shape Analysis: The Case Study of Handaxe Knapping Skill // *Journal of Archaeological Science Reports*. 2017. №14. Pp. 163–173. doi:10.1016/j.jasrep.2017.05.013.

Morales J.L., Soto M., Lorenzo C., Vergès J.M. The Evolution and Stability of Stone Tools: The Effects of Different Mobility Scenarios in Tool Reduction and Shape Features // *Journal of Archaeological Science*. 2015. №3. Pp. 295–305.

P.V. Chistyakov, V.S. Kovalev, K.A. Kolobova, A.V. Shalagina, A.I. Krivoschapkin

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

3D MODELING OF ARCHAEOLOGICAL ARTIFACTS BY STRUCTURED LIGHT SCANNER

Currently, 3D modeling of archaeological artifacts is the most actively developing science area in archaeology. It serves both for visualization of objects of the archaeological heritage, and for verifiable scientific research at a previously inaccessible level of detail. The proposed article provides a universal method for scanning archaeological artifacts using a structured light scanner. As a result of scan applying, you can get a scaled model of an archaeological artifact that fully corresponds to the original. Using the example of three-dimensional images of stone tools, basic recommendations are given for scanning archaeological artifacts of various colors and sizes. Examples of the most common errors that occur during scanning as a result of incorrect equipment settings or due to the physical properties of the scanned objects are given. Error correction algorithms can be used for any scanning devices and scanning any types of artifacts. The proposed article can be used as a teaching tool for learning to scan archaeological objects using scanners of structured illumination.

Key words: three-dimensional modeling, 3D scanning, structured light scanners, archaeological objects, scaling.

В.Г. Ломан

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

КЕРАМИКА САРГАРИНСКО-АЛЕКСЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА КАРАТУГАЙ*

Статья посвящена результатам изучения технологии изготовления керамики саргаринско-алексеевского могильника Каратугай (Центральный Казахстан). По методике А.А. Бобринского с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10 было изучено в общей сложности 10 археологически целых и фрагментированных сосудов. Получены данные об особенностях исходного сырья, составления рецептов формовочных масс, способах конструирования начина и полого тела, обработке поверхности, условиях обжига. Определен набор основных гончарных традиций (отбор исходного сырья – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – средняя/крупная дресва в концентрации 1:5 + мелкий среднежелезненный шамот в концентрации 1:5 + навоз; конструирование начина по донно-емкостной программе; конструирование полого тела лоскутно-комковатым способом), выявлены импортные сосуды, установлена последовательность совершения погребений. Показано, что население, оставившее памятник, проживало совместно с представителями ирменской культуры.

Ключевые слова: керамика, технико-технологический анализ, Казахстан, могильник, саргаринско-алексеевская культура, ирменская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-08

Введение

Могильник Каратугай, находящийся в Карагандинской области (Казахстан), относится к саргаринско-алексеевской культуре, материалы его раскопок были ранее опубликованы автором [Ломан, 2019].

В настоящей статье описывается керамический комплекс могильника и излагаются результаты его технико-технологического анализа.

Материалы и методы

Керамическая коллекция памятника состоит из 10 археологически целых и фрагментированных керамических сосудов, происходящих из 11 погребальных сооружений. Технико-технологический анализ керамики был проведен по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978, 1999]. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 были изучены особенности исходного сырья, рецептура формовочных масс, способы конструирования сосудов и обработки их поверхности, определены условия обжига. Описание результатов анализа дается в соответствии с раскопанными погребальными сооружениями.

Сооружение №1, могила. Сосуд 1 (рис. 1.-1). Имеет горшковидную форму, округлый в разрезе венчик, короткую прямостоящую шейку, подчеркнутую желобком шириной 3 мм. Высота сосуда 14 см, диаметр устья 14,8 см, диаметр дна 9 см, толщина дна 1,3–1,6 см, толщина стенок 1 см, толщина шейки 0,8 см. Верх плечика орнаментирован рядом перекрещивающихся отрезков, нанесенных гладким штампом.

* Работа выполнена по гранту МОН РК №AP05131861 «История населения степной зоны Казахстана эпохи бронзы – начала раннего железного века (по данным гончарной технологии)».

Рис. 1. Могильник Каратугай. Керамика

Исходное сырье – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью мелкого оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – дресва средней размерности в концентрации 1:5 + среднежелезненный шамот мелкой размер-

ности в концентрации 1:5 + мелкие фрагменты кости в концентрации 1:6–1:7 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый из двух слоев лоскутов (рис. 3.-2); полое тело в нижней части двухслойное лоскутно-комковатое, в верхней части – однослойное; обе поверхности покрыты слоем глиняной обмазки и заглажены тканью, от которой на шейке сосуда сохранились отпечатки выпавших ниток (рис. 3.-1). Полностью черный цвет поверхностей и излома этого и других сосудов говорит о том, что обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Сосуд 2 (рис. 1.-2). Имеет горшковидную форму с округлым в разрезе венчиком и плавным переходом прямой шейки к раздутому тулову. Высота сосуда 18 см, диаметр устья 14,5 см, диаметр дна 9 см, толщина дна 1,3 см, толщина стенок 0,9 см. Шейка посередине украшена горизонтальным рядом мелких овальных вдавлений, под которыми резной техникой нанесен ряд перекрещивающихся отрезков.

Исходное сырье – слабожелезненная пластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – дресва крупной размерности в концентрации 1:5 + среднежелезненный шамот мелкой размерности в концентрации 1:4 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый, дно укреплено внешним слоем лоскутов (рис. 3.-3); полое тело – однослойное лоскутно-комковатое; обе поверхности покрыты слоем глиняной обмазки и заглажены щепкой. Венчик сделан из глиняного жгутика, прилепленного на верхний край емкости (рис. 3.-4). Обжиг проходил в полувосстановительной атмосфере, с частичным доступом воздуха к внутренней части сосуда (излом черного цвета с розовым слоем толщиной 2 мм у внутренней поверхности сосуда).

Сооружение №2, могила. *Сосуд 1* (рис. 1.-3). Имеет форму закрытой банки с уплощенным венчиком и желобком шириной 0,6 см, опоясывающим верхнюю часть тулова. Высота сосуда 17 см, диаметр устья 20,5 см, диаметр дна 11 см, толщина дна 1,2 см, толщина стенок 0,9 см.

Исходное сырье – среднежелезненная пластичная глина; рецепт формовочной массы – дресва крупной размерности в концентрации 1:4 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый из двух слоев лоскутов; полое тело – однослойное лоскутно-комковатое; внешняя поверхность заглажена узкой щепкой, следы обработки внутренней поверхности не читаются. Обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Сосуд 2. Сохранились только мелкие фрагменты тулова и несколько фрагментов плоского дна.

Исходное сырье – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью мелкого оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – дресва средней размерности в концентрации 1:5 + слабожелезненный шамот крупной размерности в концентрации 1:5 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый; полое тело – однослойное лоскутно-комковатое; следы обработки поверхностей не читаются. Обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Около сооружения №3. *Сосуд* (рис. 1.-4). Имеет горшковидную форму с невысокой слегка вогнутой шейкой, раздутым туловом и округлым в разрезе венчиком. Высота сосуда 11 см, диаметр устья 11 см, диаметр дна 9 см, толщина дна 1,3 см, толщина стенок 0,8 см. На плечике расположены 2–3 ряда полукруглых и округлых вдавлений, сверху и снизу которых нанесены вертикальные и наклонные оттиски штампа каплевидной формы с двумя зубцами в расширенной части.

Исходное сырье – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – дресва средней размерности в концентрации 1:5 + среднежелезненный шамот мелкой размерности в концентрации 1:4 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый из двух слоев лоскутов; полое тело – двухслойное лоскутно-комковатое (рис. 3.-5); обе поверхности заглажены пальцами. Обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Сооружение №4, могила. Сосуд (рис. 1.-5). Имеет горшковидную форму с плавным переходом прямой невысокой шейки к слабо раздутому тулову. Венчик уплощенный, с воротничком. Высота сосуда 14 см, размеры устья 15×18 см, размеры дна

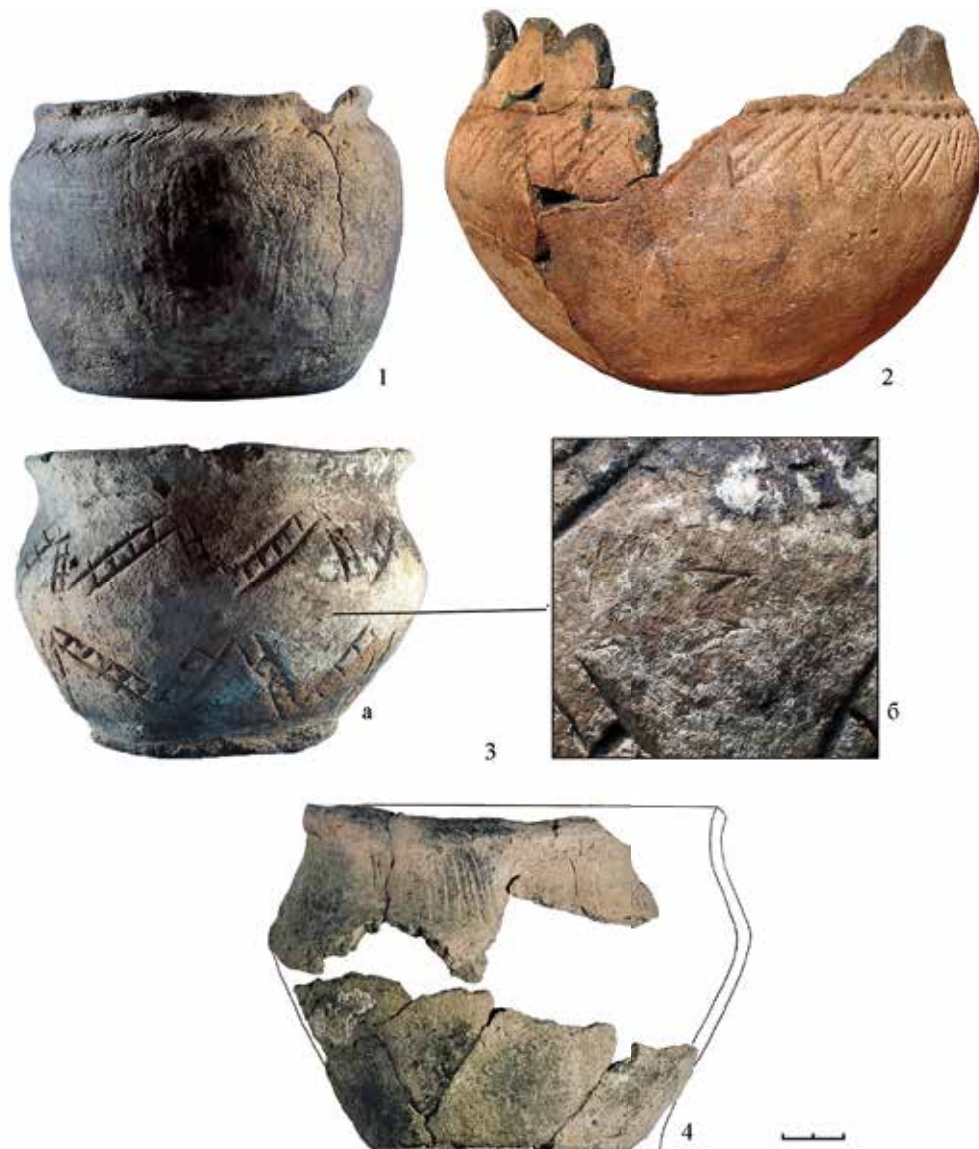

Рис. 2. Могильник Каратугай. Керамика

11×12 см, толщина дна 1,4 см, толщина стенок 0,8 см. Воротничок и плечико украшены рядом перекрещивающихся отрезков. На воротничке орнамент нанесен гребенчатым штампом, имевшим сильно сглаженные зубцы, а на плечике – гладким штампом. Сосуд, лежавший в могиле на боку, деформировался под тяжестью земли и имеет в поперечном разрезе форму эллипса.

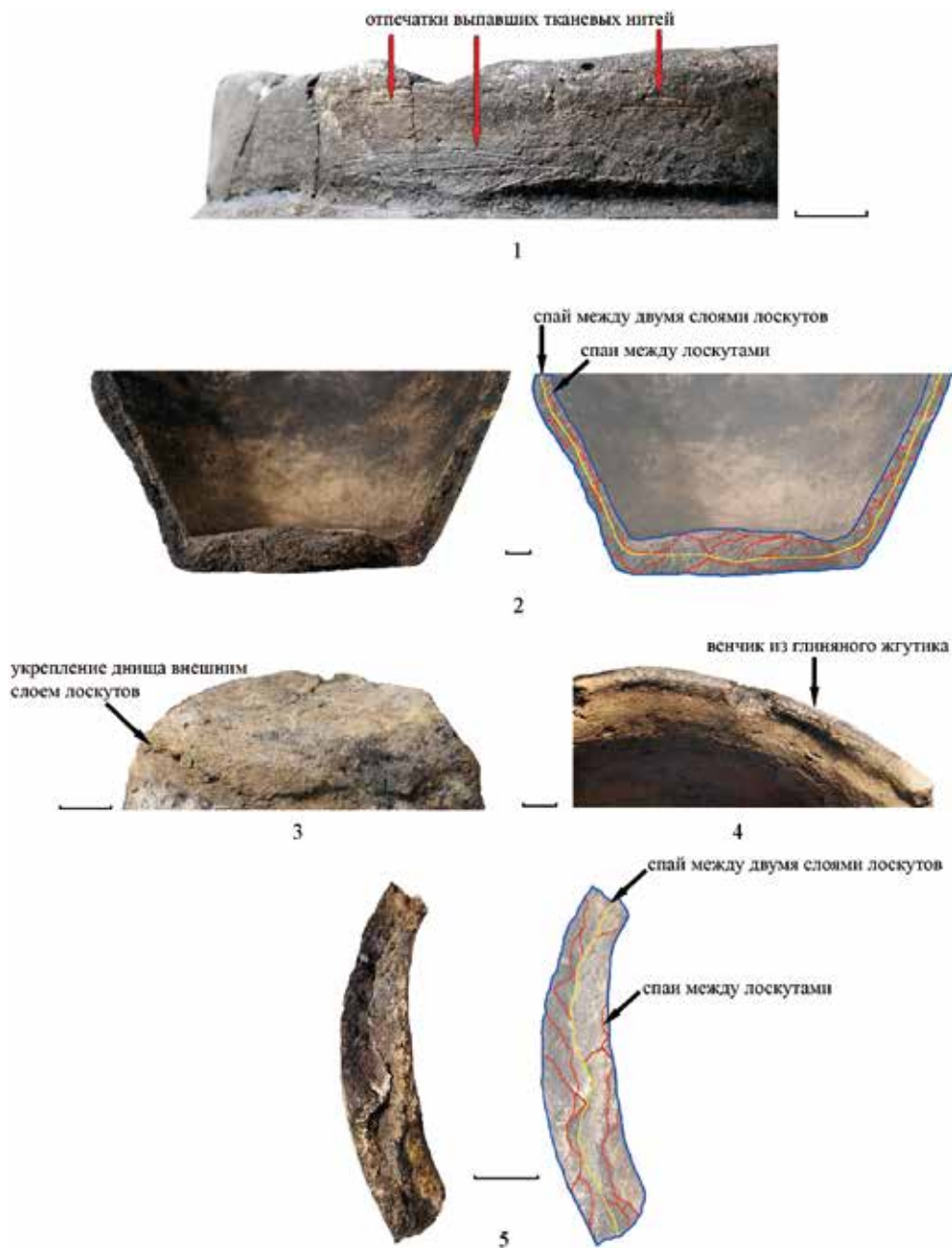

Рис. 3. Могильник Каратугай. Детали гончарной технологии

Исходное сырье – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – дресва крупной размерности в концентрации 1:5 + нежелезненный шамот средней размерности в концентрации 1:5 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый, дно укреплено внутренним слоем лоскутов (рис. 4.-3); полое тело – однослойное лоскутно-комковатое; внутренняя поверхность заглажена щепкой (рис. 4.-1), следы обработки внешней поверхности не читаются. Воротничок изготовлен из наклепной глиняной ленты. При формообразовании применялось выдавливание пальцами (рис. 4.-2). Обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Сооружение №6, могила. *Сосуд* (рис. 2.-1). Имеет горшковидную форму с невысокой вогнутой шейкой и округлым в разрезе венчиком. Высота сосуда 9,5 см, диаметр устья 10,5–11 см, диаметр дна 9,5 см, толщина дна 1,7 см, толщина стенок 0,8 см, толщина шейки 0,4 см. В основании шейки располагается ряд наклонных отпечатков короткого гребенчатого штампа.

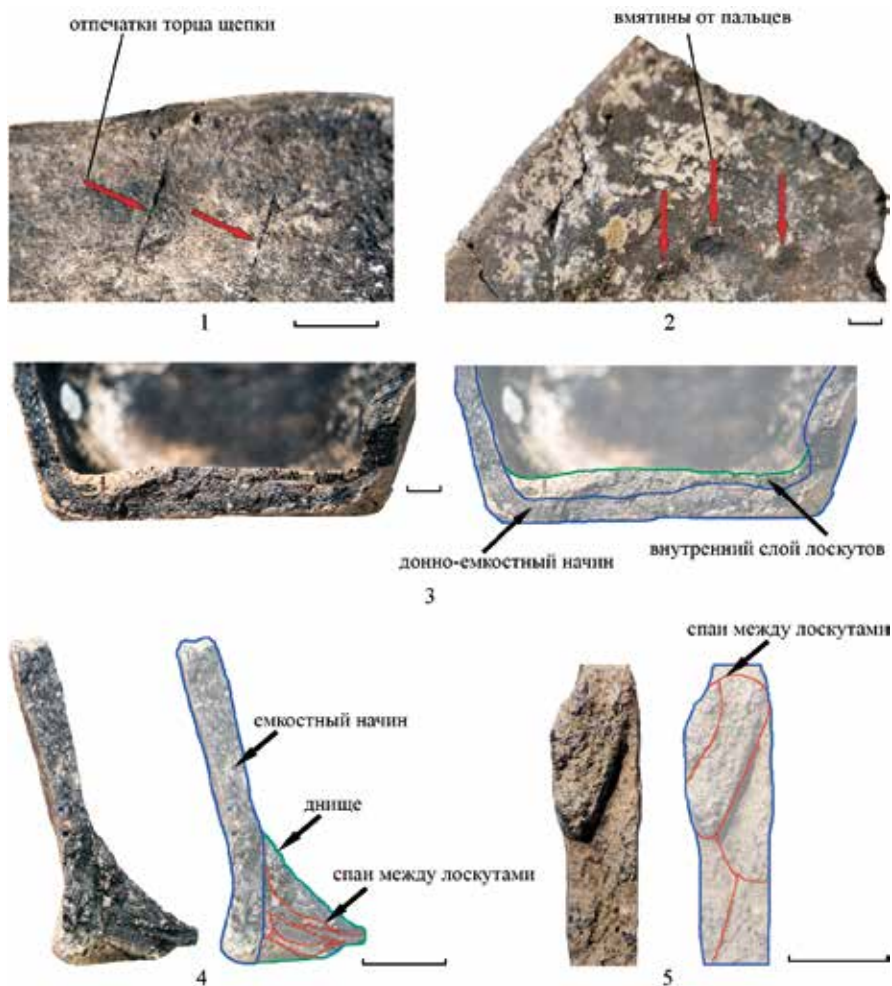

Рис. 4. Могильник Каратугай. Детали гончарной технологии

Исходное сырье – нежелезненная среднепластичная глина; рецепт формовочной массы – среднежелезненный шамот средней размерности в концентрации 1:4 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый из двух слоев лоскутов; полое тело – однослойное лоскутно-комковатое; верх тулова снаружи заглажен щепкой, оставившей глубокие рельефные следы. Обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Сооружение №7, могила. Сосуд (рис. 2.-2). Имеет вогнутую шейку, округлый в разрезе венчик и полусферическое тулово. Высота сосуда 12 см, диаметр устья 15 см, диаметр дна 4,5 см, толщина дна 1,7 см, толщина стенок 0,6 см, толщина шейки 0,8 см. В основании шейки нанесены два ряда овальных вдавлений, между которыми образовался ложный валик. К нижнему ряду вдавлений примыкают прочерченные косо заштрихованные треугольники, направленные вершинами книзу.

Исходное сырье – среднежелезненная среднепластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – дресва средней размерности в концентрации 1:4 + навоз; начин – донно-емкостный спирально-лоскутный из двух слоев лоскутов. Первоначально округлое дно было уплощено путем прижатия к твердую поверхность; полое тело – однослойное спирально-лоскутное; обе поверхности заглажены кожей. При формообразовании применялось выбивание. Венчик изготовлен из глиняного жгутика. При достижении температур каления глины, т.е. 650–700°C [Бобринский, 1999, с. 90], сосуд был быстро извлечен из обжигового устройства (излом имеет трехцветную окраску с размытой границей между слоями [Бобринский, 1999, с. 103]).

Сооружение №8, могила. Сосуд (рис. 2.-3а). Имеет горшковидную форму с вогнутой шейкой и округлым в разрезе венчиком. Высота сосуда 10 см, диаметр устья 13 см, диаметр дна 8 см, толщина дна 1,8 см, толщина стенок 0,9 см, толщина шейки 0,6 см. По плечу и придонной части орнаментирован двумя рядами зигзагообразных лент с горизонтальной штриховкой. Орнамент нанесен гладким штампом. В одном месте между лентами на боку сосуда прочерчен тамгообразный знак в виде цифры «3» (рис. 2.-3б).

Исходное сырье – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – дресва крупной размерности в концентрации 1:5 + среднежелезненный шамот крупной размерности в концентрации 1:5 + навоз; начин – донно-емкостный лоскутно-комковатый, дно укреплено внешним слоем лоскутов; полое тело – однослойное лоскутно-комковатое; обе поверхности заглажены травой и ладонями. Обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Сооружение №11, могила. Сосуд (рис. 2.-4). Имел горшковидную форму, округлый, местами треугольный в разрезе венчик. Переход от плечика к тулову оформлен в виде ребра. Шейка украшена неглубокими вертикальными расчесами. Реконструируемые параметры сосуда: высота – 11,5 см, диаметр устья – 14 см, диаметр днища – 10 см, толщина днища 0,8 см, толщина стенок 0,4–0,5 см.

Исходное сырье – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью мелкого оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – среднежелезненный шамот мелкой размерности в концентрации 1:5 + навоз; начин – емкостный (рис. 4.-4); полое тело – однослойное спирально-лоскутное (рис. 4.-5); обе поверхности заглажены пучком травы. При формообразовании применялось выбивание. Венчик сделан из глиняного жгутика. Обжиг проходил в восстановительной атмосфере.

Полученные результаты и их обсуждение

Исходное сырье большинства сосудов – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка. На этом фоне выделяется сосуд 2 из сооружения №1 (слабожелезненная глина), а также сосуды из сооружений №6 (неожезлезна глина) и №7 (среднепластичная среднежелезненная глина).

Выявлены четыре рецепта формовочных масс:

- 1) глина + дресва + навоз – два сосуда;
- 2) глина + шамот + навоз – два сосуда;
- 3) глина + дресва + шамот + навоз – пять сосудов;
- 4) глина + дресва + шамот + дробленая кость + навоз – один сосуд.

Незначительная добавка кости была уже зафиксирована в единичных саргаринско-алексеевских сосудах [Ломан, 2015а, с. 189–190]. Интересно, что эта добавка присутствует в более ранней по времени керамике срубной культуры [Салугина, 2014, с. 132; 2015, с. 135, 136], потомки которой, как я считаю [Ломан, 2015в, с. 245–246], участвовали в генезисе «саргаринцев». Отметим также ее наличие в более поздней сарматской посуде [Краева, 2015, с. 231, 239].

Дресва применялась в равной степени средней и крупной размерности, в концентрациях 1:4 и 1:5, с преобладанием последней (шесть сосудов из восьми). Шамот в половине случаев использовался мелкий, а также средний и крупный, в концентрациях 1:4 и 1:5. Преобладает концентрация 1:5 (пять сосудов из восьми). Ожелезненность шамота средней степени, но в одном образце встречен шамот слабожелезненный, в другом – неожезлезна. В двух случаях (сосуд 1 из соор. №2 и сосуд из соор. №8) в шамоте отмечена дресва.

Для приготовления шамота используются старые сосуды, пришедшие в негодность. Следовательно, по особенностям шамота можно составить представление о более ранних культурных традициях составления формовочных масс и таким образом разделить погребения могильника на относительно более ранние и более поздние. В соответствии с этим «неожезлезна» сосуд из сооружения №6 может относиться к более раннему времени, чем сосуд с «неожезлезна» шамотом из сооружения №4, а «слабожелезненный» сосуд 2 из сооружения №1 – к более раннему времени, чем сосуд 2 со «слабожелезненным» шамотом из сооружения №2.

В составе населения, оставившего данный могильник, доминировала группа со следующим набором гончарных культурных традиций: отбор исходного сырья – среднежелезненная пластичная глина с естественной примесью оолитового бурого железняка; рецепт формовочной массы – средняя/крупная дресва в концентрации 1:5 + мелкий среднежелезненный шамот в концентрации 1:5 + навоз; конструирование начина по донно-емкостной программе; конструирование полого тела лоскутно-комковатым способом. Отметим, что дресва была изготовлена из одного и того же минерала – кварца с примесью слюды.

В предыдущей статье, посвященной публикации материалов могильника Каратугай, отмечался возможный импортный характер сосуда из сооружения №7 [Ломан, 2019, с. 143], на что указывала специфика его орнамента и формы. Добавим, что в пользу этого предположения свидетельствуют и присущие только ему особенности технологии изготовления, такие как более высокая степень запесоченности глины и конструирование из лоскутов по спиральной траектории. Технично-технологический

анализ показал обособленность от основного комплекса и сосуда из сооружения №11. Он имеет емкостный начин, изготовленный спирально-лоскутным способом. Очевидно, что оба сосуда относятся к инокультурным.

Для саргаринско-алексеевского гончарства Центрального Казахстана характерен «чистый» рецепт формовочной массы с дресвой в качестве единственной минеральной добавки [Ломан, 2015б, с. 72], однако в керамике могильника Каратугай преобладает смешанный рецепт с двумя минеральными добавками (дресва + шамот). Известно, что такие рецепты образуются в условиях совместного проживания гончаров с разными культурными традициями составления формовочных масс [Бобринский, 1978, с. 93–94, 243]. Наличие смешанного рецепта означает, что каратугайская группа «саргаринцев» участвовала в процессах смешения с группой населения, традиционно использовавшей шамот.

Заключение

В материалах могильника Каратугай (обряд, металлические изделия, форма и орнамент части сосудов) [Ломан, 2019, с. 143, 144] были зафиксированы признаки влияния ирменской культуры. Отмечено, что гончары этой культуры предпочитали шамот в качестве искусственной добавки к глине [Молодин, 1985, с. 119; Мыльникова, 2005, с. 92; Папин и др., 2018, с. 31].

По всей вероятности, наличие смешанного рецепта с шамотом в керамике могильника Каратугай объясняется тем, что местные «саргаринцы» находились в прямом, а не опосредованном контакте с «ирменцами», что было обусловлено совместным проживанием с ними. Признаки смешения носителей двух культур были отмечены ранее по керамическим материалам степного Обь-Иртышского междуречья [Папин и др., 2015, с. 141; Папин и др., 2016, с. 122; Папин и др., 2018]. Видимо, и на территории Казахстана происходили подобные этнокультурные процессы.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Краева Л.А. Сарматская керамика как исторический источник // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : ИА РАН, 2015. С. 229–242.
- Ломан В.Г. О некоторых традициях гончаров Центрального Казахстана в конце эпохи бронзы // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин : Science Press, 2015а. Т. 1. С. 189–195.
- Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015б. №4 (13). С. 71–79.
- Ломан В.Г. К вопросу о генезисе и составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : ИА РАН, 2015в. С. 243–247.
- Ломан В.Г. Каратугай – могильник финала эпохи бронзы // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2 (26). С. 131–152.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
- Мыльникова Л.Н. Технологические особенности изготовления керамики поселения Мыльниково (Приложение 1) // Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаулское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 85–126.
- Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 115–143.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 102–125.

Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №3 (42). С. 19–31.

Салугина Н.П. Результаты технико-технологического анализа керамики из курганного могильника Боголюбовка // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. С. 131–159.

Салугина Н.П. Социально-культурная интерпретация технологии изготовления керамики позднего бронзового века Волго-Уралья (по материалам срубной культуры) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : ИА РАН, 2015. С. 133–141.

References

Bobriniskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. М. : Nauka, 1978. 272 p.

Bobriniskij A.A. Goncharnaja tehnologija kak objekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara : Izd-vo SamGPU, 1999. Pp. 5–109.

Kraeva L.A. Sarmatskaja keramika kak istoricheskij istochnik [Sarmatian Ceramics as a Historical Source]. Sovremennye podhody k izucheniju drevnej keramiki v arheologii [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology]. М. : IA RAN, 2015. Pp. 229–242.

Loman V.G. O nekotoryh tradicijah goncharov Central'nogo Kazachstana v konce epohi bronzy [On Some Traditions of Potters of Central Kazakhstan at the End of the Bronze Age]. Drevnie kul'tury Severnogo Kitaja, Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Beijing : Science Press, 2015a. T. 1. Pp. 189–195.

Loman V.G. Privoznaja keramika na poselenii Kent [Imported Ceramics at the Kent Settlement]. Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Herald]. 2015b. No 4 (13). Pp. 71–79.

Loman V.G. K voprosu o genezise i sostave naselenija sargarinsko-alekseevskoj kul'tury (po dannym tehniko-tehnologicheskogo analiza keramiki) [On the Question of the Genesis and Composition of the Population of the Sargary-Alekseev Culture (According to the Data of the Technical and Technological Analysis of Ceramics)]. Sovremennye podhody k izucheniju drevnej keramiki v arheologii [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology]. М. : IA RAN, 2015v. Pp. 243–247.

Loman V.G. Karatugaj – mogil'nik finala epohi bronzy [Karatugai – the Burial Ground of the Final Bronze Age]. Teorija i praktika arheologicheskix issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019. No 2 (26). Pp. 131–152.

Molodin V.I. Baraba v epohu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Myl'nikova L.N. Tehnologicheskie osobennosti izgotovlenija keramiki poselenija Myl'nikovo (Prilozhenie 1) [Technological Features of the Manufacture of Ceramics of the Mylnikovo Settlement (Appendix 1)]. Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'e v perehodnoe vremja ot epohi bronzy k rannemu zheleznomu veku [Barnaul Priobye in Transitional Time from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 85–126.

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Rezul'taty tehniko-tehnologicheskogo analiza keramicheskogo kompleksa poselenija epohi pozdnej bronzy Rublevo-VI [The Results of the Technical and Technological Analysis of the Ceramic Complex of the Settlement of the Late Bronze Age of Rublevo-VI]. Teorija i praktika arheologicheskix issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. No 2 (12). Pp. 115–143.

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. Keramicheskij kompleks epohi pozdnej bronzy poselenija Zharkovo-3 [Ceramic Complex of the Late Bronze Age of the Zharkovo-3 Settlement]. Teorija i praktika arheologicheskix issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. No 3 (15). Pp. 102–125.

Papin, D.V. Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Kерамика jepohи pozdnej bronzy stepnogo Ob'-Irtyskского mezhdurech'ja kak istochnik dlja rekonstrukcii processov jetnokul'turnogo vzaimodejstvija [Ceramics of

the Late Bronze Age of the Steppe Ob-Irtysh Interfluvium as a Source for the Reconstruction of the Processes of Ethno-Cultural Interaction]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2018. No 3 (42). Pp. 19–31.

Salugina N.P. Rezul'taty tekhniko-tehnologicheskogo analiza keramiki iz kurgannogo mogil'nika Bogoljubovka [The Results of the Technical and Technological Analysis of Ceramics from the Burial Mound]. *Bogoljubovskij kurgannyj mogil'nik srubnoj kul'tury v Orenburgskoj oblasti* [Bogolyubovsky Burial Mound of Srubnaya Culture in the Orenburg Region]. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2014. Pp. 131–159.

Salugina N.P. Social'no-kul'turnaja interpretacija tehnologii izgotovlenija keramiki pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'ja (po materialam srubnoj kul'tury) [Socio-Cultural Interpretation of the Technology of Making the Late Bronze Age Ceramics of the Volga-Ural Region (According to the Materials of the Srubnaya Culture)]. *Sovremennye podhody k izucheniju drevnej keramiki v arheologii* [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology]. M. : IA RAN, 2015. Pp. 133–141.

V.G. Loman

*Buketov Saryarka Archaeological Institute
of Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan*

THE POTTERY FROM THE SARGARINSKO-ALEKSEEVSKY BURIAL GROUND OF KARATUGAY

The article considers the results of studying the technology of pottery manufacturing at the Sargarinsko-Alekseevsky burial ground of Karatugay (Central Kazakhstan). By the method of A.A. Bobrinsky using a MBS-10 binocular microscope, 10 archaeologically intact and fragmented vessels have been studied. The information has been obtained on the characteristics of the material, the preparation of molding compound recipes, the methods of constructing the beginning and hollow body, surface treatment, and firing conditions. A set of basic pottery traditions has been defined (selection of raw materials – medium-iron plastic clay with a natural admixture of oolitic brown iron ore; molding mass recipe – medium / large wood pulp at a concentration of 1:5 + small medium-iron chamotte at a concentration of 1:5 + manure; capacitive program; constructing a hollow body in a patchwork-lumpy way), imported vessels have been identified, the sequence of burials has been established. It is shown that the population who left the site lived together with representatives of the Irmen culture.

Key words: pottery, technical and technological analysis, Kazakhstan, burial ground, Sargarinsko-Alekseevskaya culture, Irmenskaya culture.

УДК 902.2«6325»(5-191.2)

Д.В. Марченко, Е.П. Рыбин, А.М. Хаценович

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КЛАСТЕРНОГО
АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЛАНИГРАФИИ
ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ГОРИЗОНТОВ
СТОЯНКИ ТОЛБОР-21 (Северная Монголия) ***

Относительно хорошая сохранность культурных отложений памятника Толбор-21 способствовала изучению планиграфии горизонтов верхнего палеолита. В статье представлены результаты пространственного анализа этих материалов с помощью кластеризации. Благодаря учету всех трех координат каждой находки кластеризация прослеживает вертикальное распределение находок, обнаруживает выбросы из основного горизонта концентрации. Это дает возможность выделить участки нарушений культурного горизонта, а также отделить наложенные друг на друга комплексы. Сравнительный анализ состава кластеров позволил сопоставить их между собой и в некоторых случаях выделить функциональные зоны. В раскопе 1 был идентифицирован горизонт 3В, который ранее не выделялся на этом участке. Полученные результаты были сопоставлены с выводами предшествующего исследования (в частности, анализа направлений). Таким образом, определены возможности иерархического алгоритма кластеризации для пространственного исследования культурных отложений.

Ключевые слова: верхний палеолит, Северная Монголия, планиграфический анализ, кластеризация, культурный горизонт.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-09

Введение

Долина реки Их-Тулбурийн-гол (Толбор), правого притока среднего течения реки Селенга, является одним из наиболее важных районов концентрации стратифицированных палеолитических объектов в Северной и Центральной Азии. На настоящий момент там известны 45 местонахождений, относящихся к различным периодам эпохи камня и ставших объектом десятков публикаций. Наиболее выразительные и представительные на данный момент археологические комплексы указанного района относятся к наиболее ранним этапам верхнего палеолита, а именно начального верхнего палеолита (далее – НВП), к традиции производства крупных пластин. Наиболее представительные индустрии связаны с комплексами стоянок Толбор-4 (гор. 5–6), Толбор-16 (гор. 6), Толбор-21 (гор. 3В) [Дервянко и др., 2006, Рыбин и др., 2007; Gladyshev et al., 2012; Zwyns et al., 2014; и др.]. Технологический набор этих комплексов очень близок к набору, известному для индустрий начального верхнего палеолита, появившихся и распространившихся в Южной Сибири и Центральной Азии 50 000–42 000 л.н. [Рыбин, 2014]. Наиболее ранние даты известны для Горного Алтая (Денисова пещера и стоянка Кара-Бом). В восточной части Центральной Азии имеющиеся даты для аналогичных ассамбляжей немного более поздние (44 000–42 000 л.н.). Это позволяет предположить возможность прямого переноса данной своеобразной и узнаваемой технологической традиции. Однако хронологический разрыв между предполагаемым появлением НВП в Горном Алтае и последующим его распространением в Монголии, Северном Китае и Забайкалье очень невелик, что может свидетельствовать в пользу быстрого передвижения населения и/или технологии с запада на восток по естественным коридорам, со-

* Работа выполнена в рамках проекта НИР №0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

единяющим западные и восточные части Центральной Азии и Сибири. Если характер смены культурных общностей восточной части Центральной Азии в основных чертах уже реконструирован, то наши знания о поселенческих адаптациях населения остаются крайне фрагментарными. Не в последнюю очередь это связано с особенностями захоронения артефактов в склоновых отложениях, в которых находятся все памятники долины Толбора. На сохранность седиментов влияют склоновые движения грунтов, периоды перерывов в осадконакоплении, приводившие к палимпсесту палеолитических остатков. Стоянка Толбор-21, изучавшаяся в 2014–2017 гг., является редким примером относительно высокой степени сохранности культурных слоев, что дает возможность апробирования на этих материалах различных методик изучения планиграфических структур и сохранности литологических слоев объектов в склоновых отложениях горных стран. В свою очередь, исследование планиграфии стоянок начала верхнего палеолита позволит внести дополнительное понимание особенностей структуры поселений на ранних стадиях становления верхнего палеолита. В ходе раскопок стоянки была прослежена культурная последовательность развития комплексов на всей протяженности верхнего и, возможно, среднего палеолита [Рыбин и др., 2017]. Отложения, содержащие индустрии начального верхнего палеолита и раннего верхнего палеолита, в рамках радиоуглеродных определений датируются между 44 000 и 39 000 л.н.

Геоморфология и стратиграфия стоянки Толбор-21

Стоянка Толбор-21 расположена в средней части долины реки Их-Тулбурийн-гол на склоне юго-восточной экспозиции, сформированном полигенетическими седиментами. Памятник находится на высоте 1089 м над уровнем моря, перепад высот между урезом реки Их-Тулбурийн-гол и уровнем стоянки – 40 м, расстояние до реки составляет около 500 м. С восточной и западной сторон склон ограничен эрозионными углублениями, с севера к нему примыкают скальные выходы хребта. С обширной площади этого пологого склона открывается хороший обзор протяженного участка долины Их-Тулбурийн-гола.

В западной части памятника был заложен раскоп 1 площадью 8 кв. м. Общая мощность вскрытых седиментов достигала 310 см. Было выявлено шесть культурных горизонтов, относящихся к следующим культурно-хронологическим стратам: гор. 1 – смешанные финальноплейстоценовые и раннеголоценовые комплексы; гор. 2 – поздний палеолит; гор. 3–4 рассматривались как свидетельства своеобразного варианта ранних стадий верхнего палеолита, отсутствие абсолютных хронологических определений и ярких типологических и технологических маркеров не позволяло сузить рамки определения; атрибуция горизонтов 5 и 6 в силу малочисленности коллекций и возможной перемещенности материала осталась неопределенной.

В раскопе 2, находящемся в восточной части памятника, на площади 12 кв. м было выявлены пять культурных подразделений, от финала верхнего палеолита до начального верхнего палеолита. Там на глубину до 170 см были вскрыты отложения трех литологических слоев. Археологические остатки ранних стадий верхнего палеолита были обнаружены в слое 3. Всего в пределах этого слоя выделено семь литологических горизонтов (3а–г). В верхней части расположен горизонт 3с мощностью 10–25 см, он включает в себя артефакты археологического горизонта 3А. Генезис этих отложений связан с медленно проистекавшими склоновыми солифлюкционными процессами. Ниже, в литологическом горизонте 3д мощностью 15–20 см, залегает археологический горизонт 3В. В данном горизонте впервые для начального верхнего палеолита долины

р. Толбор были выявлены остатки кострищ. Формирование этих седиментов происходило в спокойном режиме осадконакопления, пятна прокалов находились в основании культурного горизонта. В солифлюцированном литологическом горизонте 3е встречаются немногочисленные артефакты археологического горизонта 3С.

В северной (верхней) части склона был заложен раскоп 4 площадью 12 кв. м. Этим раскопом был частично разрезан склон недавней эрозионной промоины, расположенной в восточной части склона. Наибольшая мощность вскрытых отложений составила 1,4 м. В стратиграфическом разрезе были представлены 10 литологических подразделений: в слоях 2–3 и 7–8 содержались археологические материалы. Вместе с тем в этих слоях, относящихся к периоду последнего ледникового максимума и позднее, а также к раннему верхнему палеолиту, в отличие от остальных частей стоянки, наблюдалась крайне невысокая концентрация артефактов, не более 50 предметов со всей площади раскопа. В слое 10 выделяется два культурных подразделения, соответствующих археологическим горизонтам 3В и 3С стоянки и относящихся к начальному верхнему палеолиту. В седиментах нижнего подразделения выявлены не связанные с процессами горения каменные конструкции, зоны накопления фаунистических остатков и каменного сырья.

Методика исследования

Горизонт 3В, выявленный на всех участках обширного памятника, характеризуется присутствием таких пространственных структур, как каменные выкладки и зольные пятна. Нахождение таких структур в горизонте, содержащем предметы неутилитарного назначения, обусловило тщательное исследование его планиграфии. Ранее вскрытые участки горизонта 3В исследовались с помощью анализа направлений для определения степени его сохранности. Была прослежена плотность распределения находок, а также их состав в выявленных скоплениях. Цель данного исследования – определить возможности кластерного анализа для пространственного исследования культурных остатков в условиях склона; сравнение полученных кластеров с ранее выделенными планиграфическими элементами стоянки.

Признано, что целенаправленная деятельность отражается в пространственном распределении материала, создавая в нем определенные закономерности, в противовес хаотичному распределению при отсутствии такой деятельности [Леонова, 1977; Несмеянов, 1991, с. 225–246; Barceló, Maximiano, 2008; Разгильдеева, 2018; и др.]. Кластеризация на протяжении вот уже многих лет используется в качестве инструмента пространственного анализа [Dekin, 1976; Simek, Larick, 1983; Kintigh, 1991; и др.]. Рассматривая данный вид анализа как попытку обнаружить закономерности в пространственном распределении находок, можно выделить следующие ее черты в сравнении с методами, направленными на выявление скоплений:

- позволяет уйти от поквadratного учета материала;
- классифицирует весь объем материала независимо от плотности его распределения;
- основная масса алгоритмов предполагает формирование кольцевых (или сферических для более чем двух переменных) кластеров.

Наиболее распространена двухмерная кластеризация по координатам x и y [Kintigh, 1991; Baxter, 1994; Torre, Wehr, 2018; и др.]. Такой анализ предполагает изучение распределения находок в предварительно выделенных горизонтах распространения культурных остатков. Однако для памятников, залегающих в склоновых отложениях, зачастую характерен сложный стратиграфический контекст, когда само разделение культурных горизон-

тов проблематично. В такой ситуации эффективным может быть применение трехмерной кластеризации, учитывающей вертикальное распределение находок наряду с горизонтальным. Выделенные таким образом кластеры могут зафиксировать участки определенной деятельности даже в частично нарушенных отложениях (см.: [Anderson, Burke, 2008]).

Для пространственной кластеризации были взяты три координаты каждого каменного артефакта в трех раскопах. Показатели по трем переменным (x , y и z) кластеризовались агломеративным иерархическим алгоритмом. Такой алгоритм первоначально помещает каждое наблюдение в отдельный кластер, а затем на каждом шаге объединяет наиболее близкие кластеры до тех пор, пока все наблюдения не окажутся в одном кластере [Alpaydin, 2010, p. 157–158].

Данный алгоритм получил менее широкое распространение, чем метод k -средних, в том числе для обработки пространственных данных [Torre, Wehr, 2018; Anderson, Burke, 2008; и др.]. Основной причиной этого является высокая вычислительная трудоемкость, затрудняющая обработку больших массивов, содержащих несколько тысяч многомерных наблюдений. В нашем случае максимальное число наблюдений составляет 618, а количество переменных – 3. При таком объеме данных вычислительная мощность не накладывает существенных ограничений. Преимущества же иерархического анализа заключаются в следующем:

- 1) предоставляет диапазон решений;
- 2) определяет оптимальное решение;
- 3) древовидная структура позволяет проследить количество кластеров на каждом срезе межкластерного расстояния и таким образом проследить внутреннюю структуру кластеров – либо наоборот, группировку кластеров между собой;
- 4) восходящий (агломеративный) алгоритм позволяет при кластеризации учитывать плотность распределения артефактов, так как исходит из расстояния между двумя объектами [Varghese et al., 2014, p. 3], а не из расстояния между определенным центром кластера и объектом (как метод k -средних). Под плотностью кластера понимается среднее расстояние между объединенными в него наблюдениями.

Корректный кластерный анализ данных требует нормированных значений для каждого параметра. В случае с кластеризацией пространственных данных параметрами будут выступать координаты находок. При кластеризации по координатам x и y не требуется дополнительных трансформаций, однако когда в анализ включается z (т.е. глубина залегания находки), ее значения, как правило, оказываются несопоставимыми с остальными координатами: толщина слоя обычно исчисляется сантиметрами, в то время как исследуемая площадь (раскоп) – метрами. Для получения сопоставимых значений координат нами использовался коэффициент расширения z (см. табл. 1). Применение такого метода позволяет избежать эффекта предположения равных переменных при трехмерной кластеризации [Anderson, Burke, 2008, p. 2279]. В противном случае переменная z практически не будет влиять на результат кластеризации, последний будет близок к результату двухмерной кластеризации (рис. 1).

Кластерный анализ пространственных данных из археологических комплексов стоянки Толбор-21

Коэффициенты для разных раскопов получаются различными, что связано с углом наклона культуровмещающего горизонта и его толщиной на разных участках памятника (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты расширения по оси Z
(жирным шрифтом выделены выбранные коэффициенты)

	Раскоп 1, горизонт 3	Раскоп 1, горизонт 4	Раскоп 2, горизонт 3А	Раскоп 2, горизонт 3В	Раскоп 4, горизонт 3В
$X_{\max} - X_{\min}$	3.948	3.88	4.594	4.605	3.356
$Y_{\max} - Y_{\min}$	2.907	2.839	3.999	3.961	4.13
$Z_{\max} - Z_{\min}$	0.749	0.822	0.714	0.613	0.95
$Z_{\max} - Z_{\min} \times 2$	2.247	2.466	1.428	1.226	1.9
$Z_{\max} - Z_{\min} \times 3$	2.996	3.288	2.142	1.839	2.85
$Z_{\max} - Z_{\min} \times 4$	3.745	4.11	2.856	2.452	3.8
$Z_{\max} - Z_{\min} \times 5$	4.494	4.932	3.57	3.065	4.75
$Z_{\max} - Z_{\min} \times 6$	5.243	5.754	4.284	3.678	5.7
$Z_{\max} - Z_{\min} \times 7$	3.948	3.88	4.998	4.291	6.65

Иерархический кластерный анализ первоначально проводился для определения оптимального количества кластеров в каждом из исследуемых участков. В качестве меры расстояния использовался квадрат евклидовой дистанции. Диапазон решений – от 2 до 10, метод – межгрупповая связь: дистанция между кластерами определяется средним значением дистанций между всеми возможными парами наблюдений. Оптимальное количество решений определялось по стандартной методике: в таблице порядка агломерации кластеров выделяется шаг, на котором происходит скачок коэффициента (т.е. скачок расстояния между объединяемыми кластерами). Разность между количеством наблюдений и этим шагом является оптимальным количеством кластеров (табл. 2).

Таблица 2

Оптимальное количество кластеров

Археологический горизонт	Раскоп	Количество каменных артефактов	Оптимальное количество решений (иерархический кластерный анализ, межгрупповые связи)
3	1	221	3
4	1	246	4
3А	2	451	3
3В1	2	618	4
3В0	2	209	7
3В	4	218	5

Кластеризация проводилась по всем каменным артефактам, снятым с точными координатами. Находки из просева (менее 2 см) не включались в анализ, так как они имеют менее точную привязку (1/4 кв. м). Плотность распространения таких находок учитывалась поквратно в выделенных кластерах.

В раскопе 1, исследованном раньше остальных, подгоризонтов в составе горизонта 3 не выделялось. В то же время на этой площади устойчиво зафиксированы нижележащие слои, не представленные на других участках. По этой причине нами были рассмотрены горизонты 3 и 4.

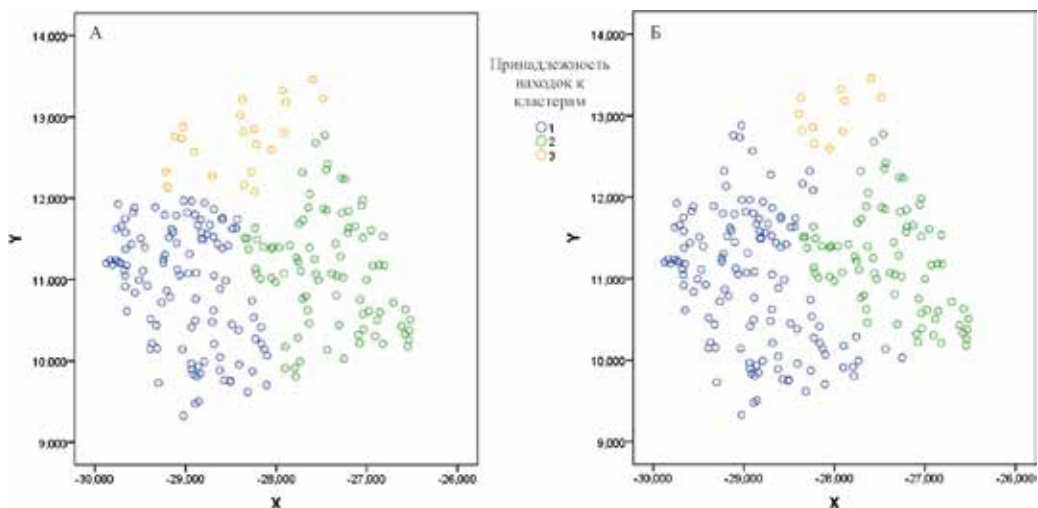

Рис. 1. Результаты иерархического анализа по двум и трем переменным без применения коэффициента расширения Z

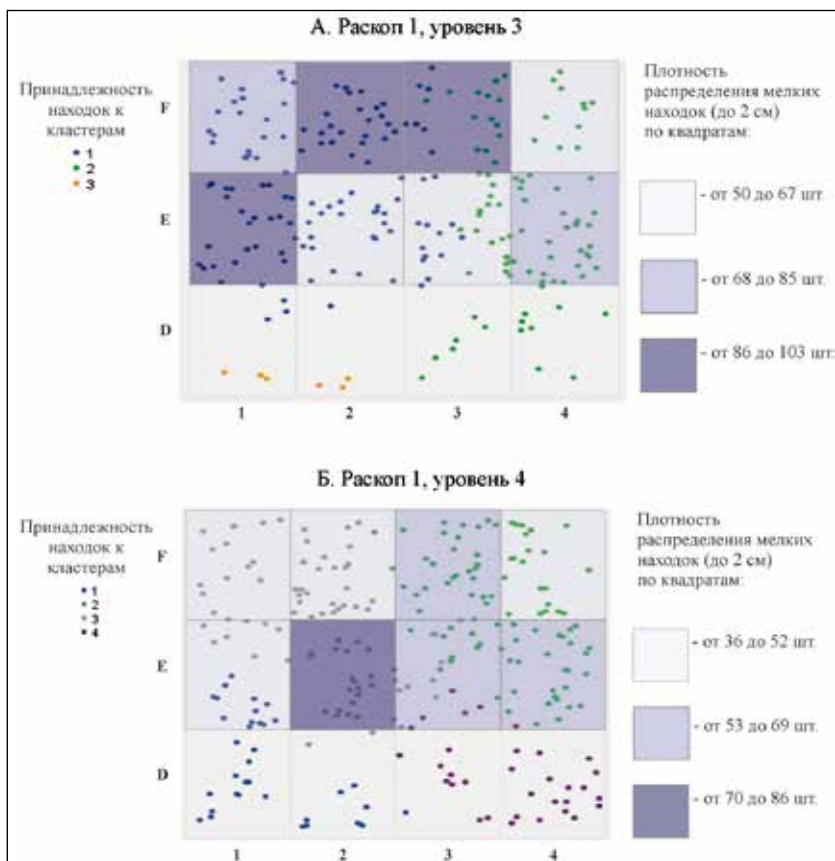

Рис. 2. План горизонтов 3 и 4 (раскоп 1) с обозначением принадлежности к кластерам

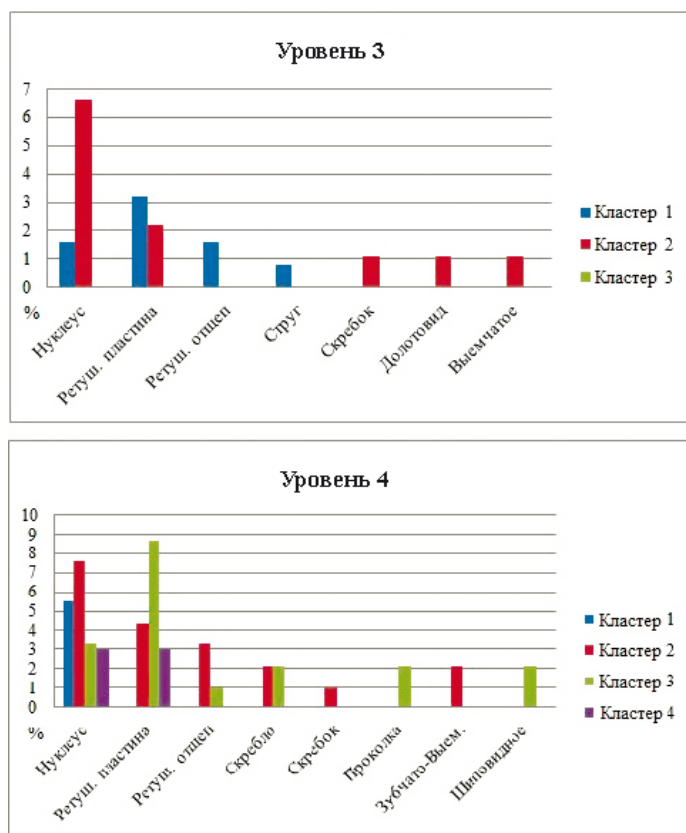

Рис. 3. Качественный состав кластеров в горизонтах 3 и 4 раскопа 1

кластер 1 совсем не пересекается с остальными. В его составе (см. рис. 3) два нуклеуса и нет орудий. Кластер 2 характеризуется большим процентом нуклеусов, присутствием ретушированных пластин и отщепов, зубчато-выемчатых орудий и скребел. В кластере 3 меньше нуклеусов, среди орудий доминируют ретушированные пластины, присутствуют скребла, проколки и шиповидные орудия. В кластере 4 один нуклеус и одна ретушированная пластина.

Сопоставление результатов кластеризации в этих двух горизонтах обнаруживает общие закономерности как в форме и границах выделяемых кластеров, так и в их качественном составе. Верхние по склону кластеры (кластер 1 для горизонта 3, кластеры 1 и 3 для горизонта 4) характеризуются преобладанием ретушированных пластин и присутствием небольшого количества нуклеусов. Нижние по склону кластеры (кластер 2 и кластеры 2, 4 соответственно) выделяются преобладанием нуклеусов, в их составе присутствуют скребки и зубчато-выемчатые орудия, не представленные в других кластерах.

Горизонт 3А (раскоп 2). В результате анализа выделено три кластера каменных артефактов (рис. 4.-А). Кластер 1 частично подстилает кластеры 2 и 3. В его орудийном наборе (рис. 5) доминируют шиповидные орудия, представлены ножи и скребки, а также ретушированные пластины. Кластер 2 обладает наибольшей плотностью из трех (рис. 4.-Б).

Горизонт 3 (раскоп 1).

Оптимальное трехкластерное решение формирует два крупных кластера и отдельный кластер, содержащий шесть находок, – кластер 3 (рис. 2.-А). Качественный состав (рис. 3) кластера 1 характеризуется ретушированными пластинами и отщепами, одно орудие определено как струг, присутствует два нуклеуса. В кластере 2 нуклеусы преобладают над орудиями, представленными ретушированными пластинами, скребком, долотовидным и выемчатым орудиями.

Горизонт 4 (раскоп 1).

Анализ выделил оптимальное четырехкластерное решение, как и в предыдущем случае, разделяющее раскоп в целом на две части (рис. 2.-Б). Кластер 3 частично накладывается на кластеры 2 и 4. Только

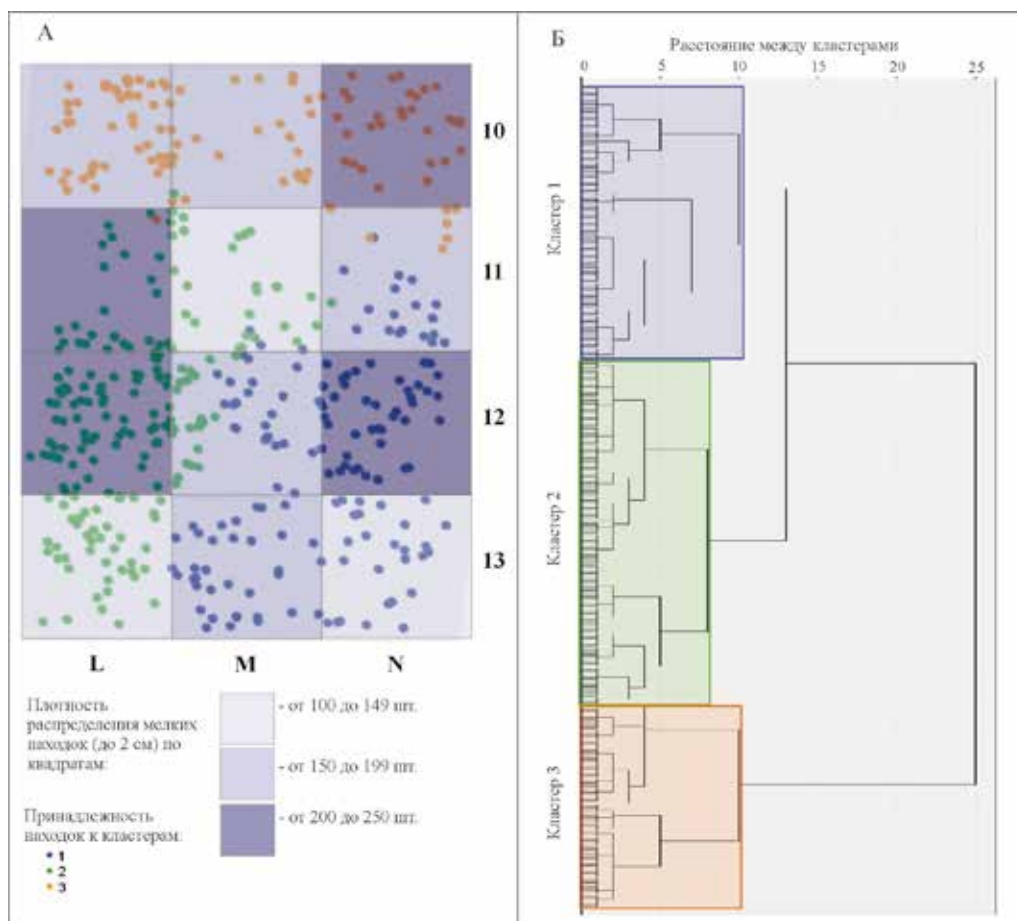

Рис. 4. Горизонт 3А (раскоп 2):

А – план с обозначением принадлежности к кластерам; Б – дендрограмма

Среди орудий также доминируют шиповидные, ретушированные отщепы и пластины; присутствуют ППК. Кластер 3 расположен наиболее высоко по склону, имеет вытянутую форму. В нем доминируют шиповидные орудия, представлены скребки, ППК, ретушированные пластины. Находки нуклеусов в горизонте единичны и представлены в каждом кластере в одном (кластеры 1 и 2) или двух экземплярах (кластер 3). Сопоставление с плотностью распределения мелких находок показывает совпадение основной части кластера 2 с участком концентрации мелких находок. Таким образом, выделенные кластеры не обнаруживают существенных отличий в качественном составе. Можно выделить лишь кластер 1, где отсутствуют ППК и представлены ножи.

Подгоризонт 3В1 (раскоп 2). Кластеризация показала оптимальное четырехкластерное решение (рис. 6). Кластер 1 в нижней, юго-восточной части раскопа частично подстилает все остальные кластеры. В его составе равное соотношение нуклеусов и ретушированных сколов, присутствуют четыре шиповидных орудия. Небольшой кластер 2 выделяется в верхней части раскопа и частично накладывается на кластер 3. В его составе представлен один нуклеус и разнообразные орудия (скребки, скребла,

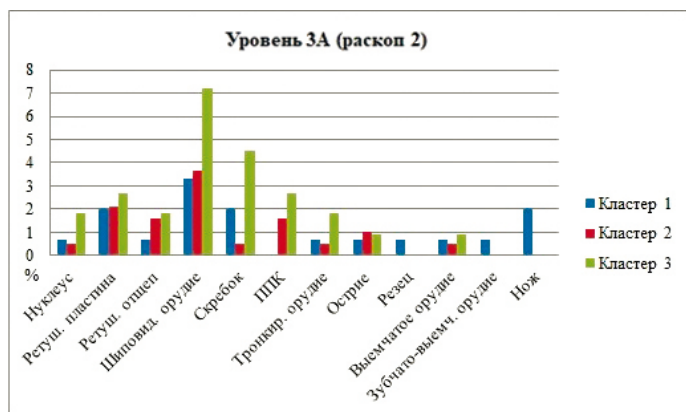

Рис. 5. Качественный состав кластеров в горизонте 3А (раскоп 2)

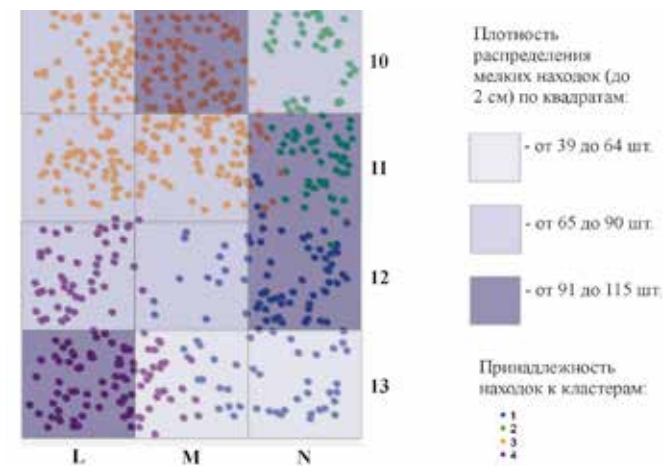

Рис. 6. Горизонт 3В1 (раскоп 2):
 А – план с обозначением принадлежности к кластерам;
 Б – качественный состав кластеров

ретушированные пластины, шпонавидные орудия). Кластер 3 самый многочисленный. При относительно высоком удельном весе нуклеусов из орудий наиболее представлены скребки. В составе кластера выделяется компактно расположенное скопление костей (10 фрагментов на площади ок. 0,2 кв. м). Кластер 4 небольшой, в его составе три нуклеуса, резцы, шпонавидные орудия и ретушированные пластины.

Подгоризонт 3В0 (раскоп 2). Выделение этого подгоризонта стало возможным благодаря наличию зольных пятен, тщательно зафиксированных на всей площади в ходе раскопок, и последующей работе с трехмерной моделью распределения индивидуальных артефактов и находок из просева. В составе горизонта выделились две группы зольных пятен и связанных с ними находок (рис. 7). Верхняя группа («комплекс 1») частично перекрывает нижнюю («комплекс 2»). Кластерный анализ показал оптимальное деление подгоризонта на семь кластеров. Кластер 5 охватило скопление у зольного пятна кострища 1. Но судя по высотным отметкам, к этому комплексу относятся также выделившиеся кластеры 1 и 2 (см. рис. 7).

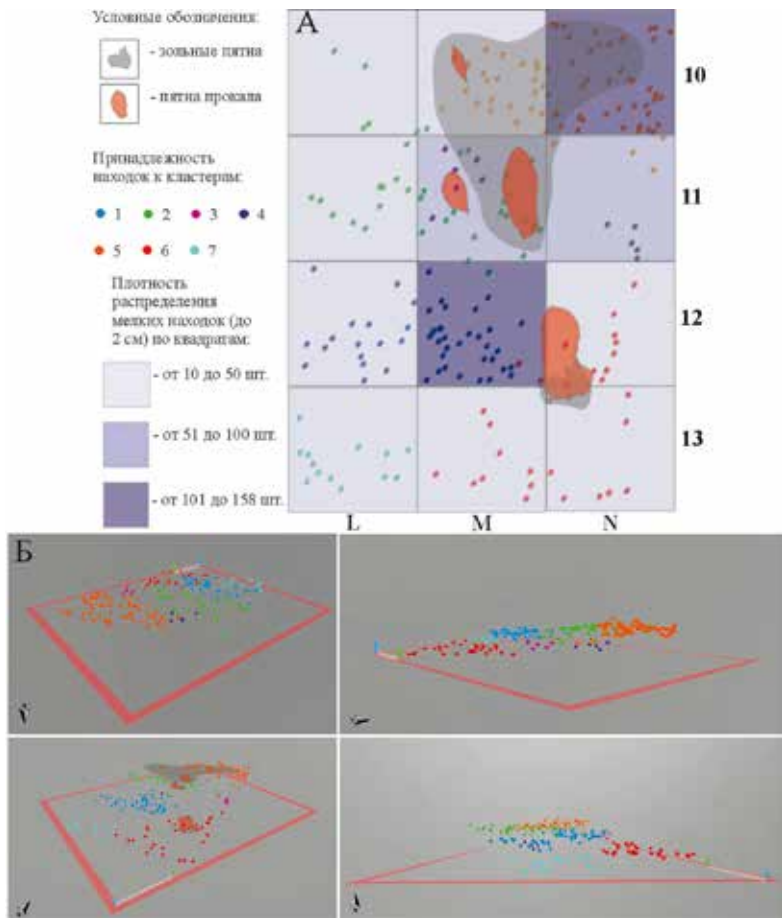

Рис. 7. Горизонт 3V0 (раскоп 2): А – план с обозначением принадлежности к кластерам; Б – модель распределения находок в горизонте с обозначением принадлежности к кластерам

Состав находок (рис. 8) в этих кластерах характеризуется преобладанием шиповидных орудий, ретушированных пластин и отщепов и присутствием бифасов, не встречающихся на других участках памятника. В единичных экземплярах представлены и другие орудия. Относительно велик удельный вес нуклеусов. В свою очередь, непосредственно под кластером 2 выделяется

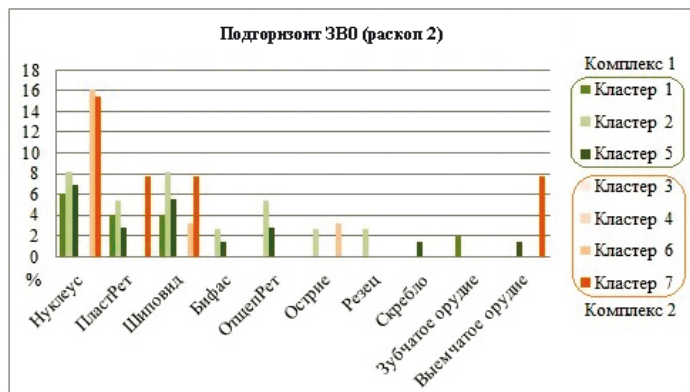

Рис. 8. Качественный состав кластеров в горизонте 3V0 (раскоп 2)

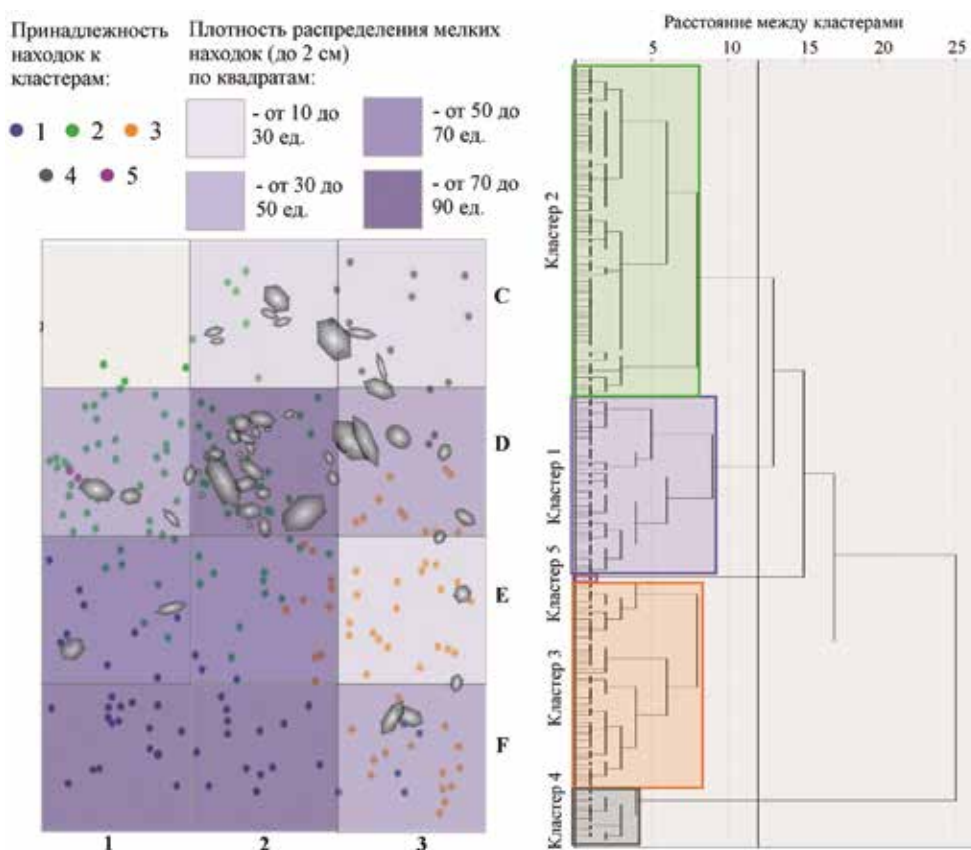

Рис. 9. Горизонт 3В (раскоп 4):

А – план с обозначением принадлежности к кластерам; Б – дендрограмма

небольшой кластер 4, соответствующий зольному пятну в составе комплекса 2. Также к этому комплексу относится кластер 6, в который попадают находки, непосредственно прилегающие к пятну прокала в кв. №12. Кластеры 3 и 7 образуют единый уровень залегания с кластерами 4 и 6, по причине чего мы также относим их к комплексу 2. Рассматривая качественный состав кластеров, входящих в этот комплекс, нужно обратить внимание на то, что кластеры 3 и 4 представлены единичными находками, поэтому качественный состав данного комплекса определяют артефакты из кластеров 6 и 7. Комплекс характеризуется очень высоким процентом нуклеусов и единичными орудиями (шиповидное, острие, выемчатое, ретушированная пластина).

Горизонт 3В (раскоп 4). По результатам иерархического анализа было получено оптимальное пятикластерное решение (рис. 9). В один из кластеров (5) попали две находки, расположенные над уровнем залегания основной части слоя. Визуальный осмотр модели распределения материала подтвердил, что они находятся на границе с вышележащим слоем (3А) и не относятся к нижележащей концентрации. Остальные четыре кластера лежат в одной плоскости, пересекаясь лишь на границах. Кластер 1 расположен наиболее высоко по склону и частично перекрывает кластеры 2 и 3. Кластер 2 характеризуется наиболее компактным расположением находок (рис. 9).

Кластер 4 объединяет находки, залегающие наиболее глубоко, и частично подстилает кластер 3. Как показал анализ направлений [Рыбин, Марченко, Хаценович, 2018, с. 148], часть материала в раскопе 4 смещена по склону эрозионной промоины. Именно этот небольшой участок попадает в кластер 4, что подтверждает ранее сделанные выводы о смещенном залегании находок на этом участке. Таким образом, лишь три из пяти кластеров могут рассматриваться как самостоятельные пространственные зоны.

Кластер 1 имеет наименьшую плотность. Однако концентрация мелких находок (менее 2 см) на этом участке в 2 раза превышает показатели по остальному раскопу. Орудия преобладают над нуклеусами.

Кластер 2 образует скопление находок, прилегающее к каменной конструкции в квадрате D2. Конструкция образована двумя крупными камнями, вокруг которых концентрируются более мелкие камни и плитки. Расстояния между находками в этом кластере минимальны. Очевидно, наличие крупных камней обусловило лучшую сохранность этого участка в сравнении с остальными. Кластер выделяется обилием нуклеидных форм (12,1% артефактов в кластере) и присутствием крупных костных фрагментов.

Граница между кластерами 2 и 3 проходит по западной стенке каменной конструкции: находки кластера 2 относятся к конструкции и прилегающей к ней с северной стороны площадке, находки кластера 3 – западнее стенки конструкции. В кластере 3 выделяется группа зубчатых и выемчатых изделий и относительно много мелких костных фрагментов. Соотношение нуклеусов и орудий почти равное. Кластер также имеет достаточно низкую плотность.

Заключение

Кластерный анализ горизонтов 3 и 4 раскопа 1 показал общность их планиграфической структуры как в количественном, так и в качественном отношении. Поскольку горизонт 3 образован двумя прослоями, визуально читаемыми на модели (рис. 10),

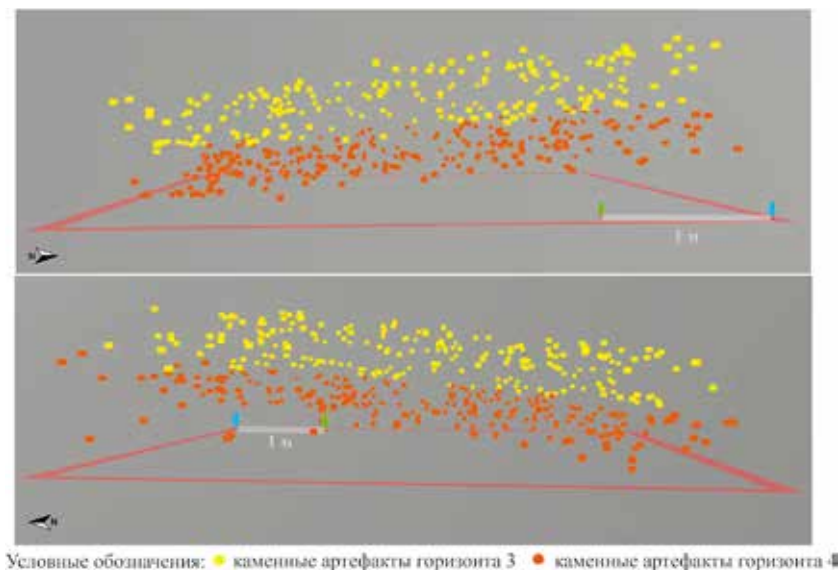

Рис. 10. Раскоп 1: модель распределения материала в горизонтах 3 и 4 (проекция с восточной и западной сторон)

а горизонт 4 ничем не отделен от него в профиле, мы предполагаем, что нижняя часть горизонта 3 и горизонт 4 составляют единое археологическое подразделение.

Кластеризация в горизонте 3А раскопа 2 выявила лишь различия в плотности распределения материала, что подтвердилось сопоставлением с поквдратным распределением мелких находок. Однако качественный состав артефактов практически однороден на всей рассматриваемой площади.

В результате кластеризации в горизонте 3В1 кластер 3 очертил контуры и вертикальные границы скопления, выявленного ранее по методике Н.Б. Леоновой [1994, с. 28]. Для горизонта 3В0 анализ позволил отследить границы двух комплексов, уточнить состав находок в них.

В раскопе 4 кластеризация выявила участок нарушения слоя, отделила кластер находок, не входящих в данный культурный горизонт. Оставшиеся кластеры фиксируют три различных зоны активности: конструкция и прилегающая площадка, связанные с хранением и, возможно, утилизацией нуклеусов (кластер 2); участок оружейной деятельности с большим количеством мелких отходов (кластер 1); зона использования зубчато-выемчатых орудий (кластер 3).

Таким образом, на достаточно полно изученном материале были протестированы возможности кластерного анализа для исследования трехмерного распределения объектов в культурных отложениях. Проведенный анализ показал следующие возможности иерархического алгоритма.

1. Алгоритм иерархического анализа позволяет выделить объекты, находящиеся за пределами основного уровня концентрации материала. Задача интерпретации таких кластеров – понять, составляют ли они отдельную прослойку либо являются «выбросами» из культурного горизонта, результатами постседиментационных процессов.

2. Иерархическая кластеризация при формировании кластеров учитывает плотность распределения артефактов. Благодаря этому показателю облегчается интерпретация кластеров, их сопоставление со скоплениями, выделяемыми другими методами.

3. Качественный анализ состава кластеров позволяет объективно выделить на исследуемой площади зоны активности, которые могут быть как представлены отдельным кластером, так и включать несколько кластеров с близкими характеристиками.

На основании проведенного исследования можно заключить, что иерархический алгоритм кластеризации по трем переменным позволяет достаточно объективно проследить общую планиграфическую структуру культурных отложений с учетом вертикального распределения находок.

Библиографический список

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 17–42.

Леонова Н.Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 20 с.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А. Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоев // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск : Наука, 1991. 271 с.

Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2018. 208 с.

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/1. С. 188–198.

Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Возникновение и развитие «отщеповых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск : Оттиск, 2007. Т. 2. С. 137–153.

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Хаценович А.М. Каменная конструкция и ее интерпретация на стоянке Толбор-21 // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2019. С. 144–151.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсүрэн Б., Звинс Н., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсүрен Д., Галфи Й., Анойкин А.А., Маргад-Эрдэнэ Г., Марченко Д.В., Ангарагдулгуун Г. Новые результаты изучения стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2017. Т. XXIII. С. 198–201.

Alpaydin E. Introduction to Machine Learning. Second Edition. The MIT Press, 2010. 537 p.

Barceló J.A., Maximiano A. Some Notes Regarding Distributional Analysis of Spatial Data // Proceedings of the 35th International Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA) / A. Posluschny, K. Lambers, and I. Herzog, 1–6. Bonn : Rudolf Habelt GmbH. 2008. Pp. 1–6.

Baxter M.J. Exploratory multivariate analysis in archaeology. Edinburgh University Press, Edinburgh, 1994. 307 p.

Dekin A.A. Jr. Elliptical analysis: An heuristic technique for the analysis of artifact clusters // Eastern Arctic Prehistory: Paleoeskimo Problems, 1976. Memoir No. 31, Society for American Archaeology. Pp. 79–88.

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // Quaternary International 281, 2012. Pp. 36–46.

Torre I., Wehr K. Site formation processes of the early Acheulean assemblage at EF-HR (Olduvai Gorge, Tanzania) // Journal of Human Evolution. 2018. Vol. 120. Pp. 298–328.

Simek J.F., Larick R.R. The recognition of multiple spatial patterns: a case study from the French Upper Palaeolithic // Journal of Archaeological Science 10. 1983. Pp. 165–180.

Varghese B., Unnikrishnan A., Jacob K. Spatial Clustering Algorithms-An Overview // Asian Journal of Computer Science And Information Technology. 2014. 3/1. Pp. 1–8.

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gillam J.C., Khatsenovich A., McPherron S.H., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The open-air site of Tolbor-16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives // Quaternary International, 2014. 347. Pp. 53–65.

References

Derevyanko A.P., Zenin A.N., Rybin Ye.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A. Razvitiye kamennykh industriy verkhnego paleolita Severnoy Mongolii (po dannym stoyanki Tolbor) [The Development of the Stone Industries of the Upper Paleolithic of Northern Mongolia (according to the Tolbor Site)]. Chelovek i prostranstvo v kul'turakh kamennogo veka Yevrazii [Man and Space in the Stone Age Cultures of Eurasia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Pp. 17–42.

Leonova N.B. Zakonomernosti raspredeleniya kremneвого inventarya na verkhnepaleoliticheskikh stoyankakh i otrazhenie v nikh spetsifiki paleoliticheskikh poselenii [Regularities in the Distribution of Flint Inventory in the Upper Paleolithic Sites and the Reflection of the Specifics of Their Paleolithic Settlements]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Synopsis of the Dissertation ... Candidate of Hist. Sciences]. Moscow, 1977. 20 p.

Leonova N.B., Nesmeyanov S.A. Problemy paleoekologicheskoi kharakteristiki kul'turnykh sloyev [Problems of Paleoecological Characteristics of Cultural Layers]. Metody rekonstruktsii v arheologii [Methods of Reconstruction in Archaeology]. Novosibirsk : Nauka, 1991, 271 p.

Razgil'deyeva I.I. Planigraficheskiy analiz zhilishchno-khozyaystvennykh kompleksov verkhnego paleolita Zabaykal'ya [Spatial Analysis of Housing and Economic Complexes of the Upper Paleolithic of Transbaikalia]. Chita : Zabaykal. State Univ., 2018. 208 p.

Rybin Ye.P. Khronologiya i geograficheskoye rasprostraneniye kul'turno znachimykh artefaktov v nachal'nom verkhnem paleolite Severnoy Azii i vostochnoy chasti Tsentral'noy Azii [Chronology and Geographical Distribution of Culturally Significant Artifacts in the Initial Upper Paleolithic of North Asia and the Eastern Part of Central Asia]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2014. 4/1. Pp. 188–198.

Rybin Ye.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A. Vozniknoveniye i razvitiye «otshchepovykh» industriy ranney pory verkhnego paleolita Severnoy Mongolii [The Emergence and Development of “sherd” Industries of the Early Period of the Upper Paleolithic of Northern Mongolia]. *Severnaya Yevraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya* [Northern Eurasia in Anthropogen: Man, Paleotechnology, Geo-ecology, Ethnology and Anthropology]. Irkutsk : Ottisk, 2007. Vol. 2. Pp. 137–153.

Rybin Ye.P., Marchenko D.V., Khatsenovich A.M. Kamennaya konstruktsiya i yeyo interpretatsiya na stoyanke Tolbor-21 [Stone Construction and its Interpretation at the Tolbor-21 Site]. *Yevraziya v kaynozoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]. 2019. Pp. 144–151.

Rybin Ye.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Zvins N., Peyn, K., Bolorbat Ts., Odsuren D., Galfi Y., Anoykin A.A., Margad-Erdene G., Marchenko D.V., Angaragdulgoun G. Novyye rezul'taty izucheniya stoyanki Tolbor-21 (Severnaya Mongoliya) [New Results of the Study of the Tolbor-21 Site (Northern Mongolia)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo in-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2017. Vol. XXIII. Pp. 198–201.

Alpaydin E. Introduction to Machine Learning. Second Edition. The MIT Press, 2010. 537 p.

Barceló J.A., Maximiano A. Some Notes Regarding Distributional Analysis of Spatial Data. *Proceedings of the 35th International Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA) / A. Posluschny, K. Lambers, and I. Herzog, 1–6. Bonn: Rudolf Habelt GmbH. 2008. Pp. 1–6.*

Baxter M.J. *Exploratory Multivariate Analysis in Archaeology*. Edinburgh University Press, Edinburgh, 1994. 307 p.

Dekin A.A.Jr. Elliptical analysis: A Heuristic Technique for the Analysis of Artifact Clusters. *Eastern Arctic Prehistory: Paleoeskimo Problems, 1976. Memoir No. 31, Society for American Archaeology. Pp. 79–88.*

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent Finds and New Prospects. *Quaternary International* 281, 2012. Pp. 36–46.

Torre I., Wehr K. Site Formation Processes of the Early Acheulean Assemblage at EF-HR (Olduvai Gorge, Tanzania). *Journal of Human Evolution*. Vol. 120, 2018. Pp. 298–328

Simek J.F., Larick R.R. The Recognition of Multiple Spatial Patterns: a Case Study from the French Upper Palaeolithic. *Journal of Archaeological Science* 10, 1983. Pp. 165–180.

Varghese B., Unnikrishnan A., Jacob K. Spatial Clustering Algorithms- An Overview. *Asian Journal of Computer Science and Information Technology*. 3: 1, 2014. Pp. 1–8.

Zwysn N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gil-lam J.C., Khatsenovich A., McPherron S.H., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The Open-air Site of Tolbor-16 (Northern Mongolia): Preliminary Results and Perspectives. *Quaternary International*, 2014. 347. Pp. 53–65.

D.V. Marchenko, E.P. Rybin, A.M. Khatsenovich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

THE EXPERIENCE OF CLUSTER ANALYSIS FOR STUDYING THE PLANIGRAPHY OF UPPER PALEOLITHIC HORIZONS OF TOLBOR-21 SITE (Northern Mongolia)

The relatively good preservation of cultural deposits of the Tolbor-21 site contributed to the study of the planigraphy of the Upper Paleolithic horizons. The article presents the results of spatial analysis of these materials using clustering. Taking into account all three coordinates of each find, clustering traces the vertical distribution of finds, detects outliers from the main concentration horizon. This makes it possible to highlight areas of cultural horizon disturbances, and separate complexes superimposed on each other. A comparative analysis of the composition of the clusters made it possible to compare them with each other and, in some cases, to distinguish functional zones. In excavation 1, horizon 3B was identified, which had not previously stood out in the area. The results were compared with the conclusions of a previous study (in particular, the analysis of directions). Thus, the possibilities of a hierarchical clustering algorithm for spatial study of cultural deposits are determined.

Key words: Upper Paleolithic, Northern Mongolia, planographic analysis, clustering, cultural horizon.

УДК 902.2(574)

А.М. Сеитов

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы;
ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан*

КАМЕННЫЕ «АЛТАРИКИ» ТУРГАЯ*

Статья посвящена каменным «алтарикам» Тургая, степного региона, приуроченного к Тургайскому прогибу и сопоставимого с территорией современной Костанайской области, расположенной в северной – северо-западной части Республики Казахстан. На сегодняшний день известно всего восемь каменных «алтариков», найденных в регионе. Из них четыре экземпляра происходят из памятников, а остальные четыре найдены случайно. Семь «алтариков» без опоры (ножек), а один – с опорой. Анализируемые предметы – с бортиком, имеют овальную, округлую и прямоугольную форму. Исследуемые каменные изделия относятся к скифо-сакскому времени (VIII–IV вв. до н.э.).

Традиция изготовления каменных «алтариков» без опоры преимущественно характерна для ранних саков Приаралья и Урало-Казахстанских степей, откуда они, по-видимому, распространились в другие регионы Евразии. С угасанием культуры ранних саков к середине I тыс. до н.э. утрачивает свое развитие и производство каменных «алтариков» без ножек. Каменные «алтарики» с опорой были типичны для южноуральских и западноказахстанских кочевников «савроматского» времени, где их производство достигло своего расцвета.

Ключевые слова: степи Евразии, Казахстан, Тургай, скифо-сакское время, «алтарики», каменные изделия.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-10

Введение

В статье под термином «Тургай» подразумевается территория современной Костанайской области, в геологическом отношении расположенная в Тургайском прогибе, протяженностью с севера на юг около 800 км. На севере Тургай соприкасается с Западно-Сибирской низменностью, на юге плавно переходит в Туранскую низменность. На западе он ограничен Зауральским плато, а восточная часть является западной окраиной Казахского мелкосопочника и отрогами Улытауских гор [Бобоедова, 1971, с. 18–25]. Для характеристики региона также используется термин «Западная Сарыарка» [Бейсенов, 2015а, с. 10].

В настоящее время происходит накопление нового и анализ имеющегося материала, позволяющего в будущем изучить роль региона в процессах, происходивших в эпоху раннего железа в азиатской части Евразии [Бейсенов и др., 2015; Культура населения Тургая, 2017; Сеитов, 2017; Логвин и др., 2019].

В данной статье представлен обзор каменных изделий, за которыми в науке закрепилось название «переносные жертвенники» или «алтарики» [Васильев, 1998, с. 25]. Эта тема не утрачивает своей актуальности в силу неоднозначной интерпретации, главным образом, их функционального назначения. Не будем подробно останавливаться на историографии данной проблемы, так как она в той или иной мере уже обстоятельно представлена во многих исследованиях [Смирнов, 1964, с. 162–170; Кадырбаев, 1977, с. 204–212; Зуев, 1996, с. 54–66; Васильев, 1998, с. 25–43; Федоров, 2000, с. 49–67; 2001, с. 21–49; Маргарян, 2017, с. 104; и др.]. Отметим только, что впервые наиболее полное и детальное исследование данной категории инвентаря было предпринято К.Ф. Смир-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05131573).

новым [1964, с. 162–170]. Разработанный ученым принцип классификации «алтариков» лег в основу всех последующих исследований по данной тематике. К настоящему времени наиболее полная классификация данной категории инвентаря проведена К.Г. Маргарян (Коноплевой), разделившей их на две группы в зависимости от наличия или отсутствия опоры [Коноплева, 2016, с. 109–113; Маргарян, 2017, с. 104–106].

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности исторического процесса. В ходе исследования автором использованы общенаучные, общеисторические и традиционно применяемые в археологических исследованиях методы: сравнительно-типологический и метод датированных аналогий.

На данный момент из Тургая происходит восемь каменных «алтариков». Контекст обнаружения четырех находок известен – они обнаружены при изучении погребальных памятников: Акцииат (Атчергат), Бестамак, Лисаковск, и еще один экземпляр найден на стоянке Белкарагай-4. Остальные предметы – это случайные находки (рис. 1).

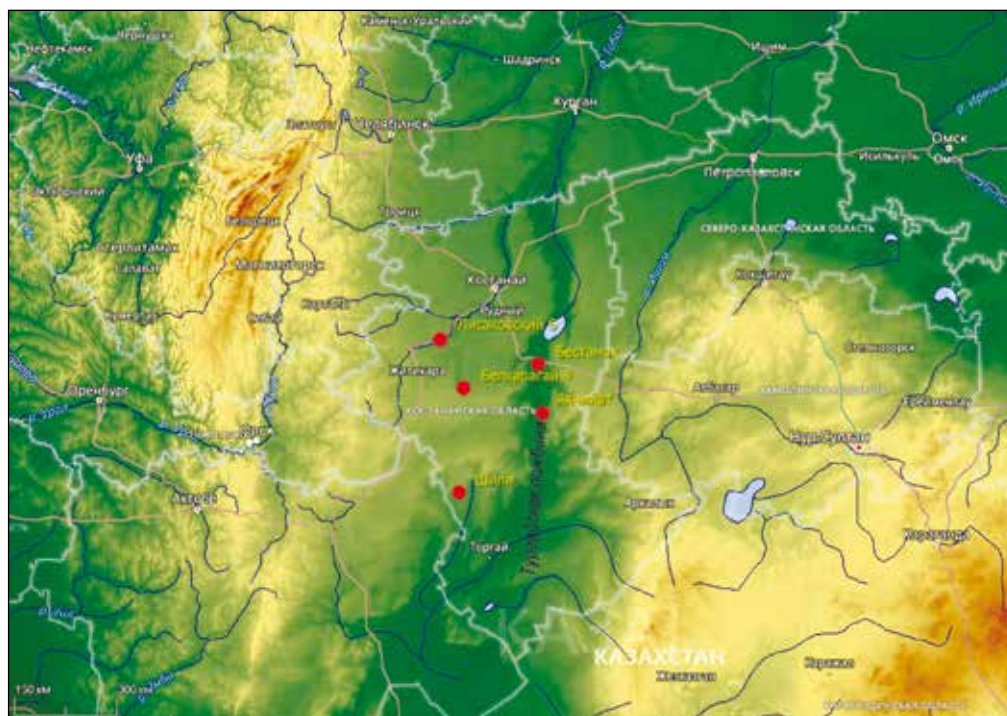

Рис. 1. Карта обнаружения каменных «алтариков» в Тургае

Описание материала

Каменное изделие №1 обнаружено в погребении 2 кургана №2 могильника Акцииат (раскопки археологической экспедиции ЧелГУ под руководством М.К. Хабдулиной, 1985 г.). Под насыпью кургана были обнаружены две могильные ямы, расположенные рядом, параллельно друг другу и ориентированные длинными стенками по направлению ЮЗ–СВ. Умершие лежали вытянуто на спине, головой на юго-запад. Инвентарь погребения 1 представлен железным ножом и бронзовыми наконечника-

ми стрел: трехлопастной с выделенной втулкой, сводчатой головкой и трехгранный с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами. В погребении 2 были найдены разрозненные кости человека. Судя по расположению костей ног, умерший был ориентирован головой на юго-запад. Кроме «алтарика» к сопроводительному инвентарю отнеслись бронзовое зеркало с короткой ручкой и костяная трубочка [Хабдулина, 1985, с. 583; 1994, табл. 33; Таиров, 2000, рис. 30.-81; 2004, рис. 10.-52]. «Алтарик» – без опоры, овальной формы с невыразительным бортиком. Размеры: 23,9×13×4,1–5,1 см, глубина чаши – 0,85 см. Ширина бортика – 1,3 см. Цвет изделия вишневый. Поверхность зашлифована со всех сторон. На внутренней поверхности от края до края блюда идет полоса черного цвета (углистого происхождения?), шириной 2,5 см. По центру изделия вырезана каннелюра (рис. 2.-1).

Каменное изделие №2 происходит из могильной ямы №103 могильника Бестамак (раскопки Тургайской археологической экспедиции (ТАЭ) под руководством А.В. Логвина, 2003 г.). В могильной яме были обнаружены два погребения, друг под другом. Верхнее погребение было совершено в подпрямоугольной яме с закругленными углами, размерами 1,7×1,35 м, глубиной 1 м, ориентированной по линии ЮВ–СЗ. В ее заполнении зафиксированы фрагменты керамики от круглодонного сосуда. В яме отмечены древесные остатки, вероятно, от надмогильной конструкции. В центре могильной камеры была обнаружена небольшая каменная кладка. В северо-западном углу выявлен череп человека. В разных частях могильной камеры лежали разрозненные человеческие кости и зубы. У северной стенки находился каменный «алтарик», в восточной части – обломок железного ножа. На глубине 1,8 м в западной стенке ямы найден бронзовый нож, фрагменты костяного изделия (предположительно рукояти), застежка из известняка и бронзовая скрепка. Нож был обернут войлоком и обложен деревянными прутиками. На глубине 1,9 м зафиксировано второе погребение. Могильная яма ориентирована по линии З–В, ее размеры – 2,6×1,3 м. В западной и восточной частях могильной камеры выявлен небольшой подбой. Скелет мужчины зафиксирован на левом боку с чуть согнутыми коленями, головой ориентирован на запад (антропологические определения выполнены А.В. Колбиной). Руки погребенного располагались вдоль тела, кисти лежали почти вплотную друг к другу. Кисть правой руки оказалась неестественно вывернута (предположительно умерший был связан). В ногах мужчины были обнаружены нижние конечности барана. Находки, уверенно относящиеся к этому погребению, отсутствуют [Логвин и др., 2008, с. 155–156, рис. 2.-1, 2, 5–7]. Каменное изделие – без опоры, овальной формы, изготовлено из песчаника темно-серого цвета (рис. 2.-4; 3.-2). Размеры: длина – 12 см, ширина – 9 см, высота – 3,2 см. В поперечном сечении изделие имеет выпукло-вогнутую форму, вогнутая поверхность сильно заглажена. Глубина чаши до 1,3 см [Логвин и др., 2008, с. 155–156, рис. 2.-6; Сеитов, 2017, с. 186, 188].

Каменное изделие №3 – без опоры, с плоским дном, найдено на поверхности песчаного выдува стоянки Белкарагай-4, расположенной в 12 км к юго-западу от п. Шобанколь в Аулиекольском р-не Костанайской области (раскопки ТАЭ под руководством А.В. Логвина, 2000 г.). Предмет овальной формы, с едва намечающимся бортиком, изготовлен из песчаника буро-коричневого цвета. Размеры: длина – 27,2 см, ширина – 18,5 см, высота – 2,7 см (рис. 2.-2; 3.-4). Глубина чаши – 0,6 см. Находка расколота на несколько частей и отреставрирована [Логвин, Шевнина, 2015, с. 118, 120, рис. 10.-3].

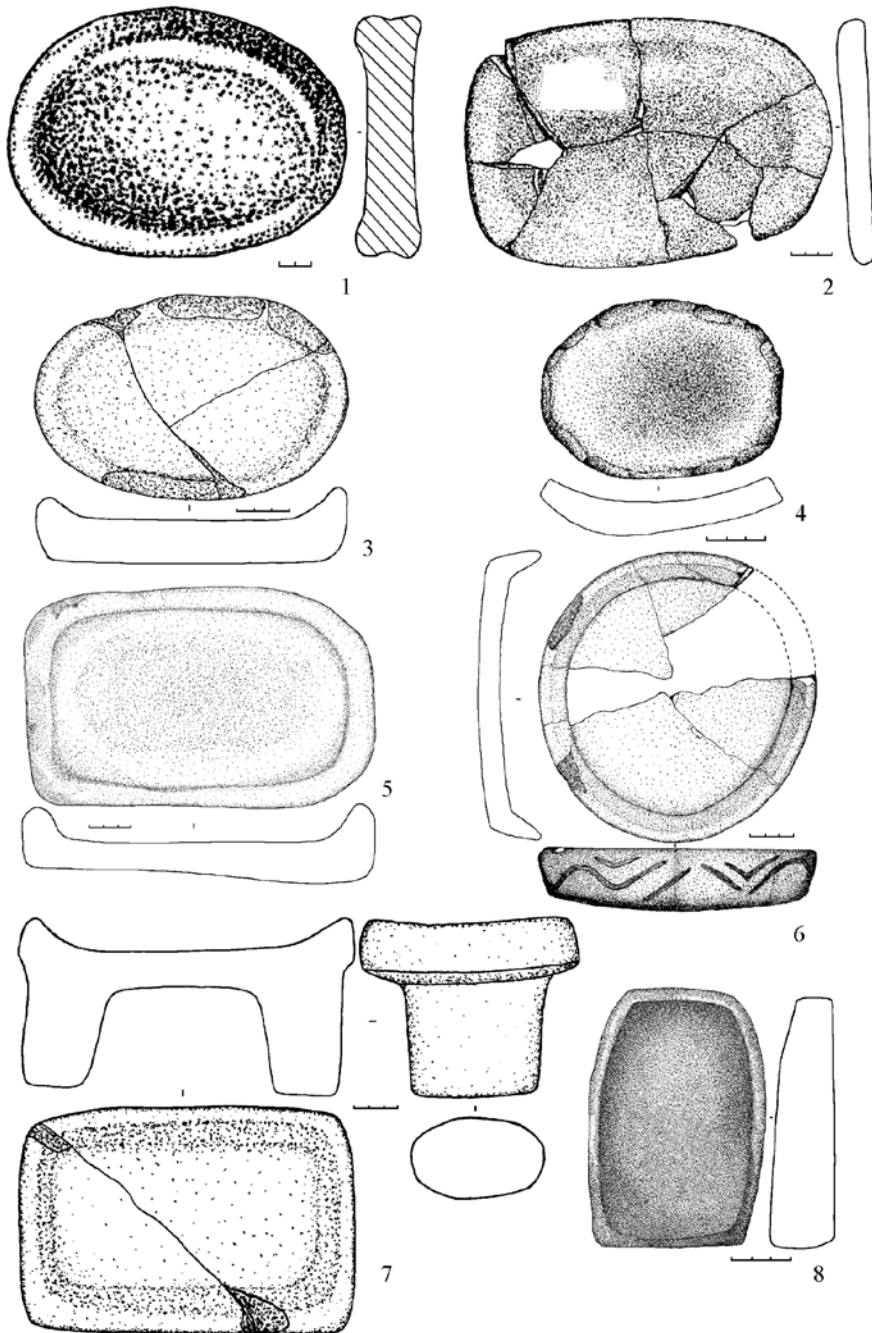

Рис. 2. Каменные «алтарики» Тургая: 1 – курган Акчийат (Атчергат), п. 2 (по: [Хабдулина, 1994]); 2 – стоянка Белкарагай-4 (Аулиекольский р-н); 3 – случайная находка; 4 – могильник Бестамак, п. №103; 5 – Аркалыкский р-н (случайная находка); 6 – Тарановский р-н (случайная находка); 7 – с. Шили, Джангильдинский р-н (случайная находка); 8 – мог. Лисаковский-VI, курган-ограда №2 (по: [Усманова, 2013])

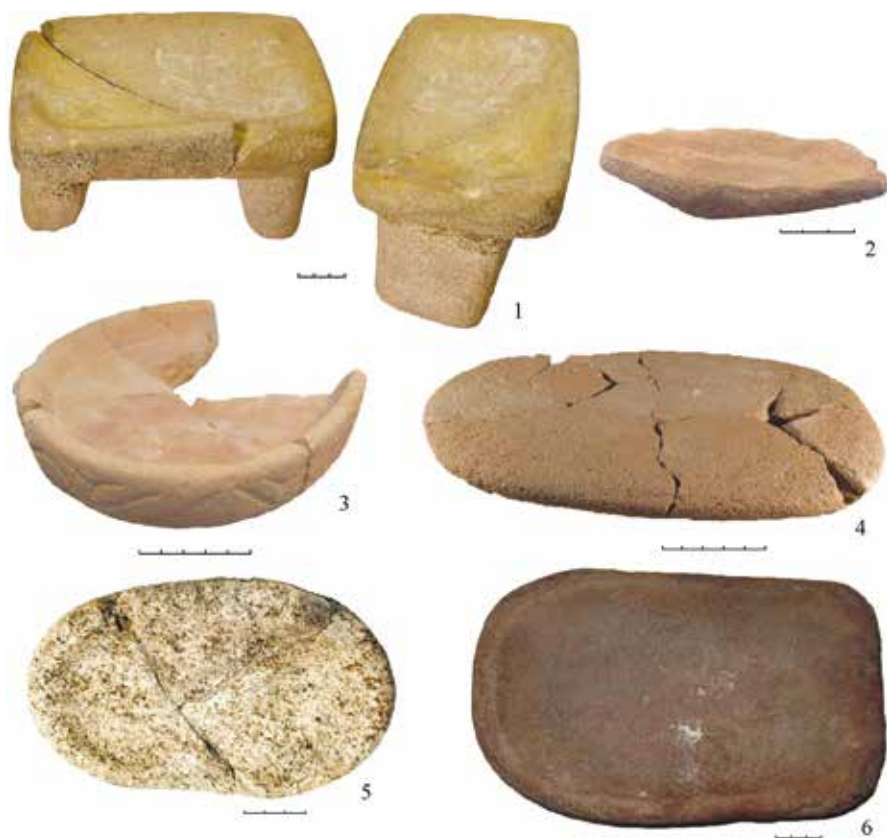

Рис. 3. Каменные «алтарики» Тургая (фотоснимки А.М. Сеитова (1, 5–6) и А.В. Логвина (2–4)):
1 – с. Шили, Джангильдинский р-н (случайная находка); 2 – могильник Бестамак, п. №103; 3 – Тарановский р-н (случайная находка); 4 – стоянка Белкарагай-4 (Аулиекольский р-н); 5 – случайная находка; 6 – Аркалыкский р-н (случайная находка)

Каменное изделие №4 (случайная находка в Костанайской области) – без опоры, с плоским дном, овальной формы, с бортиком (КП 17112). Изготовлено из камня белого цвета с вкраплениями разнозернистого песка. Размеры: длина – 18 см, ширина – 17 см, высота – 3,8 см. Глубина чаши – 1,5 см. Предмет расколот на три части и отреставрирован (рис. 2.-3; 3.-5).

Каменное изделие №5 обнаружено в кургане-ограде №2 могильника Лисаковский-VI (Раскопки Лисаковской археологической экспедиции под руководством Э.Р. Усмановой). Под каменной выкладкой была обнаружена могильная яма, заполненная камнями. В ее заполнении встречались сажистые включения и фрагменты горелых веток. Зафиксированный погребальный обряд необычен: «череп был кремирован, кости тулова отсутствовали, нижняя часть тела (ноги) были уложены, имитируя позу погребенного, лежащего на спине» [Епимахов, Усманова, 2013, с. 265]. Инвентарь представлен каменным «алтариком», развалом сосуда, бронзовой пластиной, ископаемой раковинной и горелой костью. «Алтарик» – без опоры, подпрямоугольной формы, с едва намечающимся бортиком. Размеры: 13,0×9,0×2,2–3,4 см (рис. 2.-8) [Епимахов, Усманова, 2013, с. 264–266, рис. 28.-11, фото 16.-2].

Каменное изделие №6 (случайно найдено в Аркалыкском р-не Костанайской области) – без опоры, с плоским дном (КП 2669). «Алтарики» подпрямоугольной формы с закругленными углами и бортиком; изготовлен из песчаника красно-коричневого цвета (рис. 2.-5; 3.-6). Одна торцевая сторона имеет округлую форму, а другая – подпрямоугольную. Размеры: длина – 25,1 см, ширина – 16,4 см, высота – 5,4 см. Глубина чаши до 2,2 см.

Каменное изделие №7 – без опоры, с плоским дном – случайно найдено сотрудником ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова А.В. Логвиным в Тарановском районе Костанайской области (рис. 2.-6; 3.-3). Находка округлой формы, размерами 20,3×19 см, высотой 4,2 см. Изделие изготовлено из мелкозернистого песчаника желто-коричневого цвета. Глубина чаши до 2,5 см. Бортик ярко выражен, толщиной 0,9–1,7 см. Снаружи по бортику вырезан зигзагообразный орнамент, состоящий из двух параллельных прерывистых линий. На внутренней поверхности прослеживаются пятна темно-коричневого цвета. Предмет расколот на несколько частей и отреставрирован.

Каменное изделие №8 – с опорой в виде двух ножек, случайно найдено местными жителями у с. Шили в Джангильдинском районе Костанайской области (рис. 2.-7; 3.-1). Находка прямоугольной формы, изготовлена из песчаника желто-коричневого цвета. Размеры: длина – 22,8 см, ширина – 15,4 см, высота – 12 см. Углы бортика закругленные. Глубина чаши до 2,2 см. Ножки подпрямоугольной формы, одна длиной 6,2 см, другая – 6,8 см, шириной 8,8–9,8 см, толщиной 4,5–6 см. В сечении ножки овальной формы. Артефакт расколот по диагонали на две части.

Обсуждение

Каменные «алтарики» в основном являлись атрибутом женских погребений степных племен скифо-сакского времени. Но иногда они встречаются и в мужских захоронениях. Главным образом, ритуальное назначение таких предметов – это наиболее обоснованное объяснение их функциональной принадлежности [Мошкова, 2000, с. 206, 212; Федоров, 2000, с. 49–66].

«Алтарики» без опоры, овальной формы получили широкое распространение в Евразийских степях с VII по III в. до н.э. Они в большей степени характерны для сакских памятников тасмолинской историко-культурной общности Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. В Южном Зауралье овальные «алтарики» без опоры с бортиком бытовали с VII до 2-й половины V – IV в. до н.э. [Таиров, 2007, рис. 2.-52, 61; Коноплева, 2016, с. 110–113]. Основная часть «алтариков» из Северного Казахстана была изучена М.К. Хабдулиной [1994, с. 60, табл. 16.-3; 17.-2; 19.-5; 23.-2, 10; 58], датировавшей их в рамках VIII–III вв. до н.э. К.Г. Маргарян и А.Д. Таиров [2017, с. 26–35] относят «алтарики» без опоры из Северного Казахстана к VIII – 1-й половине IV в. до н.э. В Центральном Казахстане изделия данного типа в основном существовали с VII по V в. до н.э. Ряд экземпляров, отнесенных М.К. Кадырбаевым [1966, с. 311–371, 391–392, рис. 10.-2–3; 30.-1, 3; 47.-2] ко второму этапу тасмолинской культуры (V–III вв. до н.э.), на наш взгляд, не может быть уверенно датирован позже V в. до н.э. в силу невыразительности сопроводительного материала. Погребение кургана №1 могильника Карамурун-II (II в. до н.э.), из которого происходит фрагмент каменного «алтарика», судя по погребальному обряду и инвентарю, относится к памятникам раннесарматского типа. Обломки каменных «алтариков» иногда находят в насыпях коргантасских курганов. Известен один случай обнаружения целого изделия без ножек подпрямоугольной формы в коргантасском погребении

IV–III вв. до н.э. на поселении Шидертинское-2 [Бейсенов, Мерц, 2010, с. 45, рис. 9; Бейсенов и др., 2015б, с. 25, рис. 10.-11].

Новейшие исследования по раннему железному веку позволяют датировать тасмолинскую культуру Центрального Казахстана в рамках VIII–V вв. до н.э., хотя, «возможно, незначительное количество памятников „заходит“ в IV в. до н.э.» [Бейсенов, 2015б, с. 28].

Разные типы «алтариков» без опоры весьма характерны и для раннесакских памятников Восточного Приаралья (Южный Тагискен и Уйгарак). Экземпляры без ножек, овальной формы известны в материалах могильника Уйгарак (VII–VI вв. до н.э.) [Вишневецкая, 1973, с. 86–87, табл. XI.-3; XIV.-19; XXIV.-2–3]. В Южном Тагискене подобные предметы происходят также в основном из погребений VII–VI вв. до н.э., возможно, некоторые экземпляры можно датировать 2-й половиной VI – началом V в. до н.э. [Итина, Яблонский, 1997, с. 41, рис. 6.-5; 9.-8; 27.-9; 29.-11; 36.-14].

Несколько позже, чем у саков урало-казахстанских степей, каменные «алтарики» без ножек бытовали у племен каменной культуры Верхнего Приобья и Обь-Иртышского междуречья. Там они встречаются в основном с VI (возможно, некоторые с конца VII) до III–II вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 88, рис. 60.-4–5; Шульга и др., 2009, с. 177–178, рис. 126–127]. Каменные «алтарики» иногда находят в памятниках гороховской и саргатской культур лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Обнаруженные там экземпляры датируются с V в. до н.э. [Полосьмак, 1987, с. 87–88, рис. 62.-1; Могильников, 1992, с. 290, 305, табл. 119.-57; Мошкова, 2000, с. 206–207]. С территории Алтая известно несколько каменных «алтариков» без ножек, овальной и округлой формы, происходящих из погребений середины VI – начала V в. до н.э. В целом в этом регионе такие предметы изредка встречаются в памятниках VI–II вв. до н.э. [Кирюшин и др., 2003, с. 80–81, рис. 34.-1; 50.-5].

«Алтарики» без ножек, овальной формы характерны для памятников Южного Приуралья VII–V/IV вв. до н.э. Однако на этой территории они встречаются значительно реже, чем экземпляры на ножках [Смирнов, 1964, с. 164–165; Васильев, 1998, с. 26; Мошкова, 2000, с. 204; Гуцалов, 2004, табл. 25.-2, 5]. Западнее Урала такие «алтарики» встречаются в Нижнем Поволжье, Волго-Донье, Северном Кавказе и лесостепном Поднепровье в VII–V вв. до н.э. [Мошкова, 2000, с. 207–208, рис. 1.-26, 28; 2.-2–4; Махортых, 2019, с. 347–352; рис. 1.-1–6].

Погребальный комплекс Акчийат, из которого происходит каменный «алтарики», датируют в рамках IV–II вв. до н.э. [Хабдулина, 1985, с. 583; 1994, табл. 33] или 2-й половины VI – середины V в. до н.э. [Таиров, 2004, с. 4–5, рис. 9.-52; 10.-52; Коноплева, 2016, с. 110]. Бронзовые трехлопастные стрелы со сводчатой головкой и выделенной втулкой бытовали у степных племен Евразии в VII–II вв. до н.э. Более широко использовались в «савроматское» время в течение VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 46, табл. 2]. Трехгранные стрелы с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами применялись южноуральскими кочевниками в течение VI–II вв. до н.э., но наиболее характерны для IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 58, табл. V]. Зеркало можно сопоставить с экземплярами 2-го типа (по типологии К.Ф. Смирнова), бытовавшими у ранних кочевников Южного Урала в VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 154, рис. 72.-3]. Таким образом, курган Акчийат можно датировать широко, в рамках VI–IV вв. до н.э., наиболее вероятно – V в. до н.э.

Анализ погребения №103 могильника Бестамак позволяет предположить, что нижнее погребение относится ко времени не позже VII–VI вв. до н.э., так как ана-

логичные бестамакской застежке экземпляры бытовали не позднее VII–VI вв. до н.э. [Грязнов, 1980, рис. 12.-2–4; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 147, табл. 57.-24]. Круглодонный керамический сосуд, найденный в пределах верхнего погребения, схож с раннесарматской посудой южноуральских кочевников V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 114–115, рис. 68]. Таким образом, верхнее погребение относится к раннесарматскому периоду. По всей видимости, и «алтарики», найденный в пределах этого погребения, следует датировать V–IV вв. до н.э., по крайней мере, не позже IV в. до н.э. «Алтарики» №3 и 4 можно датировать широко, в рамках VIII–IV вв. до н.э.

Лисаковский «алтарики» предположительно относится к «переходному» периоду от финальной бронзы к раннему железному веку, о чем свидетельствуют признаки погребального обряда и аналогии керамическому сосуду [Епимахов, Усманова, 2013, с. 266]. К.Г. Маргарян относит данный экземпляр к группе «алтариков» периода VII – середины VI в. до н.э. [Коноплева, 2016, с. 110]. В силу отсутствия надежных хронологических маркеров данное погребение можно приблизительно отнести широко – от «переходного» периода от финальной бронзы к раннему железному веку и до VI в. до н.э.

В целом каменные «алтарики» прямоугольной формы, без ножек, с бортиком, по сравнению с овальными, получили меньшее распространение в евразийских степях и характерны для более позднего времени. Так, в Южном Зауралье, Восточном Приуралье, Верхнем Приобье экземпляры этого типа известны в погребальных комплексах со 2-й половины VI в. до н.э. В памятниках вышеперечисленных регионов, возможно, за исключением Верхнего Приобья, прямоугольные «алтарики» без ножек не встречаются позже V в. до н.э. [Вишневская, 1973, XXIV.-7; Итина, Яблонский, 1997, с. 41, рис. 59.-14, 19; 68; Могильников, 1997, с. 88, рис. 60.-2; Шульга и др., 2009, с. 177–178, 181, рис. 126–127; Коноплева, 2016, с. 110]. Таким образом, аркалыкский экземпляр, по-видимому, также датируется 2-й половиной VI – V в. до н.э.

«Алтарики» из Тарановского района имеет аналогии с экземплярами, известными в памятниках раннесарматской культуры Южного Урала, по бортику которых нанесен геометрический орнамент: ломаные или волнистые линии, треугольники. Это «алтарики» из Челябинских курганов, погребения под Покровской церковью в Оренбурге [Смирнов, 1964, рис. 75.-13–14], несколько экземпляров из курганов могильника Новый Кумак. Такие экземпляры бытовали во 2-й половине V – IV в. до н.э. [Коноплева, 2016, с. 110–111]. Аналогичные изделия происходят из кургана №3 Шиликтысайской группы, погребения 5, кургана №1 могильника Имангазы-Карасу, кургана у с. Линевка, курганов у с. Лебедевка в Южном Приуралье [Гуцалов, 2004, с. 40–41, табл. 25.-9, 10]. Таким образом, этот специфический тип каменных «алтариков» характерен только для ранних сарматов южноуральских степей. Но следует отметить, что похожие предметы, только из глины с геометрическим орнаментом по бортику, типичны для саргатской культуры в IV–II вв. до н.э. [Полосьмак, 1987, с. 87, рис. 65.-1; 71.-1; 73.-1; 74.-3]. Единичные находки подобных глиняных блюд встречаются в гороховских памятниках [Могильников, 1992, с. 290, табл. 119.-52].

«Алтарики» с опорой различных типов – одна из наиболее ярких особенностей культуры южноуральских кочевников «савроматского» времени. Экземпляр из Шили имеет аналогии с южноуральскими «алтариками» 2-й половины VI – V вв. до н.э. [Коноплева, 2016, с. 111]. Подобные изделия происходят из погребения 2 кургана №5 могильника Новоорский-II, кургана №3 могильника Тара-Бутак, погребения 2 кургана №5

могильника Гумарово, кургана урочища Жалгыз-Оба, погребения Петропавловского кургана и погребения 3 кургана у с. Наваринка [Васильев, 1998, с. 27–29; рис. 3.-6, 9–10; Сунгатов, Мигранов, 1998, с. 116–117, рис. 3.-3; Федоров, 2001, рис. 2.-3; 3.-13; 8.-4].

Таким образом, хронологические рамки «алтариков» Тургая в основном ограничиваются VIII–IV вв. до н.э.

Вопрос об истоках традиции изготовления каменных «алтариков» без опоры все еще остается открытым. К.Ф. Смирнов [1964, с. 168] отмечал возможную связь последних с глиняными блюдами из погребений с сожжениями андроновской культуры Зауралья. Там такие блюда встречаются редко, но являются характерным типом керамики фёдоровской культуры [Григорьев, 2000, с. 333, рис. 32.-1; 34.-1–2].

В.Н. Васильев [1998, с. 27] в качестве «переходного звена» между фёдоровскими блюдами и «алтариками» ранних кочевников предполагает возможным рассматривать несколько находок из Казахстана и Средней Азии. Эти изделия, аналогичные «алтарикам» раннего железного века, известны при исследовании памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане.

«Каменная терка» без опоры, овальной формы, с бортиком найдена в кургане-огrade №6 могильника Айшрак. Погребение представляет собой захоронение женщины. По обряду и инвентарю этот комплекс относится к атасускому этапу андроновской культурно-исторической общности. В том же могильнике в кургане-огrade №12 была обнаружена другая «каменная терка» подовальной формы, с бортиком. Она связана с впускным захоронением, возможно, совершенным в более поздний период [Маргулан, 1966, с. 97, 274, табл. LVII.-18–19].

Плоский «алтарик» из обожженной глины был найден в мавзолее 6 могильника Северный Тагискен, датированном не позднее VIII в. до н.э. [Итина, Яблонский, 1997, с. 42; Васильев, 1998, с. 27]. Конечно, приведенные примеры недостаточны для того, чтобы рассматривать их в качестве прототипов изделий ранних кочевников, но свидетельства о более раннем появлении каменных «алтариков» без опоры в среднеазиатско-казахстанском регионе позволяют предположить их автохтонное происхождение.

Непосредственное развитие «алтарики» без опоры получили от экземпляров раннесакского типа, найденных в Приаралье и Урало-Казахстанских степях [Васильев, 1998, с. 27]. Возможно, одна из наиболее ранних находок таких изделий без ножек происходит из кургана №15 могильника Бақыбулак в Центральном Казахстане. По калиброванным датам памятник датируется рубежом IX–VIII – 1-й половиной VIII в. до н.э. [Бейсенов, Шаблавина, 2015, с. 105; Бейсенов и др., 2015б, с. 16–17, рис. 5.-10]. Фрагменты каменных предметов, похожие на «алтарики» ранних кочевников, найдены на поверхности поселения IX–VII вв. до н.э. Кеноткель-Х в Северном Казахстане [Хабдулина, 1994, с. 60, табл. 61.-3].

Получив развитие на местной основе, традиция изготовления «алтариков» без опоры в течение VII–VI вв. до н.э. распространяется в другие регионы евразийского пояса степей, как на востоке до Алтая и Тувы, так и на западе до Приднепровья и Северного Причерноморья. Распространение их западнее Урала, до Скифии, можно рассматривать в контексте с другими элементами культуры. С.Ю. Гуцалов [2009, с. 78–80] обращает внимание, что важнейшая их часть (зеркала с петлей на обороте, каменные блюда, стремечковидные удила, трехдырчатые псалии, северная ориентировка) связана с кочевниками урало-казахстанских степей VII–VI вв. до н.э.

Заключение

Традиция производства каменных «алтариков» без ножек была, главным образом, присуща ранним сакам Приаралья, тасмолинской историко-культурной общности и наиболее близким им по происхождению и культуре степным племенам. Эта традиция получает наибольшее развитие в VII–VI вв. до н.э., во время расцвета тасмолинской культуры [Бейсенов, 2017, с. 65–66]. С угасанием культуры ранних саков к середине I тыс. до н.э. производство каменных «алтариков» без ножек утрачивает свое развитие. Позже этого времени они уже изредка встречаются в памятниках степных племен. По-видимому, только на окраинах кочевого мира в лесостепье Западной Сибири и Зауралья этот обычай еще развивается в середине – 2-й половине I тыс. до н.э., сохраняясь до III–II вв. до н.э., что, по-видимому, обусловлено миграцией сакских племен в лесостепную зону [Могильников, 1997, с. 89].

Своего рода «второе дыхание» традиция изготовления каменных «алтариков» получает в среде южноуральских и западноказахстанских кочевников «савроматского» времени, где распространяются изделия на ножках. По-видимому, их прототипы, неизвестные в местной среде, как отмечал К.Ф. Смирнов, были заимствованы с Ближнего Востока, главным образом из ахеменидского Ирана, связи с которым существовали издавна [Смирнов, 1964, с. 168–169; Васильев, 1998, с. 29]. Установление более тесных связей урало-казахстанских кочевников с ахеменидским Ираном со 2-й половины VI в. до н.э. способствовало развитию производства «алтариков» на ножках у номадов Южного Урала, где в этот период сложилось новое ядро кочевого союза. Изготовление и распространение нового вида каменных изделий, преимущественно в «савроматской» среде, можно объяснить тем, что этот обычай был не чужд для них, а развивался на основе традиции ранних саков. К тому же многие исследователи уже давно отмечают определенное влияние (в разной степени) сакских племен Приаралья и Казахстана на южноуральских кочевников «савроматского» времени [Смирнов, 1964, с. 197, 278–279; Железчиков, 1988, с. 59; Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 5–6; Итина, Яблонский, 1997, с. 82–83; Таиров, 2006, с. 76–90; Гуцалов, 2004, с. 101, 116; Лукпанова, 2017, с. 184–189; и др.]. Примечательно, что у кочевников Южного Урала производство «алтариков» на ножках достигло своего наивысшего расцвета, став ярким образцом камнерезного искусства степных племен [Кадырбаев, 1977, с. 204, 211; Коноплева, 2016, с. 111].

Благодарности

Выражаю признательность А.В. Логвину за возможность использования неопубликованных материалов, М.К. Хабдулиной и Э.Р. Усмановой – за использование материалов исследований. Благодарен А.В. Колбиной, Р.М. Касеновой за помощь в работе с фондами Костанайского областного историко-краеведческого музея и Аркалыкского областного музея степного края. Выражаю благодарность К.Г. Маргарян за оказанное содействие.

Библиографический список

Бейсенов А.З. От редактора // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое : сб. научн. ст., посвящ. 70-летию В.Н. Логвина. Костанай; Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015а. С. 10–11.

Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015б. Т. 7, №6, ч. 2. С. 22–31.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху : коллективная монография. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 59–100.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 294–297.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района реки Шидерты // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. №1. С. 40–45.

Бейсенов А.З., Шаблакина Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №4 (36). С. 105–112.

Бобоедова А.А. Рельеф // Геология СССР. М. : Недра, 1971. Т. XXXIV. Кн. 1. С. 18–25.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 140–148.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 25–43.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М. : Наука, 1973. 160 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.

Гуцалов С.Ю. Проявление тасмолинских культурных традиций у кочевников Восточной Европы в VII–VI вв. до н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : ЮУрГУ, 2009. С. 78–83.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. С. 241–409.

Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннесакского времени. Л. : Наука, 1980. 63 с.

Епимахов А.В., Усманова Э.Р. Новые материалы времени перехода от бронзового века к железному веку // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда ; Лисаковск : TengriLtd, 2013. С. 264–267.

Железчиков Б.Ф. Степи Восточной Евразии в VI–II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории: тез. докл. Азов, 1988. С. 57–65.

Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград : ВолГУ, 1994. С. 5–8.

Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : матер. Междунар. конф. СПб. : Проект «Скифо-сибирика», 1996. С. 54–68.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : Российская политическая энциклопедия, 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // Советская археология. 1977. №3. С. 204–212.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–428.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Коноплева К.Г. Каменные жертвенники ранних кочевников Южного Зауралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : матер. IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова. Оренбург : ОГПУ, 2016. С. 109–113.

Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха : коллективная монография. Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 360 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Археологические памятники урочища Белкарагай // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое : сб. научн. ст., посвящ. 70-летию В.Н. Логвина. Костанай ; Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 104–121.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетега А.В. Сарматские материалы на могильнике Бестамак // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 155–169.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратамар // Маргулановские чтения–2019 : матер. Междунар. археол. научн.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 316–327.

Лукпанова Я.А. Раннесакские памятники Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху : коллективная монография. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 179–190.

Маргарян К.Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, №2. С. 104–106.

Маргарян К.Г., Таиров А.Д. Каменные жертвенники Северного Казахстана // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, №2. С. 26–37.

Маргулан А.Х. Памятники эпохи бронзы // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 5–302.

Махортых С.В. Каменные блюда VII–VI вв. до н.э. из скифских памятников лесостепного Поднепровья // Маргулановские чтения – 2019 : матер. Междунар. археол. научн.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 346–359.

Могильников В.А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 283–291.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М. : Пушинский научный центр РАН, 1997. 195 с.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 292–311.

Мошкова М.Г. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология : сб. статей. М. : Институт археологии РАН, 2000. С. 201–215.

Сеитов А.М. Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха : коллективная монография. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 182–206.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М. : Наука, 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 380 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука, 1987. 144 с.

Сунгатов Ф.А., Мигранов Р.А. Петропавловский одиночный курган в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 116–120.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск : ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 3–21.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. С. 3–205.

Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем, 2006. С. 76–91.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (I) // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 49–69.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 21–49.

Хабдулина М.К. Раскопки курганов в Северном Казахстане // АО–1985. М. : Наука, 1987. С. 583–584.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Гылым, 1994. 170 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

References

- Bejsenov A.Z. Ot redaktora [From the Editor]. Drevnij Turgaj i Velikaya Step': chast' i tseloe : sb. nauchn. st., posvyashch. 70-letiyu V.N. Logvina [Ancient Turgai and the Great Steppe: Part and Whole: Collection of Scientific Works Dedicated to the 70th Anniversary of V.N. Logvin]. Kostanaj ; Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2015a. Pp. 10–11.
- Bejsenov A.Z. Tsentral'nyj Kazahstan v rannem zheleznom veke [Central Kazakhstan in the Early Iron Age]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Socio-Educational Thought]. 2015b. Vol. 7, №6, Part 2. Pp. 22–31.
- Bejsenov A.Z. Tasmolinskaya kul'tura Saryarki [Tasmolinskaya Culture of Saryarka]. Kazahstan v sakskeyu epohu : kollektivnaya monografiya [Kazakhstan in the Saka Era: Collective Monograph]. Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2017. Pp. 59–100.
- Bejsenov A.Z., Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. Izuchenie pamyatnikov tasmolinskoj kul'tury v Zapadnoj Saryarke [The Study of Tasmolinski Cultural Sites in Western Saryarka]. Arheologiya Zapadnoj Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnyh issledovanij : sb. st., posvyashch. 70-letiyu prof. Yu.F. Kiryushina / otv. red. A.A. Tishkin [Archaeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research: Collectiun of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Prof. Yu.F. Kiryushin]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 294–297.
- Bejsenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O. Naselenie Tsentral'nogo Kazahstana v I ty-syacheletii do n.e. [The Population of Central Kazakhstan in the 1st Millennium BC]. Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2015. 188 p.
- Bejsenov A.Z., Merts V.K. K izucheniyu pamyatnikov rajona reki Shiderty [To the Study of the Sites of the Shiderty River Area]. Izvestiya NAN RK. Ser. obschestv. nauk [News of NAS RK. Series: Social Sciences]. 2010. №1. Pp. 40–45.
- Bejsenov A.Z., Shablavina E.A. Osobennosti lit'ya predmetov konskogo snaryazheniya tasmolinskoj kul'tury [Features of Casting of Horse Equipment of the Tasmolinskaya Culture]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2015. №4 (36) [Bulletin of Tomsk State University. History]. Pp. 105–112.
- Boboedova A.A. Rel'ef [Relief]. Geologiya SSSR [Geology of the USSR]. M. : Nedra, 1971. Vol. XXXIV. Book 1. Pp. 18–25.
- Bokovenko N.A., Zadneprovskij Yu.A. Rannie kochevniki Vostochnogo Kazahstana [Early Nomads of East Kazakhstan]. Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1992. Pp. 140–148.
- Vasil'ev V.N. K voprosu o sarmatskih kamennyh zhertvennikah kochevnikov Yuzhnogo Urala [To the Question of Sarmatian Stone Altars of Nomads of the Southern Urals]. Ufmskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]. 1998. Issue1. 1998. Pp. 25–43.
- Vishnevskaya O.A. Kul'tura sakskih plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e. po materialam Ujgaraka [Culture of the Saka Tribes of the Lower Syr Darya in the 7th – 5th Centuries BC Based on the Uygarak Materials]. M. : Nauka, 1973. 160 p.
- Gutsalov S.Yu. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e. [Ancient Nomads of the Southern Urals in the 7th – 1st Centuries BC]. Ural'sk, 2004. 136 p.
- Gutsalov S.Yu. Proyavlenie tasmolinskih kul'turnyh traditsij u kochevnikov Vostochnoj Evropy v VII–VI vv. do n.e. [Manifestation of Tasmolinskaya Cultural Traditions among the Nomads of Eastern Europe in the 7th – 6th Centuries BC]. Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk : YuUrGU, 2009. Pp. 78–83.
- Grigor'ev S.A. Bronzovyj vek [Bronze Age]. Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. T. I. Kamennyj vek. Epoha bronzy [Ancient History of the South Trans-Urals. Vol. I. Stone Age. The Bronze Age]. Chelyabinsk : YuUrGU, 2000. Pp. 241–409.
- Gryaznov M.P. Arzhan: tsarskij kurgan rannesakskogo vremeni [Arzhan: Royal Mound of the Early Saka Time]. L. : Nauka, 1980. 63 p.
- Epimahov A.V., Usmanova E.R. Novye materialy vremeni perekhoda ot bronzovogo veka k zheleznomu veku [New Materials from the Time of the Transition from the Bronze Age to the Iron Age]. Pamyatniki Lisakovskoj okrug: arheologicheskie syuzhety [The Sites of the Lisakovsky District: Archaeological Subjects]. Karaganda ; Lisakovsk : TengriLtd, 2013. Pp. 264–267.

Zhelezchikov B.F. Stepi Vostochnoj Evrazii v VI–II vv. do n.e. [Steppes of East Eurasia in the 6th – 2nd Centuries BC]. Problemy sarmatskoj arheologii i istorii : tez. dokl [Problems of Sarmatian Archaeology and History: Thesis of the Reports]. Azov, 1988. Pp. 57–65.

Zhelezchikov B.F., Pshenichnyuk A.H. Plemena Yuzhnogo Priural'ya v VI–III vv. do n.e. [Tribes of the Southern Urals in the 6th – 3rd centuries BC]. Problemy istorii i kul'tury sarmatov [Problems of the History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd : VolGU, 1994. Pp. 5–8.

Zuev V.Yu. Nauchnyj mif o «savromatskih zhritsah» [The Scientific Myth of the “Savromatic Priestesses”]. Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epohu : mater. Mezhdunar. konf. [Priesthood and Shamanism in the Scythian Era: Materials of the International Conference]. SPb. : Proekt «Skifo-sibirika», 1996. Pp. 54–68.

Itina M.A., Yablonskij L.T. Saki Nizhnej Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyj Tagisken) [The Saki of the Lower Syr Darya (based on materials from the Southern Tagisken burial ground)]. M. : Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya, 1997. 187 p.

Kadyrbaev M.K. Kamennye altari-zhertvenniki iz Severo-Zapadnogo Kazahstana [Stone Altar from North-West Kazakhstan]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1977. №3. Pp. 204–212.

Kadyrbaev M.K. Pamyatniki tasmolinskoj kul'tury [The Sites of the Tasmolinskaya Culture]. Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazahstana [Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1966. Pp. 303–428.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy pazyrykskoj kul'tury [Scythian Era of the Altai Mountains. Part II: Funeral and Commemorative Complexes of the Pazyrykskaya Culture]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 234 p.

Konopleva K.G. Kamennye zhertvenniki rannih kochevnikov Yuzhnogo Zaural'ya [Stone Altars of the Early Nomads of the South Trans-Urals]. Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arheologii : mater. IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii», posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya K.F. Smirnova [Konstantin Fedorovich Smirnov and Contemporary Problems of Sarmatian Archaeology: Materials of the 9th International Scientific Conference: “Problems of Sarmatian Archaeology and History”, Dedicated to the 100th Anniversary of the birth of K.F. Smirnov]. Orenburg : OGPU, 2016. Pp. 109–113.

Kul'tura naseleniya Turgaya i sopredel'nyh regionov: chelovek i epoha : kollektivnaya monografiya / otv. red. G.A. Bazarbaeva, G.S. Dzhumabekova [The Culture of the Population of Turgay and Adjacent Regions: Man and Era: a Collective Monograph. Edited by G.A. Bazarbaeva, G.S. Dzhumabekova]. Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2017. 360 p.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Arheologicheskie pamyatniki urochishcha Belkaragaj [Archaeological Sites of the Belkaragai Tract]. Drevnij Turgaj i Velikaya Step': chast' i tseloe : sb. nauchn. st., posvyashch. 70-letiyu V.N. Logvina [Ancient Turgai and the Great Steppe: Part and Whole: Collection of Scientific Works Dedicated to the 70th Anniversary of V.N. Logvin]. Kostanaj; Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2015. Pp. 104–121.

Logvin A.V., Shevnina I.V., Kolbina A.V., Neteta A.V. Sarmatskie materialy na mogil'nike Bestamak [Sarmatian Materials at the Bestamak Burial Ground]. Nizhnevolskij arheologicheskij vestnik. 2008. Vyp. 9 [Lower Volga Archaeological Bulletin. 2008. Issue. 9]. Pp. 155–169.

Logvin A.V., Shevnina I.V., Seitov A.M. Rannesarmatskoe pogrebenie kurgana 1 mogil'nika Karatomar [Early Sarmatian Burial of the Mound 1 of the Karatomar Burial]. Margulanovskie chteniya – 2019: mater. Mezhdunar. arheol. nauchn.-prakt. konf., posvyashch. 95-letiyu so dnya rozhd. vydayushchegosya kazahstanskogo arheologa K.A. Akisheva [Margulanov Readings – 2019: Materials of the International Archaeological Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Birthday of the Outstanding Kazakhstan Archaeologist K.A. Akishev]. Nur-Sultan, April 19–20, 2019. Nur-Sultan : ENU im. L.N. Gumileva, 2019. Pp. 316–327.

Lukpanova Ya.A. Rannesakskie pamyatniki Priaral'ya [Early Saka Sites of the Aral Sea Area]. Kazahstan v saksuyu epohu : kollektivnaya monografiya [Kazakhstan in the Saka Era: a Collective Monograph]. Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2017. Pp. 179–190.

Margaryan K.G. Osnovnye printsipy klassifikatsii i tipologii kamennyh zhertvennikov rannego zheleznoogo veka [The Basic Principles of Classification and Typology of Stone Altars of the Early Iron Age].

Vestnik YuUrGU. Ser. : Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2017. T. 17, №2 [Bulletin of SUSU. Ser. Social Sciences]. Pp. 104–106.

Margaryan K.G., Tairov A.D. Kamennye zhertvenniki Severnogo Kazakhstana [Stone Altars of Northern Kazakhstan]. Vestnik YuUrGU. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2017. T. 17, №2 [Bulletin of SUSU. Ser. Social Sciences. 2017. Vol. 17, No. 2]. Pp. 26–37.

Margulan A.H. Pamyatniki epohi bronzы [The Sites of the Bronze Age]. Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1966. Pp. 5–302.

Mahortyh S.V. Kamennye blyuda VII–VI vv. do n.e. iz skifskih pamyatnikov lesostepnogo Podneprov'ya [Stone Dishes of the 7th – 6th Centuries BC from Scythian Sites of the Forest-Steppe Dnieper]. Margulanovskie chteniya – 2019 : mater. Mezhdunar. arheol. nauchn.-prakt. konf., posvyashch. 95-letiyu so dnya rozhd. vydayushchegosya kazakhstanskogo arheologa K.A. Akisheva [Margulanov Readings – 2019: Materials of the International Archaeological Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Birthday of the Outstanding Kazakhstan Archaeologist K.A. Akishev]. Nur-Sultan : ENU im. L.N. Gumileva, 2019. Pp. 346–359.

Mogil'nikov V.A. Gorohovskaya kul'tura [Gorokhovskaya Culture]. Stepnaya polosа Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1992. Pp. 283–291.

Mogil'nikov V.A. Naselenie Verhnego Priob'ya v seredine – vtoroj polovine I tys. do n.e. [The Population of the Upper Ob Region in the Middle – Second Half of the 1st Millennium BC] M. : Pushchinskij nauchnyj tsentr RAN, 1997. 195 p.

Mogil'nikov V.A. Sargatskaya kul'tura [Sargatskaya Culture]. Stepnaya polosа Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1992. Pp. 292–311.

Moshkova M.G. Naznachenie kamennyh «zhertvennikov» i «savromatskaya» arheologicheskaya kul'tura [Designation of Stone “Altars” and “Savromatskaya” Archaeological Culture]. Skify i sarmaty VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya : sb. statej [Scythians and Sarmatians of the 7th – 3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archaeology: Collection of Articles]. M. : In-t arheologii RAN, 2000. Pp. 201–215.

Polos'mak N.V. Baraba v epohu rannego zheleza [Baraba in the the Early Iron Age]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 144 p.

Seitov A.M. Drevnie kochevniki Turgayа serediny I tys. do n.e. – serediny I tys. n.e. [The Ancient Nomads of Turgai in the Middle of the 1st Millennium BC – middle of the 1st Millenium AD]. Kul'tura naseleniya Turgayа i sopredel'nyh regionov: chelovek i epoha : kollektivnaya monografiya [The Culture of the Population of Turgay and Adjacent Regions: a Man and an Era: a Collective Monograph]. Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2017. Pp. 182–206.

Smirnov K.F. Vooruzhenie savromatov [Armament of the Savromats]. M. : Nauka, 1961. 162 p.

Smirnov K.F. Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov [Sauromats. The Early History and Culture of the Sarmatians]. M. : Nauka, 1964. 380 p.

Sungatov F.A., Migranov R.A. Petropavlovskij odinochnyj kurgan v Bashkirskom Zaural'e [Petropavlovsky Solitary Barrow in the Bashkir Trans-Urals]. Ufimskij arheologicheskij vestnik. 1998. Vyp. 1 [Ufa Archaeological Bulletin. 1998. Issue 1]. Pp. 116–120.

Tairov A.D. Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepej v VII–VI vv. do n.e. [Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes in the 7th – 6th Centuries BC]. Chelyabinsk : YuUrGU, 2007. 274 p.

Tairov A.D. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov YUzhnogo Zaural'ya 7–2 vv. do n.e. [Periodization of the Sites of the Early Nomads of the South Trans-Urals in the 7th – 2nd Centuries. BC]. Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noj hronologii : dokl. k 5-j Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii» [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology: Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, 2004. Pp. 3–21.

Tairov A.D. Rannij zheleznyj vek [Early Iron Age]. Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. T. II. Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e [Ancient History of the South Trans-Urals. Vol. II. The Early Iron Age and the Middle Ages]. Chelyabinsk : YuUrGU, 2000. Pp. 3–205.

Tairov A.D. Saki Priaral'ya v stepyakh Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyj Shlyah) [The Saki of the Priaralye in the Steppes of the South Trans-Urals (based on materials from the Marovy Shlyakh burial ground)]. Yuzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya : sb. statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka [South Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time: Collection of Articles for the 70th Anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk]. Ufa : Gilem, 2006. Pp. 76–91.

Fedorov V.K. O funktsional'nom naznachanii tak nazyvaemyh «savromatskih zhertvennikov» Yuzhnogo Priural'ya (I) [On the Functional Purpose of the So-called “Savromat Altars” of the Southern Urals (II)]. Ufimskij arheologicheskij vestnik. 2000. Vyp. 2 [Ufa Archaeological Bulletin. 2001. Issue. 3]. Pp. 49–69.

Fedorov V.K. O funktsional'nom naznachanii tak nazyvaemyh «savromatskih zhertvennikov» Yuzhnogo Priural'ya (II) [On the Functional Purpose of the So-called “Savromat Altars” of the Southern Urals (I)]. Ufimskij arheologicheskij vestnik. 2001. Vyp. 3 [Ufa Archaeological Bulletin. 2000. Issue. 2]. Pp. 21–49.

Habdulina M.K. Raskopki kurganov v Severnom Kazahstane [Excavations of Barrows in Northern Kazakhstan]. AO–1985. M. : Nauka, 1987. Pp. 583–584.

Habdulina M.K. Stepnoe Priishim'e v epohu rannego zheleza [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty : Gylym, 1994. 170 p.

Shul'ga P.L., Umanskij A.P., Mogil'nikov V.A. Novotroitskij nekropol' [Novotroitsky Necropolis]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 329 p.

A.M. Seitov

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty; Laboratory of Archaeological Investigations of A. Baitursynov Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan

STONE “ALTARS” OF TURGAY

This article is devoted to exploring of the stone “altars” of Turgay. Turgay is a steppe region adjacent to the Turgay basin deflection and comparable to the modern Kostanay region located in the north – north-west of Kazakhstan. At present only eight stone “altars” are known in the area of the Turgay steppe. Four of them come from the sites and the remaining ones are random finds. Seven “altars” do not have prop (legs), and one does. The analyzed items are of oval, round and rectangular shapes. The investigated “altars” relate to the Scythian-Saka period in the range of the 8th – 4th centuries BC.

The tradition of making stone “altars” without props, is common for the Early Saka tribes of the Aral Sea Region and Ural-Kazakhstan steeps, from where apparently they spread to other Eurasian regions. The decline of the Early Saka culture in the middle of the 1st millennium BC stops the production of stone “altars” without props. Stone “altars” with props were mainly common for the South Ural and West Kazakhstan nomads of the Sauvromat period where their production reached the flourish.

Key words: Eurasian steppes, Kazakhstan, Turgay, the Scythian-Saka period, “altars”, stone items.

УДК 903.7(520)

А.В. Табарев, Д.А. Иванова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

СТРУКТУРА, СИМВОЛИКА И АТТРИБУТИКА РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ ДЗЁ:МОН НА ЯПОНСКОМ АРХИПЕЛАГЕ*

Искусство каменного века Японского архипелага тесно связано с разнообразием ритуальных объектов, датируемых финальным палеолитом – эпохой дзё:мон (14–2,3 тыс. л.н.). По своим масштабам они подразделяются на макрокомплексы (каменные круги, насыпи, раковинные кучи) и микрокомплексы (наборы артефактов в жилищах, погребениях, складах). В свою очередь, в пределах макрокомплексов (о-ва Хоккайдо, Хонсю) выделяются мегалитические структуры с горизонтальной и вертикальной ориентацией, они сопровождаются массовыми находками изделий мелкой глиняной пластики, фрагментами керамических сосудов с антропоморфной и зооморфной символикой, украшениями из мягкого камня. Особое место занимают каменные жезлы *сэкибо*: – их размеры варьируются от нескольких сантиметров до 2,5 м, каменные жезлы встречаются как в микро-, так и в макрокомплексах. Несмотря на кислотные почвы, разрушительно действующие на органику, многочисленные следы столбовых ям и широкий диапазон деревообрабатывающих инструментов позволяют с уверенностью предполагать, что вертикальные мегалиты предварялись и дополнялись серией деревянных конструкций. Японские материалы органично вписываются, с одной стороны, в общеевразийский контекст вертикальных мегалитов и деревянных идолов, а с другой – в круг древних культур тихоокеанского бассейна (Юго-Восточная Азия, Океания, побережья Северной и Южной Америк), насыщенных традициями изготовления каменных и деревянных тотемных столбов с ярусной организацией символов и мифологических персонажей.

Ключевые слова: Тихоокеанский бассейн, Японский архипелаг, дзё:мон, каменные круги, *сэкибо*., тотемные столбы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-11

Введение

Археологические и этнографические материалы по культурам Дальнего Востока и тихоокеанского бассейна в целом позволяют говорить о весьма раннем появлении ритуальных комплексов, важнейшими элементами которых были так называемые вертикальные символы из камня и дерева. Причем в целом ряде случаев деревянные конструкции (идолы, тотемные столбы) не только предшествовали по времени масштабным (мегалитическим) сооружениям, но продолжали сохранять свою важность и специфику параллельно с комплексами из камня.

Комплексы с вертикально поставленными камнями на территории Японского архипелага в эпоху дзё:мон

На Японском архипелаге выделяются как минимум три основных мегалитических традиции – дзё:монская (неолитическая), яёйская (рубеж эр) и кофунская (первые века нашей эры). Их истоки уходят в финальный палеолит и иллюстрируются находками вертикально установленных дацитовых шестигранников. В настоящее время на территории Японского архипелага эпохой дзё:мон датировано более 300 памятников с каменными кругами, выкладками и насыпями. Исходя из специфики комплексов и районов, в которых они были локализованы, можно говорить о существовании двух традиций. Первая

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект №19-18-00003 «Неолитические цивилизации Евразии: Дзёмон, Японский архипелаг – Происхождение, ранние этапы, локальные особенности».

традиция получила распространение на севере острова Хонсю, на острове Хоккайдо, в центральной части острова Хонсю (регион Тюбу).

К наиболее ранним примерам вертикальных символов эпохи дзёмон, обнаруженным в составе каменных кругов, относятся памятники преф. Нагано – Ваппара и Акю:.

На памятнике Ваппара (2-я половина раннего дзёмона, 6,5 тыс. л.н.) на площади 10×8 м был найден 31 валун (рис. 1.-а). Камни были вкопаны вертикально и объединены в две группы каменных кругов. Первая группа включает 12 валунов, вкопанных вокруг центрального камня, размеры «круга» 3,6×2,3 м. Южнее на 2,4 м находится второй «каменный круг» размерами 1,8×1,5 м, который состоит из шести камней, расположенных по кругу, с двумя камнями в центре. Между каменными кругами вкопан вертикальный камень. Еще один отдельно стоящий камень зафиксирован восточнее каменных кругов. Предположительно комплекс Ваппара использовался для ритуальных целей. На памятнике раскопано также три небольших скопления камней, несколько ямок, фрагменты керамики и каменные орудия [Ницу, 2007, с. 69].

На памятнике Акю: (6,5 тыс. л.н.), общей площадью 55 тыс. кв. м, обнаружен каменный круг из большого количества скоплений крупных и мелких камней (270 групп диаметром более 1 м, общее число камней более 100 тыс.). Размер конструкции 120×90 м,

Рис. 1. Японский архипелаг. Памятники с каменными кругами и вертикально поставленными камнями (по: [Абики, 2005; Ницу, 2007]; фото из архива авторов): а – Ваппара, преф. Нагано; б – Комакино, преф. Аомори; в – Табата, столичный округ Токио; г – каменный круг Мандза, комплекс Оою, преф. Акита, д – каменный круг Нанокадо, комплекс Оою, преф. Акита

ширина 30–50 м. В центре каменного круга установлена «площадка» (30×30 м) – конструкция из 24 вертикально вкопанных андезитовых плит призматической формы (макс. длина 120 см, ширина 35 см), от которой отходят «дорожки» из восьми плит песчаника (макс. длина 120 см, ширина 60 см). Плиты имеют треугольную и четырехугольную форму, уложены попарно. Длина дорожек 5 м, ширина 3 м. Каменные «столбы» выставлены в два ряда по направлению к горе Татэсина, которая расположена к востоку от памятника Акуо: [Имафуку, 2005, с. 161–162; Табарев и др., 2017, с. 46].

В среднем дзё:моне (5–4 тыс. л.н.) скопления камней с вертикально поставленными камнями чаще всего встречаются внутри поселенческих комплексов, как например, в случае с памятником Госёно (преф. Иватэ). Госёно является классическим примером поселения с сегментарной системой внутреннего расположения объектов. В его состав входит три крупных деревни – восточная, центральная и западная, с общим числом жилищных котлованов 700 единиц. На территории поселения расположено два масштабных скопления камней – восточная группа (34×20 м), и западная группа (диаметр 25 м). Оба объекта имеют форму круга. Первый объект входит в состав центральной деревни. Он состоит из семи скоплений камней овальной и круглой формы диаметром 1–2,5 м. Скопления являются маркерами овальных грунтовых могил размерами от 0,5×1 до 2×3 м. Вокруг ритуального комплекса зафиксировано 650 столбовых ямок, объединенных в несколько конструкций прямоугольной формы. В 2003 г. на этом месте было реконструировано пять свайных конструкций с навесом на шести опорных столбах [Такада, 2005, с. 32–36].

Во второй половине – конце среднего дзё:мона в регионе Тохоку появляются разрозненные группы сложенных вместе камней, в составе которых наблюдаются вертикальные камни. На памятнике Татэсисино-I (преф. Иватэ) раскопано два скопления линейной формы – структура №1 (длина 32 м) и структура №2 (длина 7 м). Внутри объекта №1 зафиксировано 10 крупных плит прямоугольной формы, вкопанных вертикально. Плиты соединены между собой мелкой галькой. Под несколькими плитами (менгирами) находились грунтовые могилы. На памятнике Кабаяма (преф. Иватэ) зафиксировано 38 небольших скоплений камней (диаметром ок. 1,2 м). В том числе 15 каменных выкладок, с вертикально поставленным камнем (т.н. «солнечные часы»). Подавляющее большинство объектов имеют округлую форму, встречаются также выкладки квадратной формы с закругленными углами. В отдельных случаях центральная часть скоплений вымощена камнями. Сопроводительный материал включает фрагменты керамики и несколько каменных блюд (прямоугольной и трапециевидной формы). На памятнике Юбунэдзава-II (преф. Иватэ) локализован масштабный комплекс из 5–6 скоплений, выложенных в форме дуги (25×20 м). Наряду с этим на территории археологического объекта раскопано более 200 грунтовых могил. Часть могил (ок. 31) отмечена вертикально поставленным камнем. По результатам раскопок было найдено обилие фрагментов сосудов, фигурок антропоморфной (*догу:*) и зооморфной формы, изделий из обожженной глины («бубенчики», табличка с отпечатком детской ножки, подвески в виде «гирь») и ритуальное оружие из камня (каменный меч «*сэкито:*») [Иванова, 2015].

Среди крупных комплексов финального этапа среднего дзё:мона на территории региона Тюбу можно отметить памятники Усииси и Атия Дайра. Усииси расположен в преф. Яманаси и датирован концом среднего дзё:мона (ок. 4 тыс. л.н.). На территории памятника раскопан каменный круг диаметром 50 м. Каменный круг Усииси стал

знаменитым благодаря своему уникальному расположению: он был построен у северного подножья горы Фудзи-сан. Вокруг объекта найдены четыре небольших скопления округлой формы, диаметром 4–5 м, которые расположены по четырем сторонам света. В структуре каменного круга встречаются участки с одиночными вертикально поставленными камнями, а также небольшие, около метра в длину, зоны с выложенными в ряд камнями [Имафуку, 2005, с. 163].

Памятник Атия Дайра (преф. Ниигата) – поселение конца среднего – 1-й половины позднего дзё:мона (4–3,5 тыс. л.н.), общей площадью 23,5 тыс. кв. м. Внутри поселения расположен погребальный комплекс (диаметр 60 м), включающий 107 скоплений камней квадратной, овальной и дугообразной формы, каменный круг и каменная насыпь. Помимо перечисленных объектов на памятнике зафиксирована серия вымощенных камнями участков, которые не имеют отчетливой формы. В центре могильника был установлен каменный круг диаметром 6 м, а вдоль его северного края была выложена небольшая каменная насыпь размерами 4×3,5 м. Еще 11 вертикально установленных камней находилось по периметру каменного круга [Тогаси, 2005].

Активное строительство ритуальных комплексов с каменными кругами продолжается в 1-й половине – середине позднего дзё:мона (4–3,5 тыс. л.н.).

Особое место занимает комплекс Оою, расположенный в северо-восточной части преф. Акита, общей площадью 300 тыс. кв. м (рис. 1.-2, д). Комплекс существовал на протяжении начала – середины позднего дзё:мона. В состав памятника входят две отдельные каменные выкладки – Мандза (досл. «десять тысяч мест») и Нанокадо («храм посреди поля»), которые состоят из двух колец – внешнего и внутреннего. Внутри каменной выкладки Мандза насчитывается 47 скоплений камней округлой и прямоугольной формы. Диаметр внутреннего кольца – 16 м, а диаметр внешнего кольца варьируется в пределах 48–52 м. Вторая каменная выкладка, Нанокадо, представлена 44 группами скоплений. Диаметр внутреннего кольца – 14 м, внешнего – 42 м. В северо-западной части обоих сооружений между внутренними и внешними кольцами имеются небольшие структуры, получившие название «солнечные часы». Солнечные часы – вертикальный каменный столб (высота ок. 1 м), вокруг которого радиально расположены продолговатые крупные камни. При этом вся конструкция заключена в кольцо из камней (общий диаметр 2–4 м). Внутри кругов Мандза и Нанокадо расположено 14 структур с вертикально вкопанными камнями. В 11 случаях под скоплениями камней располагались грунтовые могилы. Помимо масштабных объектов Мандза и Нанокадо на территории памятника раскопано 12 скоплений камней круглой формы, три скопления прямоугольной формы, 96 скоплений без ярко выраженной формы, 14 участков с выложенными в ряд камнями, столбовые ямки от 81 свайной конструкции (восемь реконструировано), семь жилищных котлованов, 227 хозяйственных ям (в разрезе имеют форму «фляги»), 382 грунтовые могилы, 57 ямок Т-образной формы, а также обилие артефактов. Весь каменный материал (ок. 7 тыс. валунов) доставлялся по р. Акуя со скальных выходов г. Моросукэ (в 6–7 км от памятника) [Акимото, 2005, с. 39–40, 82; Табарев и др., 2017, с. 48].

Еще более сложный по структуре комплекс, площадью 9,7 тыс. кв. м, исследован на памятнике Комакино, преф. Аомори (поздний дзё:мон). Он состоит из трех каменных кругов – центрального (2,5 м), внутреннего (29 м) и внешнего (35 м). Внутренний и внешний круги выложены в два яруса в особом порядке по схеме «один крупный камень уложен перпендикулярно и от трех до шести камней уложено параллельно».

Позже данная схема получила название «стиль комакино». Центральный круг сложен из крупных и нескольких десятков мелких камней (20–30 см). В составе каменных кругов выделяют 13 крупных скопления. Наибольший интерес представляет вертикально вкопанный каменный блок (105,5×54,5 см) общим весом 460 кг, который находится в середине центрального круга. Под камнем была расположена грунтовая могила овальной формы (1,5×1 м). Еще одна конструкция с двумя вертикальными камнями (высота 1,4 м, диаметр 50–60 см) находится в центре скопления №17 (внутренний круг, размеры 2,5×2,1 м) (рис. 1.-б). Под вертикальными камнями была найдена большая погребальная урна (высота 52,3 см, поздний дзё:мон). Помимо трех каменных кругов структура памятника Комакино включает серию небольших объектов кольцевой, дугообразной и подпрямоугольной формы. Эти объекты расположены как внутри колец, так и за их пределами. В ряде случаев под данными сооружениями фиксируются погребения в грунтовых могилах и погребальных урнах, остатки хозяйственных ям, «дорожки» и жилищные котлованы. Существует мнение, что погребения в керамических сосудах, расположенные на территории внутреннего кольца, принадлежали представителям племенной элиты (вождям или шаманам) [Комакино исэки..., 2006, с. 35–40; Табарев и др., 2017, с. 49–50].

Каменный круг Табата (г. Матида, столичный округ Токио) – это объект овальной формы размерами 9×7 м, относящийся к середине позднего – середине финального дзё:мона (3,5–2,8 тыс. л.н.). Он расположен в восточной части крупного поселения Табата площадью 6 тыс. кв. м, на территории которого зафиксировано 150 жилищных котлованов среднего – финального дзё:мона (5–2,3 тыс. л.н.). Вокруг каменного круга обнаружены 32 грунтовые могилы (размеры от 35×32 см до 2×1,4 м, глубина 30–40 см). Семь могил (2×1 м, глубина 30 см) выделены каменной оградкой, и еще шесть – скоплениями камней (овальной формы, 0,6×0,3 м). В состав каменного круга входит большое количество крупных и мелких камней (ок. 900 валунов, макс. ширина 1–1,5 м), а также девять вертикально поставленных камней (ок. метра высотой) (рис. 1.-в). В восточной части круга (сектор S3) найдено пять крупных каменных жезлов *сэкибо:*, три из них были уложены друг на друга. Всего внутри круга обнаружено 12 фрагментов *сэкибо:* разных размеров. Размеры самого большого достигают 120 см в длину и 25 см в ширину. Благодаря расположению памятника с него хорошо видны гора Фудзи-сан и хребет Тандзава (к западу от памятника). Во время зимнего солнцестояния можно наблюдать заход солнца за гору Хиругатакэ (высота 1673 м) [Абико, 2005].

Национальный исторический памятник Кинсэй расположен в преф. Яманаси. На площади 6 тыс. кв. м локализовано поселение со следами 41 жилища и масштабным ритуальным комплексом. Памятник существовал на протяжении раннего – финального дзё:мона (6,5–2,3 тыс. л.н.). Ритуальный комплекс представляет собой вытянутую с запада на восток каменную конструкцию (размеры 10×60 м), разделенную на четыре зоны. В составе комплекса можно выделить пять скоплений камней (круглой и квадратной формы) и 23 грунтовые могилы. Среди грунтовых могил в 15 случаях фиксируется каменная насыпь (макс. размер 2,7×1,2 м), под 12 скоплениями находились захоронения в каменных ящиках. Внутри комплекса обнаружено восемь скоплений с крупными камнями, вкопанными вертикально либо под наклоном (высотой 1,2–2 м) и несколько скоплений с вертикально поставленными *сэкибо:*. Самый крупный *сэкибо:*, высотой 50 см, был расположен в центре скопления №2 (3×2,3 м). Еще один каменный жезл

(высота 49,5 см, диаметр навершия 25 см) был помещен рядом с двухметровой каменной глыбой в центре скопления круглой формы (диаметр 2,5 м) (рис. 3.-б). Всего на памятнике зафиксировано 82 *сэкибо*: (целые и фрагменты) высотой от 10 до 50 см. В большинстве случаев они имеют завершенную форму – вытянутое овальное или цилиндрическое тулово с навершием в виде полусферы, напоминающей шляпку гриба. Некоторые *сэкибо*: представлены необработанными дацитовыми стержнями [Кинсэй исэки II, 1986, с. 83–115; Табарев и др., 2017, с. 52].

Ритуальные сооружения из дерева эпохи дзё:мон

В отличие от большого количества монументальных каменных комплексов с вертикально поставленным камнем, следы деревянных конструкций, в силу высокой кислотности почвы и плохой сохранности органических материалов, проследить очень трудно. На сегодняшний день на территории Японского архипелага известно около десятка памятников раннего – финального дзё:мона с остатками деревянных столбов. В большинстве случаев это конструкции из шести, восьми или десяти деревянных столбов, расположенных по кругу. Средний диаметр таких конструкций – 6–8 м.

Классическим примером является памятник Саннай Маруяма – крупный поселенческий комплекс общей площадью 243,341 кв. м, который датирован ранним – средним дзё:моном (5–3,9 тыс. л.н.). В состав памятника входят более 700 жилищ, крупный некрополь (300 грунтовых могил и 800 погребальных урн), земляные насыпи и несколько раковинных куч [Иванова, 2014]. В северо-западной части поселения расположено уникальное по своей структуре и форме строение (рис. 2.-а). Это деревянная свайная конструкция на шести опорных столбах (диаметр столбов 1,8 м), высотой ок. 20 м, с тремя ярусами платформ. По мнению исследователей, данное сооружение могло использоваться в качестве астрономической башни [Habu, 2004, p. 108–113].

Еще одним известным памятником, на котором реконструирован масштабный объект (высота 12–15 м) из деревянных столбов, является ритуальный комплекс Маваки, п-ов Ното (рис. 2.-б). Памятник датируется концом раннего – финальным дзё:моном (5,2–2,4 тыс. л.н.). Общая площадь памятника 37 тыс. кв. м. Комплекс Маваки имеет уникальное расположение: с севера, востока и запада его окружают горы, а с юга – Японское море. На территории памятника обнаружены остатки трех крупных деревянных объектов, небольшой могильник (четыре грунтовые могилы, в том числе с костными останками), несколько жилищных котлованов. Археологический материал представлен большим количеством каменных и костяных орудий, керамики, фигурок *догу*: и фрагментом глиняной маски, а также обилием костей животных, в частности, было найдено 285 голов дельфинов. Об особом статусе памятника говорит находка деревянного тотема, изображающего дельфина (длина 2,52 м, макс. диаметр 45 см). Объекты из деревянных столбов представлены двумя вариантами формы – концентрической и линейной. Два объекта («А» и «В») концентрической формы перекрывали друг друга. Конструкция «А» состоит из 14 столбов, из которых 10 расположены по кругу (диаметр 7,5 м) и еще четыре поставлены в ряд по два столба с северо-восточной стороны. Деревянные столбы были распилены пополам. Диаметр столбов 98,6 см, ширина 37 см. Конструкция «В» (диаметр 6,2 м) расположена с юго-западной стороны. Она также состоит из 10 столбов диаметром 38–60 см, шириной 16–24 см. Третий объект, или конструкция «С», состоит из трех столбов, длина конструкции 5,3 м, диаметр столбов 38–53 см, ширина 17–18 см [Такада, 2005; Ямамото, 2009, с. 27–28].

Рис. 2. Реконструкции деревянных сооружений (по: [Такада, 2005]; фото из архива авторов): *а* – памятник Саннай Маруяма, преф. Аомори; *б* – памятник Маваки, преф. Исикава; *в* – комплекс Оою, преф. Акита

На памятнике Оою, помимо двух крупных «каменных кругов», каменных скопленений и выкладок разной формы, имеется также объект из вертикальных деревянных столбов (рис. 2.-*в*). В 30 м к северо-западу от каменного круга Мандза реконструирован сложный объект, состоящий из 50 столбов (высота 1,95 м, диаметр 15 см), расположенных вокруг пяти крупных деревянных столбов (высота 3,45 м, диаметр 30 см). Диаметр конструкции примерно 5 м [Табарев и др., 2017, с. 48].

Символы и атрибуты ритуальной практики эпохи дзё:мон

Важными предметами ритуальной практики эпохи дзё:мон являлись *сэкибо:* (символ мужского начала) и *догу:* (символ женского начала). Обилие поломанных и сожженных фигурок *догу:* и каменных жезлов *сэкибо:* может говорить о намеренных действиях, связанных с проведением обряда.

Антропоморфные фигурки *догу:* являются вторым по своей массовости и территории распространения артефактом ритуального характера, символизирующим эпоху дзё:мон. Первое место занимает керамика. Существует несколько точек зрения на функции *догу:*, среди которых мнение о том, что глиняные фигурки олицетворяют образ женского божества, воплощая в себе верования, связанные с плодородием. По данным на 2012 г., на территории Японского архипелага временными рамками от изначального до финального дзё:мона (13,8–2,3 тыс. л.н.) датировано более 10 тыс. фрагментов *догу:* [Догу: то косумосу, 2012, с. 205–209].

Противоположностью женского начала в образе *догу*: является мужское начало в виде *сэкибо*:. Форма *сэкибо*: напоминает мужской половой орган. В этой связи многие исследователи отождествляют каменные жезлы *сэкибо*: с символом плодородия. Другие специалисты полагают, что *сэкибо*: является атрибутом охотничьих ритуалов, которые проводили исключительно мужчины.

Во времена среднего и позднего дзёмона широкое распространение получили крупные *сэкибо*: (диаметр 10–25 см, длина более метра). Они фиксируются либо внутри скоплений камней – вертикально вкопанные между камней или под скоплениями, либо внутри жилищного пространства. Согласно статистическим данным, опубликованным в 2010 г., на территории северной и центральной Японии зафиксировано 2934 обломка *сэкибо*: (диаметр от 5 см). Данные были собраны по материалам 885 памятников начала среднего – финального дзёмона. Наибольшее количество *сэкибо*: локализовано в преф. Гумма. Второе место занимает преф. Нагано, а третье – Тоба. С точки зрения места обнаружения каменные жезлы в 491 случае располагались внутри жилищных котлованов и в 116 случаях – внутри скоплений камней [Дзёмон дзин-но исигами..., 2010, с. 25–26].

В японской литературе встречается термин «*оогата сэкибо*:», что означает – *сэкибо*: большого размера. В настоящее время на территории Японии известны две уникальных находки типа «*оогата сэкибо*:» – «*большой сэкибо*: Симокубо» (длина 202 см, вес 70 кг, конец среднего дзёмона, преф. Тотиги) и «*большой сэкибо*: Китадзава» (длина 223 см, диаметр 25 см, вес 50 кг, 2-я половина среднего дзёмона, преф. Нагано)

Рис. 3. Каменные жезлы *сэкибо* (по: [Танигути, 2015; Кинсэй исэки II, 1986; Симидзу, 2013]): а – большой *сэкибо*: Китадзава, преф. Нагано; б – *сэкибо*: с памятника Кинсэй, преф. Яманаси; в – клад *сэкибо*: с памятника Мидорикава Хигаси, столичный округ Токио

(рис. 3.-а) [Танигути, 2015]. Обе находки не относятся к конкретному поселению или погребальному комплексу и были обнаружены случайно, во время ремонтно-строительных работ. В 1984 г. *сэкибо*: Китадзава был вписан в реестр культурных ценностей пос. Сакухо и оставлен на своем месте. Считается, что большой *сэкибо*: Китадзава был установлен как символ плодородия и процветания поселений среднего дзэ:мона. *Сэкибо*: Симокубо является частью музейной экспозиции в г. Тотиги.

Помимо этого, к данной категории артефактов относятся находки с таких памятников, как Тадао «А» (длина 184 см, вес 55,7 кг, найден внутри жилищного котлована, середина среднего дзэ:мона, столичный округ Токио), Хаба (длина 155 см, средний – поздний дзэ:мон, преф. Тотиги), Табата (длина 120 см, диаметр 20 см, найден внутри «каменного круга», середина позднего – середина финального дзэ:мона, с. о. Токио), Ясикидзоэ (длина 118 см, диаметр 13 см, найден внутри «каменного круга», 2-я половина среднего – 1-я половина позднего дзэ:мона, преф. Яманаси), Симоякэбэ №1 (длина 113 см, найден внутри жилищного котлована, 2-я половина среднего – поздний дзэ:мон, с. о. Токио), Тама Нью Таун №72 (длина 100 см, вес 60 кг, найден внутри жилищного котлована, середина среднего дзэ:мона, с. о. Токио), Такидзава (длина 100 см, диаметр 20 см, вес 60 кг, найден внутри скопления камней, конец среднего – поздний дзэ:мон, преф. Гумма), Ивай (длина 97,8 см, диаметр 12,8 см, вес 22,8 кг, внутри очажной ямы, поздний дзэ:мон, преф. Тиба), пещерный комплекс Оодзакэй (длина 95 см, средний дзэ:мон, преф. Тояма), раковинная куча Мино (длина 87 см, внутри жилищного котлована, средний – начало позднего дзэ:мона, преф. Тиба) [Дзэ:мон дзин-но исигами..., 2010, с. 23–34].

К находкам *сэкибо*: внутри жилищного пространства следует отнести клад на памятнике Мидорикава Хигаси, который расположен в г. Кунитати столичного округа Токио [Симидзу, 2013]. 2-й половиной среднего – началом позднего дзэ:мона (4,5–3,7 тыс. л.н.) датированы остатки структуры с каменным полом и кладом из четырех крупных *сэкибо*: (рис. 3.-в). Наземные жилища с каменным полом появляются в данном регионе на рубеже среднего и позднего дзэ:мона. Однако объект, зафиксированный на памятнике Мидорикава Хигаси, отличался от типичных комплексов этого времени. Жилище имело котлован округлой формы глубиной 60 см и размерами 3,2×3,1 м. Край котлована был укреплен двумя рядами камней. Поверхность котлована была вымощена крупными камнями. В северо-восточной части объекта были раскопаны четыре крупных *сэкибо*: (длина 103,6–112,5 см, ширина 12,95–13,9 см, вес 22–30,8 кг), изготовленные из андезитовых «шестигранников». *Сэкибо*: располагались двумя группами, с небольшим промежутком между ними (ок. 30 см.). Два стрелы находились в северо-западной стороне и два – в юго-восточной. Кроме того, *сэкибо*: в северо-западной части котлована имели голубоватый оттенок, а юго-восточная группа – красноватый оттенок. Отличительной особенностью данных *сэкибо*: является форма наверхшия. Они были вырезаны в виде полусферы, напоминающей шляпку гриба. В трех случаях *сэкибо*: имеют наверхшие, состоящее из двух уровней, и небольшие различия в деталях «шляпок».

Мегалитические комплексы островной части Тихоокеанского бассейна

Мегалитические традиции (дзэ:монская, яёйская, кофунская), выделенные на островах Японского архипелага, являются частью большого ансамбля мегалитических конструкций и комплексов Тихоокеанского бассейна. Отметим лишь несколько из них, имеющих, во-первых, достаточно древнее происхождение и, во-вторых, демонстрирующих яркие примеры вертикальных символов – каменных стел, мегалитов, деревянных идолов и тотемных столбов.

Ближайший к Японскому архипелагу район – остров Тайвань. Появление мегалитических комплексов там связано с миграцией носителей неолитической культуры с континентальной части Китая. Подавляющая часть мегалитов сосредоточена на восточном побережье острова и датируется по сопровождающей керамике (с веревочным орнаментом и красно-крашенной посудой) от 4,5 тыс. л.н. Первые научные описания и фотографии этих комплексов относятся еще к концу XIX в. (1894 г.), они сделаны японским исследователем Торией Рю:дзо:, затем памятники с мегалитами изучали другие японские археологи – Кано Тадао в 1920–1930-х гг., а также Канасэки Такэо и Какубу Наоити незадолго до окончания Второй мировой войны в январе 1945 г. [Комисаров и др., 2012]. Среди проектов 1960-х гг. следует отметить работы американского археолога Р. Пирсона. В связи с тем, что в ходе последующего хозяйственного освоения восточного побережья, строительных и земледельческих работ значительная часть мегалитов была разрушена, эти пионерные исследования имеют большое значение. Из них следует, что вертикальные мегалиты отличались по размерам (от 1,5 до 3,8 м высотой) и внешнему виду – с выемками (так называемые лунные камни), с одним или двумя отверстиями в верхней части, с выступами или углублениями, с выделенными «плечиками», что может указывать на антропоморфный характер изображения. Упоминаются одиночные, парные и групповые комплексы (рис. 4.-а). Данное разнообразие

Рис. 4. Вертикальные символы в культурах тихоокеанского бассейна (по: [Messages in Stone, 1998]; фото из архива авторов): а – мегалитический комплекс Пейнан на восточном побережье о. Тайвань; б – современные образцы «тиморской резьбы», о. Бали, Индонезия; в – «Древо жизни», о. Флорес, Индонезия; г – «Древо жизни», Восточный Тимор

порождает и различные версии об их назначении – территориальные маркеры, астрономические центры, символы социального статуса, изображения духов, а также исключительно практическое использование – в качестве опор для жилищ [Pearson, 1968].

Юго-Восточная Азия, и в особенности ее островная часть (Филиппины, Индонезия, Малайзия, Восточный Тимор) являются еще одним интереснейшим районом с весьма древней традицией возведения мегалитов (как минимум – с рубежа эр) и с еще более древней традицией изготовления деревянных идолов и тотемных столбов: находки инструментов (из камня, обсидиана и раковин) для обработки дерева датируются началом голоцена (10–9 тыс. л.н.). Всемирную известность получила так называемая тиморская резьба по дереву – искусство изготовления украшений, мебели, а также крупных композиций по мотивам тихоокеанской мифологии (маски, щиты, скульптуры, тотемные столбы) (рис. 4.-б). Наиболее известны работы мастеров островов Атауро и Флорес, а также народа асма в юго-западной части Новой Гвинеи (Индонезия) [Messages in Stone, 1998; Van der Zee, 2007]. Асма, в частности, практиковали изготовление тотемных столбов («Бис») по случаю преждевременной смерти соплеменника, ставшего жертвой «охотников за головами». Специальные мастера из цельного ствола дерева вырезали ярусную конструкцию из человеческих фигур и животных высотой до 7–8 м. Вершина столба копировала нос каноэ, на котором «беспокойный дух убитого» должен был отправиться через море в загробный мир. На островах Флорес и Атауро тотемные столбы («Древо жизни») высотой 3–4 м воздвигались в священных местах или напротив домов церемоний (рис. 4.-в-г), их ветви (две, три, пять или семь) и ствол символизируют дуальные образы тиморской мифологии («низ – верх», «земля – небо», «мужское – женское» и т.д.) или, в других случаях, количество семей или кланов в данном поселении. Они могут также маркировать погребения, сочетать изображения человека и различных животных, в первую очередь крокодила – «прародителя» тиморцев.

Удивительные аналогии тиморским «ярусным» тотемным столбам обнаруживаются на противоположной стороне Пасифики – в культуре мантенья-уанкавилка (Эквадор), которая датируется временем VII–XVI вв. Название «мантенья» относится к племенам, проживавшим в границах современной провинции Манаби, а термин «уанкавилка» – к аборигенам, поселившимся на территории провинций Санта-Элена (одноименный полуостров), Гуаяс и южной части Манаби. Прямые потомки этих народов проживают на данной территории и сейчас. Археологические раскопки поселений мантенья сопровождались находками эффектных «каменных тронов», стел и скульптурных изображений. Наряду с этим интерес представляют и уникальные деревянные тотемы («геральдические столбы»), выполненные из цельных стволов дерева гуасанго (*Loxopterigium huasango*), отличающегося исключительной твердостью. В пределах п-ова Санта-Элена геральдические столбы зафиксированы лишь на двух памятниках. Самый известный обнаружен еще в 1934 г. на холме Лос-Сантос, где сохранились остатки рукотворной платформы диаметром ок. 40 м. В центре платформы располагался ритуальный комплекс из каменных и деревянных скульптур. Одна из каменных скульптур изображала существо с головой ягуара. Там же были найдены три деревянных столба. Два столба сохранились фрагментарно, а один – целиком. Последний представляет собой вертикально расположенную композицию высотой 8,5 м. Она состоит из 32 человеческих фигур (мужских и женских) и двух крокодилов на верхушке. Тотем установлен в музее г. Гуаякиль. Другой реставрированный столб, высотой ок. 4 м, экспонируется в музее

в г. Ла-Либерта. Кроме того, фрагменты основания еще одного столба были найдены при раскопках памятника Лома-де-лос-Кангрехитос, его возможная высота ок. 3 м [Табарев, 2015]. Вероятнее всего, данные инсталляции выполняли роль территориальных маркеров, а также элементов ритуальных центров мантенья-уанкавилка.

Заключение

Таким образом, древние культуры тихоокеанского бассейна демонстрируют исключительное разнообразие ритуальных конструкций, центральное место в которых играли разноразмерные «вертикальные символы» (из камня и дерева) с ярусными композициями, отражающие дуальные сюжеты социальных структур, мифологии и мировосприятия.

Мы выражаем искреннюю благодарность доктору Такаси Цуцуми (Музей дзэ:мона Асама, преф. Нагано) за помощь с литературой и ценные комментарии по сюжетам настоящей статьи.

Библиографический список

- Абико С. Комплекс с каменным кругом и каменными выкладками Табата, Токио // Дзэ:мон ран-до сукэ:пу (Пейзажи эпохи дзэ:мон). Токио : UM Promotion, 2005. С. 151–160 (на яп. яз.).
- Акимото Н. Молитвы людей эпохи дзэ:мон у выложенных камней: каменные круги Оою // Исэ-ки о манабу (Изучая памятники). Токио : Синсэнся, 2005. Вып. 17. 96 с. (на яп. яз.).
- Дзэ:мон дзин-но исигами – О:гата сэкибо: ни миру сайги ко:й (Каменные боги людей эпохи дзэ:мон: ритуальные действия, связанные с сэкибо: больших размеров). Токио : Кокугакуин дайгаку кэнкю: кайхацу суйсин кико: гакудзюцу сирэ:кан ко:когаку сирэ:кан бумон, 2010. 140 с. (на яп. яз.).
- Догу: то косумосу (Догу: и космос) / Музей Михо. Токио : Хатори, 2012. 341 с (на яп. яз.).
- Иванова Д.А. Поселенческие комплексы культуры дзэмон (на примере памятника Саннай Маруяма) // Материалы 52-й Междунар. науч. студ. конф. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2014. С. 50–51.
- Иванова Д.А. «Каменные круги» эпохи дзэмон: причины возникновения и особенности конструкции // Восьмье Гродековские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. Т. III. С. 135–139.
- Имафуку Р. Памятники эпохи дзэ:мон района Тюбу // Дзэ:мон рандо сукэ:пу (Пейзажи эпохи дзэ:мон). Токио : UM Promotion, 2005. С. 161–166 (на яп. яз.).
- Кинсэй исэки II (дзэ:мон дзидай-хэн). Кэнгэн ходзэ:сэйби дзигэ: ни томонау хаккуцу тэ:са хо:коку-сэ (Памятник Кинсэй (эпоха дзэ:мон). Археологический отчет о проведении работ, в связи с развитием муниципальной территории). Кофу : Яманаси-кэн кё:ику иинкай, 1986. Вып. 41. 325 с. (на яп. яз.).
- Комакино исэки хаккуцу тэ:са хо:коку-сэ (Археологический отчет о проведении работ на памятнике Комакино). Аомори : Аомори-си кё:ику иинкай, 2006. Вып. 85. 192 с. (на яп. яз.).
- Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А. О значении тайваньских мегалитов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 152–155.
- Ницу Т. Памятники высокогорного региона Тюбу // Кикан ко:когаку – Нихон-но судо:н са:куру (Квартальная археология – Каменные круги Японии). 2007. Вып. 101. С. 69–75 (на яп. яз.).
- Симидзу А. Памятник Мидорикава Хигаси г. Кунитати с. о. Токио – Археологические остатки жилища с каменным полом и кладом из четырех крупных сэкибо: // Кикан ко:когаку – Дзэ:мон бунка-но кё:кай (Квартальная археология – Границы культуры дзэ:мон). 2013. Вып. 125. С. 99–104 (на яп. яз.).
- Табарев А.В. Каменные и деревянные изваяния в культуре мантенья-уанкавилка, Эквадор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 405–408.
- Табарев А.В., Иванова Д.А., Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. Дзэмонская традиция монументальных сооружений на Японском архипелаге: истоки, особенности, распространение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 54(4). С. 45–55. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.045-055.

Такада К. Представление о доме и деревне эпохи дзё:мон: памятник Госёно // Исэки о манабу (Исучая памятники). Токио : Синсэнся, 2005. Вып. 15. 93 с. (на яп. яз).

Такада Х. Памятник Маваки, префектура Исигава // Дзё:мон рандо сукэ:пу (Пейзажи эпохи дзё:мон). Токио : UM Promotion, 2005. С. 191–198 (на яп. яз.).

Танигути Я. Места, где были оставленные сэкибо: (каменные жезлы) больших размеров // Гэккан ко:когаку дзя:нару (Ежемесячный археологический журнал), 2015. №678. С. 3–7 (на яп. яз.).

Тогаси Х. Памятник Атия Дайра, префектура Ниигата // Дзё:мон рандо сукэ:пу (Пейзажи эпохи дзё:мон). Токио : UM Promotion, 2005. С. 178–187 (на яп. яз.).

Ямамото Н. Региональная специфика племенных образований финального дзё:мона, наблюдаемая по концентрическим комплексам из вертикальных деревянных столбов // Нагоя дайгаку бунгаку бу кэнкю: ронсю: – сигаку (Журнал факультета литературы, университета Нагоя: История). 2009. Вып. 55. С. 25–38 (на яп. яз.).

Habu J. Ancient Jomon of Japan / Ed. Rita P. Wright. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 332 p. Messages in Stone: statues and sculptures from tribal Indonesia in the collections of the Barbier-Mueller Museum. Geneva (CH) : Musée Barbier-Mueller, 1998. 208 p.

Pearson R. Archaeological Investigations in Eastern Taiwan // Asian Perspectives. 1968. Vol. XI. P. 137–156.

Van der Zee P. Bisj-poles: sculptures from the rain forest. Amsterdam : KIT Publishers, 2007. 119 p.

Reference

Abiko S. Tōkyō-to Tabata kanjō tsumiishi ikō [Tabata Stone Circle, Tokyo]. Jōmon rando sukēpu [Jōmon Landscape]. Tokyo : UM Promotion, 2005. Pp. 151–160 (In Japanese).

Akimoto N. Ishi ni kometa jōmonjin no inori – Ōyu kanjōresseki [Jōmon People's Players Put in Stone – Ōyu Stone Circle]. Iseki o manabu [Learn the Ruins]. Tokyo : Shinsensha, 2005. Vol. 17. 96 p. (In Japanese).

Jōmon jin no ishigami – Ōgata sekibō ni miru saigi kōi [The Stone Gods of Jōmon People – Ritual Activities Seen in Large Stone Rods]. Tokyo : Kokugakuin daigaku kenkyū kaiatsu suishin kikō gakujutsu shiryōkan kōkōgaku shiryōkan bumon, 2010. 140 p. (In Japanese).

Dogū to kosumosu [Dogū, a Cosmos] / Miho Museum. Tokyo : Hatori, 2012. 341 p. (In Japanese).

Ivanova D.A. Poselencheskíe komplekсы kul'tury jōmon (na primere pamyatnika Sannai Maruyama) [Settlement Complexes of Jōmon culture (on the example of Sannai Maruyama site)]. Materialy 52-i Mezhdunar. nauch. stud. konf. [Materials of 52th International Student Scientific Conference]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 2014. Pp. 50–51.

Ivanova D.A. «Kamennye krugi» epokhi jōmon: prichiny vozniknoveniya i osobennosti konstrukt-sii [“Stone Circle” of Jōmon Period: the Reason of Appearance and Features of Structure]. Vos'mye Grodekovskie chteniya : Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine [The Eighth Grodekov Readings. Materials of International Scientific Conference, Dedicated to the 70-th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Khabarovsk : Khabarovskii kraevoi muzei im. N. I. Grodekova, 2015. Vol. III. Pp. 135–139.

Imafuku R. Chūbu chihō no jōmon kinen-mono [Jōmon Monuments in Central Japan]. Jōmon rando sukēpu [Jōmon Landscape]. Tokyo : UM Promotion, 2005. Pp. 161–166 (In Japanese).

Kinsei iseki II (jōmon jidai-hen). Ken'ei hojōseibi jigyō ni tomonau hakkutsu chōsa hōkoku-sho [Kinsei II Site (Jōmon Period). Excavation Report in Connection with the Development of the Prefectural Territory]. Kofu : Yamanashi-ken kyōiku iinkai, 1986. Vol. 41. 325 p. (In Japanese).

Komakino iseki hakkutsu chōsa hōkoku-sho [Komakino Site Excavation Report]. Aomori : Aomori-shi kyōiku iinkai, 2006. Vol. 85. 192 p. (In Japanese).

Komissarov S.A., Azarenko Yu.A. O znachenii taivan'skikh megalitov [On the Significance of Taiwan Megaliths]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 152–155.

Niitsu T. Chūbu sangaku chihō no syōiseki [Sites with Stone Circle of Central Mountain Region]. Kikan kōkōgaku – Nihon-no sutōn sākuru [Quarterly Archaeology – Japanese Stone Circle]. 2007. Vol. 101. Pp. 69–75 (In Japanese).

Shimizu A. 4-pon no ōgata sekibō o tomonau shikiishi ikō – Tōkyō-to Kunitaich-shi Midorikawa Higashi iseki [Remains of Stone-paved Floor Dwelling with Four large Stone Rods]. *Kikan kōkogaku – Jōmon bunka no kyōkai* [Quarterly Archaeology – The Boarder of Jōmon Culture]. 2013. Vol. 125. Pp. 99–104 (In Japanese).

Tabarev A.V. Kamennye i derevyannye izvayaniya v kul'ture manten'ya-uankavilka, Ekvador [Stone and Wooden Statues in the Culture of the Mantegna-Huancacuilca, Ecuador]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2015. Vol. XXI. Pp. 405–408.

Tabarev A.V., Ivanova D.A., Nesterkina A.L., Solovieva E.A. Dzemonckaya traditsiya monumental'nykh sooruzhenii na Yaponskom arhipelage: istoki, osobennosti, rasprostranenie [The Jōmon Megalithic Tradition in Japan: Origins, Features, and Distribution]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2017. Vol. 54(4). Pp. 45–55. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.045-055.

Takada K. Jōmon no ie to mura no fūkei – Goshono iseki [Landscape of Home and Village on Jōmon Culture – Goshono site]. *Iseki o manabu* [Learn the Ruins]. Tokyo : Shinsensha, 2005. Vol. 15. 93 p. (In Japanese).

Takada H. Ishikawa-ken Mawaki iseki [Mawaki Site, Ishikawa Prefecture]. *Jōmon rando sukēpu* [Jōmon Landscape]. Tokyo : UM Promotion, 2005. Pp. 191–198 (In Japanese).

Taniguchi Ya. Ōgata sekibō no nokosare-kata: Hōki-ji no jōkyō to kōi no patān (tokushū jōmon jidai no ōgata sekibō) [Depositional Patterns and Processes of Jōmon Sekibō (Large Stone Rod)]. *Gekkan kōkogaku jānaru* [Monthly Archeology Journal], 2015. Vol. 678. Pp. 3–7 (In Japan.).

Togashi H. Nīgata-ken Achiyadaira iseki [Achiyadaira Site, Niigata Prefecture]. *Jōmon rando sukēpu* [Jōmon Landscape]. Tokyo : UM Promotion, 2005. Pp. 178–187 (In Japanese).

Yamamoto N. Kanjō mokuchūretsu kara mita jōmon jidai banki no chiiki shakai [On the Community Considered by the Wood Circle of the Final Jōmon Period]. *Nagoya daigaku bungakubu kenkyū ronshū. Shigaku* [The Journal of Faculty of Literature, Nagoya University. History]. 2009. Vol. 55. Pp. 25–38 (In Japanese).

Habu J. *Ancient Jomon of Japan* / Ed. Rita P. Wright. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 332 p. *Messages in Stone: Statues and Sculptures from Tribal Indonesia in the Collections of the Barbier-Mueller Museum. Geneva (CH) : Musée Barbier-Mueller, 1998. 208 p.*

Pearson R. *Archaeological Investigations in Eastern Taiwan // Asian Perspectives. 1968. Vol. XI. Pp. 137–156.*

Van der Zee P. *Bisj-poles: Sculptures from the Rain Forest. Amsterdam : KIT Publishers, 2007. 119 p.*

A.V. Tabarev, D.A. Ivanova

Institute of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk, Russia

STRUCTURE, SIMBOLISM AND ATTRIBUTIONS OF THE RITUAL COMPLEXES DURING THE JŌMON PERIOD ON THE JAPANESE ARCHIPELAGO

Stone Age art of the Japanese Archipelago is tightly connected with the variety of ritual features dated by the Final Paleolithic – Jōmon periods (14–2,300 BP). By their scale they could be divided into “macro-complexes” (rings of stone, mounds, shell-mounds), and “micro-complexes” (sets of artifacts within the dwellings, burials, and caches). In its turn, within macro-complexes (Hokkaido and Honshu Islands) there are structures with horizontal and vertical orientation; they are accompanied by numerous finds of clay figurines, fragments of vessels with anthropomorphic and zoomorphic symbols, and adornments of soft stones. Stone mazes (“sekibō”) are of special value: their sizes vary from several centimeters to 2,5 meters; they were found both in micro- and macro-complexes. In spite of the acidic soils which used to destroy the organics, multiple traces of pits and variety of wood-working tools allow suggesting that vertical megaliths were accompanied and even antedated by the series of wooden constructions. Japanese materials, from one side, fit well with the Eurasian context of vertical megaliths and wooden idols, and, from the other, correlate with the ancient cultures of the Pacific basin (Southeast Asia, Oceania, North- and South American coasts) with long-term traditions of stone and wooden totem poles with level-type representation of symbols and mythological personages.

Key words: Pacific basin, Japanese Archipelago, Jōmon, stone rings, sekibō, totem poles.

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 903(517.3)+069.02:7

Ю.И. Елихина

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

НЕКОТОРЫЕ НАХОДКИ ИЗ МОНАСТЫРЯ САРЬДАГ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

В статье дается описание небольшой коллекции находок из монастыря Сарьдаг, находящегося у истоков р. Толы. Эти находки являются подъемным материалом, собранным в тех местах П.А. Витте в 1915 г. В 1916 г. все 78 артефактов были переданы в Эрмитаж. Этот материал до сих пор остается не описанным и не введенным в научный оборот. В основном это архитектурные украшения и детали, фрагменты глиняных изображений Будды и керамики. Считается, что формы для глиняных скульптур пяти татхагат были изготовлены Ундур-гэгэном, а сам монастырь на протяжении более 150 лет являлся кочевой столицей Монголии. Образы пяти татхагат являются весьма важными для буддийской космологии, философии и иконографии. Особенно интересны фрагменты голов локальных божеств и черепица золотисто-бежевого цвета. Датируются собранные артефакты XVII в. Находки представляют собой массовый археологический материал. Недавно на развалинах монастыря работали монгольские археологи из Института истории и археологии Монгольской академии наук.

Ключевые слова: монастырь Сарьдаг, Ундур-гэгэн, буддизм, археология, татхагаты, черепица, архитектурные фрагменты.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-12

Введение

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся 79 предметов (инв. №МР-2755–2824; 2922–2929), происходящие из развалин монгольского буддийского монастыря Сарьдаг (монг. – Сарьдагийн хийд). Этот монастырь был основан в 1639 г. и имел название «Великий монастырь Учения» (монг. – Номын их хүрээ), затем «Ставка хутухты» (монг. – Хутагтын хүрээ). В 1654 г. Дзанабадзар основал храм б'Рай бун-гэчи-гандан-шабду-лин.

В 1680 г. в целом строительство завершилось, но только в 1686 г. ламы провели обряд освящения, равнай (тиб. gab gnas).

В 1687 г. в результате войны с ойратами монастырь был оставлен. И только в 1706 г. его отреставрировали.

Монастырь считается кочевой столицей Монголии, из которой впоследствии и возникла Урга. Самое раннее упоминание об Урге имеется в летописи «Эрдэнийн эрихэ» и относится к 1649 г. Ундур-гэгэн, возвратившись из Тибета, разделил монастырь на семь частей, сделав его своей ставкой. Это было удобно и в административном отношении, и в определении обязанностей лам [Позднеев, 1896, с. 64].

А.М. Позднеев полагал, что с того времени монастырь стал резиденцией Ундур-гэгэна, но постоянно он в нем не жил. Хотя именно там Дзанабадзар изготовил формы для скульптур пяти татхагат. Они изображены в виде Будд и без атрибутов. Статуэтки делали из глины в большом количестве, затем раскрашивали. На некоторых из них сохранились незначительные следы краски. Они имеют характерные особенности, присущие работам Дзанабадзара: у Будд хорошо сложенные пропорциональные фигуры, широкие массивные плечи, короткие шеи, длинные пальцы рук, большие пальцы ног немного отогнуты в сторону. Эти глиняные скульптуры значительно отличаются от другой подобной монгольской пластики и совершенством форм, и качеством изготовления.

В конце XIX в. А.М. Позднеев [1896, с. 65–68] на основании сведений из «Эрдэнийн эрхэхэ» описал историю монастыря и его связь с Ургой. Сейчас это общепринятое мнение [Эрдэнэбат, 1995, с. 74–75; Ломакина, 2006, с. 15–18].

В 1915–1916 гг. здесь побывал ученый-мелиоратор П.А. Витте*, в 1922 г. – В.И. Лисовский** и Бат-Очир. В.И. Лисовский описал эти места в журнале «Землеведение» за 1927 г. В 1966 г. археолог и историк Х. Пэрлээ издал небольшую монографию «Монгол ард улсын эрт дундад үеийн хот суурины товчоон» (История городов и поселений монголов раннего средневековья). В 1987 г. и 1990 г. местность исследовал архитектор Б. Даажав, в 1993 г. – этнограф С. Бадамхатан, в 1994 г. – Г. Эрдэнэбат, директор музея Центрального аймака с сотрудниками. В 1995 г. развалины монастыря изучили сотрудники Института истории и музея Центрального аймака [Эрдэнэбат, 1995, с. 67–69].

У. Эрдэнэбат [1995, с. 70–77] в своей статье описал находки, остатки семи построек и трех субурганов, дал прорисовки некоторых находок и план монастыря.

С 2013 по 2016 гг. там работала экспедиция Института истории АН МНР.

В 2015 г. в Монголии широко отмечали 380-летие Богдо-гэгэна Дзанабадзара, была организована международная конференция, посвященная этому событию, и несколько выставок. На выставке в музее Дзанабадзара экспонировались некоторые работы выдающегося мастера и археологические находки из монастыря Сарьдаг.

В инвентарной книге Государственного Эрмитажа находки из монастыря Сарьдаг числятся как коллекция Бяшкова, которая была собрана в 1916 г. Предметы происходят из развалин монастыря у истоков р. Толы. Экспедиционные номера эти находки имеют от В-572 до В-790, но не подряд, а с пропусками. Можно предположить, что эта часть археологической коллекции П.А. Витте дошла до нас не полностью.

Вероятно, эти артефакты собрал П.А. Витте, а потом передал Бяшкову, который по информации Е.В. Бойковой был энтомологом, участником какой-то естественно-научной экспедиции.

* Петр Александрович Витте (1873–1953) – сотрудник монгольского правительства по организации государственных имуществ Монголии, начальник экспедиции по исследованию скотоводства и пастбищ. В 1915 г. провел первое статистическо-экономическое исследование страны, а в 1918 г. – первую в истории перепись населения и скота. С 1914 по 1916 г. им были организованы пять экспедиций по статистико-экономическому и естественно-историческому изучению Монголии. В результате их деятельности был собран обширный материал по экономике и природным ресурсам значительной части страны, произведен анализ почв, подсчитаны запасы лесов и растительных кормов, собраны богатейший гербарий и геологическая коллекция, проведены метеорологические наблюдения и др. Он проработал на этом посту до октября 1918 г., когда должность финансового советника была упразднена монгольским народным правительством. Большую же часть материалов П.А. Витте отправил в Ургинскую контору Центросоюза. Их судьба оказалась весьма драматичной: геологическая коллекция и гербарий погибли во время оккупации Урги китайскими гоминями, статистические материалы были рассеяны по разным учреждениям, когда власть в Урге перешла к барону Р.Ф. фон Унгерн-Штернбергу. В 1922 г., после стабилизации политической ситуации в стране, П.А. Витте, который в это время жил в Иркутске, попытался спасти материалы экспедиции. С этой целью он обратился к И.М. Майскому (1884–1975, академик с 1946 г.), тогда председателю Сибирского Госплана, с просьбой поспособствовать его командировке в Монголию. Насколько нам известно, поездка эта так и не состоялась. Уникальные данные по обследованию Монголии в 1915–1917 гг. до сих пор полностью не восстановлены. Сегодня монгольские ученые придают большое значение изучению материалов этой экспедиции, чтобы выяснить реальную картину состояния монгольского общества после обретения страной независимости от цинского Китая. В настоящее время часть материалов экспедиции хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН в Санкт-Петербурге [Юсупова, 2018, с. 41, 42, 63, 88].

** Владимир Иванович Лисовский (1888–1958) – инженер-мелиоратор, приехал в Монголию в 1915 г. по приглашению П.А. Витте. Затем он работал в Ученом комитете, где принимал активное участие в экспедиционных исследованиях, в создании картографического кабинета, музея и библиотеки.

Материалы исследования и их обсуждение

Находки из коллекции Эрмитажа представляют собой архитектурные фрагменты, черепицу, керамику, фрагменты буддийской скульптуры. Все они являются подъемным материалом, собранным на месте. Они датируются с 1639 по 1680 г.

Фрагменты буддийской глиняной скульптуры. Представлены 33 артефактами из коллекции Эрмитажа и являются изображениями пяти татхагат (тиб. de bzhin gshegs pa – «тот, кто видит мир, таким, каков он есть»). Можно встретить еще термин «Дхьяни-будды» («Будды созерцания, или медитации»), возникший в XIX в. в среде буддологов. Доктрина пяти татхагат была впервые описана в самом раннем из известных текстов тантр «Гухьясамаджа-тантре» (III в.). Вайрочана, центральный Будда, имеющий тело белого цвета, преобразует базовое омрачение – неведение, главную причину возникновения страдания в мирах сансары*. Оно трансформируется во всепроникающую мудрость. Символ его семейства – колесо Учения (чакра). Чистая Земля Будды Вайрочаны – Акашишта. В системе тантр Вайрочана соотносится со скандхой** сознания.

Ратнасамбхава соотносится с южным направлением, преобразует гордость в мудрость равенности. Будда желтого цвета, его правая рука опущена вниз, касается земли, открытая ладонь обращена наружу в жесте высшего даяния. Символ его семейства – драгоценность (ратна). Ратнасамбхава соотносится со скандхой ощущений.

Акшобхья соотносится с восточным направлением, преобразует гнев в зеркало-подобную мудрость. Он синего цвета, его правая рука касается земли. Символ его семейства – ваджра. В системе тантр Акшобхья соотносится со скандхой формы.

Амогхасиддхи – зеленого цвета, его поднятая до уровня груди правая рука символизирует бесстрашие. В аспекте элементов ему соответствует воздух. Символ его семейства – меч. В системе тантр он соотносится со скандхой воли и опыта.

Амитабха соотносится с западным направлением, трансформирует привязанность в различающую мудрость. Символ его семейства – лотос. В аспекте элементов ему соответствует огонь. В системе тантр Амитабха соотносится со скандхой представления. Чистая Земля Будды Амитабхи – Сукхавати.

К сожалению, ни одной целой скульптуры в собрании не представлено (рис. 1; инв. №МР-2789, размер 7,5 см). На одном фрагменте сохранился жест рук бодхиагри-мудра, характерный для Вайрочаны. Это мудра символизирует достижение бодхи (просветление), так называемый «кулак мудрости». Руки другого фрагмента скульптуры расположены в жестах бесстрашия (абхья) и меди-

Рис. 1. Фрагмент глиняной статуэтки Будды, инв. №МР-2789, размер 7,5 см. Фотоснимок автора

* Сансара, или самсара, – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

** Скандхи (санск. pañcaskandhī) – совокупность пяти типов опыта, из которых состоит наше кажущееся реальным «я».

Рис. 2. Фрагмент архитектурного украшения с изображением локального божества, инв. №МР-2756, размер 14 см.
Фотоснимок автора

тации (дхьяна), свойственных для Амогхасиддхи. Всего в коллекции имеется 33 фрагмента статуэток.

Архитектурные украшения храмов. Наиболее выразительны фрагменты лиц, являвшихся частью архитектурных украшений храмов. Вероятно, они представляли какие-то локальные божества, охранявшие эту местность. В монгольском каталоге опубликованы четыре разных изображения. На двух лицах сохранилось обозначение третьего глаза, а еще один лик имеет гневный облик и приоткрытый рот [Эрэгзэн и др., 2015, с. 14]. Они были раскрашены. В коллекции Эрмитажа хранятся пять фрагментов подобных образов, наиболее выразительны два из них. Рассмотрим один из них (рис. 2; инв. №МР-2756, размер 14 см), лицо сохранилось приблизительно на три четверти, утрачены правая часть лба и глаза. Лицо узкое и длинное, разрез глаз европейский, глаза большие, нос широкий, курносый, лоб высокий, морщинистый, губы сжаты в полуулыбке, подбородок узкий, выдается вперед. На лице сохранились следы белой краски.

Черепица. Интересны и фрагменты черепицы, они представляют собой кровельные архитектурные украшения, покрытые золотисто-коричневой, зеленой и желтой глазурью. Если черепица зеленого и желтого цвета была характерна для дворцов XIII–XIV вв. в Каракоруме и Кондуге, то золотисто-коричневую исследователи не находили.

Встречаются и сероглиняные образцы, наиболее интересным является концевой диск с символом калачакры (тиб. *gnam-bcu dbang-ldan*), «обладающая десятью силами», название мистической формулы, которая состоит из семи слогов алфавита ланча и трех символических знаков. Аналогичная черепица была найдена и монгольской экспедицией [Эрэгзэн и др., 2015, с. 13].

Еще одно подтреугольное завершение плоской черепицы, украшенной рельеф-

Рис. 3. Фрагмент серо-глиняной черепицы, инв. №МР-2785, размер 21×9,5×10 см. *Фотоснимок автора*

ным растительным орнаментом (рис. 3; инв. №МР-2785, размер 21×9,5×10 см), не имеет аналогов среди находок монгольской экспедиции.

Кроме того, в коллекции Эрмитажа представлены клин для черепичной кровли, два куска известки со следами красной краски, пять фрагментов сосудов, два фрагмента кирпичей и еще некоторые архитектурные детали.

Заключение

Представленные предметы из коллекции Государственного Эрмитажа не были опубликованы и введены в научный оборот. По сравнению с находками экспедиции Института истории Монголии они не столь значимы, но представляют собой определенный интерес в качестве массового археологического материала, происходящего из буддийского монастыря Сарьдаг XVII в.

Библиографический список

Ломакина И.И. Монгольская столица, старая и новая. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2006. 293 с.

Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки, исполненной в 1892–1893 гг. Дневник и маршрут 1892 г. СПб. : Типография императорской Академии Наук, 1896. Т. I. 696 с.

Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество. Становление, развитие и основные результаты 1921–1961. СПб. : Нестор-История, 2018. 312 с.

Эрэгзэн Г., Хатанбаатар Н., Уртнасан Э., Цэрэнбямба Х. Номын Их Хүрээг нээсэн нь: Сарьдагийн хийдийн судалга. Үзэсгэлэнгийн каталоги (Открытие монастыря Номын Их Хүрээ: изучение монастыря Сарьдаг : Каталог выставки). Улаанбаатар, 2015.

Эрдэнэбат У. Сарьдгийн хийд // Түүхийн судлал. *Studia Historica* (Монастырь Сарьдаг // Исторические труды). *Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*. Tomus XIX, Fasc. 1–15, Улаанбаатар хот, 1995. С. 67–77.

References

Lomakina I.I. Mongol'skaya stolica, staraya i novaya [Mongolian Capital, Old and New]. M. : Tovari chestvo nauchnyh izdanij KMK, 2006. 293 p.

Pozdneev A.M. Mongoliya i mongoly. Rezul'taty poezdki, ispolnennoj v 1892–1893 gg. Dnevnik i marshrut 1892 g. T. I [Mongolia and the Mongols. The Results of a Trip Completed in 1892–1893. Diary and Route of 1892]. SPb. : Tipografiya imperatorskoj Akademii Nauk, 1896. Vol. I. 696 p.

Yusupova T.I. Sovetsko-mongol'skoe nauchnoe sotrudnichestvo. Stanovlenie, razvitie i osnovnyye rezul'taty 1921–1961 [Soviet-Mongolian Scientific Cooperation. Formation, Development and Main Results 1921–1961]. SPb. : Nestor-Istoriya, 2018. 312 p.

Eregzen G., Hatanbaatar N., Urtnasan E., Cerenbyamba H. Nomin Ih Hyreeg neesen n': Sar'dagijn hijdijn sudalga. Yzesgelengijn katalogi [Opening of the Monastery Nomin Ih Khree: Study of the Sardag Monastery: Exhibition Catalog]. Ulaanbaatar, 2015.

Erdenebat U. Sar'dgijn hijd [Sardag Monastery]. Түүхийн судлал [Historical works]. *Studia Historica*. *Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*. Tomus XIX, Fasc. 1–15, Ulaanbaatar hot, 1995. Pp. 67–77.

Yuliya I. Elikhina

State Hermitage Museum, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

SOME FINDS FROM THE MONASTERY OF SARDAG STORED IN THE STATE HERMITAGE

The article describes a small collection of finds from the monastery of Sardag at the head of the river Tola. These finds are surface material collected in the area by P.A. Vitte in 1915. In 1916, all seventy-eight artifacts were transferred to the Hermitage Museum. This material still has not published and introduced into scientific circulation. There are mainly architectural decorations and details, fragments of clay images of Buddhas, and ceramics. It is believed that the forms for clay sculptures of five Tathagats were made by Undur-gegen, and the monastery itself was the nomadic capital of Mongolia for more than one hundred and fifty years. The images of the five Tathagats are very important for Buddhist cosmology, philosophy and iconography. The fragments of the heads of local deities and the tiles of a golden-beige color are particularly interesting. These artifacts date back to the 17th century. The finds are massive archaeological material. Recently, Mongolian archeologists from the Institute of History worked on the ruins of the monastery.

Key words: monastery Sardag, Buddhism, Undur-gegen, archaeology, Tathagats, tiles, architectural fragments.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 902:378.12

С.А. Панарин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ВИКТОР САРИАНИДИ: ПОИСК КАК ЖИЗНЬ (статья-воспоминание о великом археологе)

Раскопав так называемое золото Бактрии, Виктор Иванович Сарияниди стал автором крупнейшей археологической сенсации 2-й половины XX в. Что важнее, он был первооткрывателем целой региональной цивилизации – «цивилизации Окса», или Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. В свое время автору посчастливилось провести с ним в одном отряде, одном экспедиционном лагере несколько полевых сезонов. О двух из них рассказывается в предлагаемом тексте, соединяющем признаки научной статьи и мемуарного жанра. Это завершающий сезон работ на энеолитическом памятнике Геоксюр-1 в Туркмении и раскопки на памятниках бронзового века Дашлы-1 и Дашлы-3 в Северном Афганистане. В обоих случаях читателю предлагается, во-первых, краткое описание этих памятников, во-вторых, их интерпретация, составленная преимущественно по работам В.И. Сарияниди, в-третьих, авторские воспоминания, с помощью которых вносятся небольшие дополнения в описания и интерпретацию. Однако основное содержание воспоминаний составляют те сопутствовавшие раскопкам впечатления и эпизоды, что позволяют увидеть В.И. Сарияниди как яркую личность – как человека, вся жизнь которого представляла собой творческий научный поиск.

Ключевые слова: Виктор Иванович Сарияниди, Туркмения, Северный Афганистан, Геоксюрский оазис, Дашлинский оазис, преданность археологии, жизнь как поиск.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-13

Введение

Археология – счастливая наука. Счастливая она потому, что разведки и раскопки могут одарить археолога результатом, неоспоримым в его наглядности, а значит, и особенно сильным по приносимому им ощущению. Это ощущение открытия *здесь и теперь*; и так же *здесь и теперь* приходит за ним счастье восторга от открытия, непроизвольно переживаемое еще до того, как подтвердится подлинность открытия, а с ним – и право на восторг.

Счастье это – того же свойства, какое во времена, когда карта Земли пестрела белыми пятнами, испытывали люди, посвятившие свою жизнь путешествиям в неведомые края, сбору коллекций неизвестных науке растений, поиску вымерших видов животных. Вместе с тем в счастье археолога есть и почти уникальная особенность. Возьмите любое по значимости археологическое открытие: находку в подъемке рафинированного по красоте ретуши кремневого наконечника; или раскрытие точными ударами ножа сырцовый стенки древнего дома, буквально «уловленной» в сырцовом же завале; или обнаружение сияющей минеральными красками древней фрески; или открытие новой археологической провинции/культуры... Каждое из них, от мизерного до эпохального, превращает археолога в со-творца прошлого. Сопоставимое ощущение *сопричастности* к будничным трудовым усилиям людей, давно умерших, и, если повезет, их воплощенным в величественных памятниках творческим свершениям испытывают, наверное, только реставраторы произведений искусства.

Сказанное выше основывается на ощущениях автора статьи, некогда отдавшего археологии семь лет жизни, да и потом до конца с ней не расставшегося. Они – сугу-

бо индивидуальные; но я убежден, что в той или иной мере их испытывали многие археологи. И именно ощущения счастья открытия и счастья со-творчества с людьми прошлого, особенно острые на фоне той длительной временной протяженности *long durée*, что соединяет акт древнего творения с его реификацией ножом или лопатой археолога, суть эмоциональные составляющие преданности археологическому поиску. Конечно, сила этой преданности, от которой зависит, будет ли любовь к археологии определять всю жизнь или со временем уйдет, может сильно различаться. В статье речь пойдет о человеке, оказавшемся преданным навсегда, в полной мере превратившем собственную жизнь в археологический поиск: о Викторе Ивановиче Сарияниди. Непосредственным поводом для ее написания послужило то обстоятельство, что в 2019 г. исполняется 90 лет со дня его рождения. Но и не будь этого повода, я все равно бы ее написал. Ибо с того момента, как я узнал о смерти Виктора Ивановича, меня не покидала мысль: я обязан рассказать об этом великом первооткрывателе то, что вошло, образно говоря, в архив моей памяти.

Так получилось, что после первого знакомства с Сарияниди осенью 1964 г. и оследовавшего затем трехлетнего перерыва из-за моей службы в армии я вплоть до поступления в 1976 г. в очную аспирантуру Института востоковедения много общался с Виктором Ивановичем. Он, похоже, воспринимал меня как будущего аспиранта, а я его – и как будущего научного руководителя, и как наставника по жизни, любимого *муаллима*. С его подачи меня взяли лаборантом в Институт археологии, и моя первая опубликованная научная работа была написана в соавторстве с ним [Сарияниди, Панарин, 1971]. Я часто бывал в его квартирке во 2-м Бабьегородском переулке; он познакомил меня с некоторыми из близких ему людей, а я – со своими родителями и будущей женой. Но напишу я только о том – и то избирательно, – что слышал и наблюдал, работая под его началом землекопом, лаборантом и художником в одном лице. В таком качестве я побывал несколько раз, но рассказ мой будет сужен всего до двух археологических сезонов, для Виктора Ивановича ставших важными этапами его научной карьеры, а для меня – воспоминаниями из числа наиболее дорогих. Это полевой сезон 1964 г. в Геоксюрском оазисе в Туркмении и раскопки 1970 г. памятников Дашлы-I и Дашлы-III в Северном Афганистане.

Каждому из этих сезонов будет посвящено по две главки. В них академическое (надеюсь) изложение археологической составляющей, оснащенное научно-справочным аппаратом, будет соединено с кусками текста в ином жанре. Это жанр воспоминаний, притом, подозреваю, пристрастных. Ведь из-за совместной запойной работы на одном памятнике, совместной жизни в одном экспедиционном лагере Виктор Иванович запомнился мне в ауре позитива. Я также вполне даю себе отчет, что это будут ущербные воспоминания. Иначе и быть не могло: спустя более полувека после того, как были получены питавшие их впечатления, нельзя считать то, что подсказывает память, полным и точным.

Рассказу о полевых сезонах необходимо, на мой взгляд, предпослать краткое описание жизни Сарияниди до 1964 г.* В нем, помимо перечня основных событий, будут мои суждения, может быть, ошибочные, о каких-то чертах его личности и вкрапления тех биографических сведений, которыми он счел возможным со мной

* За исключением отдельных мест, где даются иные ссылки, оно написано по: [Кожин, Дубова, 2016, с. 8–79].

поделиться. Это будут не цитаты (они невозможны спустя столько лет), а передача смысла сказанного. Однако соответствующие места все равно будут выделены в тексте инициалами В.И. с двоеточием и курсивом. Так же будут оформлены высказывания и других персонажей.

От родителей и рождения до работы на Геоксюре в 1964 г.

Фамилия Сарияниди, греч. Σαρηγιαννίδης, на русском некогда писалась как Сарияниди(с), и сестра Виктора Ивановича Инна это написание сохранила. Их отец, Иван Панайотович, родился недалеко от турецкого Трабзона/Трапезунда в с. Гюмишхана (греч. Аргирупполи), мать, Афина Васильевна, – в Ялте [Вечер памяти, 2014]. Оба, однако, были понтийскими греками. Этот греческий субэтнос компактно проживал на территориях, составивших в ходе административной реформы 1864–1877 гг. в Османской империи* ее причерноморские вилайеты. Ныне, рассеянный по всей Греции и другим государствам, он практически не представлен в Турции. Между тем еще в 1912 г. понтийских греков в Османской империи насчитывалось, по данным Константинопольской патриархии, 416 тыс. чел. [Toralidis, 2018, p. 4]. Свой исконный ареал они покидали издавна. Но то был ручеек эмиграции, в реку он стал превращаться с приходом к власти в Стамбуле младотурков, в реку полноводную – с началом Первой мировой войны, когда турецкие власти развернули этноконфессиональные чистки. После Анатолийской катастрофы 1922 года** эмиграция греков из Турции превратилась в исход, сопровождавшийся гибелью множества мирных христиан, убитых, умерших от голода и эпидемий. Большинство уцелевших тогда понтийских греков – 160 тыс. – оказались в Греции, около 80 тыс. – в причерноморских районах СССР, в том числе в Крыму [Klapisis, 2014, p. 632, 636]. Именно там, в Ялте, встретились и поженились отец и мать будущего археолога, оттуда они перебрались в Ташкент, где 23 сентября 1929 г. у них родился сын Виктор***. В Ташкенте Иван Сарияниди завел собственную пекарню. Из-за этого или потому, что паспорт у него был греческий, он привлек внимание НКВД и в 1937 г. был арестован. Вскоре его выпустили, но...

В.И.: *Отец вышел оттуда другим человеком, сломленным. Может быть, поэтому он и умер так рано.*

Из той ночи, когда пришли за отцом, биографы Сарияниди ведут истоки его антикоммунизма. Думаю, что меньшую роль сыграли самые разнообразные впечатления ташкентского детства и отрочества, опосредованные сильно развитым здравым смыслом и внутренней независимостью. Укрепившись благодаря опыту человека, в буквальном и переносном смысле слова постоянно имеющего дело с землей, эти качества приблизили его к тому не часто обретаемому *самостоянию*, которое Пушкин называл залогом величия человека [Пушкин, 1981, с. 200]. Он мог сильно – иногда даже слишком сильно – плениться собственной заманчивой по смелости гипотезой; но его было

* О ней см.: [Shaw S., Shaw E., 1877, pp. 89–90].

** Имеется в виду поражение, нанесенное греческой армии в конце августа 1922 г. войсками Мустафы Кемалю.

*** Ирина Станкевич в своих воспоминаниях утверждает, что при рождении он на самом деле был назван знаковым для греков именем знаменитого английского поэта, умершего в осажденном турецкими войсками г. Миссолонгионе: Вайрон = Байрон [Станкевич, 2000, с. 31]. Я этого никогда не слышал, но, зная Ирину как человека, неспособного распространять выдумки и слухи, могу допустить, что о «Вайроне» она узнала из надежного источника. В пользу «Вайрона» говорит и исторический контекст юности Ивана и Афины.

почти невозможно пленить извне пришедшей, его научным и житейским опытом не подтверждаемой идеей, как бы красиво та ни выглядела в глазах многих и многих. В этом, а не только в семейной трагедии – одна из главных причин скептического, мягко говоря, отношения Виктора Ивановича к идее коммунизма, неприязни к компартии и отвращения к ее до сих пор возлюбленному вождю.

В.И.: *Когда умер Сталин и все вокруг рыдали, я на радостях пошел в магазин, взял маленькую и выпил...*

В 1947 г. Виктор поступил на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Там он близко сошелся с Вадимом Массоном*, чей отец** заведовал в САГУ кафедрой археологии и руководил Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ). В разных ее отрядах – в разведке на Мешед-Мисрианской равнине, на раскопках городища Султан-кала в Мервском оазисе и первой парфянской столицы Нисы в Багире – Сарияниди работал в 1949–1954 гг.

В те же годы вышла его первая статья [Сарияниди, 1953], и он в первый раз женился. Жена, Дина Зильпер, тоже была археологом. Союз их быстро распался и, похоже, не оставил у обеих сторон приятных воспоминаний. Чтобы сразу покончить с темой «Сарияниди и женщины», скажу, что, как бы Виктора Ивановича ни увлекала та или иная дама, гранд-дама Археология всегда была в его глазах вне конкуренции. Видимо, это и было главной причиной распада трех его браков, в каждом из которых родилось по дочери. Второй его женой стала московский гидрогеолог Марианна Георгиевна Паричка-Криушенко. Паричка – словацкая по происхождению фамилия ее матери, Криушенко – фамилия по отцу [Ржевский Форум, 2019]; она познакомилась с Виктором, работая в экспедиции в Средней Азии, и хотя была заметно его старше, произвела на молодого археолога сильнейшее впечатление. Этот брак тоже не был длительным, но в отличие от первого оставил по себе, судя по одному моему разговору с Виктором Ивановичем, прочную память о силе захватившего его чувства к необычайно яркой женщи-

Рис. 1. В.И. Сарияниди в 1955 г.

* Вадим Михайлович Массон (1929–2010), доктор исторических наук, член-корреспондент АН Туркменской ССР (с 1978 г.), академик АН Туркменистана (с 1999), автор более 500 опубликованных работ, директор Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) в 1982–1991 гг. и Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН в 1991–1998 гг. Официальную биографию см.: [Березкин, 1999], апологетический очерк о нем см.: [Кокин, 1968], критический взгляд «снизу» см.: [Станкевич, 2000, с. 33–37].

** Михаил Евгеньевич Массон (1898–1986), доктор исторических наук, профессор, академик АН Туркменской ССР, создатель среднеазиатской археологической школы и – герой множества фольклорных рассказов о его деспотичном характере и чудачествах, не всегда приятных для окружающих. Его официальную биографию см.: [Лунин, 1969; Пугаченкова, 1998].

не. А также – дочь Ирину, окончившую Строгановское училище и не раз помогавшую отцу в фиксации и реконструкции его уникальных афганских находок. В начале 1960-х у него завязались длившиеся почти до третьего брака отношения с Гориславой Лисицыной* – женщиной мудрой, жизнерадостной и уживчивой. До их встречи она побывала замужем, после чего оценила максимум, которой как-то поделилась со мной:

Г.Л.: *Всякий брак – всегда брак...*

Ну а в третий раз Виктор Иванович женился в 1972 г., на женщине значительно его моложе. То была Эльмира Ахмедовна Акаева, дагестанка по происхождению, работавшая в Институте общей генетики АН СССР. Когда Виктор Иванович сообщил о намерении жениться на ней своей строгой матери, то получил следующее скептическое напутствие.

А.С.: *Ну, сын, на иудейке ты был женат, на христианке тоже, попробуй, можешь, получится с магометанкой.*

Не получилось... Третий брак продлился дольше предыдущих, но тоже не выдержал испытания временем. Хотя он и не завершился разводом, супруги, что называется, разошлись: с 2002 г. Сарианиди снова зажил холостяцкой жизнью и опять в маленькой квартирке, но не в Замоскворечье, а в Беляево.

В 1949 г. в составе ЮТАКЭ был образован специальный XIV отряд для изучения древнеземледельческих поселений, в 1954 г. он занялся исследованием памятников древней дельты Мургаба. В его состав входил и Сарианиди. Так он впервые попал в те края, где в 1972 г. открыл свой прославленный Гонур-Г**. Но тогда археологи не добрались до Гонурского оазиса, поскольку целиком сосредоточились на раскопках памятников раннего железного века Яз-депе*** и Тахирбай-3 [Масимов, 2008]. И В.М. Массон, и вошедший в состав отряда ленинградец Игорь Хлопин****, и другие его участники трудились не покладая рук; но настоящим фанатом раскопок был худой тогда жилистый греческий парень с черным вьющимся чубом. В те начальные годы своего археологического восхождения и позже, на Геоксюре, он, чем бы ни был занят на раскопе – перебрасывал ли отвалы, искал ли сырцовые стенки, зачищал ли погребения – вкалывал всегда так, что никто не мог с ним сравниться. Вдобавок и полевой сезон длился у него дольше, чем у остальных, растягиваясь на полгода и более. Правда, в этом случае дело объяснялось не только энтузиазмом: у энтузиаста не было в Москве, куда он перебрался после второй женитьбы, ни прописки, ни постоянной работы. Вот и стало для него на несколько лет домом «поле» с его минималистским жизненным укладом: с раскладушкой на такыре под звездным небом и убитым спальником на ней, с тентом для тени от палящего солнца, немудрящим кухонным скарбом в виде казана, тумчей***** и паяльной лампы. А еще – со скарабеями, усердно скатывающими в шарики отходы

* Горислава Николаевна Лисицына (1929–1983), палеогеограф, палеоботаник и археолог, кандидат географических наук (1956), доктор исторических наук, (1979), старший научный сотрудник Института археологии (ИА) РАН, автор работ, блестяще синтезирующих естественно-научный и исторический подход к изучению древнеземледельческих культур. См. о ней: [Мерперт, 1984].

** История его открытия изложена в: [Сарианиди, 1976, с. 96].

*** Тепе (тюрк.), тель (араб.) – холм, образовавшийся из развалин древних глинобитных строений и заполняющих их культурных слоев. В туркменском языке произносится как депе.

**** Игорь Николаевич Хлопин (1930–1994), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК, специалист по археологии Средней Азии эпохи неолита и бронзы и по истории русских средневековых фортификаций. См. о нем: [Массон, Кирпичников, 1997].

***** Жестяной сосуд в форме усеченного конуса. Используется для кипячения воды и заваривания чая.

пищеварительного процесса животных и людей; с лопоухими ишачками, со скуки чуть ли не до земли выпускающими на всеобщее обозрение восславленную Апулеем «пятую ногу»^{*}; с пикантной приправой туркменистанской фауны в виде эф, скорпионов и фаланг; да со звенящей по утрам в вышине песней хохлатых жаворонков...

В 1955–1962 гг. XIV отрядом ЮТАКЭ был исследован заброшенный еще в древности оазис с сельскохозяйственными поселениями эпохи энеолита, расположенный в 24 км к востоку-северо-востоку от г. Теджена и по имени близлежащего железнодорожного разъезда названный Геоксюрским. В работах активно участвовал и Виктор Иванович, с 1957 г. ставший сначала временным (по договору), затем постоянным сотрудником Института археологии АН СССР. Геоксюрские материалы легли в основу его кандидатской диссертации «Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении», защищенной им в 1963 г.

Геоксюр: памятник

Всего в Геоксюрском оазисе было выявлено девять долговременных поселений и несколько скоплений керамики, свидетельствовавших о непродолжительном проживании. У семи из девяти депе были установлены местные туркменские названия, и все они получили общее наименование «Геоксюр» с порядковой нумерацией каждого. Депе значительно колебались по площади: миниатюрное Дашлыджи (Геоксюр-8) уложилось в 0,5 га, размеры собственно Геоксура (Геоксюр-1), оцениваются в 10–12 га [Хлопин, 1964, с. 7, 11]. Раскопками были затронуты все памятники, хотя в разной степени: Дашлыджи был раскопан Хлопиным полностью во всех трех строительных горизонтах, из остальных поселений более других были исследованы Ялангач (Геоксюр-3), Муллали (Геоксюр-4) и Геоксюр-1 [Хлопин, 1964, с. 13–55]. С помощью аэрофотосъемки удалось выявить русла дельтовых протоков и древних каналов, после чего бульдозерами были прокопаны поперечные руслам траншеи для выяснения особенностей водотока [Лисицына, 1965, с. 51–70, 107–124].

История жизни в оазисе разделяется на дашлыджинский, ялангачский и собственно геоксюрский этапы, названные по наиболее характерным памятникам. В стратиграфическом отношении они сопоставимы с периодом времени от раннего Намазга-I до позднего Намазга-III [Лисицына, Массон и др., 1965, с. 10], определяемым как V – начало III тыс. до н.э. [Кирчо, б.г.]. Расцвет оазиса пришелся на ялангачский этап: тогда были обжиты все поселения, за исключением оставленного Дашлыджи. В их архитектуре появляются обводные стены толщиной до 1 м и круглые в плане здания диаметром от 3 до 6 м. Одни из круглых зданий, несомненно, жилые, были включены в стены и потому могли служить оборонительными башнями. Другие, расположенные в центре поселений, были, вероятно, местом собраний и ритуалов больших семейных коллективов [Массон, 1962, с. 5–6; Сарияниди, 1962]. Ялангачский этап отмечен еще и расцветом коропластики. Ее наиболее известный образец – крупная полихромная статуэтка сидящей полногрудой Богини-Матери с росписью из concentрических кругов на пышных бедрах^{**}, найденная на Ялангаче. В геоксюрский период жизнь постепенно замирает повсюду, кроме Геоксюр-депе, вобравшего в себя переселенцев из заброшенных поселков, и частично на Чонг-депе (Геоксюр-5) и Муллали-депе [Лисицына, Массон и др., 1965, с. 15]. Причина: миграция русловых протоков

^{*} Ср.: Метаморфозы, X, 22 [Апулей, 1956, с. 285–286].

^{**} Ее цветная фотография приведена, насколько помню, на вклейке в большой статье Сарияниди в неоцифрованном издании [Сарияниди, 1961]); некоторое представление о ней может дать черно-белая фотография в: [Сарияниди, Кошеленко, 1966, с. 63].

и снижение их уровня привели к острой нехватке воды для орошения полей. Зато в период сжатия оазиса в нем утвердилась столовая посуда с полихромной росписью так называемого геоксюрского стиля* в виде фриз, в которых центральное место занимает фигура креста. К геоксюрскому времени относится и проведение оросительных каналов, едва ли не древнейших в мире, и так называемые толосы. Это круглые в плане сооружения (в одном случае – квадратное со скругленными углами); они возводились для межпоколенных захоронений родственников, т.е. функционально были близки фамильным склепам высокостатусных семей [Сарианиди, 1959].

Из-за неблагоприятных изменений гидрологического режима в дельте Теджена земледельцы Геоксюра в конце концов были вынуждены покинуть оазис, освоенный их предками два тысячелетия назад. Они мигрировали вверх по течению Теджена, основав вблизи от тогда еще полноводной протоки поселение, сопоставимое с Геоксюром-1 по размерам (около 10 га). Его остатки носят сейчас название Хапуз-депе, расположен этот памятник в 18 км к югу от Геоксюрского оазиса. Его прямую родственную связь с Геоксюром финальной стадии существования последнего доказали материалы нижних ярусов шестиметрового шурфа, заложенного на Хапузе в 1962 г. [Сарианиди, 1964; Лисицына, Массон и др., 1965, с. 18–19].

Геоксюр: люди – работа – отдых

В последний раз раскопки на Геоксюре велись осенью 1964 г., в них я и участвовал. Можно сказать, повезло. Впрочем, то было второе везение за год: в первый свой приезд в Туркмению, в мае, мне посчастливилось побывать на легендарном Джейтуне, этом самом раннем в пространстве бывшего СССР сельском поселении. Там И.Н. Хлопин и А.Ф. Ганялин** докопали последний оставшийся не до конца раскопанным дом. Майские раскопки так меня впечатлили, что очень захотелось продолжения. Благо я, студент II курса исторического факультета ЛГУ, находился тогда в академическом отпуске, что позволяло быть в экспедиции до глубокой осени. Вернувшись в Ленинград, я заявился к Массону, отдыхавшему в Комарове, с просьбой пристроить меня в экспедицию снова. Он и пристроил – к Сарианиди.

Я хорошо помню наш лагерь совсем рядом с Геоксюром-1. Разбит он был на протяженном такыре, на который через некоторое время после нашего приезда было сгружено несколько десятков арбузов и утонченно ароматных, во рту тающих, но, увы, нетранспортабельных дынь знаменитого сорта «Вахарман», известного как минимум с XII в. [Агаджанов, 1969, с. 96]. Обитателями лагеря первоначально были Сарианиди, Лисицына, Костас Качурис, Павел Кожин***, молодой водитель-туркмен, почти не за-

* Ее описание и цветное изображение ее фрагментов из раскопок на Алтын-депе – см.: [Кирчо, 2017, с. 44–46].

** Александр Федорович Ганялин (1924–1992), ашхабадский археолог. Его публикации 1950-х гг. до сих пор фигурируют в библиографических списках диссертаций, но его научная карьера так и не состоялась. Участник войны, потерявший в боях руку, неутомимый полевик, обаятельный человек, не боявшийся ни научного, ни партийного начальства, он страдал известным русским недугом, начало которому положили фронтовые «сто грамм». Это не могло не сказаться на его положении. Когда в 1968 г. я вновь приехал в Ашхабад, он, вынужденный полностью расстаться с археологией, работал экспедитором.

*** Павел Михайлович Кожин (1934–2016), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. С 1959 по 1976 г. работал в ИА АН СССР. Автор свыше 400 работ по археологии и китаистике. О нем см.: [80-летие, 2014].

помнившийся по причине частых отлучек, плохого знания русского языка и собственной склонности к обособлению от «науки», и я. Позже к нам присоединился Валерий Алексеев*. Его имя, как и имя Кожина, широко известно археологам, этнологам, антропологам, поэтому в отношении обоих я ограничиваюсь короткими биографическими справками в постраничных примечаниях. Качуриса же сейчас мало кто помнит. Между тем это был не просто друг Сарияниди, это был человек, чье присутствие помогало Виктору Ивановичу восстанавливать значимую для него греческую идентичность. Человек этот и сам по себе заслуживает рассказа о нем.

Коста Катсурис (Κόστας Κατσούρης), или Константин Афанасьевич Качурис, как он себя называл на русский манер, был, если можно так выразиться, эллинским греком. И не только потому, что родился в 1919 г. в королевстве Греция: в 45 лет он был высок, строен, прекрасно сложен, словно высечен резцом Праксителя. Правда, античная фигура сочеталась с подвижным забавным, вечно небритым личиком с типично русским курносым носом. Когда в 1940 г. в Афины пришли немцы, он вместе с братом Лео вступил в ряды Греческой народно-освободительной армии ЭЛАС, к концу оккупации стал начальником ее контрразведки в Фессалии и *ex officio* участвовал в операции возмездия. Суть ее была такова. Немцы уничтожили всех жителей деревни, по словам Качуриса, «самой что ни на есть эллинской», сохранившей даже нечто вроде олимпийских игр. В ответ партизаны отловили эквивалентное количество немецких офицеров, убили их, головы отрезали и подбросили к зданию гестапо в Афинах.

К.К.: *Когда резали, один из наших с ума сошел.*

Была ли на деле операция возмездия, да еще в том виде, в каком ее описал Качурис, судить не берусь**. Как я вскоре стал подозревать, в его рассказах о молодости в Греции*** подлинные факты и мгновенная импровизация, позволяющая заморозить слушателя, сплетались так тесно, что разделить их было невозможно. Да и не хотелось. Я был очарован Костасом: он мне казался современным Одиссеем, то наивным, то хитрым (но и в этой хитрости – отчасти большим ребенком). И в любой ипостаси он контрастировал с окружавшим его советским фоном, в который, даже защитив кандидатскую диссертацию [Качурис, 1963], он так до конца и не вписался.

К.К.: *В 1949 г. эмигрировать можно было в Канаду или в СССР. Брат выбрал первое, я – второе и в первый же день по приезде в Ташкент горько об этом пожалел.*

Качурис и Сарияниди разговаривали по-гречески, играя в нарды. Первый воскрешал в памяти второго забытые слова и насыщал ее словами новыми. Виктор Иванович проявлял большой энтузиазм, темпераментно восклицая при остановке игровой кости: «Эна! Виа! Триа! Тесера!» (Один! Два! Три! Четыре!). Греческие ругательства, включая

* Валерий Павлович Алексеев (1929–1991), крупнейший советский специалист по палеоантропологии и этногенезу, автор свыше 600 научных работ, академик АН СССР, директор ИА АН СССР в 1988–1991 гг. См. о нем: [Бужилова, Добровольская, Медникова, 2009].

** Такое впечатление, что отправной точкой этого драматического рассказа послужила карательная операция оккупантов в Фокиде, в деревне Дистомо, недалеко от Дельф. Там 10 июня 1944 г. эсэсовцы убили 214 человек, в том числе женщин и детей [Massacre of Distomo, 2019]. Для греков Дистомо – то же, что Лидице или Орадур.

*** Много позже, уже в Канаде, куда он уехал в 1967 г., Костас в интервью канадскому исследователю греческого происхождения делал акцент не на красочных историях, а на том, что война «никогда не была „бело-черной“, но имела разные оттенки серого» [Gerolymatos, 2018, с. 22. Пер. с греч. А. Атрашкевич].

нецензурные, тоже звучали. Подразумевалось, что их значение известно только греческой части экспедиции; на деле они быстро стали понятны всем*; но мы понимали, что это – невинное упоение заново обретаемым во всем его речевом богатстве языком родителей, языком предков. Произнося «идиомы», Виктор Иванович не хотел оскорбить чей-то слух. Вообще, при некоторой видимой простоте в общении и характерном для него предпочтении языку литературному языку разговорного, включая жаргонизмы, он избегал не то чтобы грубости, но и фамильярности. Независимо от продолжительности знакомства и степени близости он говорил «Вы» тем, кто был моложе и кто не занимал равного с ним положения; и я ни разу не слышал, чтобы даже в самых на то провоцирующих ситуациях он прибегал к обценным богатствам русского языка. Ну а выпустить пар в русскоязычной среде с помощью ей неизвестного греческого или туркменского – почему бы и нет?

Грекофония за нардами звучала обычно в обеденный перерыв, а тот, поскольку мы работали в сентябре, когда было уже не так жарко, как в июне-августе, длился всего пару часов. Весь остальной световой день мы проводили на раскопе. Главной ударной силой был начальник: Горислава в основном была занята кухней и камералкой, а совокупный объем земляной работы остальных членов отряда вряд ли превышал то, что накапывал, перекидывал, расчищал один Сарияниди. Конечно, все мы были разные: кто старше, кто моложе; кто давно дружил с лопатой, кто, как я, освоил ее недавно; кто по природе был человеком быстрым, а кто медлительным. Сарияниди это понимал, никого не подгонял. Лично я чисто по-пионерски вдохновлялся его примером и старался быть таким же двужильным, хотя удавалось мне это, дай Бог, наполовину.

В тот последний год работы на Геоксюре, результаты которых изложены Сарияниди в специальной статье [Сарияниди, 1966], велись на двух раскопах. Один из них в статье обозначен и в описании, и в подписи к рисунку с планом раскопа под номером 3, другой – под номером 2 в тексте и номером 1 – на рисунке. Я буду следовать нумерации планов. Сам я работал на раскопе №3, где, согласно Сарияниди, были вскрыты два святилища геоксюрского времени, переделанные из жилых помещений ялангачского периода. Они, как он считал, были преднамеренно сожжены жителями Геоксюра, после чего эта часть поселения использовалась обитателями примыкающей к ней жилой части для устройства толосов. Следы пожара были обнаружены и в нескольких помещениях геоксюрского времени, расчищенных на раскопе №1; три из них, по осторожному предположению Сарияниди, тоже могли иметь особое назначение и изначально быть связаны с соседними толосами. Кропотливой работой по зачистке находившихся в толосах скелетов занимались преимущественно Сарияниди и Кожин; с приездом Алексеева, чей профессионализм не мог не вызвать восхищения, настолько виртуозно – быстро и очень тщательно – расправлялся он с одним костяком за другим, нудный этот процесс резко ускорился.

Помимо археологических, велись и геоморфологические изыскания. Я был отдан в распоряжение Лисицыной: для зарисовки и фотографирования линз древних каналов требовалась предварительная зачистка их разрезов. Задача эта выглядела куда менее привлекательной, чем раскопки на поселении: там трудовые усилия всегда вознаграждались – хотя бы парой-тройкой орнаментированных черепков; здесь же, кроме вдвойне сильного припека на дне траншеи да шарканья по ее стенкам лопатой, ничего не предвиделось. Но как я ошибался! Именно в траншее я сделал свою первую цен-

* Ср.: [Станкевич, 2000, с. 31].

ную находку: из-под лопаты вылетела женская статуэтка. Положим, и без нее привязка каналов к энеолитическим поселениям могла вызывать сомнения разве что у идейных скептиков; но с ее находкой такая датировка ирригационных сооружений оазиса стала уже совершенно бесспорной [Лисицына, 1966, с. 98–99].

Мы не только упоенно трудились, но иногда и отдыхали, и один из выходных дней заслуживает, как представляется, описания. Мы приехали в Теджен на какой-то праздник, устраивавшийся местной греческой колонией. В этом городке, по переписи 1959 г. насчитывавшем всего-то 16,2 тыс. жителей [Всесоюзная перепись, 2019] и показавшемся мне пыльным одноэтажно-глинобитным захолустьем, проживало тогда несколько греческих семей. Точнее семей преимущественно смешанных, где мужьями были сохранившие родной язык греки, а женами – чаще всего русские и украинки, говорившие на смеси двух языков. (В качестве примера вспоминается фраза, брошенная одной соседкой другой: «Зайдешь аврион!», т.е. завтра.) Но и для тех и других прямо-таки праздником стало «явление Качуриса». Ведь в их глазах он был самым настоящим греком, так сказать, посланцем исторической родины. Рядом с ним даже Виктор Иванович, знакомством с которым тедженские греки явно гордились, на время как бы отодвинулся на второй план.

Нам были очень рады. В просторном дворе собрались все взрослые греки Теджена; началось застолье. Было оно с изобилием вкусов из меню греческой, туркменской, русской кухни, с цветистыми тостами на двух языках и, самое главное, с греческими песнями и танцами. До тех пор, пока паршивая водка бакинского разлива не свалила меня в сон, я буквально наслаждался греческим мелосом, с тех пор навсегда вошедшим в число любимых. С неменьшим наслаждением я наблюдал за тем, как плясали дальние-предальные потомки Агамемнона, Аякса, Ахилла, историей занесенные из Эллады невесть куда. Они и их славянские подруги – люди, в большинстве своем немолодые и не сказать чтоб стройные, – встав в круг и сплетясь руками по плечам, самозабвенно отдавались танцу, вобравшему в себя и греческую, и славянскую мелодику и пластику. Еще одно удовольствие – смотреть, как «дисперсные» московские греки Качурис и Сарияниди буквально упивались пребыванием в атмосфере *греческого праздника*.

Дашлы-1

В 1970 г. по рекомендации Виктора Ивановича я, к тому времени уже год работавший в Институте археологии, был включен в состав Советско-афганской археологической экспедиции. В ней я провел два полевых сезона подряд. С начала второго из них начальник СААЭ И.Т. Кругликова [1976, с. 88]* забрала меня в свой отряд, где я был целиком занят копированием настенных росписей памятника Дильберджин (Дальверзин), датированного поздним греко-бактрийским – раннесасанидским временем. Поэтому далее речь пойдет только о сезоне 1970 г., когда я почти три месяца проработал в отряде Сарияниди. Впрочем, название «отряд» – слишком громкое. Сначала нас было всего трое: Виктор Иванович, водитель Мухаммед Амин и я. В ноябре к нам присоединился четвертый – инспектор Института археологии Министерства культуры Афганистана Абдул Хабиб Азами.

Работали мы на территории древнего оазиса, расположенного между Аму-Дарьей и уездным городом Акча, примерно в 30 км к северу-востоку от последнего. Оазис

* Ирина Тимофеевна Кругликова (1917–2008), доктор исторических наук, специалист по античной археологии Северного Причерноморья, стала начальником СААЭ не только благодаря ее научным достижениям, но и потому, что была членом КПСС. Беспартийный Сарияниди, чье личное дело было к тому же обременено двумя разводами, никак не мог претендовать на эту должность.

этот – часть пространства, ныне определяемого как Северный Афганистан, а в древности – как Бактрия, или Бактриана, крайняя восточная сатрапия Ахеменидской империи. Страбон и Юстин называли ее «страной тысячи городов» [Массон, 1966, с. 4]. С 1922 по 1982 г. здесь работала Французская археологическая миссия; с 2002 г. она возобновила свою деятельность [DAFA, 2016]. Французы преуспели в изучении античной Бактрии*, но не нашли доказательств существования культуры эпохи бронзы и раннего железа, по уровню развития отвечающей представлению о развитой локальной цивилизации. Сделал это Сарияниди.

В 1969 г. советский специалист А.В. Марков сообщил о наличии археологических памятников по трассе газопровода от Акчи до Аму-Дарьи. На указанном месте сотрудник СААЭ А.В. Виноградов тогда же обнаружил два памятника эпохи бронзы. Один из них назывался Дашлы, этим именем были потом названы все памятники того же типа – с номером, присваивавшимся в порядке их обнаружения [Сарияниди, 1976, с. 21]. Здесь же находились памятники иного типа, ахеменидские, аналогично объединенные именем Алтын с нумерацией. С легкой руки Сарияниди эта область древнего интенсивного заселения, датируемого II–I тыс. до н.э., стала известна как Дашлинский оазис. Почти все памятники обоих типов обнаружил и картировал Виктор Иванович. По вечерам, когда прекращалась работа на раскопе, он садился за руль нашего «газика» и без устали наматывал километр за километром, высматривая россыпи черепков на выдувах и приглядываясь к микрорельефу. Уже в 1970 г. он нашел два десятка Дашлы и не менее десяти Алтынов, впоследствии число первых довел до полусотни, вторых – до 20 [Сарияниди, 1976, с. 30, рис. 8].

Ахеменидские памятники исследовались без меня, поэтому я не буду на них останавливаться, ограничившись ссылкой [Сарияниди, 1977, с. 116–128]. Я сосредоточусь на Дашлы-1 и Дашлы-3, в чьих раскопках участвовал.

Памятники типа Дашлы четко делились на две группы**. Одну, многочисленную, образовывали плоские, словно бы расплзающиеся по земной поверхности, как блин по сковороде, поселения с сильно разветвленным верхним слоем. Их Сарияниди определял как сельские поселения. Вторую группу составляли встречавшиеся реже относительно высокие холмы, хорошо выраженные в рельефе. Что они собой представляют, показали раскопки Дашлы-1, рядом с которым был разбит наш лагерь. Был открыт настоящий сырцовый «замок» – прямоугольник размером 99×85 м. Стены его, толщиной от 3 до 4 м, сохранившиеся на разную высоту, в древности поднимались до 6–8 м. По углам они были усилены круглыми башнями. Небольшие полуовальные башенки шли и вдоль расчищенной на 22 м длины западной стены. Для противника, не вооруженного стенобитными орудиями, такая стена представляла действительно серьезное препятствие. Однако и она не могла защитить от огня, о чем свидетельствуют следы сильного пожара как с ее наружной стороны, так и в примыкавших к ней помещениях. Внутростенное пространство, насколько можно судить по его раскопанной части, было сплошь застроено. Правда, не исключено, что в нераскопанной части скрывались

* Наиболее выдающийся результат их усилий – памятник Ай-Ханум. Там был открыт эллинистический город со всеми его атрибутами: гимнасием, театром, банями, арсеналом, фонтаном и т.д. [Попов, 2008, с. 164–176].

** Здесь и далее описание Дашлы-1 и Дашлы-3 и работ на них дается по: [Сарияниди, 1976; 1977; 1984], а также по памяти и по моим редким, увы, полевым записям.

улицы, упорядочивавшие этот лабиринт. В пользу данного предположения говорит тот факт, что стены смежных помещений возводились вперевязку, что намекает на некоторое планирование при строительстве. Одни помещения были жилыми, другие – служебными; соответственно, они различались по конструкции найденных в них очагов, в первом случае служивших для обогрева, во втором – для приготовления пищи. Пристенные комнаты могли быть задуманы как вспомогательные при обороне.

Сарияниди сопоставил эту древнюю крепость с небольшими крепостцами, встречавшимися в Северном Афганистане по дороге в район раскопок. Тоже сырцовые, тоже прямоугольные и тоже с круглыми угловыми башнями и маленькими полубашенками, фланкирующими деревянные въездные ворота, они подтверждали устойчивость архитектурной традиции, зародившейся во II тыс. до н. э. В социальном плане Виктор Иванович интерпретировал Дашлы-1 и однотипные с ним поселения как укрепленное место проживания нескольких больших близкородственных зажиточных семей, обладавших определенным влиянием. Как он пришел к таким выводам, отчасти можно судить по его разговорам со мной во время раскопок Дашлы-1. В них он пытался оценить массу прибавочного продукта, которым должно было обеспечиваться количество рабочих часов и рабочих рук, потребных для изготовления тысяч сырцовых кирпичей и возведения из них стен и башен.

Раскопки на Дашлы-1 дали богатый керамический материал, в основном извлеченный из впускных погребений. Среди них странным образом преобладали кенотафы, в двух случаях – с захоронением баранов. Причем по богатству инвентаря захоронения *без* каких-либо следов человеческих скелетов заметно превосходили те погребения, где скелеты были обнаружены. Преобладала в инвентаре посуда бледно-салатного, почти белого цвета, изготовленная из тонко отмученной глины на гончарном круге и изящная по формам. Ее излюбленной «погребальной» разновидностью были красивые, но вряд ли практичные в повседневном использовании широкие чаши на ножках различной высоты. Они численно лидировали в кенотафах, в том числе в двух, найденных первыми, тщательнейшим образом зачищенных и в таком виде оставленных под фотографию и зарисовку на следующее утро. Увы, проходивший мимо ночью караван разворотил обе могилы и переколотил сосуды. Нам понадобилось несколько вечеров, чтобы склеить разбитое.

Дашлы-3

Этот памятник находился на самом краю Дашлинского оазиса, в 3 км к северо-востоку от нашего лагеря. Состоял он из двух частей: прямоугольного в плане холма размером приблизительно 100×120 м и лежавшего в сотне метров от него большого «блина», где уже при первом нашем совместном его посещении обнаружился настоящий заповедник подъемки. Тут можно было найти целые или почти целые глиняные и каменные сосуды, обломки металлических изделий и россыпи кремневых орудий с выраженным преобладанием среди них великолепных по изяществу форм и ювелирности ретуши наконечников стрел.

В ноябре на севере Афганистана случаются сильные дожди. Однажды сразу после такого дождя Сарияниди забросил меня на Дашлы-3 собирать подъемку, а сам отправился на поиск новых памятников. Наступил вечер, косые лучи опускающегося к горизонту солнца вырвались из-под, наоборот, приподнимающихся сизых туч и высветили контраст между рыхлым неструктурированным поверхностным слоем плоской части Дашлы-3 и нижележащим слоем с сохранившейся архитектурой, за счет впитанной сырцовыми стенками

Рис. 2. Афганистан, Кабул. 1971 г. В.И. Сарияниди в гостевой комнате при посольстве СССР. Фото С.А. Панарина

Как показали последующие раскопки, то, что я заметил благодаря дождю и вечернему освещению, было лишь ядром куда более монументального сооружения. В 1970 г. мы с Абдул Хабибом и приданными нам рабочими раскопали, под ненавязчивым контролем ежедневно приезжавшего с Дашлы-1 Виктора Ивановича, лишь самый его центр – образующие обводной коридор двойные круглые стены диаметром более 40 м с девятью башенками и двумя десятками помещений внутри этого почти идеально выведенного кольца. В сезоны 1971–1973 гг. раскопки продолжались веером к северу, захватив примерно четверть «блинной» части Дашлы-3. Выяснилось, что вокруг ядра располагались, тоже по кругу, но не такому правильному, как в центре, еще три кольца помещений, к сожалению, плохо сохранившихся, и что комплекс в целом был вписан в квадрат обводных стен со стороной 130–150 м, дополнительно окруженный рвом. Воздвигнут он был на материке и, как минимум в центральной его части, – по заранее продуманному плану либо где-то увиденному образцу. После того как он был заброшен, он использовался под могильник; из разрушившихся погребений на краю «блина» и происходила, видимо, богатая подьемка, словно

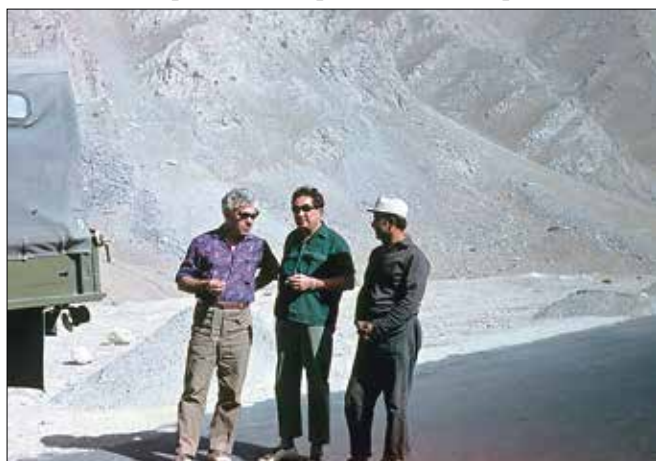

Рис. 3. Афганистан. 1971 г. Остановка на пути из Кабула в поле перед перевалом Саланг. Крайний слева – В.И. Сарияниди. Фото С.А. Панарина

и дольше сохраняемой влаги проявившейся темным контуром. Не веря собственным глазам, я увидел по краю «блина» длинную темную дугу на светлом фоне – почти полукругие – и на всякий случай провел рядом с ней сапогом черту по пушонке. Минут через десять приехал Сарияниди, посмотрел и решил.

В.И.: *Завтра привезем сюда двадцать рабочих, давайте зачистку.*

бы нарочно приманившая нас к скрытому рядом храму.

Тому, что это был именно храм, точнее целый храмовый комплекс, изначально окруженный либо обросший со временем вписанными во внешнюю квадратную стену жилыми и подсобными строениями, имеется немало доказательств. В первую очередь это очевидная пространственная изоляция ядра. Это также детали отделки его главных помещений, наличие в них специально устроенных жертвенников, на которых со-

вершались ритуалы, оставившие после себя следы горения сильного и продолжительного огня. Виктор Иванович полагал, что, отличаясь от зороастрийских храмов огня в архитектурном отношении, в плане идеологии дашлинский храм может быть вписан в эволюцию религиозных представлений, в конечном счете сложившихся в зороастризм.

Выяснилась и четкая связь между плоской и возвышенной частью Дашлы-3. Там раскопки раскрыли монументальное сооружение 84×88 м, позднее по архитектурному замыслу и исполнению, отделке (фрагменты алебастровой мозаики) и другим признакам определенное Сарияниди как дворцово-культовое. У него довольно сложная конфигурация: от каждой стороны подквадратного внутреннего двора размером 38×40 м отходят Г-образные коридоры, чьи стены снабжены многочисленными пилястрами. Еще с большим основанием, чем храм, его можно считать построенным по единому, заранее продуманному плану.

Практически каждый день результаты раскопок на обоих памятниках поддерживали в нас нетерпеливое ожидание следующего дня. Распорядок наш выглядел так: с утра – раскоп; вечером – разведка (Сарияниди) и подъемка (я), после захода солнца – склейка керамики (сообща), полевой дневник (Сарияниди), зарисовка найденного за день (я). На раскопе мы присматривали за рабочими из числа местных крестьян-издольщиков (хотя довольно быстро они так наострились искать стенки, что надобность в этом почти отпала), ножами зачищали найденные ими стены помещений и готовили под фиксацию погребения. Что касается наших вечерних бдений, то они стали возможны благодаря заблаговременной покупке изготовленной в ФРГ лампы светимостью в сто свечей. Такая яркость достигалась за счет нагнетания в дырчатый синтетический мешочек и удержания в нем раскаленных паров бензина. Как поведали пару раз приезжавшие к нам в гости сотрудники отряда Кругликовой, в черноте осенней афганской ночи сияние этой лампы было видно за несколько километров.

Я не буду касаться других бытовых сторон нашей жизни: устройства лагеря, нашего колоритного водителя, наших рабочих и т.д. Об этом можно прочитать в другой моей статье [Панарин, 2018]. Но я не могу не сказать о главном *тоне* той страдной поры. До сих пор, вспоминая о ней, я будто заново переживаю накал полностью захватившего нас исследовательского поиска, глубину погружения в разные его стороны – и то приносившееся им «археологическое» ощущение счастья, о котором говорил выше. По этим составляющим моей тогдашней жизни на такыре и в палатке-десятиместке с ней вряд ли может сравниться жизнь последующая. Уверен и в другом – в том, что те дни стали такими яркими, такими незабываемыми, «повинен» человек, с которым я их провел. Это он заражал и заряжал меня своей целеустремленностью, своим исследовательским фанатизмом; и это благодаря ему испытал я еще одно, не часто нас посещающее чувство – единения с человеком, с головой увлекающим общим делом.

Вместо заключения

В 1975 г. Виктор Иванович защитил докторскую диссертацию по своим афганским материалам [Сарияниди, 1975] и после этого интенсивно работал в Афганистане и Туркмении еще 50 лет. За это время рухнули и Королевство Афганистан, и Советский Союз. Первый надолго стал ареной разрушительного хаоса, в результате распада второго появилось государство Туркменистан с самым причудливым режимом из всех постсоветских авторитарных режимов. Несмотря на все это, Сарияниди все искал и все копал, причем, пока в Афганистане не разбушевалась война, делал это по обе стороны Аму-Дарьи. Чем старше он становился, тем шире раздвигалось пространство его

поиска. Еще шла подготовка к публикации афганских материалов, а он уже занялся исследованием Гонурского оазиса. В 1979 г. мировые новостные агентства сообщили о совсем уж сенсационной его находке – о золотом засыпанных, в полном смысле этого слова, погребениях на Тилля-тепе. Будто сенсации этой было мало, вслед за ней развернулась детективная история с пропажей этого золота после взятия Кабула моджахедами и его «воскрешением» после разгрома талибов. А Сарияниди тем временем «осел» на Гонуре, начав планомерные широкомасштабные раскопки древней столицы страны Маргуш, входившей в выделенный им Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, который все чаще отождествляется с отдельной древневосточной цивилизацией, или цивилизацией Окса, как ее предпочитают называть некоторые западные археологи*.

Между тем отношение в среде археологов к автору этих открытий и оценка его интерпретации найденного им далеко не всегда были доброжелательными. Правда, открыто нападать на «нового Шлимана» стало как-то неудобно. Зато за глаза и в узкой аудитории можно было услышать весьма желчные инвективы**. Более того, как раз в годы обретения именем Сарияниди широкой известности за пределами научного круга прервались его многолетние приятельские/дружеские отношения с В.М. Массоном и Р.М. Мунчаевым.

Почему это могло произойти, судить не берусь, могу лишь высказать предположения, основывающиеся на моих, возможно, ошибочных, представлениях о некоторых чертах характера Виктора Ивановича. Он был очень терпимым в отношениях с людьми простыми, не облеченными регалиями и властью, с начинающими в науке, а также с теми, кто был далек от сферы его научных интересов. Но более требователен, а значит, в каких-то ситуациях и более раздражителен по отношению к людям, близким по кругу занятий, особенно тем, кого считал равным по положению в научной иерархии. Критику с их стороны он мог воспринять болезненно и как оскорбление – в тех случаях, когда она раздавалась, что называется, из ближнего круга и звучала в его ушах как насмешка свысока. Я почти уверен, что его давний разрыв с Хлопиным случился именно *из-за формы* реакции последнего на предположения Сарияниди о намеренном сожжении геоксюрцами их ритуальных помещений. Форма была иронической, но, скорее всего, произвольной. Сарияниди же воспринял облеченное в нее сомнение как прицельный выпад со стороны человека, выросшего в потомственной интеллигентской среде и в виде среднего бонуса получившего многое из того, чего сыну пекаря приходилось добиваться исключительно за счет собственно упорства.

Если даже в этих размышлениях есть доля истины, они не могут поставить под сомнение масштаб фигуры Сарияниди и его свершений. Иногда можно услышать, что интерпретатором он был слабым, а в поле ему просто везло. Хочется ответить: вас бы в это поле! И не просто в палатку на месяц-другой – а в поле, понимаемое как образ жизни, как непрерывный поиск, в ходе которого мобилизуются все средства постижения внешнего мира: личный опыт и наведенное знание, упорство и выносливость и, конечно же, природная интуиция, фантастически развитая и тем, и другим, и третьим, и четвертым.

Со времен господства единственно верного учения у нас укоренился глубокий пиетет к экзерсисам в сфере мирообъясняющей теории – и пренебрежительное отношение к достижениям, обретаемым на земле, в эмпирике. Научная табель о рангах

* См., например: [Luneau, 2019].

** Мне самому однажды довелось их услышать – в МГУ, в ходе обсуждения доклада Н.А. Дубовой о новых находках на Гонуре.

строится в соответствии с этой манихейской дихотомией. Сарияниди всеобъемлющих концепций не выстраивал, увлекался рискованными сближениями? Значит, так себе был ученый. И пусть нашел он столько, сколько не всякому институту под силу, определения «великий» он не достоин.

На самом-то деле «пусть» должно адресоваться *им* – так считающим. Ибо вне узкого круга элитарного самолюбования и питаемого им недоброжелательства к тем, кто в этот круг не вошел, да и не стремился войти, он по праву великий археолог. Свидетельством тому – некролог, напечатанный одной из самых известных газет страны, казалось бы, очень далекой от Геоксюра и Дашлы [Viktor Sarianidi, 2014]. Для сравнения: под грифом института, где он проработал не один десяток лет, спустя всего лишь несколько месяцев после его смерти вышла книга [Кошеленко, Мунчаев, Гаибов, 2014] с немалым количеством адресованной ему как ученому критики – критики не то чтобы *a priori* несправедливой, но совершенно точно – недоброжелательной по ее тональности...

Библиографический список

- 80-летие Павла Михайловича Кожина // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №5. С. 182–183.
- Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. Ашхабад : Ылым, 1969. 297 с.
- Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 464 с.
- Березкин Ю.Е. Краткий очерк жизни и научной деятельности В.М. Массона (к 70-летию со дня рождения и 55-летию с начала полевых археологических изысканий) // Вадим Михайлович Массон : Библиограф. указ. / сост. Л.М. Всевиов. Л. : ИИМК РАН, 1999. С. 3–6.
- Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. К юбилею академика В.П. Алексеева // Российская археология. 2009. №4. С. 186–187.
- Вечер памяти великого грека, легенды мировой археологии В.И. Сарияниди // Греческий культурный центр, 01.04.2014. URL: http://www.hecucenter.ru/ru/ellin/24_marta_2014_goda_po_iniciative_posolstva_grecii_v_rossii_i_grecheskoy_obschestvenosti_v_moskovskom_dome_nacionalnostej_sostoyalsya_vecher_posvyaschennyj_pamyati_vsemirno_izvestnogo_arheologa_viktora_ivanovicha_sarianidi.html (дата обращения: 02.05.2019).
- Качурис К.А. Элевсин в бронзовом веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 17 с.
- Кирчо Л.Б. К датировке Геоксюрского комплекса // Записки ИИМК РАН. 2017. №16. С. 35–51.
- Кирчо Л.Б. Намазга // Энциклопедия Всемирная история. URL: <https://w.histrf.ru/articles/articles/article/show/namazga> (дата обращения: 06.05.2019).
- Кожин П.М., Дубова Н.А. Виктор Иванович Сарияниди. Жизнь, творчество, друзья, коллеги // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди / ред. Н.А. Дубова, Е.В. Антонова, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. М. : Старый сад, 2016. С. 8–79.
- Кокин Л. Путешествия в позапрошлое // В поиске истин... М. : Политиздат, 1968. С. 125–175.
- Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаибов В.А. Археология Афганистана в дни мира и войны. М. : Ин-т археологии РАН, 2014. 164 с.
- Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / отв. ред. И.А. Кругликова. М. : Наука, 1976. 192 с.
- Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М. : Наука, 1965. 168 с.
- Лисицына Г.Н. Изучение Геоксюрской оросительной сети в 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 96–100.
- Лисицына Г.Н., Массон Е.М., Сарияниди В.И., Хлопин И.Н. Итоги археологического и палеографического изучения Геоксюрского оазиса // Советская археология. 1965. №1. С. 9–23.
- Лунин Б.В. К 70-летию М.Е. Массона // Советская археология. 1969. №2. С. 126–129.
- Масимов И.С. История археологического изучения Маргианы // Культурные ценности: Международный ежегодник: 2004–2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем / под ред. Р.Г. Мурадова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 7–12.
- Массон В.М. Восточные параллели убейдской культуре // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 3–13.
- Массон В.М. Страна тысячи городов. М. : Наука, 1966. 164 с.

- Массон В.М., Кирпичников А.Н. Памяти Игоря Николаевича Хлопина (1930–1994) // Российская археология. 1997. №1. С. 238–245.
- Мерперт Н.Я. Памяти Гориславы Николаевны Лисицкой // Советская археология. 1984. №2. С. 284–285.
- Панарин С.А. В королевском Афганистане. Статья-воспоминание // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 329–362.
- Попов А.А. Греко-Бактрийское царство. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 240 с.
- Пугаченкова Г. Михаил Евгеньевич Массон – основатель центральноазиатской археологической школы // Кумбеш, 1998. №1. URL: http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/content/history/monument/turkestan/r13_masson.htm (дата обращения: 04.05.2019).
- Пушкин А.С. Два чувства дивно близки нам... // Собр. соч. в 10 т. Т. II. Стихотворения 1824–1836. М. : Правда, 1981. С. 200.
- Ржевский форум. Тема: Калинкино, семья Паричка // Ржев. Городской интернет-портал. URL: <http://rjev.ru/modules/phpBB2/viewtopic.php?t=1235&lofi=1> (дата обращения: 02.05.2019).
- Сарианиди В.И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 55 с.
- Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М. : Наука, 1983. 160 с.
- Сарианиди В.И. В поисках страны Маргуш // Природа. 1976. №9. С. 92–103.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М. : Наука, 1977. 172 с.
- Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / отв. ред. И.А. Кругликова. М. : Наука, 1976. С. 21–86.
- Сарианиди В.И. Керамические печи городищ древнего Мерва // Сборник студенческих работ САГУ. Ташкент : Изд-во САГУ, 1953. Вып. V. С. 82–91.
- Сарианиди В.И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 22–29.
- Сарианиди В.И. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении // Советская археология. 1959. №2. С. 235–238.
- Сарианиди В.И. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 89–95.
- Сарианиди В.И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Вып. 3 / отв. ред. И.Т. Кругликова. М. : Наука, 1984. С. 5–33.
- Сарианиди В.И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад : Изд-во АН ТССР, 1961. Т. X. С. 225–318.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. За барханами – прошлое. М. : Наука, 1966. 188 с.
- Сарианиди В.И., Панарин С.А. Рец. на кн.: Investigations at Tal-i-Ibis. М. Coldwell (Ed.). Springfield: Illinois State Museum Society, 1967 // Советская археология. 1971. №1. С. 274–280.
- Станкевич И.Л. Воспоминания археолога. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2000. 168 с. URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jsptui/handle/123456789/2450> (дата обращения 08.05.2019).
- Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. М. ; Л. : Наука, 1964. 172 с.
- Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения союзных республик (кроме РСФСР), их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп.ру URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (дата обращения: 10.05.2019).
- DAFA Délégation archéologique française en Afghanistan. URL: <http://www.dafa.org.af> (access date: 16.08.2016).
- Gerolymatos A. Εμφύλιος – Ελλάδα 1943–1949, ένας διεθνής πόλεμος. Διόπτρα, 2018. 448 σ.
- Klapisis, Antonis. Violent Uprooting and Forced Migration: A Demographic Analysis of the Greek Populations of Asia Minor, Pontus and Eastern Thrace // Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50, No. 4. Pp. 622–639. DOI: 10.1080/00263206.2014.901218.
- Luneau E. Climate Change and the Rise and Fall of the Oxus Civilization // L.E. Yang, H.–R. Bork, X. Fang and S. Mischke. Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road. Sham : Springer, 2019. Pp. 275–298.
- Massacre of Distomo // World Heritage Encyclopedia. URL: http://www.worldheritage.org/articles/eng/Massacre_of_Distomo#cite_note-bbc-2 (date of access: 09.05.2019).

Shaw S., Shaw E.K. History of Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II: Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808–1975. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. 518 p.

Topalidis, Sam. The Relocation of Greeks from Pontos // History of the Movement of Pontic Greeks. Preprint. October 2018. 15 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/328347090_History_of_the_Movement_of_Pontic_Greeks (access date: 02.05.20129).

Viktor Sarianidi – Obituary // Telegraph, 10.01.2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/10564751/Viktor-Sarianidi-obituary.html> (date of access: 09.05.2019).

References

80-letie Pavla Mihajlovicha Kozhina [80th Anniversary of Pavel Mikhailovich Kozhin]. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. 2014. №5. Pp. 182–183.

Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii [Essays on the History of the Oguz and the Turkmen of Central Asia]. Ashkhabad : Ylym, 1969. 297 p.

Apulej. Apologiya. Metamorfozy. Floridy [Apology. Metamorphosis. Florids]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1956. 464 p.

Berezkin Yu.E. Kratkij ocherk zhizni i nauchnoj deyatel'nosti V.M. Massona (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 55-letiyu s nachala polevyh arheologicheskikh izyskanij) [A brief Sketch of the Life and Scientific Activities of V.M. Masson (to the 70th anniversary of his Birth and the 55th Anniversary of the Beginning of Field Archaeological Research)]. Vadim Mihajlovich Masson : Biobibliograf. ukaz. [Vadim Masson: Biobibliographic Catalogue] / composed by L.M. Vseviiov. L. : IIMK RAN, 1999. Pp. 3–6.

Buzhilova A.P., Dobrovol'skaya M.V., Mednikova M.B. K yubileyu akademika V.P. Alekseeva [To the Anniversary of Academician V.P. Alekseeva]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2009. №4. Pp. 186–187.

Večer pamyati velikogo greka, legendy mirovoj arheologii V.I. Sarianidi [The Memorial Evening of the Great Greek, the Legend of World Archaeology V.I. Sarianidi] Grecheskij kul'turnyj centr, 01.04.2014 [Greek Cultural Center, 04/01/2014]. URL: http://www.hecucenter.ru/ru/ellin/24_marta_2014_goda_po_inicijative_posolstva_grecii_v_rosii_i_grechskoj_obschestvenosti_v_moskovskom_dome_nacionalnostej_sostoyalsya_večer_posvyaschennyj_pamyati_vsemirno_izvestnogo_arheologa_viktora_ivanovicha_sarianidi.html

Kachuris K.A. Elevsin v bronzovom veke : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Eleusis in the Bronze Age: Synopsis of the Dissertation ... Cand. Hist. Sciences. M., 1963. 17 p.

Kircho L.B. K datirovke Geoksyurskogo kompleksa [On the Dating of the Geoksyursky Complex]. Zapiski IHMK RAN [Notes of the IIMK RAS]. 2017. №16. Pp. 35–51.

Kircho L.B. Namazga [Namazga]. Enciklopediya Vsemirnaya istoriya [World History Encyclopedia]. URL: <https://w.histfr.ru/articles/articles/article/show/namazga> (data obrashcheniya: 06.05.2019).

Kozhin P.M., Dubova N.A. Viktor Ivanovich Sarianidi. Zhizn', tvorcestvo, druž'ya, kollegi [Victor Ivanovich Sarianidi. Life, Work, Friends, Colleagues]. Trudy Margianskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. 6. Pamyati Viktora Ivanovicha Sarianidi / red. N.A. Dubova, E.V. Antonova, P.M. Kozhin, M.F. Kosarev, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin [Proceedings of the Margiansky Archaeological Expedition. V. 6. In Memory of Viktor Ivanovich Sarianidi. Edited by O.N. Dubova, E.V. Antonov, P.M. Kozhin, M.F. Kosarev, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin]. M. : Staryj sad, 2016. Pp. 8–79.

Kokin L. Puteshestviya v pozaproschloe [Journey to the Past]. V poiske istin... [In Search of Truths...]. M. : Politizdat, 1968. Pp. 125–175.

Koshelenko G.A., Munchaev R.M., Gaibov V.A. Arheologiya Afganistana v dni mira i vojny [Archaeology of Afghanistan in the Days of Peace and War]. M. : In-t arheologii RAN, 2014. 164 p.

Kruglikova I.T. Nastennye respisi Dil'berdzhina [Dilberdzhin Wall Paintings]. Drevnyaya Baktriya. Materialy Sovetsko-Afganskoj ekspedicii 1969–1973 gg. / otv. red. I.A. Kruglikova [Ancient Bactria. Materials of the Soviet-Afghan Expedition of 1969–1973. Edited by I.A. Kruglikova]. M. : Nauka, 1976. 192 p.

Lisicyna G.N. Oroshaemoe zemledelie epohi eneolita na yuge Turkmenii [Irrigated Agriculture of the Eneolithic in the South of Turkmenistan]. M. : Nauka, 1965. 168 p.

Lisicyna G.N. Izuchenie Geoksyurskoj orositel'noj seti v 1964 g. [Study of the Geo-Cyur Irrigation Network in 1964]. KSIA. 1966. Vyp. 108 [Issue 108]. Pp. 96–100.

Lisicyna G.N., Masson E.M., Sarianidi V.I., Hlopin I.N. Itogi arheologicheskogo i paleograficheskogo izucheniya Geoksyurskogo oazisa [Results of the Archaeological and Paleographic Study of the Geoksyursky Oasis]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1965. №1. Pp. 9–23.

- Lunin B.V. K 70-letiyu M.E. Massona [To the 70th Anniversary of M.E. Mason]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1969. №2. №2. Pp. 126–129.
- Masimov I.S. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Margiany [History of the Archaeological Study of Margiana]. *Kul'turnye cennosti: Mezhdunarodnyj ezhegodnik: 2004–2006: Central'naya Aziya v proshlom i nastoyashchem / pod red. R.G. Muradova* [Cultural Values: International Yearbook: 2004–2006: Central Asia in the Past and the Present. Edited by R.G. Muradov]. SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2008. Pp. 7–12.
- Masson V.M. Vostochnye paralleli ubejdskoj kul'ture [Eastern Parallels of the Ubeydskaya Culture]. *KSIA*. 1962. Vyp. 91 [Issue 91]. Pp. 3–13.
- Masson V.M. Strana tysyachi gorodov [The Country of Thousands of Cities]. M. : Nauka, 1966. 164 p.
- Masson V.M., Kirpichnikov A.N. Pamyati Igorya Nikolaevicha Hlopina (1930–1994) [In Memory of Igor Nikolaevich Khlopin (1930–1994)]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. 1997. №1. Pp. 238–245.
- Merpert N.Ya. Pamyati Gorislavy Nikolaevny Lisicynoj [In Memory of Gorislav Nikolaevich Lisitsyn]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1984. №2. Pp. 284–285.
- Panarin S.A. V korolevskom Afganistane. Stat'ya-vospominanie [In Royal Afghanistan. Article-Memoirs]. *Dialog so vremenem*. 2018. Vyp. 62 [Dialogue with Time. 2018. Vol. 62]. Pp. 329–362.
- Popov A.A. Greko-Baktrijskoe carstvo [Greco-Bactrian Kingdom]. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2008. 240 p.
- Pugachenkova G. Mihail Evgen'evich Masson – osnovatel' central'noaziatskoj arheologicheskoy shkoly [Mikhail E. Masson – Founder of the Central Asian Archeological School]. *Kumbez*. 1998. №1. URL: http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/content/history/monument/turkestan/r13_masson.htm (data obrashcheniya: 04.05.2019).
- Pushkin A.S. Dva chuvstva divno blizki nam... [Two Feelings are Wonderfully Close to us ...]. *Sobr. soch. v 10 t. T. II. Stihotvoreniya 1824–1836* [Coll. in 10 Volumes. Vol. II. Poems 1824–1836]. M. : Pravda, 1981. Pp. 200.
- Rzhevskij forum. Tema: Kalinkino, sem'ya Parichka [Rzhevsky Forum. Theme: Kalinkino, The Parichka Family]. *Rzhev : Gorodskoj internet-portal* [Rzhev. City Internet portal]. URL: <http://rzev.ru/modules/phpBB2/viewtopic.php?t=1235&lofi=1> (data of address: 02.05.2019).
- Sarianidi V.I. Afganistan v epohu bronzy i rannego zheleza : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Afghanistan in the Period of Bronze and Early Iron: Synopsis of the Dis. ... Dr. Historical Sciences]. M., 1975. 55 p.
- Sarianidi V.I. Afganistan: sokrovishcha bezymyannyh carej [Afghanistan: the Treasures of the Nameless Kings]. M. : Nauka, 1983. 160 p.
- Sarianidi V.I. V poiskah strany Margush [In Search of the Country Margush]. *Priroda* [Nature]. 1976. №9. Pp. 92–103.
- Sarianidi V.I. Drevnie zemledel'cy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoj ekspedicii 1969–1974 gg. [Ancient Farmers of Afghanistan. Materials of the Soviet-Afghan Expedition of 1969–1974]. M. : Nauka, 1977. 172 p.
- Sarianidi V.I. Issledovanie pamyatnikov Dashlinskogo oazisa [Study of the Dashlin Oasis Sites]. *Drevnyaya Baktriya. Materialy Sovetsko-Afganskoj ekspedicii 1969–1973 gg. / otv. red. I.A. Kruglikova* [Ancient Bactria. Materials of the Soviet-Afghan Expedition of 1969–1973. Edited by I.A. Kruglikova]. M. : Nauka, 1976. Pp. 21–86.
- Sarianidi V.I. Keramicheskie pechi gorodishch drevnego Merva [Ceramic Kilns of Ancient Merv Sites]. *Sbornik studencheskih rabot SAGU* [Collected Works of Students from SAGU]. Tashkent : Izd-vo SAGU, 1953. Vyp. V. Issue V. Pp. 82–91.
- Sarianidi V.I. Nekotorye voprosy drevnej arhitektury eneoliticheskikh poselenij Geoksyurskogo oazisa [Some Questions of the Ancient Architecture of the Eneolithic Settlements of the Geoksyursky Oasis]. *KSIA*. 1962. Issue 91. Pp. 22–29.
- Sarianidi V.N. Novyj tip drevnih pogrebal'nyh sooruzhenij Yuzhnoj Turkmenii [A New Type of Ancient Burial Structures in Southern Turkmenistan]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1959. №2. Pp. 235–238.
- Sarianidi V.I. Raskopki v yugo-vostochnyh Karakumah v 1964 g. [Excavations in the Southeastern Karakum Desert in 1964]. *KSIA*. 1966. Issue 108. Pp. 89–95.
- Sarianidi V.I. Raskopki monumental'nyh zdanij na Dashly-3 [Excavations of Monumental Buildings at Dashly-3]. *Materialy Sovetsko-afganskoj arheologicheskoy ekspedicii / otv. red. I.T. Kruglikova* [Materials of the Soviet-Afghan Archaeological Expedition. Edited by I.T. Kruglikova]. M. : Nauka, 1984. Vyp. 3. Issue 3. Pp. 5–33.
- Sarianidi V.I. Hapuz-depe kak pamyatnik epohi bronzy [Hapuz-depe as a Site of the Bronze Age]. *KSIA*. 1964. Issue 98. Pp. 60–65.
- Sarianidi V.I. Eneoliticheskoe poselenie Geoksyur [Eneolithic Settlement of Geoksyur]. *Trudy YuTAKE* [Proceedings of the YTAKE]. Ashkhabad : Izd-vo AN TSSR, 1961. T. X. Vol. X. Pp. 225–318.

Sarianidi V.I., Koshelenko G.A. *Za barhanami – proshloe* [Behind the Dunes is the Past]. М. : Nauka, 1966. 188 p.

Sarianidi V.I., Panarin S.A. Rec. na kn. [Review on the book]: *Investigations at Tal-i-Ibis*. M. Coldwell (Ed.). Springfield: Illinois State Museum Society, 1967 // *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1971. №1. Pp. 274–280.

Stankevich I.L. *Vospominaniya arheologa. Yaroslavl'*: Yaroslavskij gos. un-t im. P.G. Demidova, 2000 [Memories of an Archaeologist. Yaroslavl: Demidov Yaroslavl State University], 2000. 168 p. URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2450> (data obrashcheniya 08.05.2019).

Hlopin I.N. *Geoksyurskaya gruppa poselenij epohi eneolita. Opyt istoricheskogo analiza* [Geoksyurskaya Group of Settlements of the Eneolithic. Experience of Historical Analysis] М. ; L. : Nauka, 1964. 172 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. CHislennost' gorodskogo naseleniya soyuznyh respublik (krome RSFSR), ih territorial'nyh edinic, gorodskih poselenij i gorodskih rajonov po polu [1959 All-Union Population Census. The Urban Population of the Union Republics (except for the RSFSR), their Territorial Units, Urban Settlements and Urban Areas by Gemder]. Demoscope.ru. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (data of address: 10.05.2019).

DAFA Délégation archéologique française en Afghanistan. URL: <http://www.dafa.org.af> (access date: 16.08.2016).

Gerolymatos A. Εμφύλιος – Ελλάδα 1943–1949, ένας διεθνής πόλεμος. Διόπτρα, 2018. 448 σ.

Klapisis, Antonis. *Violent Uprooting and Forced Migration: A Demographic Analysis of the Greek Populations of Asia Minor, Pontus and Eastern Thrace* // *Middle Eastern Studies*. 2014. Vol. 50, No. 4. Pp. 622–639. DOI: 10.1080/00263206.2014.901218.

Luneau E. *Climate Change and the Rise and Fall of the Oxus Civilization* // L.E. Yang, H.-R. Bork, X. Fang and S. Mischke. *Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road*. Sham : Springer, 2019. Pp. 275–298.

Massacre of Distomo // *World Heritage Encyclopedia*. URL: http://www.worldheritage.org/articles/eng/Massacre_of_Distomo#cite_note-bbc-2 (date of access: 09.05.2019).

Shaw S., Shaw E.K. *History of Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. II: Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808–1975. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. 518 p.

Topalidis, Sam. *The Relocation of Greeks from Pontos* // *History of the Movement of Pontic Greeks*. Preprint. October 2018. 15 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/328347090_History_of_the_Movement_of_Pontic_Greeks (access date: 02.05.2019).

Viktor Sarianidi – Obituary // *Telegraph*, 10.01.2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/10564751/Viktor-Sarianidi-obituary.html> (date of access: 09.05.2019).

Sergei A. Panarin

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

VIKTOR SARIANIDI: LIFE AS A SEARCH (article-memoirs about the great archaeologist)

Having excavated the so-called gold of Bactria, Viktor Ivanovich Sarianidi became the author of the largest archeological sensation of the 2nd half of the 20th century. Moreover, he was the discoverer of an entire regional civilization – the “Oxus civilization”, or the Bactrian-Margian archaeological complex. At one time, the author was fortunate enough to spend several field seasons with him in one detachment, one expeditionary camp. Two of them are described in the proposed text, combining the characteristics of a scientific article and memoir genre. This is the final season of work on the Eneolithic Site Geoksyur-1 in Turkmenistan and excavations at the site of the Bronze Age Dashly-1 and Dashly-3 in Northern Afghanistan. In both cases, the reader is offered, firstly, a brief description of these sites, and secondly, their interpretation, compiled primarily on the works of V.I. Sarianidi, thirdly, the author’s memories, with the help of which small additions are made to the descriptions and interpretation. However, the memories basically concern the impressions and episodes that happened during the excavations which allow the readers to see V.I. Sarianidi as a bright personality, as a person whose whole life was a creative scientific search.

Key words: Viktor Ivanovich Sarianidi, Turkmenistan, Northern Afghanistan, Geoksyur oasis, Dashly oasis, devotion to archaeology, life as a search.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АО – Археологические открытия.
АУ РА «АКИН РА» – Автономное учреждение Республики Алтай «Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай».
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.
ВолГУ – Волгоградский государственный университет.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИМКЭС СО РАН – Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН.
КГПИ (КемГУ) – Кемеровский государственный педагогический институт (университет).
КГУ – Карагандинский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
ЛАИ КГУ – лаборатория археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсьнова.
МГУ – Московский государственный университет.
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.
МЭ – Материалы по этнографии.
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан.
НВП – начальный верхний палеолит.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
ППК – пластинки с притупленным краем.
РАН – Российская академия наук.
РНФ – Российский научный фонд.
СА – Советская археология.
САГУ – Среднеазиатский государственный университет.
САИ – Свод археологических источников.
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГСПА – Тобольская государственная социально-педагогическая академия.
ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет.
ТюмГУ – Тюменский государственный университет.
ТюмНЦ – Тюменский научный центр.
УАВ – Уфимский археологический вестник.
УрО – Уральское отделение.
ЦИК – Центральный исполнительный комитет.
ЦКП – Центр коллективного пользования.
ЧелГУ – Челябинский государственный университет.
ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аношко Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФИЦ «Тюменский научный центр СО РАН»; 625000, Тюмень, а/я 1230; oKанoshko@yandex.ru

Anoshko Oksana Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Center of Siberian Branch RAS; 625000, Tyumen, PO Box 1230; oKанoshko@yandex.ru

Байбердина (Тялягина) Мария Александровна, преподаватель техникума информационных технологий, экономики и права Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; 650992, Кемерово, ул. Космическая, 6а; talyagina.maria@yandex.ru

Bayberdina (Talyagina) Maria Alexandrovna, Teacher, College of Information Technologies, Economics and Law, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics; 650992, Kemerovo, Cosmicheskaya str., 6a; talyagina.maria@yandex.ru

Бычков Дмитрий Александрович, инженер-исследователь отдела спасательных археологических работ Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; bda.nsk@yandex.ru

Buchkov Dmitry Alexandrovich, Research Engineer, Rescue Archaeological Work Department, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; bda.nsk@yandex.ru

Головченко Николай Николаевич, старший преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета; 656037, Барнаул, пр. Ленина, 142, кв. 1; nikolai.golowchenko@yandex.ru

Golovchenko Nikolay Nikolayevich, Senior Lecturer, Department of Russian History, Altai State Pedagogical University; 656037, Barnaul, Lenin av., 142, apt. 1; nikolai.golowchenko@yandex.ru

Давыдов Роман Вячеславович, инженер-исследователь лаборатории палеотехнологий Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова 1; puer-viro@mail.ru

Davydov Roman Vyacheslavovich, Research Engineer, Paleotechnology Laboratory, Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, Pirogova str., 1; puer-viro@mail.ru

Елихина Юлия Игоревна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34; доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; julia-elikhina@yandex.ru

Yelikhina Yulia Igorevna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Department of Oriental Studies of the State Hermitage Museum; 190000, St. Petersburg, Palace embankment., 34; Associate Professor, Department of Mongolian Studies and Tibetology, Oriental Department, St. Petersburg State University; julia-elikhina@yandex.ru

Загваздин Евгений Петрович, младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН; 626152, Тобольск, ул. им. ак. Юрия Осипова, 15; kulay_arx@mail.ru

Zagvazdin Evgeny Petrovich, Junior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 626152, Tobolsk, ac. Yuri Osipov str., 15; kulay_arx@mail.ru

Иванова Дарья Александровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; nightliro@bk.ru

Ivanova Daria Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva 17 av., nightliro@bk.ru

Клименко Александр Иванович, доцент, заведующий кафедрой, доцент Тюменского индустриального университета (ТИУ) (Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS); 625000, Тюмень, ул. Володарского, 38; archklim@mail.ru

Klimenko Alexander Ivanovich, Associate Professor, Head of Department, Reader, Professor of Tyumen Industrial University (TIU) (Tyumen Scientific Center of Siberian Branch RAS); 625000, Tyumen, Volodarsky str., 38; archklim@mail.ru

Ковалев Василий Сергеевич, старший лаборант Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; vasilij.s.kovalev@gmail.ru

Kovalev Vasily Sergeevich, Senior Laboratory Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; vasilij.s.kovalev@gmail.ru

Ковтун Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН; 650000, Кемерово, пр. Советский, 18; ivkovtun@mail.ru

Kovtun Igor V., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher, the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 650000, Kemerovo, Sovetsky av., 18; ivkovtun@mail.ru

Колобова Ксения Анатольевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; kolobovak@yandex.ru

Kolobova Ksenia Anatolyevna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; kolobovak@yandex.ru

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; shapkin@archaeology.nsc.ru

Krivoshapkin Andrey Innokentievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; shapkin@archaeology.nsc.ru

Ломан Валерий Григорьевич, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; lvg7@yandex.ru

Loman Valery G., Candidate of Historical Sciences, Director, Saryarkinsky Archaeological Institute at Buketov Karaganda State University; 100028, Kazakhstan, Karaganda, Universitetskaya str, 28; lvg7@yandex.ru

Марченко Дарья Валерьевна, младший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; dasha-smychagina@yandex.ru

Marchenko Daria Valerievna, Junior Researcher, Stone Age Archaeology Department, Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; dasha-smychagina@yandex.ru

Ненахов Дмитрий Алексеевич, инженер-исследователь отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; nenahoffsurgut@mail.ru

Nenakhov Dmitry Alekseevich, Research Engineer, Paleometal Archaeology Department, Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; nenaxoffsurgut@mail.ru

Панарин Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН; 107031, Москва, ул. Рождественка, 12/1, стр. 1; sergpanar@mail.ru

Panarin Sergei Alexeevich, Head of the Department for the Study of Common Problems of the Contemporary East, Institute of Oriental Studies, RAS; 107031, Moscow, Rozhdestvenka str., 12/1, build. 1; sergpanar@mail.ru

Рыбин Евгений Павладьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; ryber@yandex.ru

Rybin Evgeny Pavladevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Stone Age Archaeology Department, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; ryber@yandex.ru

Сейтов Абай Мейрамович, магистр истории, научный сотрудник лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсьнова, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; 111101, Республика Казахстан, Костанайская область, Костанайский район, с. Александровка, ул. Иноземцева, д. 19; sajrim@mail.ru

Seitov Abay Meiramovich, Master of History, Researcher, the Laboratory of Archaeological Research, Baitursynov Kostanai State University, Margulan Institute of Archaeology; 111101, Republic of Kazakhstan, Kostanay Region, Kostanay District, Alexandrovka vilage, Inozemtseva str., 19; sajrim@mail.ru

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; olmec@yandex.ru

Tabarev Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; olmec@yandex.ru

Хаценович Арина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; archeomongolia@gmail.com

Khatsenovich Arina Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; archeomongolia@gmail.com

Чистяков Павел Вячеславович, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; pavelchist@gmail.com

Chistyakov Pavel Vyacheslavovich, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; pavelchist@gmail.com

Шалагина Алена Владимировна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; aliona.shalagina@yandex.ru

Shalagina Alena Vladimirovna, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS; 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva av., 17; aliona.shalagina@yandex.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№3 (27) • 2019

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Россинская

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Цена свободная

Подписано в печать 10.09.2019. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 15,6. Тираж 500 экз. Заказ 432.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 16.09.2019.